

X29_СТИВЕН РАНСИМЕН

1263

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

ЕВРАЗИЯ

S. RUNCIMAN

A HISTORY
OF THE FIRST
BULGARIAN
EMPIRE

London,
G. Bell & Sons Ltd.
1930

С. РАНСИМЕН

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

Санкт-Петербург

ЕВРАЗИЯ

2009

ББК 63.3(4Бл)4
УДК 94(497.2)
Р22

Научный редактор:
к. и. н. *Карачинский А. Ю.*

Рансимен С.

Р22 История Первого Болгарского царства / Пер. с англ.
Н. В. Ереминой. — СПб.: Евразия, 2009. — 384 с.
ISBN 978-5-8071-0332-1

В настоящем издании мы представляем принадлежащий перу известного ученого — Стивена Рансимена очерк истории Первого Болгарского царства — государства, существовавшего на Балканском полуострове с конца VII до начала XI вв. Своим возникновением одно из первых славянских государств обязано тюркоязычным протоболгарским племенам, переселившимся на Балканы под давлением Хазарского каганата. Их смешение с коренным славянским населением и привело к возникновению этноса, за которым закрепилось название — «болгары». На всем протяжении своей истории болгары с переменным успехом вели непрерывные войны с Византией, Аварским каганатом и различными славянскими племенами. Период наивысшего расцвета Первого Болгарского царства ознаменован не только территориальным расширением и государственной мощью, но и высоким уровнем культурных достижений. Именно здесь была создана славянская письменность и заложены основы славянской литературы. Яркий образный язык и увлекательная манера повествования, позволяет рекомендовать книгу не только специалистам историкам, но и широкому кругу отечественных читателей.

**ББК 63.3(4Бл)4
УДК 94(497.2)**

ISBN 978-5-8071-0332-1

© Еремина Н. В., перевод с английского, 2008
© Лосев П. П., оформление, 2009
© Евразия, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

На Балканском полуострове история о минувших днях долго живет в памяти людей. Века турецкого господства прошли, как одна ночь, а предшествующие столетия сохранили свои былые страсти, словно они произошли только вчера. На этой земле, где постоянно смешивались племена, где границы редко оставались естественно очерченными и при этом никогда не были постоянными, дух соперничества и горечь поражений неизбежно пропитывали международную политику и сообщения о ней авторов прошедших столетий. Вслед за ними и балканские историки восприняли этот дух. Все они, слишком хорошо сознавая о той поддержке, которую добрая история может оказать их странам, не могли удержаться от некоторого приукрашивания, изображения истории в благоприятном для них свете. Это вполне естественно, но представляется все же ошибочной политикой. Она не только часто нарушает свои же цели — как, например, в том случае, когда славянские писатели в унисон пишут с презрением о Восточной Римской империи, поскольку та представляла в основном греческий элемент, забывая, что принижение собственных врагов является наименее эффективным путем для возвеличивания самого себя. Но кроме того, Болгарии пришлось долго ждать, с тех пор как она прекратила независимое существование, достижения своих целей за рубежом. Если сравнить ситуацию с Западной Европой, где национальное

соперничество было менее острым, и поэтому изучение прошлого освободилось самостоятельно от излишнего патриотизма, слова балканских историков более не представляются убедительными.

Жаль, так как есть много событий в балканской истории интересных и достаточно важных, заслуживающих изучения. Но лишь малая их часть была записана удовлетворительно, в то время как Западная Европа считала, что ничего важного и достойного упоминания в Восточной Европе не происходило вплоть до появления так называемого восточного вопроса в XVIII веке. Таким образом, время Первого Болгарского царства осталось туманным и плохо известным периодом, а само имя его было удивительно для большинства западных ушей. Но тем не менее история Болгарии заслуживает внимания, не только по причине ее значимой роли, которую она сыграла в истории Европы, но также из-за собственных характерных особенностей и тех великих мужей, которые являлись ее правителями. Именно в надежде обратиться на них какое-то внимание я и взялся за написание этой книги. Следуя правилу, гласящему, что историк не должен вмешиваться в современную политику, я ограничился реконструкцией событий Первого Болгарского царства. При этом, если его история вызовет некоторый интерес и симпатию к современной Болгарии, которая является его наследницей, я буду очень рад, так как это тот результат к которому, как я думаю, оправданно стремиться любой историк.

Изучение Первого Болгарского царства представляет одну огромную трудность для историков. Мы знаем его историю почти всецело из внешних источников. Кроме ценного, но ограниченно датированного списка ранних монархов, некоторых жизнеописаний святых и нескольких надписей, большинство из которых были найдены совсем недавно, мы владеем только свидетельствами, со-

ставленными хронистами Восточной Римской империи и редкими случайными сообщениями из Западной Европы. Я, главным образом, использую оригинальные источники; но вместе с тем необходимо помнить, что в данной информации есть неизбежные лакуны, особенно в отношении внутренней истории Болгарии и ее границ, располагавшихся вдали от цивилизованного мира. Такие лакуны представляют прекрасную игровую площадку для шовинистов, на которой их воображение может сильно разыграться; но серьезного историка подобные лакуны обескураживают, заставляют его опасаться делать окончательные выводы или даже признать свое невежество, что совсем неприятно для его уязвленного самолюбия. Возможно, что чем больше свидетельств появится, тем больше надписей может быть обнаружено, которые смогут пролить свет на многое; однако это только пугает историка, так как он никогда не может надеяться на то, что скажет последнее слово в изучении ранней болгарской истории.

Именно поэтому лишь некоторые историки пытались исследовать историю Первого царства. В Западной Европе его рассматривали только в одной или двух главах в сочинениях, посвященных истории Балкан или Болгарии; самая важная из них — это книга Иричека «История болгар», прекрасный труд для своего времени, но уже устаревший сейчас. Другие исследования представляют меньшую ценность. В Англии, однако, также рассматривается данный вопрос, но только в одной главе, которая хоть и хорошо написана, но поверхностна, в «Cambridge Medieval History» (том IV). Только в трудах, исследующих различные периоды истории Константинополя, ранняя Болгария заслужила внимательное отношение со стороны западных авторов, но и тогда лишь, когда о ней нельзя было не упомянуть. Однако некоторые из этих работ представляют большую важность,

как, например, «История Восточной Римской империи, 802–867 года» Бури (его книга «Поздняя Римская империя, 395–800 года» слишком устарела, чтобы ее можно было сегодня использовать), работа Рембо «Греческая империя в X в.» и великолепные монографии Шлюмберже об императорах позднего македонского периода. Деятельность Кирилла и Мефодия представлена в большом количестве исследований, посвященных в основном Болгарии и, что особенно примечательно, различным религиозным предрассудкам. Самой сдержанной из данных книг является замечательная монография Дворника «Славяне, Византия и Рим». Кроме того, некоторые авторы, такие как Бури, Иричек, Маркварт и другие, написали разнообразные статьи и монографии по различным вопросам болгарской истории; я привожу их в своей библиографии и иногда в сносках. Также я сам в книге «Император Роман Лакапин» дал детальный отчет о поздних войнах Симеона.

Однако только тогда, когда мы знакомимся с исследованиями славянских авторов, мы обнаруживаем надлежащий интерес к ранней болгарской истории. В течение некоторого периода времени русские историки — такие как Полозов, Дринов, Голубинский, Успенский и Василевский — написали работы по различным аспектам и периодам ранней болгарской истории, провели раскопки и обнаружили надписи, представляющие большую ценность. В недавнее время болгары сами обратились к изучению своей истории. В особенности здесь я должен упомянуть историка Иванова, книге которого о богемильской литературе я глубоко обязан, и самого авторитетного из всех историков по ранней истории Болгарии профессора Златарского. Златарский, помимо того, что написал много полезных небольших статей и монографий, является единственным исследователем, который попытался создать полную историю страны

в данный период времени; великая история его собственной страны была доведена автором, в двух толстых томах, до конца Первого царства. Эта работа, которой присущи обширность представленных знаний и мастерство исследователя, абсолютно необходима любому студенту, изучающему раннюю болгарскую историю¹. Я осмелился не согласиться с профессором Златарским по некоторым вопросам и интерпретациям событий; но его произведения, вместе с той личной помощью, которую он мне оказал, делают меня весьма ему обязанным.

Метод транслитерации, который я использую в данной книге, необходимо объяснить отдельно. Что касается греческих имен собственных, я принял традиционную латинскую транслитерацию; с кириллицей возникли большие трудности. Я не пытался изменить формы слов, которые осеяны временем и хорошо всем известны. Так, я скорее напишу «Sofia» нежели «Sofiya»; в то время как для передачи остальных славянских названий я следую, с некоторыми изменениями, правилам, одобренным Британской Академией², нежели европейскими славистами, чьи декоративные добавления к обычным буквам выглядят непривычно для английских читателей, а употребление некоторые букв, например «с» для «ts», определенно могут привести к ошибке. Имена собственные представляют еще одну сложность. При всем моем уважении к людям, чьи славянские христианские имена имеют английские эквиваленты, я предпочитал использовать данные эквиваленты. С моей стороны было бы педантизмом писать «Tsar Petr» или «Empress Aecaterina» или даже «Pope Johannes». Но многие из болгарских имен собственных известны нам только в основном через греческие версии. Там, где мне были даны рекомендации, как представлять имена ранних ханов из «Старого болгарского именинника», я следовал такому руководству, за исключением того, что я предпочел использовать

греческую форму имени Аспарух, нежели Исперик³. Когда «Именинник» заканчивается, возникают трудности. Редкие надписи помогают составить представление об имени; но я в основном руководствовался правилом, по которому использовал оригинальные болгарские или славянские имена, когда это представлялось очевидным, но в сомнительных случаях, обращался к транслитерации греческих названий⁴. Я принял то же правило в отношении славянских названий местности. С императорскими географическими названиями я, за очевидными исключениями, такими как Адрианополь, транслитерировал греческую форму, использовавшуюся в то время. Однако один раз я умышленно не последовал своему правилу; в частях книги, посвященных ранней истории Болгарии, я называю город, известный теперь как София, его императорским именем, Сардика; но по прошествии IX века я описываю его уже как Софию. В действительности в X и XI вв. он был известен в Греции как Триадица, или, по-славянски, как Средеца; но так как данное название не сохранилось, я посчитал сомнительным его использовать.

Я провел различие между словами «булгарин» и «болгарин». Первое имя я использовал в качестве обозначения племен гуннских захватчиков, которые сформировали ядро Болгарии, второе — чтобы представить нацию, составленную из сплава болгарских и славянских племен. Термины «империя», «император» или «императорский» относятся к Восточной Римской империи, которая всем ошибочно известна под именем Византия⁵. Для современного мира эта империя была обычной империей, а император — василевсом, который правил в Константинополе, в любом случае, ситуация не изменилась после появления соперничающих императоров в Германии.

Я привожу краткое описание оригинальных источников в Приложении 1 с добавлением в конце тома полной библиографии. Постраничные указания в сносках текста относятся к изданиям, которые я там дал.

В заключении я хотел бы тепло поблагодарить моих болгарских друзей, которые оказали мне большую помощь не только во время посещения Болгарии, но также за предоставленные мне карты. Единственное мое сожаление заключается только в том, что я не смог лично увидеть превосходные примеры старой болгарской архитектуры в Преспе и Охриде, находящихся сейчас под югославским управлением^а. Я также хочу поблагодарить мисс К. Ф. Форбс за ее помощь над корректурой книги.

---

^а Книга писалась в конце 1920-х гг. Ныне город Охрид, бывшая столица Западно-Болгарского царства, находится в Македонии, а болгарская крепость и церковь Св. Ахиллеса на о. Агиос озера Малая Преспа — в Греции. — *Примеч. ред.*

КНИГА I

ДЕТИ ГУННОВ

ГЛАВА I. ПЯТЬ СЫНОВЕЙ ЦАРЯ КУВРАТА

Некогда, когда императором Византии был Константин, на берегах Азовского моря жил царь по имени Куврат. В урочное время он умер, оставив пять сыновей, которых просил жить в мире и согласии. Но братья вскоре поссорились, как это часто происходит с принцами, и, разделив наследство и народ между собой, отправились каждый своим путем. В родных местах остался только старший брат, Баян; второй брат, Котраг, двигаясь в северном направлении, пересек Дон и осел на его дальнем берегу. Четвертый ушел далеко на запад и, перейдя Дунай, прибыл в Паннонию, где подпал под власть авар. Самый младший брат отправился еще дальше и окончил жизнь в Пятиградье Равенны. А третий — Аспарух — пересек Днепр, Днестр и поселился на берегах Нижнего Дуная.

Там он обитал со своим народом, пока император Константин, раздраженный присутствием варваров на самих границах империи, не решил уничтожить их. Императорская армия двинулась к Дунаю и вторглась в дикие земли, где в своих крепостцах в страхе прятались орды Аспаруха. Но императорская пехота была измотана переходом, поэтому император решил отступить, оставив войска в Месемврии. Варварские лазутчики узнали об этом и, когда император удалился, вышли из своих ук-

реплений и напали. Императорские войска оказались без руководства и, полагая, что их император бежал, также обратились в бегство. Почти наступая им на пятки, варвары перешли Дунай и оказались в провинции Мизия. Земля понравилась Аспаруху и его народу. Они победили, а так как император не смог изгнать их, остались на землях, которые в наши дни населяют их потомки.

Несмотря на сказочный сюжет, данное повествование, составленное греческими хронистами¹, в целом можно считать истинным описанием появления булгар на территории современной Болгарии. Однако это соприкосновение Империи с болгарскими племенами явилось далеко не первым. С прошлым царства Куврата, так называемой «Старой Великой Булгарии» (хотя в действительности ее величие было установлено совсем недавно), константинопольские историки были знакомы частично. Таким образом, мы будем двигаться сквозь толщу времен, исследуя давние набеги булгар на цивилизацию, всматриваясь во мглу, висящую над Степями, чтобы найти ответ, в состоянии ли мы раскрыть загадку происхождения булгар, которые в конце концов, прибыв в VII столетии на беспокойные Балканы, на долгое время дестабилизировали ситуацию в данном регионе.

Гунны, наводнившие Европу, стали героями популярной истории. Но откуда они пришли? Куда ушли? Эти вопросы остаются без ответа. Ряд исследователей полагает, что гунны являлись представителями народности хун-ну, наводившей ужас на Китай; однако готы, которые были осведомлены о гуннах лучше всех, иначе описывали их происхождение. Они рассказывали о злых колдуньях, изгнанных Филимером Готом из скифского королевства, которые в своих блужданиях спутались со злыми духами пустыни, и от этого дикого союза были рождены гунны². Миграция гуннов столь же окутана тайной,

как и их прибытие в Европу. Не так давно европейские страны были охвачены волной милитаризма, и грозная родословная гуннов стала предметом гордости агрессивных наций, называвших Аттилу своим братом, если не дедушкой. Однако среди всех народов, заявляющих о родстве с гуннами, болгарские притязания представляются наиболее справедливыми; кровь Бича Божьего течет теперь в долинах Балкан, растворенная временем и пастушескими славянскими племенами.

Во времена гуннских походов империя оставалась все еще единственным цивилизованным государством Европы; и поэтому за ответами на свои вопросы необходимо обратиться к византийским авторам. Однако они не могут сообщить нам многого: Степь бурлила и оставалась для всех загадкой, так что историки не имели ясно-го представления о ситуации. Они пытались найти истоки происхождения того или иного племени, но часто шли по более легкому пути, отказываясь от своих целей, и, поглощенные самим повествованием, относили каждое новое племя к скифам или киммерийцам. Тем не менее с течением времени появились некоторые факты. После смерти Аттилы его империя распалась, подвластный ему народ, который являлся лишь смешением родственных племен, объединенных вождем, вновь разделился на отдельные племена; и каждое пошло своим собственным путем. Одному из этих племен вскоре предстояло стать известным под именем болгар.

В 482 г., приблизительно тридцать лет спустя после смерти Аттилы, мы впервые встречаем в источниках упоминание о булгарах. Император Зинон, который вел борьбу против готов и двух Теодорихов, посчитал необходимым призвать на помощь болгар, племя, жившее, очевидно, к северо-востоку от Дуная³. Данный инцидент показал булгарам, что они могут использовать империю в своих интересах; в течение следующих лет они совер-

шили несколько успешных набегов на Балканы в 493, 499, и 502 гг.⁴. Они также вмешались в дела Теодориха Великого. В 504 году булгары объединились против него с гепидами⁵. Однако в 505 г., когда предводитель отряда по имени Мунд (родственник Аттилы, но, по некоторым сведениям, гет или гепид) был атакован в Маргуме (слияние Моравы и Дуная) «греками» (императорскими отрядами), военачальник Теодориха, Питца, пришел к нему на помощь; греки, в свою очередь, обратились за поддержкой к булгарам, и тогда булгары потерпели свое первое поражение⁶.

В 514 г. мятежник Виталиан использовал булгар в своем выступлении против императора Анастасия⁷. В 535 г. они вошли в Мизию; в 538 г. большие отряды булгар во главе с двумя вождями вторглись на Балканы и достигли успеха, побеждая и захватывая в плен различных императорских военачальников, включая крещеного гунна по имени Акум⁸. В следующем году Мунд вновь занял высокое положение: теперь он управлял Сирмием, и поскольку его прежний покровитель Теодорих умер, стал подданным императора Юстиниана. Он оказался полезным помощником для императора, так как нанес столь значительное поражение булгарским грабителям, что ни один гунн более не смел переправиться через Дунай⁹. Поэтому у нас нет информации о положении булгар в течение некоторого времени.

В действительности булгары, о которых мы говорили, были народом не самым значительным, кочевниками побочной ветви больших народов, населявших территории на востоке. На эти народы наше внимание обращают историки дней Юстиниана, в период мира и порядка.

Согласно Прокопию Кесарийскому, в районах к востоку от Азовского моря и к северу от Кавказа когда-то жила народность гуннов или киммерийцев. Вождь этих гуннов имел двух сыновей, Кутургура и Утургура. После

его смерти они разделили между собой свой народ, и Кутургур отправился на поиски и завоевание новых земель. Он захватил земли тетракситских готов Таманского полуострова, крымских готов, и других племен, которые жили на северном берегу Черного моря, и сделал их своей базой, с которой гунны совершали дальнейшие набеги. Утургур, тем не менее, остался властвовать на своей родине¹⁰. Имена князей, давших название своим племенам, вероятно, появились в результате стремления Прокопия к упрощению; однако в VI столетии действительно существовали два близкородственных гуннских племени булгарской ветви¹¹, жившие на обоих берегах Азовского моря: котригуры на западе и утигуры на востоке; и дипломаты в Константинополе были вынуждены обратить на них свое внимание.

В степи проживало несколько гуннских племен, с которыми империя поддерживала деловые отношения, например сабиры (севрюки), чья правительница, неукротимая вдова по имени Боа, искала союза с византийским императором¹², ултизуры и буругунды, близкие родственники котригуров и утигуров, которых Агафий упоминает лишь для того, чтобы сообщить об их гибели¹³; а также сарагуры, уроги и оногуры, павшие под растущей мощью сабиров¹⁴. Но возможно, исключая сабиров, только котригуры и утигуры, по-видимому, обладали огромной силой и эффективной организацией.

В 528 г. крымскими готами правил король по имени Грод — Феофан облагодзвучил его имя, назвав короля Гордием, а Иоанн Антиохийский даже более мелодично, Гордианом, — который прибыл в Константинополь, чтобы принять христианство. Крымские готы, вероятно, являлись киммерийскими гуннами, о которых писал Прокопий, то есть котригурами, жившими на землях крымских готов и являвшимися христианами. Грод, безусловно, обладал некоторой силой; его помощи уже искал

император для защиты иберов против персов. Однако императорские дипломаты перехитрили сами себя: столь ранняя христианизация оказалась неудачной. Когда Грод вернулся домой, решительно настроенный уничтожить идолов своего народа, сделанных из серебра и янтаря, народ восстал и убил его, посадив на престол брата прежнего правителя Мугела. Мугел в такой ситуации предпочел остаться язычником¹⁵.

Тем временем мощь Котригура росла. Тетракситские готы, сокрушенные котригурами, оставались под покровительством Утригура. Они были христианами и в 548 г. отправили в Константинополь послов, чтобы просить о новом епископе, но в действительности для того, чтобы описать тревожную ситуацию в степях¹⁶. Их предупреждения оказались оправданны: в 551 г. двенадцать тысяч котригуров во главе с Хинуалом, подстрекаемые гепидами, захватили и разорили Балканы. Император Юстиниан, осведомленный об этом благодаря информации тетракситов, поспешно отправил посольство и подарки Сандилху, хану утигур, чтобы убедить его напасть на котригур с тыла. Сандилх был рад выполнить просьбу императора и исполнил ее даже слишком основательно. После этого Юстиниан, со всей тонкостью византийской дипломатии, сообщил котригурам о нападении на их дома и дал им деньги, чтобы они ушли, при этом император даже предложил им поселиться в пределах императорских владений, если они окажутся лишенными всего своего имущества по возвращении домой. Котригуры в тревоге отступили; и вскоре две тысячи из них под руководством вождя Синниона, который одно время служил под началом Велизария, возвратились в империю и были поселены во Фракии. Сандилх был раздражен столь изменчивой политикой императора и послал длинный протест — на словах — через послов, поскольку гунны не умели писать. Но Юстиниан проигнорировал

жалобы и просто продолжил высылать утигурам ежегодную дань¹⁷.

Вскоре после тревожных событий наступила короткая передышка; но котригуры были неисправимы. В 558 г. они снова отправились в поход, собрав даже большую силу, которую возглавил король Заберган. Армии котригуров разделились на три части: одна захватила Грецию, другая напала на фракийский Херсонес, а последняя, самая большая, во главе с самим Заберганом проложила себе путь через Длинные Стены к самым предместьям Константинополя. Император был неподдельно встревожен таким поворотом событий и вызвал престарелого Велизария, на которого была возложена миссия вновь спасти империю. Стратегия, примененная великим военачальником, оказалась успешной, ему удалось перехитрить и разбить котригуров: в то время как их первую армию задержали неприступные Фермопилы, вторая армия потерпела поражение от племянника императора Германия при вступлении в Херсонес. Тем временем император снова отправил послов к утигурам. Опасаясь, как бы они не стали проявлять излишнюю осторожность, испытав печальные последствия своего первого опыта союза с империей, он заявил им, что котригуры захватили деньги, предназначенные в том году для них; более того, он мог сам вернуть их, но предпочел проверить их дружбу, оставив на усмотрение утигуров, как поступить. Сандилх был впечатлен данным аргументом и пожелал получить свои деньги; вскоре поэтому котригуры и утигуры развязали междоусобную борьбу, которая всецело занимала их внимание до того, как в степи появился новый фактор, бесцеремонно заставивший замолчать оба племени¹⁸.

В начале VI столетия народ, известный среди государств Дальнего Востока как жень-жень, жунь-жунь или жужани, доминировал среди населения Туркестана. Со

временем тюрки, уставшие от притеснений, вступили в борьбу; испытав ряд потрясений, жужани покинули Туркестан, отправясь на поиски новых миров и побед на Западе. Там они приобрели новое имя и, уже известные всем как авары, оставили свой мрачный след в истории Европы¹⁹. Степные гунны стояли прямо поперек их дороги. Но ничто не могло противостоять аварам и Кандиху, их кагану. Утигуры были разбиты, сабиры уничтожены, котригуры порабощены, а сами авары прошли еще дальше, вселяя панику среди славян, которые мирно заселяли Балканы, и сокрушая антов, самых храбрых из всех славянских племен. Таким образом, авары вошли глубоко в Европу и занимались теперь тем, что совершали набеги на Германию и атаковали стены Константинополя. В 562 г. Кандиху наследовал Баян, который, видимо, организовал и упорядочил обширную Аварскую Империю, простиравшуюся от Дона до середины Дуная. Среди подавляемых ими народов наибольшим страданиям подверглись котригуры²⁰. Тем временем тюрки, желая подражать своим бывшим владетелям, также двинулись на запад в поисках побед. Ослабленные утигуры не смогли оказать им никакого сопротивления; в 568 г. они подпали под власть тюрков — и именно тогда болгары впервые ощутили горький вкус своей будущей судьбы²¹. Таким образом, на сцене, представляющей котригуров, порабощенных аварами, и утигуров, порабощенных тюрками, опускается занавес, возвещая о завершении первого акта болгарской истории.

Когда занавес поднимается вновь, сцена предстает совершенно иной. На ней присутствует Куврат, царь Старой Великой Булгарии.

Мы говорим об истории болгар только с того времени, когда они вошли в соприкосновение с императорской историей. Это неизбежный недостаток; так как сама империя находилась на том уровне развития, на котором

оказалось возможным создание обширной письменной истории. Но есть еще одно важное свидетельство, которое необходимо обсудить; болгары, поселившиеся на территории современной Болгарии, создали в VIII столетии Именинник всех своих предыдущих правителей, указав даты их правления — документ, который оказался неизвестен историкам империи. К сожалению, болгары писали даты на своем старом, уже мертвом к тому времени языке, и тем самым предоставили своим потомкам ломать голову над бесчисленными загадками, филологическими и математическими; и лишь совсем недавно новое свидетельство позволило историкам прийти к удовлетворительным заключениям в отношении данного документа²².

Четвертым в «Имениннике» мы встречаем имя кагана Курта, который правил с 584 по 642 гг. Имя и дата позволяют представить его как Куврата или Кровата, короля Старой Великой Булгарии, царя болгар и родственников им котрагиев. О родословной Куврата императорские историки ничего не сообщают; но «Именинник» указывает, что он происходил из семьи Дуло. Два его предшественника также принадлежали этому семейству, хотя третий, которому он непосредственно наследовал, был родом из дома Эрми.

Первым упомянутым правителем в «Имениннике» стоит Авитокл из дома Дуло, который правил в течение знаменательного периода трех столетий, с 146 по 437 г. Его преемник, Ирник, не прожил столь долгую жизнь — его достижением оказалось лишь столетие с половиной (437–582 гг.). Следующим стал Гостум из семейства Эрми, который правил только семнадцать месяцев (582–584 гг.). Итак мы приближаемся к Курту, долгожителю, как и его предки из дома Дуло, правившему в течение шестидесяти лет (584–642 гг.).

Имя Авитокол кажется бессмысленным, по крайней мере, если мы не станем учитывать то, что к VII столетию христианские, еврейские и даже мусульманские миссионеры распространяли Старый Завет по всей Степи. Тюрки усовершенствовали Священное писание и проповедовали более позднюю историю Яфета (Иафета), чей старший сын и наследник назывался Тюрком и Яфетом — Оглани (сыном Яфета). Имя Яфет легко трансформируется в имя Авит, что означает «предок». Таким образом, возможно, Авитокол, предок первого царского дома Болгарии, был никем иным, как внуком самого Ноя. Конечно, ни один из членов августейшего семейства библейского патриарха не мог что-либо вспомнить о его правлении, которое длилось лишь три сотни лет²³.

Происхождение Ирника было менее святым. Напротив, его отца называли Бичом Божьим. Атилла, правитель гуннов, оставил сына, называемого Эрнах, или Гернах (греки в настоящее время не используют густое придыхание). Булгары, как мы знаем, являлись гуннами; а Атилла умер в 453 г., когда, согласно «Имениннику», Ирник находился на болгарском троне. Без сомнения, Ирник и Эрнах были одним тем же человеком²⁴. Но Эрнах жил в Малой Скифии — в Бессарабии — и Старой Великой Булгарии, которая располагалась на берегах Азовского моря, простираясь до реки Куфис (Кубань). Потомки Эрнаха должны были, поэтому, в какое-то время переместиться на восток; возможно один из них уже контролировал котригуров, когда они начали мигрировать на запад; но более вероятно, что в течение темного времени правления авар именно князь из дома Атиилы, чье семейство приняло в какое-то время фамилию Дуло, без сомнения, сохранявшего управление над одним из многих гунно — болгарских племен степей, — оказался тем, кто был способен начать их объединение, сплотившее всех гуннов и болгар, и построить королевство —

Старую Великую Булгарию. В роли объединителя выступал, как я полагаю, царь Куврат²⁵.

«Именинник» позволяет нам сделать следующие выводы. Прежде всего, начиная с трех столетий правления Авитокола, мы можем предположить, что болгарский народ осознанно существовал в течение некоторого времени в прошлом, возможно даже, начиная с 146 г. — времени, вполне достаточного для того, чтобы доказать свое священное происхождение; во-вторых, благодаря правлению Ирника, длившемуся столетие с половиной, мы можем сказать, что болгары из «Именинника» принадлежали ветви семейства Аттилы, основанной его сыном Эрнахом, и что приблизительно с 453 по 582 г. его потомки, известные уже как дом Дуло (почему, мы не можем объяснить), являлись, вероятно, вымышленными персонажами, затемненные памятью своего предка; в конце концов, с 582 по 584 г., Дуло сменила новая, но короткая династия, Эрми, и ее глава, Гостун, который правил до 584 г., когда семейство Дуло вернулось на болгарский трон в лице Куврата или Курта, Освободителя, царствовавшего в течение пятидесяти восьми лет.

Именно в дни правления императора Ираклия имя Куврата впервые стало известно в Константинополе. Иоанн, епископ Никейский, писавший свою историю в египетской глуши, поведал нам о союзе между вдовой Ираклия, императрицей Мартиной, и Кувратом, царем гуннов, про который ходили многочисленные слухи; он объяснял данную ситуацию, упоминая, что Ираклий оказал поддержку гуннам в Константинополе в дни своей юности. Куврат стал христианином и затем с триумфом вернулся в родную страну; и после этого он всегда относился к семейству Ираклия с большой благодарностью. Следовательно, именно тогда, когда Мартина и патриарх Пирр составляли заговор, чтобы утвердить на троне ее

пасынка, императора Константина III, люди относились к Куврату как к их сообщнику²⁶.

Однако эфиопский епископ явно приукрасил, когда изобразил Куврата человеком, получившем воспитание в Константинополе. Ираклий, его добрый император, начал править в 610 г., когда Куврат уже являлся царем в течение двадцати шести лет. Однако представляется очевидным, что Куврат посетил Константинополь немного позже. В 619 г., согласно патриарху Никифору, правитель гуннов прибыл туда со своей свитой, чтобы креститься. Крещение состоялось, и гуннский монарх вернулся, став патрикием. Несколькими страницами ниже, после описания авар, Никифор сообщает о Куврате, правителе уногундунов, которые восстали против аварского кагана и отправили послов к Ираклию, чтобы заключить с ним союз, сохранявшийся в течение всей его жизни. Их Куврат также стал патрикием²⁷. Оба автора, Никифор и Иоанн Никейский, упоминая Куврата, называют его племянником Органа.

Ясно, что два сообщения Никифора свидетельствуют об одном и том же визите. Второй действительно датирован концом 635 года, но из контекста ясно, что он может быть отнесен и к более раннему времени. И история Иоанна Никейского о юности Куврата в Константинополе, очевидно, является приукрашиванием повествования о его визите в империю. История жизни Куврата, таким образом, представляется отрывочной.

Куврат правил пятьдесят восемь лет; он, поэтому, вероятно, был ребенком, когда началось его правление, и как ребенок нуждался в регенте. Регентом, без сомнения, был Орган, его дядя, вероятно, по материнской линии: иначе, будучи взрослым членом дома Дуло, он, конечно же, должен был вступить на варварский престол перед своим племянником²⁸. Гостун был или узурпатором, или, возможно, правителем, назначенным аварами,

и именно Орган восстановил власть дома Дуло. В 619 г. Куврат, приняв правление в свои собственные руки, посетил Константинополь, чтобы получить гарантии помощи в борьбе с аварами, против которых он недавно восстал. В это время он выступал, вероятно, только в качестве гуннского вождя; его большое царство еще не было основано. Куврат добился помощи от империи (император был чрезвычайно благодарен своему союзнику против авар) ценой своего крещения; и вернувшись, установил не только собственную независимость, но также и превосходство по отношению к соседним племенам. Ко времени своей смерти Куврат являлся правителем земель, лежавших вокруг Нижнего Дона и простиравшихся на юге до Кавказа, которые и составили царство Старой Великой Булгарии. После себя Куврат оставил пять сыновей.

Представляется несколько трудным идентифицировать племена, которые населяли это царство. В юности Куврата называли господином гуннов или (как один раз отметил Никифор) уногундуrow. Феофан, сообщающий о сыновьях Куврата, называет его повелителем Булгарии и родственного племени котрагов (котригуров) и говорит об уногундурах, булгарах и котрагах как о подвластных ему племенах. Но Булгария, протянувшаяся от Дона до Кавказа, располагалась там же, где в свое время находилось королевство утигур. Однако о судьбе утигур ничего не известно, с периода завоевания их тюрками. Тюркское нашествие угасло к настоящему времени, но должно было быть достаточно сильным и полным, чтобы подавить мощь утигур; поэтому странно, что в то время как имя котригур сохранилось, упоминаний о племени утигур мы уже не встречаем. Однако, изучая географию региона, невозможно не увидеть в булгарах Феофана большую часть прежнего народа утигур, лишенных, без сомнения, своего старого правящего класса, в то время

как аристократия котригуров продолжала свою карьеру. Оногундуры или уногундуры представляют новую трудность для исследователей. До правления Куврата мы не встречаем о них никаких упоминаний, но в течение следующих нескольких лет авторы империи сообщают о них, о гуннах и булгарах, не проводя между ними никаких различий и относя их к одному и тому же народу. Возможно, что данное название племени является комплексным, представляя смешение гуннов и болгар. Оно было выдуманно тем источником, из которого Феофан и Никифор черпали информацию, в некотором замешательстве вспоминая о таких ранних болгарских племенах, как оногуры и буругунды. Но все гуннские племена имели схожие имена, поэтому нельзя каждое из них рассматривать как искусственное построение. Более вероятным представляется, что оногундуры составляли племя, которым управляли потомки Эрнаха. Куврат в дни своей юности являлся только правителем оногундуров, как сообщает Никифор; но он возглавил восстание против авар и, расширяя свою власть в восточном направлении, т. е. на земли котригур и утигур, оставшихся без правителя, основал новое королевство. Котригуры, вероятно, полностью не были поглощены новым племенем. Они остались на своей земле за Доном, и в следующем поколении снова приобрели независимость. Второй из пяти сыновей, представленных в этом сказочном повествовании, получивший имя Котраг, пересек Дон. Совершенно ясно, что он получил свое имя от племени, которым управлял²⁹.

В 642 г. Куврат, вскоре после интриги, которую, по слухам, он вел с императрицей Мартиной, умер в зрелом возрасте и, как мы полагаем, в ореоле святости — но в то же время мы не обладаем никакой информацией о его действиях как христианина после посещения им Константинополя; и действительно, в течение еще двух

столетий болгары оставались язычниками. Согласно «Имениннику», преемником Куврата стал Безмер, который правил три года, но спустя несколько месяцев, в феврале 643 г., мы также встречаем упоминание о вступлении на престол Испериха, — здесь мы подходим к Аспаруху, который правил пятьдесят восемь лет. Однако, согласно «Греческой истории», пять сыновей Куврата, после того как они довольно недолго прожили в мире друг с другом, возможно, под руководством старшего, Баяна, разошлись и каждый отправился своим собственным путем.

Возможно, что Баян (или Батбаян, как называет его Феофан) и Безмер представляют одного и того же человека³⁰. С другой стороны, слишком опрометчиво идентифицировать имена просто потому, что исследователю это кажется удобным, и только из-за того, что оба имени начинаются с одной и той же буквы; кроме того, представление Безмера и Баяна как одного лица действительно снимает некоторые вопросы, так как позволяет вставить поколение между Кувратом и его сыновьями. Аспарух, как сообщает нам «Именинник», правил пятьдесят восемь лет. Аналогия срока его правления с периодом царствования Куврата подозрительна. И хотя Аспарух правил на несколько месяцев больше, это, однако, не является достаточной причиной для отклонения данного подозрения. Конечно, и Куврат, и Аспарух наслаждались долгим временем своего господства. Но представляется маловероятным, чтобы сын умер спустя сто девятнадцать лет после воцарения на престоле своего отца. Кроме того, Аспарух, по-видимому, имел более молодых братьев. Даже делая поправку на длинную жизнь, которую, как полагают, дарит болгарам превосходное кислое молоко, данный вопрос остается неразрешенным. Некоторые сыновья Куврата, если не все из них, скорее всего, на самом деле являлись его внуками³¹. Их отцом

был Безмер; но поскольку он правил в период между царствованием великих Куврата и Аспаруха, в Константинополе о нем ничего не знали.

Вскоре после воцарения Безмера королевство распалось, и племена были разделены между различными князьями дома Дуло. Причиной этого стало давление со стороны нового победоносного тюркского племени хазар, чье обращение в иудаизм стало странным событием в христианско-мусульманском мире. В то время хазары были безжалостными воинственными дикарями; а Старая Великая Булгария находилась на их пути. Старший из братьев, Баян, являлся правителем; его королевство стало легкой добычей для хазар, а его подданные, напуганные хазарской миграцией, превратились в данников последних. По-видимому, народ Баяна был в основном постепенно ассимилирован завоевателями без труда, так как гунны и турки происходили от одной туранской расы, а оставшихся впоследствии поглотили мадьяры. Таким образом, Старая Великая Булгария постепенно исчезла³².

Второй брат был известен грекам под именем Котрага, очевидно, управлявшего котригурами. Вероятно, он был «вице-королем», заявившим о своей независимости, когда рухнула центральная власть. Согласно представленному нами сказочному повествованию, он пересек Дон и поселился на дальнем северном берегу. Переход через Дон стал неизбежен, когда он отправился управлять котригурами. Позже, однако, когда владения хазар увеличились, котригуры переместились еще дальше на север, второй раз перейдя через Дон в его верхнем течении в восточном направлении, и поселились в районе Средней Волги и реки Камы. Там остались жить их потомки, которые стали известны миру как Черные, или Белые («Белый» здесь является синонимом к слову «Великий»), или даже Серебряные (изменение слова «Белые»),

или просто камские булгары. Со временем они построили свою цивилизацию, вероятно, под влиянием хазар; их столица, Булгар, располагавшаяся в месте слияния Волги и Камы, стала важным торговым центром волжской равнины. В начале X столетия они обратились в ислам и даже пригласили к себе мусульманского миссионера и писателя Ибн Фадлана, чьи дары неофитам включали и технологию строительства крепостей — в действительности он укрепил не только их души, но и их столицу. Империя камских булгар просуществовала до XII столетия, когда они пали жертвой разрушительной мощи монголов. До самого конца они сохраняли свою дурную славу и оставались удачливыми грабителями³³.

Третьим братом был Аспарух, чью судьбу, следуя истории греческих авторов, мы проследим позже. Четвертый брат пересек Карпаты и Дунай и прибыл в Паннонию, где главенствовала аварская империя. Там он стал вассалом авар. Вероятно, данный переход был вызван желанием соединиться с булгарами, которые пришли вместе с аварами в Центральную Дунайскую равнину. То, что булгары населяли ее, представляется бесспорным фактом. Действительно, булгары, которые помогали аварам в большой осаде Константинополя в 626 г., происходили именно из этой ветви булгар, так как булгары царя Куврата в то время объединились с императором против авар. Кроме того, в 630 г. германские историки сообщают о странном, трагическом эпизоде. В этом году, как они пишут, шла война в Паннонии между аварами и булгарами. Последние были разбиты, и девять тысяч из них, включая мужчин, женщин и детей, мигрировали в Германию и просили короля Дагобера поселить на своих землях. Он предложил им идти в Баварию, но велел баварцам всех убить, что и было исполнено практически полностью; только лидер, Алсиок, и еще семьсот булгар

выжили и бежали в поисках убежища в Вендскую Марку³⁴. Вероятно, эта война стала результатом восстания западных болгар в связи с успешными выступлениями Куврата на востоке. Но, несмотря на эмиграцию Алиока, вероятно, в Паннонии оставалось еще много болгар; и именно для того, чтобы поддержать оставшихся, туда прибыл четвертый сын Куврата. Болгары Паннонии оставались под властью авар до начала IX столетия, когда о них вновь появляются некоторые сведения³⁵.

С 675 до 677 г. большой город Фессалоники был осажден ордой болгарских племен, объединившихся с составшими славянами прилегающих территорий. О различных болгарских племенах известно только то, что они участвовали в данных сражениях; их лидером являлся некий Кувер, который недавно восстал против своих повелителей авар и пересек Дунай, чтобы поселиться в Кормезианской равнине, около города. Как и во время предыдущих больших осад, которые проводились славянами, потребовалось личное вмешательство святого покровителя Фессалоник, Димитрия, чтобы спасти город³⁶. Появление Кувера и его болгар, которые уже пересекали Дунай в 675 г., в районе Фессалоник вызывает некоторые вопросы у исследователей. Чтобы разрешить их, Кувера часто представляют четвертым сыном царя Куврата. Сначала он отправился в Паннонию, где подпал под власть авар; но, не желая терпеть ее, восстал и отправился на юг через Дунай, Моравию и подошел к границам Фессалоник³⁷. Возможно, хотя и представляется невероятным, четвертый сын Куврата действительно мог быть столь энергичен и деятелен. С другой стороны, очевидное сходство между именами Куврат и Кувер не должно соблазнить нас к тому, чтобы назвать их одним и тем же человеком. Однако такое сходство имен не может быть совершенно бессмысленно. И в это время

Куврат все еще оставался единственным великим булгаром, о котором знали многие. Жители Фессалоник, возможно, поэтому называли его именем, в несколько измененной форме, булгарина, напавшего на них; или составитель мартиролога, возможно, просто перепутал имена. Но наиболее верным в данной ситуации выходом представляется избегать попыток приукрасить известные факты и не стремиться к тому, чтобы провести четкую связь Кувера по родственным отношениям или по имени с царем Кувратом. Кувер был просто болгарским вождем-одиначкой, который, возможно, стоял в авангарде захватчиков Аспаруха. Но, скорее всего, учитывая географию Балкан, прибыл из Паннонии. Он, возможно, и являлся сыном Куврата, отправившимся путешествовать, или, возможно, восставшими против авар вместе с Алсиоком или независимо от него несколько позднее. Во всяком случае, после длительной, но расстроенной благодаря божественному вмешательству осады Фессалоник мы более не встречаем сведений о Кувере. Булгарские племена, пришедшие вместе с ним, впоследствии смешались и были ассимилированы его союзниками, славянами. Таким образом, было заложено первое основание для притязаний булгар на Македонию.

Самый младший сын Куврата отправился в Равенну. Здесь греческие хронисты допустили маленькую, но простительную ошибку. Равенна, как они хорошо знали, была большим итальянским городом, и в ее окрестностях в течение тех беспокойных времен обосновалось много варваров, среди которых были и булгары³⁸; так что они использовали Равенну как плацдарм для наступления на Италию. В действительности младший сын Куврата отправился еще дальше. В правление Ломбардского (662–671 гг.) короля Гримуальда болгарский «герцог» Альцек мирно овладел Италией и предложил себя и свою армию в качестве вассалов короля. Гримуальд от-

правил их в Беневенто, к своему сыну Ромуальду, который предоставил им три поселения около своей столицы — Сепин, Бовиан и Изерния. Булгары обосновались там, и «к данному дню» — столетием позже — некоторые из них все еще говорили на своем старом языке³⁹. Нет никакой причины сомневаться, что перед нами предстает судьба пятого разделения болгарского племени Куврата — довольно беспорядочное разделение, произошедшее в конце длинного путешествия. Имя предводителя болгар Альцек — подозрительно похоже на Алсиок; но само по себе сходство не является значительным доказательством чего бы то ни было. Эти два вождя, скорее всего, были разными людьми.

Таким образом, племя болгар раскололось и распространилось по всей Европе, от Волги до Везувия. Остается необходимым только рассмотреть самую сильную ветвь из всех племен, единственную, которая смогла пережить бури столетий. Аспарух, менее беспокойный, чем его младшие братья, но более инициативный, чем старшие, двинулся вдоль побережья Черного моря, пересек большие реки Степи, подойдя к земле лагун и болот, где Дунай впадает в море.

ГЛАВА 2. ВАРВАРЫ НА БАЛКАНАХ

Прошедшие столетия Балканский полуостров, по сути, представлял собой игровую площадку для варваров, земель, которую жестокие племена грабили, разрушали и оставляли в запустении. Но до VI века ни одно из племен не решилось осесть окончательно на этой территории. Готы и гепиды, сарматы и гунны, все прошли через нее, оставляя за собой кровь и огонь и двигаясь далее в поисках новых, более богатых земель. Таким образом, балканская земля была сохране-

на для более мирного народа, славян, которые и унаследовали ее.

«Мирный» здесь употребляется в современном значении этого слова; славянское проникновение на полуостров проходило скрыто, почти незаметно, под сенью более ужасных и ярких событий. В IV в. славяне все еще, по-видимому, укрывались в своих домах в лесах Западной России; к началу VI в., мир, до сих пор игнорировавший их, был изумлен внезапным открытием того, что по всей Центральной Европе, от Эльбы и Альп до русских рек, от Балтики до Савы и Дуная, славяне плотно заселили все территории. Государственные мужи империи, тревожно взирая на дунайскую границу, еще более взволновались. Славяне могли казаться менее жестокими, чем гунны, но они были более многочисленными, и одно из славянских племен, анты, теперь заселявшее устье Дуная, славилось своими военными качествами.

В правление императора Юстиниана разразилась буря, начало которой оказалось незаметным, так как проявилось лишь в изолированных набегах племен. В 534 г. славяне совершили свой первый переход через реку. В 545 и 549 гг. они проникли во Фракию, в 547 г. — в Диррахий; в 550 г. они угрожали Адрианополью и великому городу, за который боролись столь долго, но все же тщетно, Фессалоникам¹. В 558 г. славяне подошли в составе племен Котригура к стенам Константинополя².

Когда завершилось столетие, авары стали угрожать славянам, в связи с чем те решили переселиться на другую сторону Дуная. В 581 г. впервые они вторглись на Балканы и остались на этих землях³. В течение последующих лет славянские поселения росли очень быстро; между 584 и 589 гг. произошло не менее десяти вторжений славян на Греческий полуостров⁴. Авары следовали

за славянскими беженцами, и два племени даже объединились против империи. В 597 г. Фессалоники пострадали от их оружия во время первой великой осады, когда уже святой Димитрий должен был прийти на помощь своему городу, покровителем которого являлся⁵. В 601 г. император Марий, победивший авар, заключил с ними договор, по которому императорская граница все еще находилась на Дунае⁶. Но со стороны императора это была пустая похвальба. В течение следующих десяти лет узурпация трона Фокой и персидская война освободили Балканы от императорских войск; и славяне были предоставлены самим себе. Они опустошили Далмацию, разрушив Салону, старую метрополию, и распространились на востоке полуострова: к четвертой декаде века только большие морские города и Альбанские горы еще не были затронуты славянским вторжением; даже на Пелопоннесе появились славянские поселения⁷. В это же время авары приобретали все большую силу, в том числе на Балканах, проявив ее при великой осаде Константинополя в 626 г.: в которой участвовали также славяне как их вассалы⁸. После поражения в осаде аварские племена пришли в упадок. На отдаленном севере их империи князь Само освободил чехов и моравов; далее, к югу, балканские славяне получили подкрепление благодаря появлению на Балканах родственников им племен хорватов и сербов. Поскольку постепенно аварское доминирование сокращалось, возросло императорское; и император Ираклий, победитель в войнах с персами и аварами, побудил балканских славян признать свой сюзеренитет. Он даже пытался усилить свою власть, посылая на полуостров христианские миссии, за исключением побережья Далмации, где местные проповедники из святых латинских городов достигли своей цели в работе. Христианизация, однако, не получила большого распространения⁹.

Со времени падения авар до вторжения Аспаруха из дельты Дуная полуостров получил несколько десятилетий относительного спокойствия. Империя восстановила определенный контроль над данной территорией. Города, расположенные на побережье, не попали в руки славян — хотя избавление Фессалоник представлялось чудом, — и теперь с наступившим миром они могли распространять свое коммерческое и, поэтому, политическое влияние над соседями. В центре полуострова, Верхней Македонии, на Моравских равнинах и в греческом водоразделе славяне оставались действительно независимыми; но дальше на восток, вдоль хребтов Гема и Родопских гор, империя сохраняла несколько городов с гарнизонами, охранявшими дороги к Константинополю, например такие города, как Адрианополь, Филиппополь и, далее, в сердце территории варваров, Сардика (София)¹⁰. Славяне сами по себе не представляли большой угрозы империи. Они являлись разбойниками и пиратами, но не постоянными завоевателями. Из старых балканских племен только анты создали некоторую политическую организацию; и хотя вскоре хорватам и немного позднее сербам также предстояло перейти от хаоса к порядку, в то время еще балканские славяне оставались разобщены и неорганизованны. Они говорили в большинстве своем на одном и том же языке и, возможно, имели одинаковые языческие верования. Но на этом их единство и заканчивалось. Они разделялись на малые племена, каждое из которых имело своего собственного мелкого вождя¹¹, и испытывали ревность к своим соседям: некоторые из этих племен являлись хищниками, но большая часть славян, по-видимому, представляла мирно настроенные и пастушеские племена. Они были слишком многочисленны и поэтому спокойны; но однажды славяне разорили целую страну и перед ними не возникло препятствий, которые могли бы помешать

им закрепиться на завоеванной земле, однако из-за своей неорганизованности они постепенно подпали под власть императоров Константинополя. В прошлом славяне представляли угрозу, когда они атаковали империю в составе племен Котригура или авар. Если бы сейчас не было новых захватчиков, которые появились на этой земле, славяне как политическая сила могли потерпеть поражение, а Балканы достались бы Византии.

Но именно тогда Аспарух, болгарский хан, пересек Дунай.

Первое место отдыха Аспаруха, после того как он покинул свой дом, всегда представляло загадку. Он пересек Днепр и Днестр и вышел, наконец, к месту, называемому Онгл или Огл; но никто из наших источников, ни Никифор, ни Феофан, не говорит убедительно, на каком берегу Дуная он расположил свою стоянку. Последующие поколения авторов также сомневались, склоняясь то к одной, то к другой стороне реки. Ответ, возможно, заключается в том, что Аспарух занял не ту или иную сторону реки, но, очевидно, ее середину. Огл был одним из островов дельты Дуная, возможно, современный остров Певка¹². Путанице с лагерем, видимо, способствовал тот факт, что ни Феофан, ни Никифор, опираясь на один и тот же потерянный источник, не понимали действительную ситуацию, возможно, представленную в нем неполно; и поэтому в описание болгарского лагеря каждый внес свои дополнения. Как бы то ни было, бесполезно пытаться ответить на данный вопрос совершенно точно. Булгары Аспаруха были многочисленным народом. Огл, или Певка, представлял их временный центр, но, возможно, авангард булгар в это время стоял в Добрудже, а арьергард — в Бессарабии. Все, что мы знаем о болгарском вторжении на Балканы, что они шли в страну труднодоступную и защищенную самой природой, болотистую и каменистую, — хотя вероятно, что описанные

Никифором скалы являются единственным приукрашиванием автора. Такое описание может быть вполне приложимо к дельте Дуная и территории, окружающей ее¹³.

Где бы ни находилась стоянка Аспаруха, она представляла опасную близость к землям Империи, беспокойным Балканским провинциям, где славяне находились под ее властью. Мы не можем точно назвать дату продвижения Аспаруха на Огл. Должно быть, оно было постепенным и происходило в течение 650 и 670 гг.¹⁴ В этот период времени империя была занята в кровопролитной войне с арабами в Азии, а Европа увязла в религиозных и дипломатических лабиринтах разногласий с монофилитами; кроме того, в 668 г. за убийством любимого Западом императора Константа II камергером миской для супа последовало короткое восстание. Но к 679 году трон оказался вновь в безопасности и тогда же подходила к завершению Арабская война. Император Константин IV Погонат («бородатый») все еще был жив, чтобы встретить опасность появления новых захватчиков на Балканах, которые могли растревожить или, что еще хуже, организовать славян. Булгарские орды Аспаруха должны были быть, таким образом, или отброшены назад, или уничтожены.

Императорские армии прошли к Дунаю; затем последовала кампания, которая закончилась по причине больных ног императора — эвфемизм, возможно, свидетельствующий о подагре Погоната. Результаты войны не соответствовали его ожиданиям. Булгары, победно наступая на императорские войска, сами вторглись в империю. Их орды разорили страну вплоть до Варны, грабили и захватывали людей в плен, а земли, на которые пришли булгары, стали им новой родиной. Вскоре булгарские племена завоевали славян, которые населяли сельские округа, и начали угрожать императорским городам. Балканский мир оказался завоеванным, пока пре-

бывал в замешательстве и не мог оказать никакого сопротивления. Поэтому, быстро и неожиданно для всех, в начале 680 г. Аспарух основал свое новое государство, ныне современную Болгарию, расположившееся к югу от Дуная.

Император подчинился судьбе. Пораженный количеством угнанного в плен народа, он поспешил заключить мир с захватчиками. Все земли за северными склонами Гема вплоть до Дуная и границы с аварами (неизвестное расстояние) были уступлены болгарскому правителю; и ему в дальнейшем обещали платить каждый год дань, если он не будет совершать набеги на империю — унижительная уступка, но вполне соответствующая канонам византийской экономики, которая полагает, что платить дань дешевле, чем воевать¹⁵.

Точные размеры нового государства Аспаруха невозможно установить. Расположившееся к югу от Дуная, его восточной границей стало Черное море, южной — хребет Гем (Балканы), а западной, возможно, река Искыр; но в состав государства также входила значительная территория на северном берегу, включавшая Бессарабию вплоть до Днестра и, возможно, большую часть Валашской равнины. Нечеткая северная граница упиралась в Аварскую империю¹⁶. Но именно территорию к югу от Дуная Аспарух в настоящее время принял под свое управление. Аспаруха нельзя назвать только завоевателем, он также являлся государственным деятелем. Прежде всего, он понял, что успех его царства зависел от позиции славянского населения. Славяне Северо-Восточных Балкан, часто вспоминая об аварах и опасаясь императорского восстановления власти, подчинились Аспаруху с великой радостью, практически приветствуя его как своего вождя. Аспарух извлек пользу из уступчивости славян и организовал их, разместив славянские племена вдоль своих границ, контролируя их из центра,

в котором он построил дворец в Плиске и держал свой двор.

Плиска более не являлась укрепленным лагерем, состоявшим ранее из шатров или грубых жилищ, окруженных мощными укреплениями. Она находилась на низких холмистых возвышенностях, расположенных вблизи Варны и соединенных с равниной Добруджи и высотами Гема. Этот район составил ядро нового государства. Он был, возможно, очищен от славян, так как данные территории обеспечивали свободный проход вдоль границы. Отношения между булгарами и подчиненными им славянами с трудом поддаются точному определению. Совершенно невероятно, чтобы они в ближайший период времени смогли перемешаться, как утверждают некоторые славянофильски настроенные болгарские историки. Также невероятно, что болгарские захватчики представляли собой небольшую группку людей, как их обычно изображают. Племя, которое обосновалось на Огле и столь легко нанесло поражение мощной и опытной императорской армии, должно было представлять, если судить по описаниям императорских авторов, племя значительных размеров. Невозможно составить четкую картину по данному сюжету; но, по-видимому, вокруг границ Болгарского царства располагались славянские племена, которые продолжали подчиняться своим прежним вождям — мы вскоре встречаем славянский аристократический элемент и при болгарском дворе, — но славянские племена находились под контролем болгарских представителей, в то время как в центре управления стояли болгарский царь, верховный хан, болгарские представители, назначаемые им, и болгарские армии. В следующем веке императорские историки, описывая болгарские войны, обычно называли своего нового врага «булгары и славяне», что предполагает союз, но не растворение одного племени в другом; а в конце века мы встречаем упомина-

ния о славянах, переправляющихся в империю в поисках убежища от болгар¹⁷, — движение, которое свидетельствует о том, что болгары не были еще ассимилированы славянскими племенами.

О самой организации болгар мы лучше информированы. Подобно всем финно-тюркским племенам, они имели клановую систему; и верховный хан в действительности являлся лишь более значительной фигурой среди других ханов, вождей кланов. В настоящее время дом Дуло, гуннского происхождения, твердо заявил о своем превосходстве; но позднее, когда династия ослабла, опасности клановой системы сами себя обнажили. Два главных министра двора назывались канарти (возможно, то же, что и кавкан) и таркан; последний, по-видимому, был ответственен за провинциальное управление. Аристократы разделялись на два класса: высший состоял из боляров или бояров (в X в. было шесть бояр, но до воцарения Бориса они были, вероятно, более многочисленным классом), низший из багаинов. Также существовали и другие звания, такие как багатур или коловрат; но их функции нам неизвестны. В IX в. титул хан был изменен на князь (славянское название титула принц); но другие старые болгарские титулы просуществовали вплоть до падения Болгарского царства, а один даже более — титул боярин появляется по всему славянскому миру¹⁸.

Аспарух прожил больше двадцати лет после вторжения в империю, организуя и упорядочивая свое царство. В 685 г. императорский трон в Константинополе унаследовал жестокий и беспокойный Юстиниан II. Раздраженный выплатами дани варварам, он вскоре нарушил мир 680 г., а в 689 г. даже вторгся на болгарскую территорию — землю, которую в данное время императорский хроникер называл уже «Склавиния и Булгария» — болгарское царство и славянский край. Булгары бежали

перед войсками Юстиниана. Он развернулся и прошел к центру полуострова, к городу Фессалоники, приведя с собой огромное число славян в составе войск, некоторые из которых были его пленниками, другие с радостью пошли за ним сами, стремясь избавиться от господства болгар. Всех их он послал через Азию на поселение в феме Опсикий. Несколько лет спустя тридцать тысяч из них выступили под императорскими знаменами, сражаясь с сарацинами. Удовлетворенный благоприятным исходом кампании, Юстиниан отправился назад через вражескую территорию; но на пути домой болгары устроили ему засаду. Императорская армия была разгромлена, а сам он, едва избежав смерти, вернулся в Константинополь. После этого болгары были оставлены в покое¹⁹.

В 701 г. Аспарух умер, спустя пятьдесят восемь лет после своего расставания с братьями. Его преемником стал Тервель из дома Дуло, сын Аспаруха, или, возможно, его внук. Тервель продолжил традиции управления, заложенные Аспарухом, постепенно укрепляя свое царство, пока однажды в 705 г. зловещая фигура императора Юстиниана II, сейчас изгнанника, отличавшегося длинным носом и языком, снова не вошла в болгарскую историю. Бывший император, после своего свержения в 695 г., жил в изгнании в Херсонесе и некоторое время назад — при дворе хазарского кагана, на дочери которого он был женат. Но хан повернулся против Юстиниана, и тот был вынужден бежать из Хазарского каганата, чтобы спасти собственную жизнь. пылая злобой и решимостью отомстить, он прибыл к Тервелю и обратился к нему с просьбой о помощи. Тервель был польщен; так темные и глубокие воды всегда влекут амбициозного рыболова. Он предоставил свою армию, состоявшую из болгар и славянских вассалов, в распоряжение Юстиниана, и два монарха бок о бок дошли до Константино-

поля. Стены города остудили их воинственный пыл, а горожане осыпали насмешками бывшего императора. Но после трех дней осады Юстиниан пробрался в город по акведуку. Его внезапное появление свидетельствовало о предательстве, использовании магии или подкопе под стенами. Город был охвачен паникой. Император Тиверий бежал; и Юстиниан вскоре был восстановлен на троне и во дворце. Он не забыл своего болгарского благодетеля: Тервель был приглашен в город, посажен рядом с императором и получил титул кесаря.

Титул примечательный; но возможно, что император и хан интерпретировали его по-разному. Кесарь являлся вторым рангом в императорской иерархии, после императора. Тервель, принимая титул, мог признать, что находился под сюзеренитетом императора, становясь императорским «вице-королем» Болгарии. Но определенно, что совсем не к этому стремился Тервель. Он не был сведущ в византийской истории или этикете. Он едва понимал, что император желал — был почти обязан — предоставить ему высокий титул и место рядом собой; и он принял титул как дань уважения к своей силе, к тому же он повышал его авторитет в собственной стране и во всем мире. Его взгляд на урегулирование спора был подкреплен тем фактом, что Юстиниан предоставил болгарскому царю огромное количество подарков и уступил его царству маленький, но важный район, известный в славянском мире как Загория, «За горами», район, который спускается от восточного края хребта Гема до залива Бургас. Города на заливе — Месемврия, Анхиял и Девельт — остались в руках империи. Тервель также получил обещание руки дочери императора; но поскольку в то время она была маленьким ребенком, свадьба так и не состоялась. Болгарии пришлось ждать еще два века до появления на своей территории первой иностранной царицы²⁰.

Тем временем Византия с любопытством взирала на болгарского хана, распределяющего щедрые дары императора среди своих солдат, измеряя долю для каждого варварским хлыстом²¹.

После войны на короткое время установился мир. Однако Юстиниан, который никогда не забывал обиды, нанесенные ему, вскоре забыл и о полученной помощи. Без сомнения, в 708 г., поскольку Тервель требовал больше подарков или дани, Юстиниан приготовился к вторжению в Болгарию. Армия императора расположилась лагерем у Анхиала, в гавань которого вошел императорский флот. Войска чувствовали себя в полной безопасности, отчего дисциплине не придавали большого значения, поэтому неожиданная атака болгар привела к совершенному их разгрому. Сам Юстиниан нашел убежище в цитадели; после трех дней осады он бежал на свои корабли и вернулся с позором в Константинополь. Но Тервель, по-видимому, не приобрел материальных выгод от своей победы. Более того, он продемонстрировал, что прощает императора и не желает с ним ссориться; болгарский хан послал три тысячи солдат, чтобы сопровождать Юстиниана во время его отступления в Вифинию в 711 г. Булгары оставались с императором, пока его дело не стало совсем безнадежным, покинув Юстиниана только перед самой его смертью²².

Проблемы, терзавшие Византию в течение нескольких последующих десятилетий, предоставили Тервелю новые возможности для вмешательства в дела империи. В 712 г., как если бы решившись мстить своему другу Юстиниану, болгарский хан вторгся во Фракию, опустошая земли вплоть до Золотых ворот Константинополя, и удалился, нагруженный добычей и без потерь²³. В 716 г., когда арабское вторжение на императорские земли стало уже неизбежным, эфемерный император Феодор III пожелал укрепить свои позиции, заключив

договор с Тервелем. Этот договор стал первым болгарским договором, условия которого нам известны. Он, прежде всего, устанавливал границу между Болгарией и империей: она должна была проходить у Мелеоны — неизвестное нам место, которое, вероятно, означает какой-то пик на великой монастырской гряде, такой, как высоты Бакаджика. Возможно, граница теперь прошла по линии, позднее укрепленной булгарами и получившей известность под названием Великая Стена Фракии: извилистой линии, растянувшейся на несколько миль от северного берега залива Бургас в юго-западном направлении, через Бакаджик до реки Марицы. Еще дальше на запад страна также оставалась не заселенной, поэтому здесь мы не можем провести четкую границу. Вторая статья договора предусматривала выплату императорским двором хану дани платьями и шкурами стоимостью в 30 фунтов золота (около 1350 фунтов) в течение года. Третья статья — обмен заключенными и возвращение беженцев, даже тех беженцев, которые были враждебно настроены к существующим правительствам — императорские гражданские войны должны были принудить многих интриганов из империи искать убежище в Болгарии. Четвертая статья оговаривала свободную торговлю и связи купцов двух стран, также она утверждала, чтобы купцы имели паспорта и печати, без которых товары подлежали конфискации²⁴.

Следующий император Феодосий продлил действие договора; а его преемник, Лев Исаврийский, очевидно, подтвердил его через своего посланника, Сисинна Риндакия. В 717 г., когда арабы предприняли вторую великую осаду Константинополя, Тервель помог защитникам империи, совершив набег на арабский лагерь и получив большую прибыль²⁵. Но в следующем году, после того как арабы бежали, Тервель уже не был настроен благожелательно по отношению к императору Льву и даже

позволил вовлечь себя в интригу в пользу бывшего императора, который родом был из Фессалоник и имел поддержку Сисинна. Однако дело ничем не завершилось, и некоторое время спустя, в мае 718 г., Тервель умер²⁶.

Царствование Тервеля не было спокойным, а его политику можно назвать изменчивой и упрямой. Однако она вполне была оправданна его достижениями. Готовность хана вмешаться в решение внутренних проблем империи, несмотря на нарушения мира со стороны императора, сделала его слишком ценной фигурой в императорской политике. В те сложные годы ни один император не мог позволить себе начать поход против булгар ради уничтожения агрессивных варваров. Юстиниан II, который один предпринял краткую и закончившуюся бедствием попытку похода против Болгарии, не осмелился более повторить эксперимент, страшась потерять свою лучшую поддержку в лице хана. Тем временем незаменимый Тервель укрепил собственные позиции. Граница его государства была отодвинута дальше на юг через Гем, охватив Загорию, и протянулась до Родопских гор. Нам не известно, как далеко на запад она уходила; Сардика и Филиппополь оставались императорскими крепостями, но болгарское влияние в этом регионе постоянно росло; тревожную обстановку для империи создавали интриганы из Фессалоник, находившиеся в тесном контакте с ханом. Но еще более тревожным обстоятельством для императора стало окончательное закрепление булгар на своей земле. Прибывшие на эту территорию кочевники тридцать лет назад сейчас уже управляли царством за Дунаем и во Фракии и при этом находились в безопасности, чтобы иметь возможность получать торговую прибыль. Булгары все еще сохраняли свое племенное отличие от славян; и, кроме территории, расположенной вокруг государственного центра (кото-

рая, видимо, оставалась в большей степени болгарской), они являлись только землевладельческой, становящейся аристократией. Их, без сомнения, можно сравнить с норманнами, которым три столетия спустя предстояло организовать отсталых англо-саксов. Но определенное смешение между племенами было неизбежным; хотя еще оставалось много славян, сопротивлявшихся болгарскому вторжению. Нам не известны детали племенного укрепления, но то, что оно происходило, доказано событиями следующей половины столетия. В течение тридцати семи лет после последней интриги Тервеля императорские хронисты ничего не сообщают о булгарах. Даже болгарский «Именинник» не сообщает нам имя его преемника, который правил в течение шести лет, до 724 г. За ним на трон взошел хан Севар, управлявший государством до 739 г.; но о нем мы ничего не знаем, кроме того, что он являлся, как и его предшественники, представителем семьи Дуло. Севар стал последним правителем из великого дома Аттилы²⁷.

Конец старой почтенной династии обозначил период гражданских войн. Булгарские аристократы и бояре слишком ревностно относились друг к другу, чтобы подчиниться на длительное время правлению кого бы то ни было из своего числа. Более того, они раскололись на две группы. Одна, неверно трактуя политику Тервеля, выступала за согласие с империей и высоко ценила комфорт, созданный Византийской цивилизацией. Другая презирала соблазнительную роскошь и императорские концепции Византии и была готова начать войну. Преемником последнего Дулона стал боярин по имени Кормисош, происходивший из семьи Вокил или Укил. Кормисош принадлежал, по-видимому, к провизантийской группировке; установив мир, он утвердил себя на троне на шестнадцать лет, пока в 755 г. обстоятельства не вынудили его вступить в войну.

В период правления великих Исаврийцев, Льва III и Константина V, империя переживала не только религиозный раскол, но и политическую реорганизацию, что создало выгодные стратегические позиции последнему императору для нанесения удара по соседям. Хотя рядовые граждане Византии и могли сожалеть об утраченных образах и называли своего гонителя Копронимом, «гноеименитым», армия оставалась ему преданна; а он, в свою очередь, сделал ее верховной силой в государстве. В 755 г. Константин перевез большое число армян из Феодосиюполя и сирийцев из Мелитины на фракийскую границу, где он построил для них крепости, которые должны были стать им новым домом и защитой. Булгары потребовали дань и возмещения за строительство новых крепостей, что вполне могло послужить поводом для раскола мира, заключенного Феодосием²⁸. Но Константин отослал болгарских послов с оскорблениями, и поэтому Кормисош был вынужден уступить давлению партии войны и вступил на территорию империи.

Булгары прошли с триумфом вплоть до Длинных Стен; но внезапно Константин напал на них и обратил в бегство. Во время беспорядочного отступления болгар император нанес им тяжелые потери²⁹. Историю последующей кампании еще более трудно расшифровать; наши два источника, Феофан и Никифор, не согласуются друг с другом. Первый отчет о событиях только упоминает об ужасной победе болгар в ущелье Берегава в 759 г., а рассказ второго автора, более детальный, но менее датированный, рассказывает о значительной кампании, которая последовала за набегом 755 г., но была завершена к 762 г., ознаменовав кульминацию в победе императора в Маркеллах. Ни один хронист, по-видимому, не слышал об описании сражений другим автором. Поскольку Никифор более убедителен, необходимо следовать его описаниям, добавляя даты и катастрофу в Бе-

регаве. Видимо, тогда Константин решил развить свою победу. Вскоре он привел армию морем к устью Дуная и, высажась там, прошел победоносным маршем через Болгарию, разоряя земли и захватывая население в плен, и, наконец, разгромил болгарскую армию рядом с фортом, называемым Маркеллами, недалеко от императорской границы³⁰. Сражение должно было произойти в течение 756 или 757 г. В 758 г., как мы знаем из сообщений Феофана, Константин был занят, подчиняя славян фракийской и македонской границ — они, без сомнения, воспользовались войной между двумя господами, чтобы добиться своей независимости. Константин решительно заставил их вновь подчиниться себе. В 759 г. вполне возможно, произошло сражение, описанное Феофаном, при Берегаве. Возможно, Константин сам не присутствовал на сражении, поэтому Никифор ничего не сообщает о нем. Никифор предполагает, что Константин одержал победу над большим числом племен в Болгарии; но к концу кампании стало ясно, что он еще не мог удерживать свою власть над ними. Вероятно, поэтому он оставил за собой оккупационную армию, которая, однако, потерпела жестокое поражение от болгар, когда проходила через ущелья Берегавы, по дороге Диамполь — Плиска, и была вынуждена очистить Болгарию. Среди погибших там был стратег фракийского полка и многие другие выдающиеся солдаты. Но, несмотря на эту неудачу, значение которой Феофан, возможно, преувеличил, кампания была в целом благоприятна для императора, и болгары стремились к миру, показывая готовность отказаться от дани и предлагая заложников³¹.

Во время этих перипетий в сентябре 756 г. умер Кормисош, вскоре после первого поражения. Именно его преемнику, Винеку (из той же семьи, возможно, его сыну), пришлось выдержать главный удар войны. Одним

из ее бедствий стала гибель хана. Подданные поддерживали его в течение всей войны, но унижительный мир, на который пошел болгарский правитель, раздражал их. В конце 761 г. они поднялись против своего господина, зарезав его самого и всех представителей дома Укил, отдав трон зловещему боярину из дома Угаин по имени Телец, лидеру военной партии³².

Телец (которому, насколько нам известно, было тридцать лет) сразу начал проводить энергичную политику и набрал войска среди своих подданных. Данная ситуация не была приятной для славян, и впоследствии орда из двухсот восьми тысяч славянских племен покинула Болгарию, чтобы искать приюта в империи. Императоры всегда были рады смещению народов на своей территории, стремясь таким образом разрушить национализм, и Константин принял их с радостью, наделив землей в Вифинии, у реки Артанас.

Хан начал войну с вторжения во Фракию, в течение которой он даже захватил некоторые из приграничных крепостей. Затем, зная, что ему придется выдержать ответные меры со стороны империи, предпринял предосторожность, редкую среди варваров, занявшись укреплением своей границы, и ожидал за ней, заняв выгодные позиции, с великой армией, к которой он добавил не меньше, чем двадцать тысяч наемных отрядов, главным образом из славян. Но Константин столь же серьезно отнесся к войне, и империя могла располагать лучше организованными ресурсами. Сначала он отправил экспедицию по морю к устью Дуная (как он поступил в свою первую кампанию) — главным образом кавалерию, каждый из кораблей флота вез двенадцать лошадей. Затем, в то время как его всадники ехали через Добруджу, он прошел маршем через Фракию, и в июне 763 г.³³ армии встретились и расположились лагерем у Анхиала, большого императорского города у Залива Бургас. Телец ата-

ковал войска императора 30 июня, и ужасное сражение длилось от рассвета до заката. Резня была жестокой, но в конце болгары потерпели поражение. Однако императорская армия также понесла тяжелые потери и не могла развить победу; поэтому Константин вернулся в свою столицу, чтобы провести триумфальные игры в Цирке и церемониальное убийство тысячи своих пленных³⁴.

Катастрофа нанесла урон болгарам, но не сломила их дух. Дискредитированное правительство Тельца продержалось еще год. Оно потерпело неудачу в стремлении восстановить свои позиции, поэтому в конце концов Телец был убит вместе с аристократами из своей партии рассерженными подданными. Трон теперь вернули тем, кто находился в родстве с уничтоженной династией Укил; Савин, зять Кормисоша, стал ханом. Савин сразу же попытался вступить в переговоры с Константином; но мир не был по сердцу болгарам. Обвиненный в сдаче страны империи, Савин посчитал необходимым бежать в императорский город Месемврию, где он предоставил себя покровительству императора. На его трон болгары посадили хана по имени Паган³⁵.

Константин милостиво встретил Савина и даже послал за его женами и родственниками из Болгарии, таким образом, собрав всю болгарскую царскую семью в Константинополе. Тем временем Паган осознал, что дальнейшая война с империей стала невозможной, и отправил посольство к императорскому двору. Оно не было принято. Вместо этого Константин подготовил новую экспедицию. Паган был в отчаянии; со своими боярами он приехал лично к Константину просить о милосердии. Константин принял их вместе с бывшим ханом Савином, который сидел рядом с императором, и назвал их мятежниками, выступившими против своего законного правителя; но в то же время Константин дал ясно понять, что относится к болгарскому правителю как к своему

вассалу. Мир был заключен, но, по-видимому, ценой смещения Пагана. Мы не знаем, вернулся ли Савин в Болгарию или назначил «вице-короля». Согласно «Имениннику», он умер в 766 г., и ему наследовал его родственник Умар. Тем временем император был свободен, чтобы направить войска для умирения славян, которые воспользовались войной, чтобы наведываться к фракийской границе³⁶.

Однако мир вновь оказался кратким. Царствование Умара длилось лишь несколько месяцев; в конце 766 г. он был свергнут неким Токтом, который, как нам известно, являлся братом Баяна и булгарином. Последний эпитет кажется излишним; возможно, он означает, что Токт принадлежал к националистической военной партии, оппозиционной к грекофильскому дому Укиля. Константин ответил на мятеж новой экспедицией, которая нашла пограничные крепости заброшенными и опустошила всю страну. Те булгары, что смогли, бежали в леса Дуная. Токт и его брат Баян были схвачены и преданы смерти; бывший хан Паган был убит своими рабами, когда пытался бежать в Варну.

В течение следующих нескольких лет в Болгарии царила анархия; но булгары тем не менее все еще оказывали сопротивление императору. Его следующая кампания стала безрезультатной: он двинулся с войсками, опустошая земли на своем пути, но дошел только до реки Тунджи, расположенной очень близко к границе, и затем был вынужден удалиться, возможно, из-за неприятностей дома. Но Константин упорно продолжал свое движение на Болгарию, решительно настроенный управлять *сюр де гра́се*. Соответственно (возможно, в 767 г.), он снова послал хорошо подготовленные войска и дошел до ущелья Берегавы. Но экспедиция не стала окончательной в болгарско-императорском соперничестве, как он наде-

ялся: 2600 кораблей, которые отправились вдоль Черного моря, чтобы привести дополнительные войска в Месемврию, были отброшены северным ветром на берег залива Бургас и пришли в полную негодность. Однако болгары все еще были настроены искать мир с империей, и враждебные действия прекратились в течение пяти лет³⁷.

В течение этих лет — мы не знаем точно когда, так как «Именинник» заканчивается упоминанием об Умаре, — новый способный хан взошел на болгарский трон, некий Телериг, неизвестного нам происхождения. К маю 733 г. Телериг занял вполне твердые позиции, чтобы встревожить императора. Константин использовал свою обычную тактику. Флот из 2000 кораблей был послан на Дунай, где высадился император, в то время как стратиги фем напали на Болгарию по суше. Когда император, двигаясь на юго-запад, достиг Варны, болгары в ужасе запросили мира. Константин согласился и вернулся в Константинополь, куда прибыл боярин Цигат для обсуждения условий мирного договора. Но в октябре, в то время как переговоры все еще продолжались, Константин был информирован шпионами, что Телериг подготовил для экспедиции 12 000 солдат под командованием боярина против берзетийских славян, которые жили в Фессалии, намереваясь депортировать их в Болгарию (вероятно, болгары были озабочены тем, как увеличить свое население, уменьшенное войной, а берзетийцы, родственные их славянским подданным, казались болгарам наиболее сговорчивым племенем). Но Константин оказался еще быстрее. Введя в заблуждение болгарского посла и притворяясь, что он вооружался против арабов, император вторгся в Болгарию и с армией в 80 000 человек напал на болгар при Литосории³⁸, принудив их бежать, не понеся никаких

потерь. Его возвращение в Константинополь было отпраздновано с триумфом, а кампания получила название Аристократической Войны³⁹.

Аристократическая Война, без сомнения, ускорила заключение мира. Мы не знаем его условий, за исключением того, что хан и император брали обязательства никогда не нападать друг на друга. Вскоре мир был нарушен. В начале следующего, 774 г. Константин запланировал другую объединенную сухопутную и морскую операцию, решив в этот раз сопровождать сухопутные силы. Экспедиция оказалась, очевидно, безрезультатной; снова вмешалась погода и разрушила некоторые из его судов: хотя история Феофана о почти вселенской катастрофе слишком похожа на предыдущую историю бедствий при Анхиае, чтобы считать ее убедительной. Феофан всегда жаждал преувеличить катастрофы еретического императора⁴⁰.

Позднее в том же году Телериг перехитрил императора. Феофан сообщает, что хан послал своих людей к Константину, чтобы сказать, что считал должным приехать в Константинополь и спросить императора об именах тех, кто являлся доверенными друзьями императора в Болгарии. Константин был достаточно честен, чтобы послать Телеригу в ответ список всех его шпионов и агентов в Болгарии; после чего Телериг просто арестовал и казнил их всех и тем самым нанес непоправимый вред императорской разведке. Маловероятно, что император, столь хитрый, как Константин Копроним, мог сыграть в этой истории такую наивную роль; но несомненно, что каким-то образом Телериг смог приобрести список императорских агентов и использовать его в своих целях⁴¹.

Император был в ярости и еще раз поднялся для решительных действий. Но когда он собирался в девятую экспедицию, ужасная лихорадка овладела им, и он умер в агонии в крепости Стронгил 14 сентября 775 г.⁴²

Болгария снова была спасена. Кампании Константина стали славной главой в истории византийской армии, и они нанесли Болгарии серьезное поражение. Ее армия снова и снова оказывалась разгромленной, а население — истощенным; ее ханы были слабы как правители. Определенно казалось, что другой Константин или даже другая военная кампания означали бы для нее конец. Однако, хотя *соур де гра́се* так часто был управляем, болгары выжили. Аспарух и Тервель закрепили эти земли за булгарами, так что их народ уже никто не мог изгнать со своей земли. А военные катастрофы привели к установлению тесной связи булгар со славянами. Мы видели, что они насильственно поощряли славянскую иммиграцию, среди которой постепенно поднималась славянская аристократия, проявившая себя в начале следующего столетия, вступая периодически в смешанные браки с булгарами. Несчастья всегда влекут за собой объединение.

Но хотя болгары не могли быть вытеснены со своей земли, они определенно были ослаблены войной, что создавало возможность для поглощения их империей, как и многих других племен. Даже после смерти Константина эти проблемы не исчезли. В 777 г. Телериг сам был вынужден бежать из своей страны. Он прибыл ко двору императора Льва IV и там принял крещение. Ему оказали честь, предложив руку греческой невесты, кузины императрицы. Если бы тогда император пожелал вмешаться, Болгария могла быть вновь серьезно ослаблена; но империя сама была утомлена и все еще переживала

разрыв между иконоборцами и защитниками. А сама Болгария сейчас являла собой столь слабое и неизвестное многим государство — даже преемник Телерига нам неизвестен, — что со стороны империи было бы благо-разумным позволить ей существовать до появления новой возможности подготовиться к вторжению на ее территорию. Варвары могли остаться на Балканах, но число их было незначительным.

КНИГА II

ВЕЛИКИЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ

ГЛАВА I. ЧЕРЕП ИМПЕРАТОРА

Императрица — регентша Ирина, оставшаяся в памяти людей благословенной, — провела весну 784 г., объезжая северные границы своего государства. Это было удачное время. В прошлом году ее генерал, Ставракий, покорил славян греческого полуострова, заставив их подчиниться империи. За границей ситуация оставалась спокойной; Фракия, разоренная войнами прошлого века, вновь постепенно заселялась активным населением, доставленным сюда с Востока, армянами — еретиками, которые не представляли опасности, находясь столь далеко от своей родины. И поэтому императрица отправилась в путь к Веррие с музыкой, восстановила город и переименовала его в Иринуполь, а затем вернулась в Анхиал¹.

Ее разум был успокоен представшим перед ней зрелищем. В данное время Болгария не могла выступать в роли опасного противника. Действительно, два года спустя, в сентябре 786 г., когда ее сын император Константин VI достиг зрелости и оказался очень популярным в армии, она посчитала как мудрым, так и безопасным сократить фракийское народное ополчение под предлогом Восточной кампании, чтобы поставить солдат под руководство своего друга Ставракия и держать их у себя в Константинополе².

Но в начале 789 г. ей пришлось пережить неприятные минуты. Филит, стратиг Фракии, производил разведку по реке Струма и, по-видимому, вторгся на территорию, которую болгары считали своей. Он разделял веру правительства в полную безопасность и, не приняв никаких предосторожностей, беззаботно прошел по чужой территории. Внезапная атака болгар застала его врасплох, поставив в невыгодное положение. Многие из его солдат и он сам были убиты³.

В то время болгары не были слишком сильны: их можно было успешно атаковать снова. В апреле 791 г. юный император, только что возглавивший армию и жаждавший военной славы, которая бы позволила ему превзойти популярность своей матери, решил вторгнуться на территорию Болгарии. В это время некий Кардам находился на болгарском троне. Имена его предшественников и дата его вступления на престол неизвестны, но он стал вполне компетентным правителем. Однако военная кампания потерпела полное фиаско. Константин продвинулся вплоть до крепости Проват на реке святого Георгия⁴. Там он напал на болгар; а вечером произошла легкая схватка. Но в течение ночи императорские армии были охвачены паникой и бежали, в то время как болгары, также встревоженные, вернулись поспешно на свои стоянки⁵.

Константин горел желанием провести более успешную кампанию и снова собрал войско против Кардама в июле следующего года. Астролог Панкрат обещал ему славную победу, но он ошибся. Константин прошел до Маркеллы на границе и отремонтировал укрепления; но когда он расположился вблизи болгарской территории, 20 июля Кардам атаковал его со всеми армиями болгарского царства. Юношеский пыл императора и уверенность заставили его вступить в бой без должных приготовлений, и он потерпел жестокое поражение. Импера-

тор был вынужден удалиться в Константинополь в позоре, оставив деньги, лошадей и свое оружие в руках врага, в сопровождении посрамленных генералов и ложного пророка Панкрата⁶.

После этой катастрофы Константин оставил болгар в покое. Тем временем амбиции Кардама росли, и в 796 г. он потребовал от императора выплаты дани, угрожая в противном случае разорить Фракию вплоть до Золотых Ворот. Константин ответил с насмешкой, что он не причинит неудобств старому человеку, заставляя его идти так далеко; напротив, он лично отправится в путь, чтобы встретиться с ним в Маркеллах, и пусть Бог решит, чему суждено произойти. Но Бог был крайне нерешителен. Константин вышел в полном вооружении, дойдя до Версиникия, находившегося вблизи Адрианополя; Кардам, обеспокоенный численностью императорской армии, спрятался в крепости Абролеба⁷. В течение семнадцати дней Константин напрасно призывал болгар к сражению; и в конце концов каждый монарх вернулся домой ни с чем⁸.

Снова установился период мира. Был ли заключен между правителями определенный договор, мы не знаем. Современные историки, которые едины в своем порицании императрицы Ирины, склонны представлять, что она платила дань всем своим соседям⁹, однако в отношении болгар нет свидетельств для такого утверждения. Императрица определенно жаждала мира; в 797 г. она наконец избавилась от собственного сына, ослепив его, и столь чуждый для матери поступок привел к тому, что она потеряла популярность в народе. Армия всегда была враждебно настроена к ней, а церковь, хотя и могла канонизировать императрицу, не помогла ей в иностранных кампаниях. Но Кардам также желал мира. Его робость во время войн показала, как неуверенно он себя чувствовал в положении правителя. Болгария все еще

была беспокойна и слаба; хан, возможно, был полностью занят осуществлением контроля над своими боярами и реорганизацией царства. И поэтому обе страны благодарно восприняли передышку, хотя ни одна не смогла добиться от другой стороны дани.

Однако вскоре Болгария совершенно восстановилась со времени Константина Копронима. Свободная от нападений, благодаря разладу в семье своих противников императоров, она сама выработала путь собственного спасения. Кардам мог ощущать слабость своего положения, но очевидно, что он так никогда и не был смещен с трона. Если бы Константин VI обладал способностями своего деда и тезки, болгары вновь могли оказаться в ситуации анархии. Но победы Кардама должны были послужить усилению его собственных позиций в стране, а вместе с тем и всей Болгарии. Если бы чиновники Константина обратили свои глаза к северу, вместо того чтобы интересоваться, кто мог наследовать императрице, они могли быть обеспокоены и даже встревожены тем, чему только предстояло произойти.

Некоторое время спустя после 797 г. хан Кардам умер, и мы так же не имеем никаких сведений об этом, как и о том, в каких обстоятельствах он принял трон. Императрица Ирина утратила власть в 802 г.; белые лошади более не возили ее по улицам Константинополя. На императорском троне теперь обосновался ее сердечный друг, лицемерный логофет, ставший императором Никифором I, жаждавшим показать всем силу своего правления. Он не догадывался, к чему это приведет его.

Далеко на севере, в долинах и предгорьях Паннонии, Венгрии и нынешней Трансильвании, Аварская империя все еще продолжала свое существование, и под властью авар все еще находилось большое количество болгар, потомков тех древних болгар, которых авары захватили в плен более двух столетий ранее, и потомки четвертого

сына царя Куврата и его спутников. Но в конце VIII в. новая сила распространилась к Центрально-Европейской равнине; империя франков, повелителей Франции и Германии, искала способы защитить свою восточную границу, распространяя свое влияние все дальше и дальше к Дунаю. В 791 и вновь в 795–796 гг. франкский король Карл — вскоре, в 800 г., ему предстояло короноваться как императору в Риме, тем самым бросив вызов византийскому императору, — вторгся на территорию авар, поддерживаемый их своенравными славянскими вассалами. Сопrotивление авар было слабым; к концу века франкское доминирование достигло берегов реки Тисы.

Паннонские булгары извлекли выгоду из данной ситуации. На восточном берегу Тисы они завершили разгром авар. Детали этого события нам неизвестны; но приблизительно к 803 г. Аварская империя совершенно исчезла. Вскоре после этого франки и булгары встретились на Тисе. Франкский император даже намеревался двигаться дальше на восток и покорить паннонских булгар, но он воздержался от данного шага, предполагая, что без помощи авар булгары не смогут причинить вред его королевству. Карл мог, возможно, рассчитывать на моравских или хорватских славян, выступавших в качестве буфера для его государства.

Булгарским вождем, завоевавшим авар, стал Крум¹⁰. Его происхождение нам неизвестно. Исходя из того, что он в течение всего своего правления находился в полной безопасности на троне, в нем соблазнительно видеть отпрыска давно укрепившегося в Болгарии царского рода — так как только монархи несомненно высшего происхождения могли долго удерживать свою власть над булгарскими боярами — из булгар Паннонии. Он мог даже быть потомком четвертого сына царя Куврата, наследником дома Атилы. Но более важным, чем его

рождение, стали амбиции и способности нового правителя. Крум не собирался оставаться паннонским князьком. К 808 г. он утвердился на троне в Плиске как верховный хан балканской Болгарии.

Как это произошло, мы не знаем. Возможно, балканские булгары всегда поддерживали контакт со своими родственниками. Со времени Аспаруха хан в Плиске уже контролировал долины Валахии и Молдавии; а паннонские булгары в Трансильвании располагались близко к ним; их разделяли только Карпатские горы. По смерти Кардама балканские булгары были оставлены без хана. Возможно, для Крума как победителя в аварских войнах оказалось легким делом (либо благодаря демонстрации своего оружия, либо только убеждениями) возвести себя на более великий трон и объединить два болгарских царства в одну великую империю, простиравшуюся от Тисы и Савы до берегов Черного моря¹¹.

Эффект объединения булгар трудно переоценить. Паннонская Болгария была болгарским государством, а не болгарско-славянским; в объединенном царстве болгарский элемент должен был быть пропорционально усилен. Но Крум был слишком проницательным монархом, чтобы позволить аристократии оставаться излишне могущественной; он возможно противостоял ей, подчиняя Паннонию Балканам и поощряя славянский элемент на Балканах. В целом единственный важный результат объединения заключался в том, что оно увеличило военную силу царства. Балканские булгары слабо проявили себя в войнах VIII в. — славяне, которые сформировали основу их армий, не были агрессивными и оставались неорганизованными в бою, — но в IX в. Болгария стала одной из наиболее заметных военных держав Европы.

Кардам и Ирина оба желали мира. Никифор хотел войны; и Крум, со своими свежими силами и балкански-

ми амбициями, был готов вступить в нее. Она разразилась в 807 г. До этого времени Никифор был занят войнами на восточной границе, но сейчас смог выставить войска против Болгарии. Кампания оказалась обречена на провал; когда император достиг Адрианополя, он открыл заговор против себя в собственных войсках. Он погасил его с жестокостью, но посчитал мудрым не идти дальше и поэтому вернулся в Константинополь¹². В следующем году болгары перешли в наступление: Никифор, подозревая их в наступлении на Македонию, набрал в армию ополчение из фемы Стримон. Поздней зимой, столь поздней, что атака представлялась нереальной, болгары нагрянули неожиданно, убили стратига фемы и многих других, захватили 1100 фунтов золота, предназначенного солдатам¹³.

Весной 809 г. Крум развил свою победу, предприняв опасный для империи шаг. На границах располагалась мощная линия императорских крепостей, задерживающих болгарское наступление на юг и юго-восток, — Девельт, Адринополь, Филиппополь и Сардика (София). Они, вероятно, были отремонтированы Константином Копронимом, который понимал их стратегическую важность. Булгар они всегда раздражали, особенно Сардика, располагавшаяся на их пути в Сербию и Верхнюю Македонию. В марте Крум внезапно появился перед Сардикой. Укрепления были слишком сильны для него, но благодаря какой-то хитрости он смог войти. Отряд крепости в 600 человек был вырезан вместе с гражданским населением, а крепость срыта. Видимо, Крум не стремился присоединить этот район к своему царству, но хотел просто сделать Сардику непригодной для службы в качестве императорской крепости. В четверг, еще до наступления Пасхи (3 апреля), Никифор получил новости о захвате и покинул столицу, собрав армию. Ускоренным маршем он продвинулся во вражескую территорию

и в Пасху достиг незащищенной Плиски. Город заплатил за поражение Сардики: дворец Крума был разграблен, а император написал триумфальное письмо в Константинополь, объявляя о своем прибытии в болгарскую столицу. Поход на Плиску стал триумфальным подвигом императорских армий; набожный хроникер Феофан, который весьма не одобрял Никифора, решил, что в действительности тот лгал, что одержал победу. Из Плиски Никифор прошел к Сардике, чтобы вновь отстроить крепость; нарочно или случайно, он не встретился с возвращавшейся армией Крума на своем пути. В Сардике император столкнулся с определенными трудностями: солдатам не понравилось работать в качестве каменщиков, и они не доверяли его отговоркам. Однако в конце концов солдатский мятеж был подавлен; Сардика была быстро и без больших затрат перестроена, а удовлетворенный император вернулся в Константинополь¹⁴.

Но в это время произошел худший инцидент. Несколько офицеров из гарнизона Сардики избежали резни Крума и пришли к Никифору. Он, однако, не обещал не наказывать их — император, возможно, подозревал, что причиной вторжения в Сардику стало предательство; поэтому офицеры бежали к болгарскому двору (таким образом, определенно намекая на свою виновность), где Крум радушно принял их. Среди этих беженцев был известный инженер Евмафий, ставший хорошим приобретением для болгар, так как он научил их всем изобретениям современного военного дела. Позднее Феофан сообщает нам более полную и совершенно другую историю о Евмафии, который по своему происхождению был арабом: Никифор нанял его в Адрианополе, но вознаграждал скупно — Никифор всегда стремился делать все недорого — и, более того, ударил его, когда тот пожаловался на несправедливую оплату своего труда; обидчивый араб тотчас же исчез. Обе истории могут быть верными;

Евмафий, который всегда занимался ремонтом крепостей, работал в Сардике во время вторжения Крума, и обида подтолкнула его к предательству. Определенно, что каким-то образом из-за своей бестактности Никифор передал ценного человека хану¹⁵.

Булгарские амбиции в отношении Македонии все еще беспокоили императора, и в течение следующей зимы он осуществил обширные переселения. Македонские славяне не были верны империи; Никифор попытался удержать их под своим контролем, расселяя в колониях верных крестьян из Малой Азии, составлявших хребет его империи. Анатолийские крестьяне не оценили императорскую политику; некоторые даже были готовы скорее пойти на самоубийство, нежели покинуть свои дома и могилы отцов. Но Никифор был неумолим; ситуация, как он ее себе представлял, требовала принятия срочных и бескомпромиссных решений, и он гордился тем, каким образом с ней справился. Перемещение населения, однако, не было, по большому счету, действительно эффективным¹⁶.

Но император уже решил разбить Крума полностью и навсегда. Его подготовка к войне была долгой и осторожной; войска собирались по всей империи. В данный момент времени от сарацин не исходила опасность; поэтому войска малоазийских фем прибыли со своими стратигами, чтобы усилить армию. В мае 811 г. великая экспедиция покинула Константинополь, ведомая самим императором и его сыном Ставракием.

В Маркеллах, на границе, Никифор остановился для того, чтобы пополнение присоединилось к нему. Крум был напуган и отправил посольство в Маркеллы, скромно прося мира. Император прогнал послов; он не доверял булгарским обещаниям и был уверен в своей победе. Но в то время как он все еще находился в Маркеллах, внезапно исчез один прислужник вместе со 100 фунтами

золота и частью императорского гардероба; вскоре появились новости, что он ушел к Круму. Предзнаменование было тревожным — покидали ли крысы тонущий корабль?

В июле императорские армии вторглись в Болгарию и двинулись прямо на Плиску. Крум бежал перед ними, и 20 июля¹⁷ они достигли болгарской столицы. Никифор проявил жестокость, разорив целый город, вырезая население и сжигая все на своем пути, уничтожив даже болгарских детей, пропустив их через молотилки. Ханский дворец погиб в огне — он был, возможно, деревянным, — а на болгарскую казну Никифор наложил императорскую печать, намереваясь сохранить ее для себя. И вновь Крум отправил посольство с просьбой о мире, обращаясь к императору: «Смотри, ты победил. Возьми, что желаешь и уходи с миром.» Но император-победитель оказался горд и упрям.

Крум был в отчаянии; но беспечность Никифора предоставила ему шанс. Булгарские армии бежали в горы, и Никифор последовал за ними. В четверг 24 июля императорская армия была поймана в узком горном ущелье, и болгары быстро построили деревянный частокол с каждой стороны ущелья. Слишком поздно Никифор понял, что попал в ловушку и что поражение оказалось неизбежным. «Даже если бы мы были птицами, — сказал он, — у нас не было бы надежды спастись». В четверг и пятницу болгары кропотливо работали над фортификационными сооружениями. В субботу они сделали перерыв; возможно, они решили ждать и уморить голодом великую императорскую армию. Но нетерпение пересилило их; поздней ночью, 26 июля, они напали на врага.

Сражение превратилось в бойню без сопротивления. Императорская армия, которую застигли врасплох, сама позволила себя уничтожить. Император и почти все военачальники и высокие сановники погибли — некоторые

были убиты в своих шатрах, другие сожжены при пожаре частокола. Сын императора Ставракий был ранен, смертельно ранен, хотя и протянул в агонии несколько месяцев. Со своим зятем Михаилом Рангаве, одним из немногих спасшихся, вместе с призрачными остатками своей армии, он бежал очертя голову под укрытия Адрианополя. Голова Никифора была выставлена на столбе на несколько дней для удовольствия булгар; затем Крум выдолбил ее и покрыл серебром. Она стала для него прекрасным кубком, из которого он пил со своими боярами, выкрикивая славянский тост «здравицу»¹⁸.

Битва оставила о себе долгую память, сохранив зримые следы жестокой сечи. В 1683 г. сербский патриарх увидел в Эски-Бабе (Фракия) могилу некого Николая, который ушел вместе с армией и видел предупреждающий сон. Турки поместили тюрбан на голове трупа¹⁹.

Новости о катастрофе стали ужасным шоком для всего императорского мира. Никогда еще со времен Валента на поле Адрианополя император не терпел поражения в битве. Это был громадный удар по престижу самой императорской фигуры — удар по легенде об императорской неприкосновенности, столь тщательно взлелеянной и поражавшей варваров. Более того, вестготы, которые разбили армию при императоре Валенте, были только кочевниками, переходившими все время на другие земли; булгары же являлись варварами, поселившимися в горных проходах, и решительно настроенными — сейчас еще более, чем прежде, — остаться на своей земле. Теперь империя никогда бы не загладила свой позор и не забыла бы о нем, в то время как булгары всегда могли получить моральное удовлетворение, обратившись к воспоминаниям о своем триумфе.

У Крума была весомая причина для ликования. Все достижения долгих кампаний Константина Копронима

были уничтожены одним сражением. Крум мог теперь смотреть на империю с позиции победителя императора, встав с ним на одну высоту, которой прежде не достигали ни Аспарух, ни Тервель. С этого времени ему уже не нужно было бороться за независимость своей страны, но он мог сражаться за завоевания и аннексию. Более того, в самой Болгарии позиции хана были укреплены; никто не осмеливался теперь подвергнуть сомнению авторитет победоносного правителя. Усиление болгарской короны стало самым важным следствием военной кампании Крума²⁰.

Пресыщенные своей победой, болгары не сразу начали развивать свое вторжение. Константинополю была предоставлена передышка, в то время как умирающий император Ставракий освободил путь к трону своему зятю Михаилу Рангаве²¹. Но следующей поздней весной (812 г.) Крум атаковал императорскую крепость Девельт, суетливый город у залива Бургас, контролирующей прибрежную дорогу к югу. Город не мог долго держаться против болгар. Крум снес крепость, так же, как он поступил с Сардикой, и перевез его население с епископом в сердце своего царства. В июне новый император Михаил намеревался встретиться с болгарам, но новости о том, что он опоздал и город спасти уже невозможно, вместе со слабым мятежом в его армии заставили императора вернуться обратно, пока он еще находился во Фракии²².

Бездействие Михаила и победы болгар испугали жителей пограничных городов. Они видели врага, разоряющего окрестные территории, и решили спастись своими силами, как могли. Более маленькие пограничные крепости, Проват и фракийская Никея, были оставлены населением; даже жители Анхиала и фракийской Веррии, чьи защитные сооружения императрица Ирина недавно отремонтировала, бежали в районы, располагавшиеся

вне досягаемости языческих орд. Паника распространилась вплоть до большой крепости-метрополии в Западной Фракии, Филиппополя, который был оставлен в полузапустении, а затем до Македонских городов Филиппы и Стримон. В данных городах проживало в основном азиатское население, которое в свое время было переселено туда Никифором. Однако оно бежало, воспользовавшись возможностью вернуться на родину²³.

Но Крум не предпринял полного наступления. Проявив осторожность и терпимость, редкую для варварского завоевателя, он отправил посольство для заключения мира; он желал, по-видимому, закрепить каждый свой шаг. В сентябре 812 г. его посол Даргомир — первый славянин, который появляется в официальных болгарских кругах, — прибыл к императору, требуя обновления договора 716 г., договора, составленного между Тервелем и Феодосием III. Болгария должна была восстановить границу в районе Милеоны и получить на 30 фунтов дань из кожи и платья; заключенные и перебежчики должны были быть возвращены, а торговые связи возобновлены²⁴. Крум, однако, знал, что обладал превосходством; он пугал императора, что если мир не будет заключен, он нападет на Месемврию. После некоторых консультаций император отверг мир: он не мог допустить передачу болгарских перебежчиков. Для византийской дипломатии всегда было важным собирать вокруг себя и поддерживать иностранных претендентов на трон и государственных деятелей-беженцев; и Михаил, возможно, надеялся изъять из договора эту статью. Но Крум был настроен получить либо все, либо ничего. Верный своей угрозе, он появился в полном вооружении перед Месемврией в середине октября.

Месемврия была одним из богатейших и наиболее важных городов во всей Юго-Восточной Европе. Она не служила лишь оздоровительным курортом, но являлась

также большим коммерческим центром и портом для отправки продукции из Восточной Болгарии и также для остановки всех судов, приходящих из Константинополя к Дунаю и северным берегам Черного моря. В дополнение к этому природа и искусство, приложив равные усилия, превратили ее в чудесную крепость. Она занимала небольшой полуостров на северном входе в залив Бургас, соединяясь с континентом только через перешеек приблизительно в четверть мили в длину, таким низким и узким, что во время шторма он скрывался в море²⁵. Эта естественная цитадель в дальнейшем была укреплена огромными крепостными сооружениями.

Сильные укрепления могли спасти город. У Крума не было кораблей; он мог только атаковать город вдоль перешейка, в то время как императорский флот получал возможность беспрепятственно доставлять защитникам крепости пищу на глазах болгар. Но императоры Исаврийской династии сэкономили на морских вооружениях; в данное время едва ли уже существовал императорский морской флот. Гарнизон, застигнутый врасплох, был вынужден обходиться своими силами; император даже не пытался оказать помощь городу. С другой стороны, Круму помогли инженерные навыки перебежчика Евмафия.

Скорое выполнение Крумом своей угрозы встревожило правительство в Константинополе. 1 ноября Михаил созвал совет. Сам он сейчас благоволил миру, но не был силен достаточно, чтобы утвердить свою волю среди советников: они резко разделились на две партии, ведомые, как было характерно для этих времен, церковниками — Феодором Студитом, благоволящим войне, и патриархом Никифором, историком, стоящим за мир. Военная партия победила благодаря той самой статье о перебежчиках, обращая внимание на фундаментальные принципы христианского гостеприимства и насмехаясь над готовностью мирной партии платить дань. Четы-

ре дня спустя их победа стала окончательной, так как пришли новости о падении Месемврии.

Круму досталась богатая добыча. В Месемврии находились не только предметы роскоши и большое количество золота и серебра, но также там болгары обнаружили некоторые из наиболее драгоценных и секретных византийских изобретений: жидкость «греческий огонь» и тридцать шесть сифонов с ней. Крум унес трофеи, а затем, следуя своей политике, снес укрепления и вернулся домой²⁶.

Император теперь был обязан планировать экспедицию, чтобы отомстить за позорное бедствие. Следующим февралем двое христиан, которые бежали из Болгарии, рассказали ему, что Крум готовился к нападению на Фракию. Михаил поспешно собрал войска со всей империи; в мае он выступил с огромной армией, в основном азиатской по своему составу. Императрица Прокопия проводила армию с ободряющими призывами с акведука рядом с Ираклией. Но добрые пожелания императрицы принесли мало пользы. В течение месяца Михаил болтался без дела во Фракии, даже не пытаясь восстановить и отремонтировать крепость Месемврию, в то время как азиатские войска приходили в волнение. Ранним июнем Крум пересек границу, и две армии сошлись лицом к лицу у Версиникия. В этом местечке Кардам в свое время прятался в лесах от Константина VI; но Крум был самоуверен и приготовился для жестокого сражения. В течение пятнадцати жарких летних дней каждая армия ожидала, когда двинется другая; наконец генерал, ответственный за фракийские и македонские войска на левом крыле императорской армии, Иоанн Аплакис, просил дозволить ему атаковать. Императорская армия превосходила числом болгарскую десять к одному; и императорские войска могли победоносно сражаться с варварами, когда доходило до открытого столкновения.

Михаил дал свое разрешение, и 22 июня Иоанн Аплакис начал сражение. Булгары отступили в смущении перед его атакой, но тогда он внезапно обнаружил, что сражался один: остальная армия бежала в необъяснимой панике во главе с анатолийскими войсками на правом фланге. Крум, насколько нам известно, был слишком изумлен и подозрителен, чтобы преследовать тотчас же; но он вскоре обнаружил, что бегство императорских войск было подлинным. После уничтожения храбрых из состава дезертировавших войск Аплакиса, он последовал за беглецами, которые бежали весь путь вплоть до самой столицы. Это была удивительная битва: единственным объяснением ее исхода может служить предательство в императорских войсках — в анатолийских подразделениях. Военачальником анатолийских отрядов был Лев Армянин, и именно он выиграл больше всех в результате сражения: Михаил отказался от короны, и она перешла ко Льву. В результате этих обстоятельств именно Льва подозревали в предательстве, хотя это нельзя доказать с определенностью — он разыграл свою карту слишком ловко. Но Крум был также посвящен в заговор. Он предпринял рискованный шаг, вступив в жестокую битву против превосходящих сил противника на открытой территории — риск, который не предпринимал никто из булгар ни до, ни после него; невероятно, что в такой уникальной ситуации Крум мог быть столь опрометчив и глуп — и готов поставить себя в положение, когда только чудо могло спасти его, если бы он не был уверен, что оно непременно произойдет. И скорее всего по договоренности, а не случайно, он не стал сразу преследовать беглецов²⁷.

Победа могла стать предметом договоренности; но Крум не терзался угрызениями совести, следуя своему плану. Фракия была лишена войск, и успех оказался легко достижим. Оставив своего брата осаждать Адриа-

нополь, он продвинулся вперед со своей армией, нацеливаясь ни на что иное, как на саму императорскую столицу. 17 июля его армия прибыла к стенам города.

Мощные защитные сооружения обескуражили его; вместо того чтобы приказать начинать штурм, он прибег к зрелищным демонстрациям своей силы. Любопытные и испуганные жители со стен могли наблюдать, как люди и животные приносились в жертву на языческих алтарях, они могли видеть верховного хана, омывающего ноги в волнах моря и церемониально окроплявшего своих солдат или шествующего торжественно через ряды поклоняющихся ему наложниц, сопровождаемый хриплым одобрением своих орд. Доставив себе удовольствие варварскими пышными зрелищами, он послал своих людей к императору, требуя, чтобы ему позволили прикрепить свое копьё на Золотых Воротах в знак его триумфа. Император, амбициозный изменник Лев Армянин, отказал в оскорбительном требовании, поэтому Крум приготовился действовать более практично. Укрепив свой лагерь валом, он приступил к грабежам окружающих земель в течение нескольких дней. Затем он послал снова к императору, предлагая мир, возможно, на основе знаменитого мира Тервеля, но настаивая особо на большой дани золотом и платьем и юными девами для себя. Тогда Лев увидел возможность решения всех своих проблем.

Эпизод, последовавший за этим решением, подлый с современной точки зрения, долгое время представлял пример вероломства и деградации Византии для патристических балканских писателей. Но мы живем в безбожный век, а в IX в. каждый истинный и преданный христианин относился к язычникам как к животным или как орудию дьявола в зависимости от их способности навлекать зло на истинно верующих. В соответствии с этими стандартами Крум, «новый Сенахериб»²⁸, был самым

главным демоном, любые средства освободить христианский мир от такого чудовищного гонителя были справедливы и оправданы. Нам следует помнить также, что Крум сам не прочь был использовать хитрость, и при этом неоднократно; однако мы лишены точных деталей развернувшихся событий.

Лев ответил на действия Крума, предложив встречу между двумя монархами на берегу Золотого Рога; как раз за стенами Константинополя. Крум должен был прибыть на лошади, а Лев — на лодке, каждый мог взять с собой несколько невооруженных спутников. Крум согласился и следующим утром поехал к месту встречи в сопровождении казначея, зятя, греческого перебежчика по имени Константин Пацик, и своего племянника, сына Константина. Лев и его друзья прибыли в императорской барке. Разговор начал Константин, который выступал в роли переводчика. Внезапно один из императорских представителей, Гексабулий, закрыл лицо руками. Крум был обижен и встревожен и тотчас же вскочил на свою лошадь. В этот же момент трое вооруженных людей выскочили из ближайшего дома и напали на маленькую группу болгар. Спутники Крума встали, образовав небольшой круг, чтобы защитить своего господина и спастись самим, однако не могли оказать сопротивления. Казначей был убит и двое Пацикиев захвачены в плен. Но Крум, против которого и была направлена хитрость, сбежал. В него стреляли из лука, когда он скакал прочь, но лишь слегка ранили его. Он достиг лагеря, не пострадав, и дал обет уничтожить своих врагов. Набожные жители Константинополя были жестоко разочарованы. Неудача стала наказанием за их грехи, говорили они.

Следующие несколько дней Крум провел в горячем мщении. Все окрестности города, не только вблизи к стенам, но также богатые города и деревни на дальней

стороне Золотого Рога и на европейском берегу Босфора, славившиеся церквями, монастырями и великолепными виллами, были отданы на растерзание огню. Дворец святой Мамы, одна из прекраснейших пригородных резиденций императора, был совершенно уничтожен; его декорированные капители и скульптуры с изображением животных были уложены в повозки, чтобы украсить дворец хана в Плиске. Каждое живое существо, которое булгары встречали на своем пути, они убивали. Разрушение распространилось дальше, когда хан начал свое движение домой. По дороге в Силимврию каждый город и деревня подверглись разрушению; сама Силимврия была сровнена с землей. Булгарский разрушитель продолжал идти, неся ужас. Ираклея спаслась благодаря своим мощным укреплениям, но все живое за их пределами было уничтожено. Булгары сравнивали с землей крепость Даонин; они двинулись к крепостям Редесто и Априй, чтобы подвергнуть их той же участи. Там они остановились на несколько дней, затем пошли на юг к холмам Гания. Несчастные жители окрестностей бежали туда, чтобы укрыться; хан приказал отыскать их, мужчин убить, а женщин, детей и животных захватить и отправить в Болгарию. Затем, после короткой разрушительной поездки в Геллеспонт, Крум повернул на север, к Адрианополю. Великая крепость все еще оказывала сопротивление брату хана. Но Крум привез с собой машины, чтобы с их помощью разрушить стены. Гарнизон находился в состоянии голодного истощения и знал, что сейчас уже нельзя было рассчитывать на помощь. Последовала капитуляция. Город был разрушен и приведен в запустение. Все жители, как нам известно, до 10 000, были перевезены на северный берег Дуная. Там их продали в рабство, а Мануил, архиепископ, и самый непоколебимый среди своей паствы, принял мученический венец. Императорское правительство сожалело теперь

о своем упрямстве и обмане. Оно просило хана о мире; но Крум был неумолим. Он не мог простить то, как с ним обошлись²⁹.

В эти мрачные дни жители Константинополя молились и надеялись на то, что Константин Копроним восстанет из гроба, чтобы разгромить болгар, поскольку он всегда побеждал их. Воскрешение, однако, было невозможно, и император Лев поклялся стать достойной ему заменой. Он выступил из Константинополя со своей армией вскоре после того, как Крум ушел, но не пытался преследовать его, а вместо этого отправился вдоль побережья Черного моря; его цель состояла в восстановлении Месемврии. Недалеко от Месемврии он встретил болгарские войска — вероятно, только часть армии Крума. Крум не находился, очевидно, в то время там. Этот район часто терпел опустошение за недавние годы, и болгарская армия испытывала нужду в запасах. Лев, с другой стороны, находясь в контакте с морем и судами, получал достаточное обеспечение. Выяснив, в чем состояли трудности болгар, император разработал план. Он удалился тайно с некоторыми отборными отрядами на холм. Однако остальная часть армии, заметив исчезновение императора, ударились в панику. Новости об этом достигли болгар, которые сразу же решили напасть. Но Лев предупредил свою армию о задуманном маневре вовремя; так что она объединилась и была готова встретить болгар. В это время Лев напал на них с холма и с тыла. Это сражение стало триумфом для императорской армии; ни один болгар не спасся. Лев мог продвинуться в Болгарию и опустошить сельскую местность. При этом он щадил взрослых, но со зловещей предусмотрительностью убивал детей, бросая их на камни. Булгары глубоко стыдились своего поражения. Холм, на котором Лев сидел в засаде, долгое время на-

звался холмом Льва, и булгары, проходя мимо, указывали на это место и печально покачивали головами³⁰.

Но успех Льва в этом сражении не стал очень важным событием. В течение следующей зимы, которая выдалась необычно умеренной и сухой, болгарская армия в 30 000 солдат пересекла неглубокие реки и разграбила Аркадиуполь (Люле-Бургаз). На обратном пути они обнаружили, что дождь за неделю переполнил реку Эргенц, поэтому они вынуждены были ждать, пока спадет река и затем построить мост. Но во время этой задержки Лев ничего не предпринял, как сообщали его критики, чтобы напасть на булгар. Они благополучно возвратились в Болгарию с 50 000 пленниками и грузом золота, одеяний и армянских ковров³¹.

Вскоре после этого еще более печальные новости пришли в Константинополь. Крум запланировал осуществить угрозу мести в отношении города, который обошелся с ним так предательски. Он был настроен решительно уничтожить его, начав свое нападение на квартал Влахерны, откуда был обстрелян стрелками, ранившими его. Рассказы о приготовлениях хана встревожили людей — об ордах, собранных им, включавших славян со «всего славянского мира», и авар с Паннонской равнины; об огромных машинах, которые строил хан, в том числе катапультах всех размеров, которые заправлялись камнями и огнем, помимо «черепаш», и таранов, и лестниц, которые участвуют в каждой большой осаде; о тысяче волов, которых откармливали в больших конюшнях хана, и о пяти тысячах окованных железом повозок. Лев поспешил укрепить свою столицу и приступил к строительству новой стены за пределами Влахерн-квартала, где ожидалось нападение булгар, а укрепления были слабыми³². Он даже искал дипломатическую поддержку. Возможно, именно новости, что Крум собирал отряды даже в Паннонии, напомнили императорским государственным

деятелям, что Болгария могла быть атакована в тылу из Германии. В 814 г. послы из Константинополя отправились ко двору западного императора Людовика, чтобы просить о помощи против варваров-булгар. Они прибыли к нему в августе; но, видимо, не получили ответа. Людовику досаждали другие варвары, с которыми он был вынужден бороться³³.

Но к тому времени опасность уже миновала. Воля Божья вмешалась в конфликт. В Страстной четверг, 13 апреля 814 г., у Крума оказался поврежден кровеносный сосуд в голове, и он умер³⁴.

Крум изменил Болгарию. Кардам показал, что булгары только потерпели поражение, но не были побеждены войнами с Копронимом; но Крум, прежде всего, изменил статус своей страны. Его первое достижение, объединение паннонских и балканских булгар, дало обоим племенам новую жизнь. И затем он наслаждался триумфом, убив двух императоров в сражении и вызвав падение третьего. Из всех больших императорских крепостей на границе он захватил и разрушил четыре и заставил жителей из двух других в ужасе бежать³⁵. Крум даже серьезно угрожал императорской столице и неоднократно побеждал лучшие императорские армии. Болгария, умирающее государство, каким она была еще полстолетия прежде, являла теперь собой самую большую военную мощь в Восточной Европе.

Но Крум не только утвердил независимость Болгарии силой оружия; он был также, по-видимому, прекрасным организатором. Нам не известно все о его деятельности, но некоторая информация о ней дошла до нас в сочинении энциклопедиста X века Суды. Крум, как он сообщает, после победы над аварами спросил своих аварских пленников о причинах падения их империи. Они ответили, что потеряли лучших из своих людей по различным причинам: из-за ревности и обвинений друг друга, сгово-

ра между ворами и судьями, пьянства, взяточничества, непорядочности в коммерческих деловых отношениях и страсти к судебным искам. Крум был глубоко впечатлен данным ответом и быстро издал соответствующие законы, чтобы предотвратить подобные преступления в Болгарии: прежде всего, когда один человек обвинял другого в каком-то преступлении, обвинитель должен был быть подвергнут допросу прежде, чем состоится суд, и, если он был уличен в том, что придумал обвинение, он должен был быть наказан; во-вторых, гостеприимство ворами было наказуемо конфискацией всех товаров хозяина, в то время как ворами должно было сломать кости; в-третьих, уничтожались все виноградные лозы; и наконец, люди должны были делиться с нуждающимся под штрафом конфискации их товаров³⁶. Весьма сомнительно, что законодательная деятельность Крума была столь же простой, как ее описывает Суда, но очевидно, что он ввел некоторые новшества в этих направлениях. Все изданные им законы явились упрощенным вариантом патерналистского законодательства, которое утверждал император для своего народа, и были совершенно иными в своей концепции, в отличие от законов, которые принимались в аристократическом государстве, каким являлась также и Болгария. Крум, взяв за образец, как все прогрессивные булгары, империю, ставил целью создать почти теократическое превосходство правителя, такое, каким обладал император над своими подданными. Крум, очевидно, продолжил свою политику поощрения славянских подданных, в противоположность булгарам, составлявшим аристократию. Диктаторы всегда стремились оттеснить аристократию с политической сферы деятельности на военную; византийские императоры, когда в империи появилась аристократия, следовали этой политике; в Западной Европе в более близкое к нам время ее проводили такие государственные деятели,

как Ришелъе. Так что болгары вынуждены были ограничиться службой в армии или получением должностей военных наместников на границах царства³⁷; они были лучшими бойцами, чем славяне, и поэтому более полезны в данной сфере деятельности. Но для проведения своей политики и назначения на высокие должности при дворе Крум приглашал славян. Например, Даргамир, ханский посол, без сомнения, был славянином, как и бояре, с которыми хан пил, провозглашая славянский тост «Здравицу»³⁸.

Действительно, именно проводя внутреннюю реорганизацию своего государства, Крум сослужил ему весьма большую службу. Современники хана и современные историки были так ослеплены его потрясающими военными триумфами, что не сумели понять истинное значение его мирной деятельности. Войны Крума были прежде всего оборонительными. Он не являлся честолюбивым завоевателем; несмотря на свои победы, он никогда не требовал большего, чем установить границу у Милеона, которая была признана при Тервеле. У нас есть свидетельства, сообщающие об амбициях хана в отношении Македонии, но они никогда реально не были осуществлены. Когда Крум захватил большие императорские крепости, он не пытался оставить их за собой, а просто разрушал их и удалялся. Он знал, что империя всегда будет недовольна существованием независимого государства на Балканах, поэтому хан надеялся сохранить свою независимость, нанося превентивные удары по императорской территории. Но вплоть до последнего года жизни, когда он жаждал мести, Крум все-таки мог приветствовать заключение такого мира, который признавал его свободу, предусматривал выплату небольшой дани (чтобы помочь как своему финансовому положению, так и престижу) и предоставлял ему время для организации своей страны. Но в соглашении Крум должен был насто-

ять на возвращении дезертировавших подданных, так как желал уничтожить любое неповиновение. Хотя он был варваром, описывая которого, можно упомянуть о показной роскоши, хитрости, жестокости, наложниках, человеческих жертвах и кубке, сделанном из черепа императора, верховный хан Крум являлся, тем не менее, действительно крупным государственным деятелем; и его величие заключается не в победах над императорами, а в том, что он заложил основы болгарской автократии. Однако войны отвлекали его от государственного управления; у него не было достаточно времени для выполнения всех своих замыслов. Не случайно каганат встревожился, когда великий хан умер.

ГЛАВА 2. ПОЕЗДКА НА ЗАПАД

Внезапная смерть ужасного правителя застала болгар врасплох. Крум оставил сына по имени Омуртаг; но Омуртаг был молод и неопытен¹. Видимо, болгарская аристократия воспользовалась смертью Крума, чтобы восстать против его династии. У нас есть свидетельства о трех боярах, которым теперь досталась корона: Дукуме, умершем почти сразу, как он стал правителем, Диченге и Цоке, жестоких ханах, преследовавших христианских заключенных из Адрианополя. Но более ничего о них нам неизвестно. Вероятно, они являлись лишь лидерами групп мятежников и партий, которые в течение короткого времени управляли правительством в Плиске².

В любом случае их правление было недолгим. Задолго до конца 515 г., Омуртаг вззошел на трон своего отца. Его первым шагом должно было стать заключение мира с империей. Новый хан не имел военного опыта; в его ситуации более мудрым явилось решение отдохнуть на лаврах своего отца и использовать его репутацию для обеспечения себе выгодных условий при заключении

мира. Он, видимо, провел предварительные переговоры, которые оказались безрезультатными³; император Лев обдумывал кампанию против ослабевших болгар — монах Савватий, побужденный, без сомнения, дьяволом, обещал ему победу над ними, если тот вновь начнет иконоборчество⁴. Однако блестящая кампания не была осуществлена. Вместо этого через некоторое время, зимой 815/816 гг. хан и император заключили Тридцатилетний мир.

Императорские историки лишь отмечают, что такое соглашение существовало, но хан был доволен своей дипломатией и повелел высечь условия мира на колонне в своем дворце в Плиске. Сейчас эта колонна опрокинута и расколота, но она все еще сообщает о том, что верховный хан Омуртаг, желая мира с греками, отправил посольство к императору (τὸν βασιλέα), и что мир был заключен на тридцать лет. Булгарско-императорская граница начиналась от Девельта, расположенного между двумя реками, и протянулась между Бальценом и Агатоникой к Констанции и Макроливаде и горам (название горного хребта не сохранилось). Во-вторых, император должен был удерживать под своей властью славянские племена, которые принадлежали ему до войны; другие племена, даже если дезертировали, принадлежали хану и должны были быть отправлены назад. Императорские офицеры выкупались по специальной цене согласно своему разряду, обычные люди обменивались в порядке человек на человека. Кроме того, существовала особая договоренность относительно императорских солдат, захваченных в покинутых цитаделях⁵.

Последние пункты договора были ожидаемыми: болгары обеспечили себе выгодные условия в отношении оставленных населенных пунктов, утвердив за собой те из них, которые были разрушены Крумом. Вопрос же о линии границы нуждается в разъяснении. Две реки,

между которыми пролежала граница, были, вероятно, Тунджей и Чобан-Азмаком; Бальцен нам неизвестен; но Агатонику можно идентифицировать как деревню Саранти, в то время как Констанцию — как деревню Костужу (они обе находятся вблизи хребтов Кавалки и Сакар). Макроливада — это существующая в настоящее время деревня Узунджова, расположенная у слияния западной реки Азмак с Марицей⁶. Неизвестной горной цепью почти наверняка является Гем; таким образом, в районе Макроливады граница, направленная резко на север, в сторону Гема и Дуная, оставляла Филиппополь и Сардику за своими пределами. Это была, как заявлял Омуртаг, старая граница⁷, которая установилась столетие назад благодаря Тервелю; действительно, новое соглашение стало в основных своих чертах повторением известного соглашения 716 г. Однако между ними были и отличия. Омуртаг сумел продвинуть границу своего государства, насколько желал, в сторону Фракии. При этом главные интересы хана были направлены только на сохранение этой границы. Соответственно, болгары вырыли большой ров и на его северной стороне построили огромный вал на пути от окрестностей Девельта к Макроливаде. На всем протяжении этой глиняной стены, называемой греками Большим Заграждением, и теперь известной как Эркесия, болгарские солдаты несли постоянную службу.

Но столь обширная работа не могла быть выполнена из-за враждебных сил, находившихся по ту сторону границы. Наверняка какой-то пункт в соглашении предусматривал возведение подобного заграждения без создания препятствий со стороны императорских сил. Значимым является то, что из больших императорских крепостей, которые охраняли границу до войны, только Месемврия и Адрианополь, обе из которых были как коммерческими, так и военными метрополиями, оказались

вновь заселены и восстановлены императором. Другие крепости — Анхиал, Девельт, Филиппополь и Сардика — хотя и не передавались булгарам⁸, были оставлены пустынными и стали легкой добычей для хана несколькими десятилетиями позже. Уже Большое Заграждение контролировало главную дорогу от Адрианополя до Филиппополя; а изоляция и дезертирство из двух западных крепостей позволили Омуртагу обходиться без «заграждения» по западной границе Балканского царства. Представляется даже вероятным, что теперь болгарские государственные деятели предусматривали расширение своего государства на этой стороне; «заграждение», построенное сегодня, завтра было бы бесполезно⁹.

Чтобы отметить торжественность мирного договора, и хан, и император согласились заверить свои слова согласно обрядам веры каждого. К возмущению набожных христиан Константинополя, император, наместник Бога, вылил воду на землю, клялся на мече и на внутренностях лошадей и принес в жертву собак фальшивым идолам булгар. Еще хуже жители христианского города восприняли языческих послов, обратившихся к Святому Евангелию и Богу. Неудивительно поэтому, что чума и землетрясения последовали за столь чудовищной непочтительностью¹⁰.

Омуртаг, однако, был искренне настроен на воцарение мира на Балканах. Существование Болгарии гарантировалось оружием Крума; сейчас наступило время наслаждаться дарами цивилизации, которую предлагала близость с Византией. Во время его правления Тридцатилетний мир искренне сохранялся ханом. Только однажды болгарские армии прошли на юг от Большого Заграждения; и то только для того, чтобы помочь императору.

В 823 г. император Михаил II был осажден в Константинополе армией и флотом главного мятежника Фомы и находился в столь отчаянном положении, что

даже вооружил сарацинских пленников в городе. В своих проливах он приветствовал бы любого, кто был готов помочь ему. Именно тогда в данную ситуацию вмешался хан. Некоторые говорили, что Михаил послал в Плиску с просьбой о помощи, которую ему и предоставили. Другие сообщали более длинную историю; именно Омуртаг начал переговоры, спрашивая позволения вмешаться. Михаил отказался; он не мог нанимать язычников для пролития христианской крови. Но, по некоторым слухам, он отказался из-за вопроса экономии: болгары желали за свою помощь «оплаты» и, в любом случае, вмешательство явилось бы нарушением Тридцатилетнего мира. Но Омуртаг думал о возможности для вмешательства и для грабежа, а ситуация складывалась столь хорошо, что нельзя было ею не воспользоваться; поэтому он все равно пересек границу — и Михаил, конечно, был посвящен в это, простив нарушение соглашения в обмен на помощь и предоставив хану право забрать ту добычу, которую он мог завоевать во время похода. Булгарская армия пересекла Заграждение, прошла мимо Адрианополя и Аркадиуполя к столице. Мятежник Фома узнал об их прибытии; с неохотой он снял свои отряды с осады города и отправился встречать нового противника. Булгары ждали его у Кедукта, акведука, в том месте, где императрица Прокопия махнула на прощание своему несчастному мужу перед вступлением императорских войск на поле Версиникия. При сражении у Кедукта мятежники были разбиты; большая часть армии Фомы была уничтожена. Булгары отправились назад на север, обремененные добычей, а Михаил был спасен¹¹.

Омуртаг использовал наступивший редкий мир на Балканах, чтобы заняться строительством за пределами Большого Заграждения. Вероятно, именно в последние годы жизни отца Омуртага и в начале его правления дворец в Плиске, чьи руины мы можем увидеть сегодня,

и был построен. Большой лагерь в форме четырехугольника приблизительно две мили на четыре, окруженный грубым валом и одиннадцатью воротами, вероятно, датируется ранними годами болгарской оккупации. Но город дважды разрушался императором во время войн с Крумом; внутренняя цитадель, вероятно, относится к послевоенному времени. Она состояла из укреплений в форме трапеции с круглыми бастионами в четырех углах, двойными прямоугольными бастионами над четырьмя воротами и восемью другими бастионами. Внутри располагались жилые помещения, которые занимал хан, большой зал; почти квадратный, но разделенный на три равные части колоннами, и с апсидой для трона, поднятого над землей на высоком фундаменте. Без сомнения, именно в этом зале Крум разместил колонны и скульптуры, которые он привез из дворца Святой Мамы. Недалеко от дворца находился языческий храм ханов, который позже искупил свое прошлое, став христианской церковью¹².

Но одного дворца было мало для прославления верховного хана. В Трансмарице, на Дунае, где современный Туртукан все еще охраняет один из самых легких переходов через реку, Омуртаг построил дом великой славы¹³, мощную и великолепную крепость, контролирующую северные подходы к столице. Хан все еще жил в своем старом дворце в Плиске¹⁴; и, с удивительной симметрией, ровно на половине пути между двумя своими земными залами, он построил себе третий дом, где должен был покоиться в вечности: роскошную могилу, возведение которой он увековечил надписью на колонне, использованной позднее другими строителями; и теперь о чувствах языческого правителя можно прочитать в одной из церквей в Тырново¹⁵. Осенью 821 г. хан построил другую крепость-дворец, дальше на юг от Плиски, охранявшую подходы к столице от Большого Заграждения. Снова он сделал запись о ее создании на колонне, кото-

рая была найдена в деревне Чаталар¹⁶. «Великий хан Омуртаг», как гласит надпись, является «богом поставленным владельцем земли¹⁷, где он родился. Пребывая в стане своем Плиске¹⁸, воздвиг он дворец на реке Тича¹⁹ и двинул войска²⁰ против греков и славян. И построил искусно мост через Тичу²¹... и постановил в этом дворце четыре колонны, а на колоннах — двух бронзовых львов. Пусть Бог удостоит богом поставленного владельца чести попираť ногами императора, пока течет Тича... и владея многими болгарами и покоряя врагов своих²²; пусть проживет он в радости и веселье сотни лет». Основание крепости по-болгарски датируется словами «shegor alem», а по-гречески — пятнадцатым индиктом. Имя, которое Омуртаг дал этому дворцу, основав его в сентябре 821 г., не дошло до нас; вероятно, оно представляло некоторый болгарский эквивалент словосочетания «великая слава». Но вскоре его стали называть по-славянски, и крепость вошла в балканскую историю под именем Преслав, Великий Преслав, что значит «славный город»²³. Слова надписи ясно показывают, что Преслав был построен специально, чтобы внушать трепет славянам, жившим на южной границе, а также грекам, императору и всем его подданным. Кроме того, слова надписи свидетельствуют, что император, несмотря на Тридцатилетний мир, являлся все еще традиционным противником хана, противником, которого более всего хан опасался и более всего стремился подавить.

В данный период времени, однако, хан находился в мире с империей — и даже заимствовал у нее некоторые атрибуты культуры. Надписи, в которых он прославлял свои достижения, были составлены по-гречески, не на том изящном греческом, на котором говорили граждане Константинополя, но на грубом, с нарушением грамматики языке, который, без сомнения, использовали пленники, оставшиеся, насильно или по собственному

желанию, во владениях хана. Греческий все еще оставался единственным языком в Восточной Европе, который обладал собственным алфавитом; поэтому для записи событий нанимали, как правило, греков или жителей империи, говорящих по-гречески. Писцы хана в середине болгарской надписи добавляют к титулу верховный хан, «*κάννας ὑβίγη*», императорскую формулировку «*ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων*», божественный правитель, хотя хан никак не мог рассчитывать на одобрение христианского Бога²⁴. Архитекторы новых ханских дворцов также по происхождению являлись, вероятно, греками. На месте строительства дунайского дворца еще не были произведены раскопки, а первые здания Преслава потеряны под более поздними руинами; но Плиска свидетельствует об очень заметном влиянии византийской архитектуры, предполагая и Триконхий, и Магнавру в большом императорском дворце²⁵.

Но хотя Омуртаг и поощрял греческих ремесленников, он твердо препятствовал их религии. Христианство, проникавшее в Болгарию, сильно тревожило его; он рассматривал его как искусное средство пропаганды, применявшееся императором, вице-королем христианского Бога. Только позднее ханы осознали благодаря своим деловым отношениям с Западом, что можно было оставаться христианином и при этом не повиноваться василевсу. В то время в Италии проживал еще один правитель, провозгласивший себя наместником Божьим; а на севере жили христиане, которые иногда сомневались относительно подобных прав кого бы то ни было в отношении себя. Соответственно, Омуртаг преследовал христиан так, как если бы он преследовал императорских шпионов. Императорские пленники, должно быть, распространили христианство довольно широко, и среди славян (хотя христианство не затронуло воинственных болгар), вероятно, было много обращенных. Уже

во время правления Крума и в течение краткого правления мятежных бояр христиане много вынесли гонений и страданий. Крум выслал христианское население Адрианополя, испытав многие затруднения, за Дунай; хотя, в целом, он был довольно терпим. Диценг изувечил руки архиепископа Мануила. Цок был гораздо более бескомпромиссен: он, как нам известно, приказывал христианским пленникам, светским людям, так же как духовникам, отказываться от своей веры, и если они сопротивлялись, убивал их. Омуртаг, хотя и был менее жесток в отношении христиан, действовал так же. Во время его правления искалеченный архиепископ Мануил наконец встретил свою смерть²⁶; и также вероятно, что именно хан, согласно Феодору Студиту, приказал, чтобы все христиане ели мясо в Великий пост. Четырнадцать из них отказались; тогда Омуртаг убил одного для острастки и продал его жену и детей в рабство. Но остальные остались стойкими, так что все приняли смерть²⁷. Даже пленник по имени Кинам, которого Крум отдал Омуртагу и к которому Омуртаг был глубоко привязан, оказался в тюрьме, проявив упорство в сохранении христианской веры, и оставался там до смерти Омуртага²⁸.

И архитектурная, и антихристианская деятельность были частью одной политики и служили росту власти и престижа хана. Таким образом, Омуртаг продолжил работу своего отца, и, подобно Круму, вероятно, пошел бы еще дальше, поощряя славянский элемент в противовес болгарской аристократии. У нас нет свидетельств о внутреннем состоянии дел в Болгарии под властью Омуртага; но представляется вероятным, что на Балканах к настоящему времени два племени активно смешивались. Низшие социальные группы славян могли легко ассимилировать немногочисленных болгар; только среди аристократии все еще сохранялось различие. Булгарская

знать, являясь почти феодальной военной кастой, оказалась не затронута этим процессом, в то время как славянская знать, выдвинутая Крумом на высокие посты, становилась дворянской знатью без наследственных прав, созданная по прихоти самого хана. О делах государств за пределами Дуная мы знаем даже еще меньше. Там не существовало такого крепкого славянского населения. На равнинах Валахии и Бессарабии, в горах Трансильвании жил конгломерат племен — славяне, авары и валахи — сохранявший в некоторых местах латинскую речь и культуру, оставленную дакийскими колонистами Траяна, но дикий и дезорганизованный. Этими народами хан управлял, по-видимому, через систему военных застав, которые контролировали данные территории, и где, возможно, как в Бессарабии, Большое Заграждение охраняло границу²⁹.

Именно на северные границы Омуртаг направил внимание своей дипломатии и оружия. Мемориальная табличка, установленная ханом, сообщает о его служащем, жупане Окорсисе из семейства Цанагарес, который нашел смерть в водах Днестра при переходе к болгарскому лагерю³⁰. Ситуация в степях совершенно изменилась спустя два столетия после того, как сыновья Куврата распространили болгарское влияние от Дуная до Волги и Камы. Хазарская власть слабела, в то время как жестокие новые племена приходили с востока. Около 820 г. мадьяры продвинулись за Дон, навсегда вбив клин между двумя большими ветвями болгарского племени. Именно против этой опасности армия, которую Окорсис не смог догнать, вышла за Днепр. Она выполнила свои цели. В течение еще нескольких лет мадьяры оставались за пределами границы Болгарского государства.

Но главная сцена внешней политики Омуртага располагалась дальше на запад, где болгарская граница установилась от крепости Белграда до реки Тисы. На этой

границе лежали сражавшееся королевство Хорватия, и ее противник, великое государство Запада, Франкская империя. Правление верховного хана было тяжким бременем для племен, которые жили в столь отдаленной части его владений, и они решили искать помощи.

В 818 г. император Людовик Святой держал свой двор в Геристале; и среди посольств, отправленных к нему, было одно, составленное из славян Тимока (как раз к югу от Белграда) и ободритов, славянского племени, проживавшего на севере Дуная. Эти племена восстали против хана и просили помощи. Людовик не был уверен в том, какой политики ему следует придерживаться на Востоке; поэтому тимокийцы, в отчаянии, связали свою судьбу с Людовитом, князем паннонской Хорватии, который также был представлен при дворе в Геристале и казался способным основать царство, независимое от франков и болгар³¹. Но триумфы Людовита оказались эфемерными; в 823 г. он умер в изгнании, а его страна попала в руки франков. Омуртаг был встревожен ростом франкской мощи. Он, по-видимому, вновь победил тимокийцев; но ободриты и преденеценты (браничевцы, жившие как раз напротив ободритов на другой стороне Дуная) выставляли напоказ свою независимость и интриговали с франками³². Хан решил освободить себе путь, достигнув договоренности с западным императором. В 824 г., впервые в истории, болгарское посольство направилось к Германии с письмом от хана, чтобы предложить свой план границы между государствами³³.

Людовик, проявляя свою обычную предосторожность, отправил посольство назад в сопровождении собственных легатов, включая баварца Махельма, чтобы побольше узнать о Болгарии. Тем временем он принял другое посольство от мятежных славянских племен. Позднее в том же году болгарские послы возвратились — с Махельмом, который, без сомнения, к настоящему

времени уже мог многое рассказать о Болгарии. Но Людовик теперь склонялся к мятежникам; он держал болгар в ожидании почти шесть месяцев, прежде чем принял их в Аахене в мае. Аудиенция закончилась неудовлетворительно для болгар; посольство было отклонено, получив очень неоднозначное письмо к хану. Омуртаг терпеливо попробовал еще раз добиться необходимого ответа. В 826 г. третье посольство из Болгарии прибыло к императору и потребовало от него или согласиться урегулировать вопрос о границе сразу, или, во всяком случае, согласиться с тем, что каждое государство останется в пределах собственных границ — хан был решительно настроен препятствовать заигрыванию с франками своих мятежных славян. Но и тогда Людовик проявил уклончивость. Он утверждал, что до него дошел слух, что хан умер, и послал своих людей к восточной границе, чтобы выяснить правдивость данного сообщения. Но новости об этом так и не дошли до императора; так что Людовик оставил болгарского посла без ответа³⁴.

Терпение Омуртага истощилось. В 827 г. он вторгся во франкскую Хорватию. Его суда отплыли из Дуная к Драве, распространяя повсюду разрушение. Славяне и другие племена, проживавшие на берегах реки, были напуганы и предпочли подчиниться, согласившись принять болгарское управление³⁵. Нападение болгар застало франков врасплох. В 828 г. маркграф Балдрик из Фриуля был смещен за то, что позволил болгарам вторгнуться через границу³⁶, в том же самом году юный король Людовик Немецкий повел экспедицию против болгар³⁷. Но он ничего не добился; в 829 г., как и в предыдущие два года, болгары опустошили Паннонию еще раз³⁸. Хан твердо заявил о своей власти в данном регионе; германский двор теперь был информирован об этом. Война продлилась до смерти Омуртага; франко-болгар-

ский мир был заключен в 832 г., к удовлетворению болгар³⁹, они получили гарантии неприкосновенности своей границы, а их положение и престиж среди славян был укреплен.

Нам известна только кампания болгар на Драве; но болгарские армии также проводили операции на суше. После нее Омуртаг установил памятник своему таркану Онегавону из семейства Кубиарес, который на пути к болгарскому лагерю утонул в водах Тисы⁴⁰.

Омуртаг не надолго пережил своего таркана. Когда он построил для себя захоронение, то приказал высечь слова: «Человек умирает, даже если он живет благородно, взамен ему рождается другой; пусть же самый последний из рожденных, видя эту надпись, помнит того, кто ее сделал. Имя захороненного здесь князя — Омуртаг. Он — верховный хан. Бог дарует ему сотню лет»⁴¹. Но Бог не подарил хану столь длительную жизнь. Он умер в 831 г.⁴², после правления в пятнадцать лет — краткого правления для болгарского правителя; но своими действиями он показал всему миру, как Западу, так и Востоку, что Болгария должна была теперь быть принята в число великих государств Европы.

Три сына пережили Омуртага — Энравота, Звиница и Маламир. Но именно самый молодой, Маламир, унаследовал трон; его мать, должно быть, была любимой женой хана⁴³. Завеса тайны висит над правлением Маламира; о всех свершениях его и их датах можно лишь предполагать. Возможно даже, что его правление в действительности состояло из двух правлений и что Маламир, находясь на престоле пять лет, затем уступил трон хану Пресиаму⁴⁴. Но это маловероятно. Представляется возможным, с другой стороны, что Маламир правил в течение двадцати одного года, которые стали наиболее важными в истории Болгарии.

Правление Маламира началось в период мира. Тридцатилетнее перемирие с империей еще должно было продолжаться приблизительно пятнадцать лет; в то время как в Паннонии франки были напуганы вторжением Омуртага. О болгарской истории в течение этих мирных лет мы не знаем ничего. Даже надписи встречаются очень редко. Из них нам известно только, что от болезни умер боярин по имени Цепа и что кавкан Исбул, который появляется везде как главный военачальник хана, построил для Маламира акведук за собственный счет, после чего хан провел торжества для своей аристократии. Вероятно Маламир был занят дополнительным строительством в новой крепости своего отца в Преславе, и акведук был необходим, чтобы снабдить водой распутистый город⁴⁵.

Мир продолжался в течение пяти лет; но в 835–836 гг. отношения между Болгарией и империей вступили в дипломатический кризис. Тридцатилетний мир требовал, видимо, подтверждения обеих сторон в каждом десятилетии. В 825–826 гг. его достигали легко; Омуртаг тогда был занят Дунайской кампанией, в то время как император Михаил II — религиозными проблемами дома. Но к концу второго десятилетия некоторые трудности сами обратили на себя внимание хана и императора. Когда Крум захватил Адрианополь в 813 г., он перевез десять тысяч его жителей на территорию за Дунаем, которая вскоре получила название Македония — так как Адрианополь являлся столицей Македонской фемы⁴⁶. Там они по-прежнему жили, увеличившись в численности до двенадцати тысяч, получив некоторую степень самоуправления и право избрания главного судьи. Но они не смогли обосноваться на новых землях; неудобство и периодические преследования заставили их скучать по своей родине. Хан, однако, желал удержать их на новом месте. Без сомнения, среди них было много квалифицирован-

ных ремесленников, которые представляли для него большую ценность, так как участвовали в производстве предметов роскоши для ханского двора. С огромными трудностями Кордил, правитель новых македонцев, добрался до Константинополя, чтобы убедить императора Феофила послать суда на Дунай ради их спасения. Они уже однажды пробовали бежать через Болгарию, но без императорской помощи были обречены на неудачу. Феофил, однако, ожидал появления такой возможности во время перемирия до того, как начать действовать, но в 836 г. он все-таки послал несколько судов на Дунай. Македонцы переместились вниз по реке, чтобы встретить суда и пересечь один из ее северных притоков — вероятно, Прут⁴⁷. Местный болгарский наместник решил остановить их и перешел реку, но был отбит, понеся большие потери; и македонцы торжествуя перешли реку. Булгары тогда призвали к себе на помощь мадьяр, чья власть теперь простиралась до болгарской границы⁴⁸. Мадьяры прибыли с большой охотой; они расположились перед лагерем македонцев, требуя от них уступить все им принадлежащее. Требования были отклонены, и в сражении, которое последовало за этим, македонцы вновь с помощью святого Адриана победили. Итак, они благополучно взошли на корабли и прибыли в Константинополь после изгнания, длившегося более чем двадцать лет⁴⁹.

Булгары сыграли незначительную роль в этих событиях. Они были слишком заняты в другом месте. Маламир, подобно Феофилу, намеревался добиться своего прежде, чем возобновить соглашение; и был решительно настроен на это. Соглашение 815–816 гг. предусматривало, что большие императорские крепости — Филиппополь и Сардика — должны были оставаться изолированными и покинутыми. Маламир теперь перешел к аннексии последней территории, стоявшей на пути к Фессалоникам.

Славяне Македонии и Греческого полуострова проявляли непокорность императору в течение этих лет, поэтому он был вынужден согласиться с вмешательством болгар, не заявив протеста. Продвижение к Фессалоникам не было направлено исключительно против богатого города, но стало частью общего движения на запад. Булгары начали расселяться теперь и укреплять свою власть на холмистой территории Верхней Македонии, земле, которая должна была стать их второй родиной, о которой они так печально вздыхают сегодня⁵⁰.

Несмотря на сомнительные сделки болгар с императором, перемирие было возобновлено и продолжалось еще десятилетие. В течение этих лет Маламир продолжал заниматься западной границей. На северо-западе, в Паннонии, он, видимо, жил в мире с хорватами и со своим самым мощным соседом, франками. Но в 845 г., когда Тридцатилетнее перемирие шло к своему завершению, он посчитал разумным отправить послов ко двору Людовика Немецкого в Падерборн, чтобы составить постоянный мир и союз, который предоставил бы ему свободу действий, когда придет время, в отношении греков⁵¹. Рассматривая дела земель, лежавших на юге, он был менее мирно настроен. С аннексией Сардики власть хана распространилась на Моравскую долину.

На холмах за Моравией вождь по имени Властимир объединил племена вокруг себя и сформировал сербскую нацию. В выполнении этой задачи его, конечно, подталкивала болгарская угроза. Сербь были встревожены распространением влияния столь большого государства к своим границам, грозившим отрезать их собственное расширение на юг; поэтому сербы с удовольствием приняли покровительство и власть Властимира. Кроме того, Властимир получил поощрение и поддержку со стороны своего номинального сюзерена, императора, который находился достаточно далеко, чтобы представлять

кому бы то ни было какую-то угрозу, но который радовался появлению нового соперника Болгарии. Потеря последних императорских застав за Родопскими горами компенсировалась ростом соперничающего государства вблизи Болгарии.

Кто начал войну, которая стала неизбежной, Властимир или Маламир, нам неизвестно: но в 839 г. болгары вторглись в Сербию под руководством Пресиама, вероятно, отпрыска королевского дома. Но сербы знали, как сражаться на холмистой местности. В течение трех лет Пресиам не смог ничего достичь, лишь потерял большое количество своих людей. В 842 г. болгары возвратились домой побежденными⁵².

Но Маламир не позволил, чтобы это препятствие помешало его македонской политике. Вскоре после 846 г., когда Тридцатилетнее перемирие было завершено, хан послал своего военачальника, кавкана Исбула, в области Струмы и Нестоса снова, вероятно, для того, чтобы продолжить болгарское проникновение дальше на запад. Императорские отряды из этих фем были, вероятно, заняты в сражениях против мятежных славян на Пелопоннесе и не могли выступать против него. Но чтобы создать отвлекающий маневр, императрица — регентша Феодора усилила свои гарнизоны во Фракии и начала систематически опустошать Фракийскую Болгарию. Это оттянуло силы Исбула назад, но прежде болгары аннексировали Филиппополь и продвинулись к Филиппам. За кампанией, видимо, последовало перемирие. О его условиях нам ничего не известно; вероятно, болгары желали продолжить свое продвижение во внутренние части Македонии, которое империя была бессильна предотвратить⁵³.

Маламир прожил еще пять лет; но последние дни его жизни были омрачены. Вероятно, здоровье хана окончательно расстроилось — он никогда лично не выступал

во главе армии, — а внутренние проблемы государства все более тревожили его; христианство проникло даже в его собственное семейство. Это случилось благодаря греку по имени Кинам. Будучи еще молодым человеком, Кинам был захвачен в Адрианополе Крумом и стал рабом Омуртага. Он оказался весьма способным рабом, но не желал отказываться от христианской веры, чем так разозлил Омуртага, что в конечном счете тот поместил его в тюрьму. После смерти Омуртага Энравота, жаждавший стать господином человека, могущего служить образцом упрямства, попросил своего брата Маламира освободить раба и отдать его ему. Кинам приобрел большое влияние на своего нового владельца, и постепенно Энравота обратился к христианской вере, что грозило большим несчастьем. Энравота, кроме того, что являлся княжичем, находился на высокой позиции в армии — греческий мартиролог называет его также «*Voinos*» (греческая транслитерация славянского обозначения воина). Но распространение христианства оказалось неизбежно связанным с греческой пропагандой; империя являлась единственным христианским государством, с которым Болгария имела близкие деловые отношения, и императоры любили использовать миссионеров в политических целях. Обращение Энравота весьма напоминало предательство. Кроме того, христианство, вероятно, распространялось среди более низких классов, а иметь на своей стороне князя правящей династии еще больше поощряло болгар переходить в христианство; тем самым их преданность правительству неизбежно становилась сомнительной. Однако число последователей христианской веры оставалось незначительным, пока они не были объединены. Маламир просил своего брата вернуться к поклонению солнцу и луне, как поступали все болгары. Но слава стать первым болгарским мучеником

казалась привлекательной для Энравота; он остался непоколебим. Хан был обязан приговорить его к смерти⁵⁴.

Тремя годами позже, в 852 г., Маламир умер сам. Ему наследовал его племянник, сын Звиницы, Борис⁵⁵.

Новый хан Борис был молод и полон безрассудной смелости юнца. Он стремился восстановить военный престиж Болгарии и ее хана, о котором не вспоминали во время правления его дяди. Первым шагом Бориса стал сбор сил на южной границе, что одновременно означало нарушение соглашения, заключенного Маламиром. Но императрица — регентша Феодора оказалась, как нам известно, достойным соперником. Она послала к хану своих представителей, предупреждая, что, если бы тот вторгся в империю, она лично повела бы войска против него: так что, если бы он победил, он не приобрел бы славу, выиграв сражение у женщины, а если бы проиграл, то выглядел бы нелепо. Молодой хан был смущен; но императрица не ограничилась женской дипломатией, предложив пересмотреть границу, переместив ее на юг приблизительно на двадцать пять миль от окрестности Девельта к Железным Воротам в Стара Планина, и затем на запад до Большого Заграждения у Сакар Планины. Данное предложение не стало большой жертвой со стороны императрицы; уступленная территория включала Анхиал и Девельт, но, подобно другим крепостям, которые разрушил Крум, они оставались демонтированными и практически заброшенными с тех пор, в результате чего весь район остался покинутым со времени войны. Но эта уступка помогла Феодоре достичь своих целей; она не могла позволить себе начать войну в это время. Преследование павликианов на восточной границе империи причиняло ей большее беспокойство, нежели вообще заслуживала религиозная политика⁵⁶.

Борис тогда обратил свое внимание на северо-запад. В 852 г. он отправил посольство в Майнц к Людовику

Немецкому, чтобы объявить о своем вступлении на престол и возобновить соглашение, подписанное его дядей. Однако в следующем году, поощряемый, без сомнения, своими бескровными победами на юге и подстрекаемый соперником Людовика, Карлом Лысым из Западного Франкского королевства, он вторгся на франкскую территорию. Но, несмотря на поддержку местных славян, был побежден и вынужден уйти, а мирное соглашение вскоре претерпело изменения. Вероятно, целью хана являлась аннексия Паннонской Хорватии, которая в то время была вассальным государством по отношению к франкам; действительно, победа, о которой франкские летописцы объявили, возможно, в действительности стала заслугой хорватов. Мы знаем, что хан вторгся в Хорватию, не добившись своих целей, и в конце концов должен был удалиться и пойти на заключение мира, благодаря которому он получил много прекрасных подарков. Но хорваты так и не стали его вассалами и не платили ему дань⁵⁷.

На западной границе у Болгарии существовали и другие враги. Борис стремился отомстить за поражение Пресиама, нанесенное ему сербами; и он понял, что сильная Сербия будет создавать трудности для расширения его государства и в Хорватии, и в Верхней Македонии. Это, вероятно, и заставило его объявить войну. Видимо, в течение первых десяти лет своего правления Борис тщательно следовал политике Маламира и продвигал свою власть к горам Албании, и даже к самым северным пикам Пинда. В 860 г. он отправил посольство в Константинополь. Нам не известны ни причины, ни итоги этого посольства, кроме того, что из них арабский посол был вынужден ожидать встречи с императором⁵⁸. Вероятно, Борис просил о признании своих македонских завоеваний и о нейтралитете императорского правительства, прежде чем напасть на сербов. Но его попытки

вторгнуться на территории сербов были не более успешными, чем Пресиама. После смерти Властимира его сыновья Мунтимир, Строимир и Гойник разделили сербский трон между собой. Они объединились, чтобы встретить захватчика, и заманили его в предательские долины, нанеся сокрушительное поражение булгарам и захватив сына хана Владимира и двенадцать знатных бояр. Чтобы их выкупить, Борис был вынужден пойти на подписание мира. Он согласился эвакуировать войска из страны, и во время отступления два сына Мунтимира сопровождали хана в качестве эскорта до Раша на границе (Рачка, около Нови-Базара), где они обменялись подарками: сербские князья подарили хану двух рабов, двух соколов, две собаки и девяносто кож. Дружба с семейством Мунтимира позже принесла свои плоды, когда сербские князья поссорились друг с другом. Мунтимир, победивший в споре, отправил своих братьев и их семьи в тюрьму в Болгарию, и таким образом, предоставил булгарам веское оправдание для вмешательства в дела сербов. Так, наконец, Борис оправился от последствий своего поражения⁵⁹.

Сербская война стала последним эпизодом в истории языческой империи. В этот период времени развивалась новая драма, которая изменила судьбу Болгарии и половины Европы. О внутренних делах данного государства в последние его дни нам известно немного больше, чем о его ранней истории. Славянский элемент в стране к настоящему времени являлся уже господствующим. Славянский язык стал языком всеобщего пользования. Греческий язык все еще оставался необходимым для составления общественных надписей, в которых не использовался славянский алфавит; но старый болгарский язык полностью или почти полностью исчез⁶⁰. Ханы, начиная с Крума, проводили политику поощрения славян, приглашая их ко двору; сыновья Омуртага уже получили

славянские имена, как и сыновья Бориса⁶¹. На обширных болгарских землях за Дунаем пропорция славянских и болгарских племен оставалась, вероятно, практически одинаковой, хотя и славяне, и болгары подвергались здесь воздействию остатков огромного количества племен, оставшихся в Восточных Карпатских горах, мигрируя на Балканы. Но на юге от Дуная, там, где сложился центр империи, славяне далеко превосходили по численности болгар, особенно в новых Македонских областях, которым ханы уделяли столь большое внимание. Только военная аристократия осталась болгарской по крови. В течение еще нескольких поколений на их имена не влиял славянский язык, и старые болгарские титулы сохранялись вплоть до падения империи, принимая во внимание то, что титул «хан» был заменен, как только люди научились писать по-славянски, на славянский титул «князь». Власть болгарской аристократии была уменьшена Крумом, но из-за более слабого контроля со стороны Маламира она восстановилась. Кавкан Исбул, который мог подарить хану акведук, показал своей щедростью, каким значительным и влиятельным подданным он являлся. Видимо, хан был занят бесконечной борьбой с болгарской знатью, желая управлять, подобно императору, деспотично, через ненаследственную бюрократию, а они, вероятно, оправдывая свои взгляды традициями, стремились к сокращению ханского влияния, полагая, что хан должен лишь быть главным в совете бояр. Благоволение ханов славянам, средним и более низшим классам, было, очевидно, направлено против болгарской аристократии — они даже создали соперничающую с ней славянскую аристократию. Вероятно, Крум и Омуртаг скорее были готовы столкнуться с «конституционной» проблемой, назначая славян на совете бояр, которые неизбежно становились их креатурами, желая разрушить наследственный принцип, в то время как Ма-

ламир, не следовавший жестко этому курсу, допустил болгар снова к власти и, таким образом, должен был попасть под влияние магнатов вроде Исбула; молодой Борис унаследовал эти трудности. Вероятно, из числа данных бояр избирались провинциальные губернаторы, которые управляли десятью областями из укрепленных лагерей⁶².

Обширная часть населения страны была занята сельским хозяйством, жила в свободных крестьянских общинах и выращивала скот так, как и сегодня на Балканах. Но сейчас среди них постепенно вырос небольшой торговый средний класс. Аннексия таких городов, как Девельт и Анхиал, приводила под болгарское управление некоторое число греков и армян, которые остались в разрушенных городах и которые, без сомнения, желали воспользоваться новыми торговыми условиями, в то время как вокруг внутренних крепостей, вроде Сардики, осталось население, требовавшее падения императорской власти. Более того, сама Болгария получала прибыль от торговых отношений; болгарская соль из областей Трансильвании экспортировалась в страны, в которых ее не было, например в Моравию, в то время как византийский экспорт в Центральную Европу проходил в большинстве случаев через болгарскую территорию, либо по великой дороге Константинополь — Адрианополь — Филиппополь — Сардика — Белград, либо по дороге от Фессалоники, которая присоединялась к этому пути в Наисусе (Ниш). В основном торговлей занимались, вероятно, греки и армяне; но местные жители, должно быть, также иногда принимали в ней участие. Маловероятно, чтобы болгары все еще разрабатывали шахты, которые так обогатили более поздних балканских правителей; а многие ремесла, как, например, строительство зданий, находились в руках греков, являвшихся пленниками или новыми подданными.

Действительно, культура Болгарии оставалась все еще в руках иностранцев. Отсутствие алфавита не способствовало развитию какой-либо собственной литературы; немногие официальные надписи составлялись на греческом. Искусствами также занимались только греки; именно греческие художники, нанятые ханом, создали фрески в его дворцах, которые ему построили греческие архитекторы. Таким образом, национальные искусства совершенно не получили развития, кроме, возможно, примитивного народного искусства крестьян. Даже архитектура вряд ли была востребована болгарским населением. Крестьяне жили в хижинах и лачугах, немногочисленный средний класс проживал в старых греческих городах; и только аристократы и ханы требовали постройки роскошных зданий. Булгары имели большой опыт в земляных строительных работах и укреплениях; но, вероятно, знать следовала примеру ханов и желала жить в палатах, выстроенных внутри прямоугольных стен замка и смело оформленных на примере прекрасных дворцов Константинополя⁶³.

О привычках обитателей этих залов мы знаем немного. Они являлись многоженцами, носили тюрбаны и брюки и, вопреки ожиданию, любили часто мыться⁶⁴. Домашнее рабство было обычным явлением у них, как и везде на Ближнем Востоке. Булгарская религия представляла собой поклонение солнцу, луне, звездам и другим естественным явлениям, которым они молились, принося в жертву людей, а также лошадей и собак. Хвост лошади был их знаменем, и они клялись на мечах⁶⁵. Но ни один из старых храмов и алтарей не сохранился до наших дней, осталось лишь прямоугольное здание в Плиске, которое в более поздние века было преобразовано в церковь⁶⁶. Булгарская религия не имела значительного этического основания; булгары остались жестокими в своих действиях, применяя пытки и смерт-

ную казнь, являвшиеся частью всех юридических процессов, с некоторыми изменениями, воспринимавшими-ся как новомодная гуманность⁶⁷.

Подобное состояние дел едва было достойно великой империи. Поэтому Борис задался вопросом, нельзя ли произвести некоторое изменение. Но прежде, чем он смог действовать, он вооружился.

Далеко к северо-западу, в долинах между Богемией и Западными Карпатами, обитали несколько славянских племен, известных под именем моравы. Примерно во втором десятилетии столетия моравы были объединены под властью князя по имени Моимир, который в 833–836 гг. победил князя Прибину из Нитры и расширил свою власть на восток к северному берегу Дуная, до его острой излучины на юге у Эстергома. Данное расширение встревожило франков. Маркграф Восточной Марки и епископ Пассау рассматривали Моравию как законное поле для своих действий, политических и религиозных, и испытывали неприязнь к проявлению местной активности. Они ждали смерти Моимира (845 г.); затем Людовик Немецкий вмешался во внутренние дела государства и принудил моравов присягнуть племяннику Моимира, Ростиславу, не предполагая, что Ростислав мог проявить не только свои способности, но и неблагодарность. Людовик скоро осознал свое заблуждение. Ростислав вначале утвердился в Моравии, а затем начал расширять свое влияние на соседние племена. Чехи стали его надежными союзниками и, вероятно, вассалами; он аннексировал земли авар, которые проживали в среднем течении Дуная, и таким образом стал соседом болгар на Тисе; более того, Ростислав начал угрожать славянским княжествам, которые группировались под франкским сюзеренитетом в бассейне реки Драва и озера Балатон. Людовик Немецкий был бессилен сдерживать Ростислава. Его большая экспедиция 855 г. окончилась

безрезультатно; даже кампании против чехов оказались неэффективными. Ростислав вмешался в дела франков, поощряя выступление Карломана против Людовика, хотя мудро воздержался от оказания слишком большой помощи сыну мятежника. К 862 г. Ростислав уже являлся правителем империи, простиравшейся от Тисы и озера Балатон до окрестностей Вены и от верховий Одера, Вислы и Центральных Карпат до Богемии, стоящей на страже границ государства. Германские анналисты выказывали свой страх, называя его королем, титулом, который служил только для представления больших независимых правителей⁶⁸.

В Европе того времени существовали четыре большие державы, две христианские империи на востоке и на западе⁶⁹ и два варварских государства между ними. Ситуация оказалась слишком простой и сбалансированной, чтобы продолжаться длительное время. Первым сделал ход Ростислав. Он долго кокетничал с христианством, но перед ним стояла почти такая же проблема, как перед Болгарией. У моравов распространение христианства оказалось связано с франкским влиянием: миссионеры, которые наводнили страну, являлись слугами епископа Пассау и Людовика Немецкого. И все же христианство стало желанным явлением: оно могло поднять престиж моравского государства и его культуру, и обеспечить большее единство племен на основе империи Ростислава. Но христианство должно было стать национальной религией, а не немецкой или латинской. Беспокойный ум Ростислава искал новое решение этого вопроса.

В начале 862 г. из Моравии в Константинополь отправилось посольство, просившее императора прислать учителя, способного преподавать истинную веру на славянском языке⁷⁰.

ГЛАВА 3. ТОРГОВЛЯ ДУШАМИ

В это время в христианском мире бушевала война, духовная борьба, которая формировала судьбы всей Европы. Каприз Провидения допустил, чтобы в мире одновременно появились два крупных деятеля духовной истории, чьи амбиции и идеи неизбежно вели к конфликту. В апреле 858 г., благодаря помощи доверчивого западного императора Людовика II, некий Николай поднялся на папский трон в Риме. Восемь месяцев спустя, на Рождество, кесарь Варда, регент Востока, грубо отстранивший прежнего патриарха Константинополя Игнатия, назначил на его место своего друга, первого секретаря Фотия.

Римский папа Николай I был полон безграничной энергии и готов к принятию решений смелых и дальновидных, за что последователи называли папу человеком дела, а не слов, все таланты которого были направлены на достижение одной великой цели — установлению мирового господства католического престола. В это время христианский мир все еще оставался единым, за исключением отдаленного юга и востока, где копты, армяне или несториане потворствовали различным ересям; духовные вершины христианства составляли пять патриарших престолов — Рим, Антиохия, Александрия, Иерусалим и Константинополь. Из всех патриаршеств римская епархия, престол святого Петра, всегда по праву считалась первой. Ее юрисдикция простиралась по всей христианской Европе к северу и к западу от Адриатики (если бы не Сицилия и Калаврия), т. е. она подчиняла себе обширную область, значительно увеличившуюся за недавние столетия благодаря распространению христианской цивилизации в странах Балтийского и Северного морей. В сравнении со своим римским соперником патриарх Константинополя казался парвеню, так как данное

патриаршество было создано последним; но он всегда обладал большой властью благодаря своей связи с Восточной империей, во всех провинциях которой являлся духовным владыкой. Другие патриаршества не представляли теперь большой важности; их престолы располагались на территориях, находившихся под властью неверных. Хотя патриаршества имели свой порядок старшинства, кроме Рима, ни одна из них не рассматривалась как обладающая наивысшей юрисдикцией над другими; единственным высшим органом церкви являлся Вселенский Собор, на который каждый патриарх посылал своих представителей; такие же представители приглашались на менее важные синоды и советы в любом патриаршестве, но, за исключением Константинополя, их проводили крайне редко; те патриархи, которые чувствовали себя свободно по отношению к светской власти, рассматривали свою власть как вызов авторитету правителей государства¹.

Николай желал изменить сложившуюся ситуацию. Он являлся первым епископом мира и намеревался стать единственным высшим епископом. Однако папе пришлось столкнуться с непониманием даже среди собственных подданных. Германская церковь всегда находилась под влиянием светских властей и потворствовала прихотям германских монархов. Николай решил бросить вызов светскому государю. Кульминационный момент борьбы наступил в 863 г., когда по матримониальному желанию Лотаря из Лотарингии папа торжественно утвердил его на престоле и бросил вызов всему большому клану Каролингов. В то же самое время он обратил внимание на Восток, на соперничающую с Римом империю, где нарушение на выборах Фотия на патриарший престол предоставило ему роскошную возможность для вмешательства.

Но Николай практически не знал своего соперника. Фотий прославился как необыкновенный ученый — слишком ученый, как сказали бы некоторые, обвиняя его в колдовстве; он был столь же решителен и храбр, как папа, но гораздо более тонок, гораздо более одарен богатым воображением и обладал гораздо большим знанием своей аудитории. Битва началась в 860 г. Николай сначала попытался заключить сделку, чтобы признать Фотия в обмен на духовные области Калаврии и Иллирии, которые принадлежали Риму до правления императора Льва III; но Фотий перехитрил папских легатов и написал письма Николаю в очень любезном тоне, но продемонстрировал, что относится к нему как к равному. Ситуация постепенно ухудшалась. Николай чувствовал себя оскорбленным и негодовал, а патриарх, уверенный в поддержке императора, проявлял все большую независимость. Наконец в апреле 863 г. папа торжественно отлучил от церкви Фотия, а тот, в свою очередь, парировал отлучением папы.

Именно во время этой бури страстей послы Ростислава достигли Константинополя. Ростислав был хорошо осведомлен о набирающем силу конфликте и вынес из него ценный урок для себя. Он, подобно василевсу, должен был сохранить церковь под светской властью. Ни Германия, ни Рим не предоставили бы ему на это право; но Константинополь, провозглашавший теории духовной независимости и находившийся столь далеко, чтобы контролировать такую церковь, мог оказаться ему сейчас полезным. Кроме того, доброжелательность империи становилась полезной и в том случае, если он вступал в противоречие со своим новым мощным соседом, болгарским ханом.

Император Михаил с радостью принял посольство. Его дядя, кесарь Варда, управлявший от имени императора, и патриарх, вспомнили о своем общем друге

Константине Философе, греке из Фессалоники, более известном под именем Кирилла, которое он принял на смертном одре. Он зарекомендовал себя опытным миссионером и приобрел славу как лингвист и филолог. Соответственно, Кирилл со своим старшим братом Мефодием отправились в Моравию, вооружившись алфавитом, посредством которого они могли перевести Святые Писания на славянский язык².

Новости о посольстве и миссии переположили европейские дворы. Борис Болгарский сразу начал подозревать миссию в политических целях. Он предпринял серьезные меры для охраны границ своего государства и вступил в переговоры с Людовиком Немецким. Позже (в 862 г.), когда сын Людовика, Карломан, наместник Восточной Марки, восстал, призвав на помощь моравов, против своего отца, болгары оказались близкими союзниками германского короля³. Нам не известны условия данного соглашения, но, очевидно, среди них было одно, которое побудило правительство в Константинополе перейти к активным действиям. Борис, так же как и Ростислав, заигрывал с идеей принятия христианства; но теперь он был готов принять его от германского двора⁴.

О причинах обращения хана в христианскую веру существуют различные истории. Некоторые рассказывали о греческом рабе, монахе по имени Феодор Куфара, который долго и много трудился, чтобы обратить в свою веру болгарского господина. Через некоторое время Куфара был выкуплен императрицей Феодорой в обмен на сестру хана, которая жила почетной пленницей в Константинополе. Но княжна приняла христианство, и она также использовала свое влияние на хана. Однако Борис проявлял упрямство, пока, наконец, ужасный голод не посетил его страну, а старые языческие божества не оказали булгарам никакой помощи. В отчаянии хан обратился к Богу своей сестры и раба, и тот ниспослал

ему помощь. В благодарность Борис стал христианином⁵. Вторая история более простая. Греческий живописец по имени Мефодий получил поручение изобразить сцены охоты на стенах ханского дворца; но Борис, движимый внезапной прихотью, велел ему вместо этого нарисовать нечто ужасное, но неважно, что именно. Мефодий, являвшийся монахом, набожно полагал, что не существует ничего более страшного, чем Последний Суд, и поэтому он изобразил с удивительным реализмом наказание, назначенное в соответствии со злом, и справедливое вознаграждение. Хана глубоко потрясли сцены Страшного Суда, и в ужасе он присоединился к праведникам⁶. Другие просто рассказывали об истинной вере, насильно навязанной Болгарии императорским оружием и дипломатией⁷.

История о Мефодии, вероятно, недостоверна, несмотря на свою привлекательность. Она кажется слишком подозрительной, если ее рассматривать с точки зрения наивного монаха. Но история о Куфаре может оказаться вполне истинной. Влияние, которое образованные рабы оказывали на своих господ, было очевидно доказано примером принца Энравоты, в то время как также вероятно, что некая болгарская княжна могла стать заложницей и обратиться в христианскую веру в Константинополе, а затем использовать свое влияние по возвращении домой. Но именно армии императора оказались решающим фактором в вопросе принятия христианской веры.

Каролингское влияние, распространявшееся к Балканам посредством религии, серьезно тревожило Константинополь, так как оно предполагало установление там духовного контроля Рима. В то время действительно германские епископы противостояли строгим правилам папского правления, но это было жалкое сопротивление, в котором едва ли можно было преуспеть. В иное время

император сожалел бы о римском вмешательстве в дела государства, столь близко расположенного к его столице; теперь, когда Николай и Фотий находились на пике своего соперничества, такая ситуация представлялась невероятной. Существовал только один выход — обратиться к империи. Для этого император Михаил привел армию к границе и послал флот вдоль побережья Черного моря.

Наступил удачный момент для нанесения удара. Булгарские армии находились далеко на севере в кампании против Карломана и моравов. Кроме того, в то время, что казалось прямым вмешательством небес, Болгарию посетил особенно жестокий голод. Борис был бессилен и мудро решил не оказывать никакого сопротивления. При первых же новостях о вторжении он послал к императору, чтобы договориться об условиях мира⁸.

Михаил и его советники также стремились к примирению. В качестве подарка хану они согласились признать его юрисдикцию над Верхней Македонией до рек Черный Дрин, Девол, Озум и Воюса, и вокруг горы Грамм к озеру Остров, таким образом отдавая под его власть всю землю вокруг озер Охрида и Преспа⁹. Но по возвращении домой Борис должен был отказаться от оскорбительного союза с германцами и не заключать с ними никаких соглашений, кроме обычного мирного договора. И, что стало самым важным условием, Борис и его народ должны были принять христианство от Константинополя. Борис согласился на все предложения и даже удивил греков своей готовностью обратиться в новую веру. Его послы в Константинополе крестились, предоставляя таким образом гарантии выполнения данного условия своим господином. Наконец, в начале сентября 865 г.¹⁰ крестился сам хан, а император стал его крестным отцом. При крещении Борис получил имя своего крестного отца Михаила¹¹.

Проводя столь грандиозные изменения, Борис руководствовался не только духовным импульсом и дипломатическими потребностями, но на него также оказало свое влияние мудрое предвидение благоприятных политических последствий в своем государстве. До настоящего времени государственной религией являлось древнее болгарское идолопоклонство, поклонение небесным телам и силам природы; и славяне также должны были присоединиться к этой религии, чтобы наилучшим образом выразить свою преданность болгарским господам. Христианство могло стать объединяющей религией для всех, религией, которая была благожелательна как для болгар, так и славян. Кроме того, старое язычество было, вероятно, связано со старыми болгарскими учреждениями, с системой кланов, которую ханы столь долго пытались сокрушить; возможно, многие из кланов заявляли о своем божественном происхождении и поэтому никогда не признавали хана правителем, обладающим всей полнотой власти. Но в Константинополе христианство наделяло личность императора божественностью, возвышавшей его над всеми подданными. Борис стремился приобрести такое положение, при котором он также являлся бы наместником Бога и поднимался на ту высоту, которой его самые благородные подданные никогда не могли бы достичь.

Борис начал процесс христианизации во всем государстве; все его подданные должны были пройти обряд крещения. Но целую страну невозможно просто и в одночасье обратить в другую веру. Болгарская аристократия также оценила свое положение. Некоторые из бояр, возможно, были привязаны к своей старой религии; и все радели за соблюдение своих прав. В гневе они подстрекали народ всех десяти областей царства против хана, и Борис скоро оказался окруженным в своем дворце в Плиске огромной бурлящей толпой. Удивительно,

что помогло хану избежать опасности в столь критической ситуации, так как рядом с ним находились лишь некоторые преданные последователи; люди начали говорить о божественном вмешательстве, и ко времени, когда эта история достигла Западной Европы, божественное вмешательство представлялось всем весьма внушительным. Рядом с Борисом, как говорили во Франции, находилось только сорок восемь христианских товарищей¹². С отчаянной храбростью они вышли перед толпой, призывая имя Христа и одевая крест на свою грудь; но когда ворота открылись, семь священников, каждый с зажженной тонкой свечой в руке, встали перед ними. И тогда бушующая толпа увидела странные знаки. Им показалось, что дворец охватил огонь, и он падал на их головы; а впереди лошади сподвижников хана поднялись на дыбы и передними копытами били по мятежникам. Ужас охватил людей: неспособные сопротивляться или бежать, они пали на землю и лежали в бессилии.

Как бы то ни было, восстание было сокрушено, и Борис мог отомстить, что совсем не соответствовало человеку, ставшему приверженцем христианской смиренности, но оказалось благотворным для его страны. Пятьдесят два аристократа, возглавивших восстание, были казнены, а вместе с ними и их дети. Лидеры семей, соперничавшие с монархом, были, таким образом, навсегда вычеркнуты из жизни страны. Мятежники, принадлежавшие к средним и низшим слоям, были разделены и получили прощение; их оппозиция основывалась на искренних религиозных чувствах, а не на политических доводах; они не имели никаких социальных предубеждений, могущих противодействовать их окончательному обращению в христианскую веру.

Но даже при том, что боярская оппозиция была разгромлена, обращение народа в христианство не привело немедленно к тому результату, на который рассчитывал

Борис. Император твердо предписал в соглашении с болгарским ханом, что новая церковь должна находиться в духовном подчинении престолу в Константинополе. Соответственно, в Болгарию прибыли многие греческие священники, чтобы организовать ее структуру и преподавать истинное вероучение, в то время как сам патриарх написал письмо болгарскому монарху, «моему любимому сыну Михаилу, правителю Булгарии... достойной награде моих трудов». Он написал чрезвычайно длинное письмо. В самом его начале помещался полный отчет о символе веры, как он был установлен на всех семи Вселенских соборах. Затем, упомянув об общих принципах этики и показав, как они проистекают из двух заповедей Нового Завета, патриарх продолжил рассуждать о круге обязанностей хорошего князя, используя при этом примерно сотню изысканных афоризмов и проницательных комментариев, проистекающих из всей мудрости евреев и греческих философов¹³. Историки с тех пор изумлялись письму, свидетельствующему о покровительстве и метафизической чувствительности патриарха, обращавшегося к простому варвару, который желал решать лишь простые проблемы, прилично ли ношение брюк и расценивать ли тюрбаны как шляпы. Но Фотий знал свое дело. Высокие церковные власти не должны были беспокоиться относительно деталей: их цель состояла в том, чтобы впечатлить варваров, а не примирять их. Тайнами истинной веры обладал только патриарх. Это лучше всего демонстрировало хану примерный статус его страны и государства императора, так как он не понимал ни одного слова о тех предметах, которые, очевидно, являлись темой обычных разговоров в Константинополе. Фотий оказался дальновидным политиком: он всегда сохранял свое достоинство, даже за счет дипломатических потребностей момента.

Борис, любимый сын Михаил, был впечатлен, но не удовлетворен. Быть христианином оказалось более трудным делом, чем он думал. Хлынувшее в Болгарию греческое духовенство стремилось преподавать веру на греческом языке, что хорошо зарекомендовало себя среди славянского населения империи, но болгарское правительство было несколько обижено. Кроме того, многие из приехавших греков не занимали высокого положения; некоторые из них, не имея возможности получить хорошее назначение в церкви в самой империи, вынуждены были устремиться в поисках своего благосостояния за границу. Миссионеры других верований также участвовали в этом процессе. Вместе с греками в Болгарию прибыли армяне; некоторые из них, возможно, являлись обычными еретиками — монофизитами, но другие проповедовали гораздо более зловещие и чреватые последствиями взгляды — павликиане, чтобы посеять семя привлекательной веры в дуализм¹⁴. Тем временем на севере Каролинги, успокоенные новым союзом с Константинополем, послали немецких миссионеров, чтобы приобрести то влияние, какое могли в сложившихся условиях; и все это время папа Николай ожидал момента для вмешательства. Столь многие народы со своими убеждениями стремились помочь в становлении болгарской церкви, но ни один не был готов предоставить хану необходимое руководство, чтобы создать такую церковь, которая не слишком бы противоречила болгарским традициям и находилась под светским контролем.

Год христианства дал Борису новые знания. Он занимал теперь более сильную позицию — на северной границе установился мир, а мятежные бояре и голод в стране были побеждены. Однако хан сердился на греков. Власти в Константинополе обращались с ним как с обычным варваром и пытались держать болгарскую церковь под своим контролем, не позволяя передать ее

под его власть — не позволяя даже назначить епископа. Так что Борис решил обратить свой взгляд на другую сторону. Борьба между папой и Фотием достигла своего кульминационного момента: Фотий, к своему ликованию, обнаружил, что папа согласился с чудовищной и непростительной ересью о двойном сошествии Святого Духа, и подготовил обвинение папы, чтобы пробудить негодование во всех истинных христианах¹⁵. Борис не имел четких взглядов о мистической сущности Троицы. С другой стороны, он понимал, что данный фактор может оказаться полезным в борьбе. В августе 866 г. болгарские послы, кузен хана Петр, Иоанн и Мартин, прибыли в Рим с богатыми и святыми подарками и просили папу от имени Бориса прислать епископа и священников. Они также представили ему список из 106 вопросов, ответ на которые желал получить их правитель¹⁶. Борис также, чтобы Рим не обманул его, направил подобную просьбу прислать епископа и священников в Ратисбон Людовику Немецкому. Людовик выполнил ее, но когда его духовенство прибыло, они обнаружили, что предлагаемые им места были уже заняты, и быстро вернулись в Германию¹⁷.

Николай был в восторге, получив столь неожиданную поддержку. Он сразу же послал свое духовенство в Болгарию, снабдив его книгами, сосудами, одеждами и всеми атрибутами веры и назначив во главе двух своих самых способных легатов — Павла, епископа Популони, и Формозия, епископа Порто. В то же время он отправил детальные, но тривиальные ответы на все вопросы, которые задал ему хан.

Ответы Николая представляют собой документ, значительно отличавшийся от изысканной, тонкой, теологической проповеди, посланной хану Фотием. Письмо папы было написано простым языком, дружелюбным и очень примирительным. Борис спрашивал о религиозной

практике, как поститься и что носить в церкви, и являются ли более строгие формы воздержания, требуемые греческими священниками, действительно обязательными. Также хан спрашивал, как поступать с греком, который притворился священником и крестил огромное число невинных болгар, и нужно ли повторно крестить их? Борис даже спрашивал совета в делах гражданского права, например о штрафе за убийство, и в делах исключительно социальных: должен ли он продолжать вкушать свою пищу в одиночестве и что папа в действительности думает о его одеянии? Николай был весьма заинтересован в том, чтобы не накладывать слишком тяжкое бремя на новообращенный народ. Что касается воздержания, папа осудил многие из порядков, введенных греками. Он писал хану, что нет необходимости поститься каждую среду и пятницу, воздерживаться от купания в эти дни и отказываться от дичи, убитой евнухами, хотя он признавал, что нельзя есть животное, преследовавшееся христианином, но убитое язычником, или наоборот¹⁸. Брюки являются допустимой одеждой, но греки были правы, настаивая на том, что тюрбаны, подобно другим формам головного убора, должно снимать в церквях, а женщины должны, конечно, входить в церковь, закрытыми накидкой¹⁹. Он осудил греческую привычку к *sortes biblicae* (гадание по Библии), так же как и многие другие языческие суеверия²⁰. Отказ хана есть в компании папа расценил как плохие манеры, но не нечестивое поведение²¹. За наказанием за убийство должно следить гражданское право, но право святого покровительства церкви необходимо поддерживать²². Многобрачие, как и прелюбодеяние, объявлялось наихудшим преступлением: лишние жены должны быть отвергнуты, а священник накладывал соответствующую эпитимию²³. Николай также желал, чтобы хан смягчил наказания²⁴: он настаивал на бесполезности и варварстве метода при-

менения пыток для извлечения признаний; он осудил обращение Бориса с мятежниками. Папа даже полагал, что хан был слишком жесток, отрезав нос у грека, который притворился священником²⁵. Даже упорствующих язычников необходимо обращать в истинную веру путем убеждения, хотя в общении верующие должны избегать их. Одних преступников следует наказывать без милосердия — тех, кто поклялся в преданности христианской вере и обратился в язычество, что папа считал единственным непростительным грехом²⁶.

Борис также спрашивал, могла ли его страна через некоторое время назначать своего патриарха самостоятельно. Николай отвечал с осторожностью. Западная церковь, которой он управлял, была подозрительно настроена по отношению к патриархам. Подоплека этого вопроса Бориса была простой — он желал поравняться с восточным императором. Папа ответил уклончиво. У Бориса должны быть епископы, а позже, когда болгарская церковь увеличится, — архиепископ; и только потом они смогут рассмотреть вопрос о патриархе. Константинополь неохотно предоставлял ему даже собственных епископов; так что хан вынужден был довольствоваться обещанием получить архиепископа из Рима²⁷.

Конечно, римское духовенство начало свою работу в Болгарии с понятным рвением. Борис предоставил им монопольное право в пределах своих владений отклонять всех других священников и миссионеров. Латинский язык заменил греческий в качестве священного языка. Католики построили церкви и организовывали конгрегации, принося свет христианской доктрины в самые отдаленные части государства и говоря в то же самое время о необходимости повиновения гражданской власти. Борис был в восторге. Схватившись за волосы, по старой болгарской привычке, он поклялся, что будет всегда предан престолу святого Петра²⁸. Папский двор

также был восхищен и хвалил хана повсюду в западном мире. За исключением Константинополя, все были счастливы.

Этот триумф стал возможным в основном благодаря такту и любезности одного человека, Формозия, епископа Порто. Он снискал совершенное доверие и привязанность хана; и Борис предназначал его на патриарший престол, который он все еще надеялся получить из Рима. Спустя некоторое время, в 867 г., он послал в Рим требование, чтобы Формозий, по крайней мере, получил назначение архиепископа²⁹. Но Николай не привык к диктату: Борису теперь предстояло понять, какой в действительности являлась римская церковь. Возможно, попроси Борис за любого, кроме Формозия, его требование могло быть удовлетворено. Но к Формозию при папском дворе начали относиться с подозрением. Когда его отправляли в Болгарию, он был подходящей кандидатурой прежде всего из-за своей известной ненависти к грекам. Но он также был крайне честолобив и, возможно, поощрял мечты Бориса об автономной болгарской церкви, надеясь стать ее независимым патриархом. Несомненно, что Борис взял на себя обязательство добиваться выполнения требований Формозия³⁰. Николай стал подозрителен: Формозий, как он напомнил хану, являлся епископом Порто, и его епархия нуждалась в нем после столь длительного отсутствия. Он отозвал предыдущих посланников и вместо них прислал в Болгарию двух новых епископов, Гримоальда из Полимарты и Доминика из Тревизо³¹.

Булгары не были довольны решением папы, но тот полагал, что теперь может позволить себе это. Ситуация в Европе изменилась, так как в сентябре 867 г. император Михаил был убит помощником конюшего, которому он оказывал поддержку, а на его троне обосновался Василий Македонянин. Василий жаждал популярности: он

также строил проекты в отношении Италии и Иллирии, осуществлению которых могло помочь понимание Рима. У Фотия были враги даже в самом Константинополе, которые не простили его за обиду, нанесенную им Игнатию. Василий быстро низложил Фотия и восстановил Игнатия. Затем он написал папе, высказав просьбу направить легатов на собор, на котором было бы забыто прошлое, в том числе установленное римское первенство и намеки на его превосходство, также никто не должен был упоминать слово «*filioque*»³². Николай расценил просьбу как полную победу Рима, и его движение к примирению ослабло. Он практически не знал монархов, с которыми должен был иметь дело, выскочку Василия и бывшего варвара Бориса.

И он так никогда и не узнал их. 13 ноября 867 г., все еще празднуя свою победу, он умер³³.

Его преемник, Адриан II, считался личным врагом Формозия. Более чем когда-либо папство заняло жесткую позицию, отказав булгарам. Гримоальд и Доминик продолжили свое путешествие в Болгарию; а Формозий и Павел Популонский должны были возвратиться к своей пастве. Но Борис не желал терять надежду обрести собственного архиепископа, и если Формозию не суждено было стать им, то, по крайней мере, болгарский хан желал назначения на данный пост лично приемлемого для него человека. При дворе в то время находился дьякон Марин, которого Николай однажды послал с миссией в Константинополь в разгар войны с Фотием. Впоследствии император отказал ему в просьбе вернуться в империю, и тот нашел убежище в Болгарии, где сумел снискать дружбу хана. У Марина не было епархии, которая могла бы потребовать его к себе, почему бы ему в таком случае не стать болгарским архиепископом? Второе посольство, снова возглавленное Петром, отправилось в Рим вместе с возвращающимися епископами.

Но Адриан II был непреклонен. Теперь он полагал, что Борису необходимо преподать урок раз и навсегда о том, что папа обладает правом всегда назначать любого по своему личному усмотрению во всех духовных владениях Рима³⁴.

К концу 869 г. собор, известный как Восьмой Вселенский собор, на котором присутствовали легаты, присланные всеми патриархами, собрался в Константинополе. Папские легаты — Стефан, епископ Непи, Донат, епископ Остии, и Марин, друг Бориса, — присутствовали на нем, довольные победой. Однако события не развивались гладко; в отличие от приехавших епископов, император Василий придерживался другого взгляда на процедуру суда над Фотием. Но они твердо следовали своим инструкциям, и наконец, торжествовали. 28 февраля 870 г. собор был распущен, вызвав лишь еще большее чувство враждебности всех его участников друг к другу, но папские легаты оказались удовлетворены своими достижениями. Тремя днями позже неутомимый Петр, посол своего двоюродного брата хана³⁵, прибыл в Константинополь, чтобы спросить Вселенский собор, к какому патриаршеству относилась Болгария. Василий снова созвал ассамблею. Легаты восточных патриархов, хорошо принятые Василием и, так же как и греки, с неприязнью относившиеся к претензиям Рима, с удовольствием согласились с греческими епископами и с исторической правдой, ответив, что Болгария принадлежит патриаршеству Константинополя. Представители папы оказались в меньшинстве; они могли только заявить свой протест. После, удрученные, они возвратились к своему господину; мнимое провидение задержало их в пути на девять месяцев, которые они провели в плену у далматских пиратов. Едва папские легаты уехали, Игнатий в марте начал процедуру посвящения в сан архиеписко-

па и епископов для Болгарии, возможно, из числа тех, кого избрал Борис³⁶.

Ситуация изменилась кардинально. Границы Болгарии теперь были закрыты для римских священников; римские епископы были отосланы в позоре назад в Рим³⁷. Вместо латинского в церковную службу ввели греческий язык. Борис был вполне удовлетворен. Он научил высоких иерархов относиться к нему с уважением, а греки, быстрее приспособившиеся к изменяющейся ситуации, чем латиняне, выучили сей урок. Болгарская церковь находилась все еще под Константинопольским патриаршеством, но это бремя легко было нести. Архиепископ Болгарии занимал второе место после патриарха, а болгарскому монарху молчаливо позволяли иметь подобные императору полномочия по отношению к высоким духовным должностным лицам. Таким образом, мечта Бориса об автономной церкви была фактически реализована, но Константинополь сохранял номинальное управление, что в отдаленном будущем необходимо было изменить.

Новости о соборе стали ужасным ударом для Рима; папа никак не допускал ни проявления такого неповиновения, такой неблагодарности от варвара, ни такой коварности и самонадеянности от мягкосердечного старого патриарха, к которому, как к жертве Фотия, он снизошел, чтобы продемонстрировать свое доверие. Папа написал письмо Василию, свидетельствующее о нанесенном ему оскорблении и своем удивлении, спрашивая императора, что, с его точки зрения, означал такой поворот событий³⁸. Но Василий, хотя и был очень дружелюбен, проявил упорство. Когда Адриан умер в декабре 872 г., препятствие не было устранено.

Рим, однако, все еще надеялся на изменение ситуации. Он не мог полагать, что этот триумф, расширение римского господства почти до самых ворот города

ненавистного патриарха, оказывался столь эфемерным. Вся энергия Рима направлялась на то, чтобы отвоевать превозносимую землю. Даже на севере Европы чувствовались отзвуки борьбы. Десятилетие прошло с тех пор, как македонские братья намеревались обратить в христианство Моравию. С помощью славянской литургии и доброжелательности моравских монархов — великого короля Ростислава и Косела, князя страны, расположенной вокруг озера Балатон, — их работа увенчалась успехом; но, чтобы гарантировать постоянство достигнутых позиций, Кирилл решил, проявив замечательную терпимость для друга Фотия, что они должны быть подтверждены Римом. Константинополь находился слишком далеко, а между двумя государствами располагалась большая часть Болгарии, поэтому империя не могла всегда наблюдать за развитием ситуации и защищать христианство в Моравии. Инициатива Кирилла, однако, несколько смутила папский двор. Папы не могли искренне одобрить предприятие миссионера, который не проводил службу на латинском языке. Но в отчаянной борьбе против Фотия папа Николай горел желанием принять столь большой подарок, даже за счет признания славянской литургии. Чтобы удостовериться в развитии будущего, он вызвал братьев в Рим. Однако папа умер прежде, чем они прибыли, а его преемник Адриан оказался более бескомпромиссным государственным деятелем. Но, ввиду поддержки, оказанной им моравскими светскими властями, и зная позицию Константинополя, Адриан не мог поступить иначе, нежели встретить с почестями³⁹ Кирилла и Мефодия и одобрить все, что они сделали. Чтобы заставить замолчать оппозицию, он посвятил своих учеников в сан с помощью печально известного антигречески настроенного епископа Формозия. В то время как братья находились в Риме, Кирилл, более молодой, но

и более блестящий из двух братьев, умер, а Мефодий остался, чтобы продолжить работу в одиночестве.

Затем Мефодия отослали назад в Моравию с полномочиями использовать славянскую литургию, где бы он ни посчитал это необходимым. Адриан решил основать для него епархию, но все еще не был уверен, как лучше всего поступить, когда пришли новости об ужасном отступничестве болгар. Для Адриана моравская политика сразу стала второстепенной по отношению к болгарской политике. Надеясь использовать оружие славянской литургии, чтобы захватить болгар, он восстановил для Мефодия старую епархию в Сирмии, которая находилась на самом краю их владений, а юрисдикция распространялась по всей северо-западной границе. Но столь соблазнительный план так никогда и не был реализован; Мефодий по возвращении обнаружил, что его покровителя Ростислава свергли, а его племянник и наследник Святополк хотя и добился независимости и даже расширил владения своего дяди, был глубоко очарован германской культурой и презирал славянскую литургию, считая ее плебейской и неяркой. Пользуясь его покровительством, германские епископы смогли заключить в тюрьму отважного миссионера, назвав его дерзким самозванцем. Прежде, чем протесты Мефодия достигли Рима, папа Адриан умер, а Иоанн VIII стал его преемником⁴⁰.

Иоанн VIII не подпал под влияние болгарского разочарования. Традиция Николая была забыта; Рим возвратился к позиции непримиримости. Иоанн думал, что он мог принудить болгар к повиновению. Он сразу написал письмо Борису, в котором угрожал болгарам и всему греческому духовенству отлучением, «так что, таким образом, они могли присоединяться к Дьяволу, которому подражали»⁴¹. Тем временем, не вникая убедительному влиянию Мефодия, но доверяя любви Святополка к латинскому

языку, он освободил Мефодия из германской тюрьмы, но запретил ему использовать славянскую литургию. Мефодий был в отчаянии; чтобы спасти христианство, он проигнорировал приказ, но ситуация не благоприятствовала тому, чтобы он мог завоевать своих соседей для Рима.

Бориса не тронули нападки папы, особенно тогда, когда в Хорватии и по побережью Далмации латинское влияние постепенно умирало, а местные государства заявляли о своей независимости или подпадали под сюзеренитет восточного императора. Опыт научил Иоанна, что он должен сохранять умеренность. В феврале 875 г. он снова написал болгарскому двору, все еще строго запрещаая булгарам получать причастие от греческих священников под страхом наказания, что к ним будут относиться как к схизматикам⁴². Борис в ответ отправил посольство в Рим, чтобы выразить свое уважение, но продолжал поощрять греческое духовенство. Одновременно папа написал к императору с просьбой, чтобы Игнатий предстал перед судом в Риме, что произвело меньший эффект⁴³.

Но Иоанн был неутомим. В апреле 878 г. его легаты — Евгений, епископ Остии, и Павел, епископ Анконы, — отправились в Константинополь с инструкциями, чтобы заехать по пути ко двору хана. Иоанн теперь решил испытать новый метод. Легаты привезли с собой четыре письма. Первое было адресовано греческим епископам в Болгарии, категорически приказывавшее им оставить в пределах тридцати дней епархию, которая принадлежала Иллирии, так же как и Риму⁴⁴. Второе письмо было для Бориса. Здесь Иоанн использовал тон Николая. Он приветствовал Бориса с большой сердечностью; папа только желал предупредить его относительно опасностей быть привязанным к Константинополю, месту рождения схизмы и ереси. Он напомнил хану о судь-

бе готов, крещенных греками и вскоре ставших жертвами ужасного арианства⁴⁵. Третье письмо предназначалось Петру из Болгарии, родственнику Бориса, который дважды участвовал в посольствах в Рим. Иоанн обращается к нему как к близкому другу и просит его использовать свое влияние на хана, чтобы возвратить его к престолу святого Петра⁴⁶. Четвертое письмо было адресовано другому болгарскому аристократу, очевидно, брату Бориса, вероятно, монаху Дуксу, убеждая его сделать все возможное, чтобы помочь делу Рима⁴⁷. Доставив болгарские письма, епископы двинулись в Константинополь с письмом к Игнатию, приказывая ему в том же резком тоне, который был использован и в письмах к греческим епископам в Болгарии, отозвать свое духовенство из Болгарии в пределах тридцати дней под угрозой отлучения⁴⁸. Письмо императору Василию требовало от него, чтобы он помог папским легатам в их работе⁴⁹. Но все письма были написаны слишком поздно. 23 октября 877 г. престарелый патриарх Игнатий умер. Тотчас как он умер, Василий заставил весь мир вздрогнуть, назначив на престоле его соперника, бывшего патриарха Фотия⁵⁰.

В Риме и в Константинополе ситуация полностью изменилась. Но в Болгарии все оставалось по-прежнему. Ни хан, ни его знать не ответили на папские письма, и при этом греческое духовенство не оставило Болгарию. И все же папа не мог отказаться от своих надежд. Он должен был принять новую политику в отношении Константинополя. Возвращение Болгарии под римское покровительство очень помогло бы ему. Еще раз в 879 г. папа написал Борису и его боярам, Петру, Цергобулу и Сондоку. На сей раз письма были отправлены через Иоанна Пресвитера, папского легата в Далмации и Хорватии. Там, в то время, как он писал, небо прояснялось; Здеслав, князь Хорватии, ставленник Византии, только

что был смещен Бранимиром, сторонником Рима. Бранимир проследил, чтобы Иоанн Пресвитер благополучно достиг Болгарии. Тон папы в обращении к Борису оказался весьма просительным и примирительным; он принес извинения, как если бы хан был рассержен его прежним посольством⁵¹.

Тем временем он был значительно ободрен своими деловыми отношениями с патриархом. Фотий с некоторым вызовом и даже нелогично, только чтобы доставить удовольствие императору, искал папского одобрения своему назначению. Иоанн, проявляя несчастную страсть к успешным сделкам, известную как проявление реализма, предложил свое согласие при одном условии, демонстрирующем самую большую тоску его сердца, — чтобы Константинополь оставил церковь Болгарии. К удивлению папы, патриарх быстро согласился. Еще раз папские легаты совершили путешествие в Константинополь, чтобы принять участие в соборе и договориться о мире.

Собор открылся в ноябре 879 г. и работал без помех. Император Василий, нося траур по старшему сыну, не присутствовал; Фотий управлял деятельностью собора, как желал. Римские легаты, не знавшие греческого языка, не сознавали, что самооправдание Фотия, с энтузиазмом принятое 383 присутствующими епископами, было облегчено неправильным переводом папского письма; они также не сумели понять, что подписывали решение, которое отказывало папе в праве запрещать назначение светских лиц на епископские должности, и за анафему против всех, кто добавлял к Никейскому символу веры, то есть против всей Западной Церкви, виновной во вставке «*filioque*». Вопрос о болгарской церкви был отдан на решение императора, который снизошел до того, чтобы решить его в пользу Рима. Удовлетворенный Рим, как рассчитывал Фотий, не бросил бы вызов императору, тогда как, устанавливая право императора при-

нимать решения, Константинополь получал свои гарантии⁵².

Легаты вернулись в счастливом неведении в Рим, и Рим радовался своей победе. Но папа проявил неосторожность, забыв, что те, кто проявлял наибольшую озабоченность сделкой, были сами болгары. В начале 880 г. от Бориса прибыло посольство к папскому двору. Иоанн был полон надежд, но болгарский посол, боярин по имени Фрунтий, просто выразил уважение своего господина и объявил, что все в Болгарии обстоит очень благоприятно; и это все. Однако Иоанн не мог не расценивать данные слова как благоприятный признак; он отправил письмо назад, исполненный нетерпеливого ожидания⁵³, и написал также императору Василию, чтобы выразить свое удовлетворение⁵⁴. Но Болгария не дала ответа, и Иоанн был озадачен и обеспокоен. Он снова написал в конце 880 г., чтобы спросить, почему болгарский хан не отправил в Рим другое посольство; хорватский епископ Феодосий Нона дал ему понять, что при дворе формировалось еще одно посольство. Но вновь наступила тишина; так же тишина приветствовала следующее письмо папы, написанное в 881 г.⁵⁵ Иоанн не мог понять, что произошло. В конце года епископ Марин, прежний друг Бориса, вернулся из посольства в Константинополь и открыл глаза папе на то, что действительно произошло на соборе 879 г. В ярости Иоанн сместил двух легатов, которые посещали собор, и отлучил от церкви Фотия⁵⁵. Но когда он писал, правда открылась ему; он начал понимать, почему Фотий легко отказался от своих прав на Болгарию. Фотий не забыл болгар. Фотий понял, что Борис не желал возвращаться к римской зависимости; путь навстречу Восточной церкви удовлетворял его гораздо больше. И Борис вполне мог сам позаботиться о себе.

Рим потерпел поражение. Иоанн был обманут в своей победе, обхитренный патриархом. Болгария, земля, за которую преемники святого Петра боролись столь упорно, навсегда отказалась от покровительства Рима. Но папе Иоанну не дали долго раздумывать о нанесенных ему оскорблениях. 15 декабря 882 г. он был отравлен, как говорили, своими врагами. Епископ Марин заступил на его место — но во всей этой ситуации было что-то таинственное, зловещее⁵⁷.

Борис скорее склонялся к Востоку, нежели к Западу; и его выбор был почти неизбежен. На первый взгляд, он мог отдать некоторое предпочтение патронажу отдаленного Рима по сравнению с близко расположенным Константинополем; но Рим действительно не мог дать хану то, что он хотел, и не представлял для него большого значения. В Константинополе император воспринимался как высшая персона, а его превосходство было санкционировано церковью. Он не являлся только цезарем, но был также наместником Бога, и поэтому все, что принадлежало цезарю и Богу, могло быть справедливо предоставлено ему. На Западе, с другой стороны, всегда существовала двойная преданность. Римская церковь отказалась признать свою зависимость от светской власти. Ее амбиции носили международный характер, а единственным правителем был папа; и он не только запретил вмешательство в свои дела со стороны светского правителя, но и указывал на необходимость сохранения контроля церковью даже над светскими решениями монархов. Независимо от того, какими доводами руководствовался Борис при обращении в христианство, он, конечно, намеревался использовать новую религию в собственной стране для ее объединения и совершенствования автократии. Моделью здесь для него являлся император; цезарепапизм империи должен был быть скопирован в Болгарию. Именно потому, что Константинополь не

желал предоставить хану независимость, о которой тот мечтал, он обратился к Риму; но вскоре понял, что Рим всегда стремился к гораздо более строгому контролю над своими подданными. Он был полезен болгарскому монарху только в качестве угрозы сохранению главенства Константинополя.

Кроме того, помимо практических соображений, Константинополь, несомненно, впечатлял болгар бесконечно больше, нежели Рим. Их воспоминания не простирались столь далеко до тех дней, когда Рим являлся хозяином мира, а Константинополь был только все еще Византией, отдаленной провинцией. Они представляли Рим таким, каким он предстал перед ними в эти дни, грязным городом, стоящим на желтой реке, богатым только своими церквями, прелатами и обширными обваливающимися руинами. Как он мог сравниться с богатейшим городом во всей вселенной, Константинополем, пристанищем искусства и наук, с башнями и сверкающими куполами и бесконечными стенами, торговыми судами, собиравшимися в огромных количествах в гаванях, дворцами, изобилующими мозаикой и гобеленами, и императором на золотом троне? Слава Византии уже гремела, когда болгары впервые пересекли Дунай. Почему же они должны были теперь перейти через суровые Албанские горы и ветреное море, чтобы отдать дань почтения умирающему городу, когда столь роскошная жизнь кипела за порогом их государства? Рим не мог конкурировать с Константинополем по силе и совершенству своей цивилизации; и болгары попали под влияние греков. Греки построили им дворцы в Плиске и Преславе, дали им письменный язык, который болгары использовали, чтобы записывать и хранить информацию, рисовали картины и ткали. Католики ничего не сделали для болгар, они только вели с ними переговоры, проходившие на неразборчивом латинском языке, и отдавали безоговорочные

приказание. Таким образом, и естественным, и мудрым решением для Бориса стало принять сторону Константинополя.

Если бы Рим позволил Борису оставить у себя Формозия или Марина, история могла сложиться иначе, хотя, вероятно, они, подобно самому Борису, противостояли папскому вмешательству. Но судьба запретила этим честолюбивым прелатам делать карьеру в Болгарии. Оба добрались до высот папского престола, Марин — через отравление, а Формозий — среди бури и суматохи, которая оторвала его от смерти.

Тем временем все греческое считалось модным в Болгарии; греческие ремесленники пришли вместе с греческими священниками, чтобы строить церкви и дома, необходимые христианским господам. Булгары даже стремились изучать греческую науку. Знать спешила послать своих сынов в Константинополь, чтобы совершенствовать их образование⁵⁸. Туда также прибыл и князь Симеон, младший сын самого хана. Борис был хорошо информирован относительно событий, происходивших в императорском дворце. Он знал, что там рос принц, младший сын императора Василия, которого отец прочил на патриарший трон. Борис считал эту идею превосходной; она была в духе истинного цезарепапизма. Его младший сын должен был ехать в Константинополь и возвратиться, получив должное образование, чтобы стать архиепископом и примасом Болгарии⁵⁹.

Мода, однако, изменчива. Болгария не могла стать обычной провинцией Византии. Во многом благодаря великому хану болгарские подданные обладали развитой национальной гордостью и не допустили бы полного поглощения своих традиций греческими; а императорские государственные деятели, дальновидные в своей умеренности и терпении и часто преследуемые призраком Рима, решили не давить на Болгарию слишком сильно.

Их единственной целью теперь стало продвижение христианства в Болгарии так, чтобы оказывать содействие в первую очередь именно самой религии, а не империи. Это была альтруистическая политика, возникшая в значительной степени благодаря подлинному миссионерскому рвению; но так же как за самую альтруистическую политику, за нее, вероятно, пришлось бы в конце концов платить.

К концу 881 г., в то время как римский папа и патриарх все еще официально оставались друзьями, выдающийся человек прибыл в Константинополь — Мефодий, живой апостол славян⁶⁰. Он долгое время желал вновь посетить свою родину; и император Василий и Фотий, его старый друг, многое желали обсудить с ним. Мефодий возвратился в Моравию следующей весной⁶¹, но Василий не хотел отпускать славянского священника и дьякона со своими литургическими книгами, которые братья написали на славянском языке. Императорское правительство узнало многое из самих уст опытного и великого миссионера; методы Мефодия были взяты на вооружение. Рим долгое время извлекал пользу для себя благодаря деятельности македонских братьев; но Константинополь теперь отправлял их еще дальше и сейчас находился в выигрышном положении. Византия имела одно большое преимущество по сравнению с Римом. Католики едва ли могли допустить проведение литургии на каком-либо другом языке, кроме латинского, в то время как греки не имели таких предубеждений; они видели, как грузины поклонялись Богу на грузинском, авасты (абхазы) на абхазском; и обе, грузинская и абхазская, церкви были признаны и находились под властью константинопольского патриарха. Василий и Фотий решили использовать литургию святого Кирилла. Славянская школа была основана в Константинополе, возможно, с идеей использовать ее как тренировочную площадку

для обращения в христианство русов и, конечно, чтобы помогать установлению религии в Болгарии⁶².

885 г. стал поворотным пунктом в истории славянского христианства. В этом году в Моравии умер Мефодий, и вся его работа могла погибнуть. Иоанн VIII в конце поддержал миссионера, но Марин оставил его, а Адриан III и Стефан V продолжали выступать против Мефодия, убежденные ложными наветами Вихинга, католического епископа Нитры, и отказом Мефодия присоединиться к Риму в ереси, заключающейся в искажении Никейского символа веры. Смерть Мефодия означала конец славянской литургии в Центральной Европе. Он назвал самого способного ученика, Горазда, своим преемником; но Горазд был бессилен против латинской и немецкой интриги, поддерживаемой светскими властями, например королем Святополком. Лидеры славянской церкви — Горазд, Климент, Наум, Ангеларий, Лаврентий и Савва — были захвачены и заключены в тюрьму вместе со своими последователями. Пока они находились в тюрьме, приговор был вынесен. Многие из младшего духовенства оставались в пленении; более видные были осуждены на бесконечное изгнание. Однажды этой зимой небольшая группа верующих, возглавляемых Климентом, Наумом и Ангеларием, была привезена под охраной к Дунаю, и там оставлена на попечение собственной судьбы⁶³.

Этой же зимой посольство от императора Василия посетило Венецию. Когда оно проезжало мимо палаток еврейских торговцев, внимание посла привлекли некоторые рабы. Он обнаружил, что они представляли славянское духовенство, проданное моравскими светскими властями за ересь. Он знал, что его господин интересовался такими людьми, поэтому он купил их и привез с собой в Константинополь. Василий был очень рад, принял их с честью и даже предоставил им приходы⁶⁴. Некоторые

отправились вскоре, вероятно, по воле императора, в Болгарию, снаряженные книгами по славянской литургии⁶⁵.

Но они не были единственными священниками, устремившимися в Болгарию. Климент и его последователи, спустившиеся к Дунаю, желали достичь этой страны, которая казалась им Обетованной землей истинной ортодоксальной веры. Вовремя они прибыли в Белград, большую приграничную крепость, где наместник, таркан Борис⁶⁶, радостно приветствовал их и отправил ко двору в Плиске. Прием хана был даже еще более теплым, чем таркана; Борис был рад видеть при своем дворе опытных и выдающихся славянских миссионеров, которые могли сделать его менее зависимым от греческого духовенства, в то время как императорское правительство, проводя свою альтруистическую политику, не могло возражать против этого. Аристократия двора последовала примеру своего монарха; чиновники государства поспешили предложить гостеприимство святым посетителям. Эсхач, сампсес, занялся Климентом и Наумом, в то время как Ангеларий гостил у некоего Чеслава⁶⁷.

Греческое духовенство в Болгарии было менее до-вольно сложившейся ситуацией. Его позиции не были очень сильны; Василий и Фотий ободряли славян. Но всегда существовала вероятность, что Василий и Фотий возразят и предпримут радикальные меры, если ситуация станет для византийцев слишком ненадежной. Греческое духовенство, однако, лишалось и этой потенциальной поддержки. 29 августа 886 г. император умер. Его преемник, Лев V, не выносил Фотия и сразу же сместил его; юнец восемнадцати лет, брат императора Стефан, занял патриарший престол. Лев, юность которого была горька из-за сомнительного происхождения и несчастливого брака, был равнодушным и ленивым государственным деятелем; он никогда не отбросил бы свои

привычки, чтобы вмешаться в дела за границей. И патриарх, по своей неопытности, был таким же «сломанным тростником». Но у греческого духовенства была поддержка; сам Борис не желал возбуждать их неудовольствие. Ситуация представлялась ему несколько трудной. Низшие социальные группы Болгарии, славянские крестьяне, по-видимому, приняли христианство охотно, если даже не с энтузиазмом; но болгарская аристократия, хотя и ослабленная Борисом после восстания, снова выросла. Булгарскую знать, естественно презиравшую новую религию, вряд ли могло поразить славянское духовенство. Ее могли удерживать в благоговейном страхе греческие священнослужители, несшие на себе отпечаток величественной культуры и уверенности, иерархи, чей образ жизни был изыскан, а умы тонки, в отличие от грубого болгарского интеллекта. Он избрал единственный выход из данной ситуации: греческое духовенство осталось при дворе, а славянское было послано в качестве миссионеров в области государства. Вскоре, вероятно, в 886 г., Климент отправился принимать службу в Македонии.

Македонские славяне совсем недавно приняли покровительство хана; но, очевидно, с удовольствием. Ими было, однако, трудно управлять: македонские славяне присоединились к Болгарии, являясь великим славянским государством, и поэтому возмущались правлению губернаторов, представителей старой болгарской аристократии. Борис решил связать их со своим государством посредством славянского христианства. Христианство еще только-только начало проникать в их одинокие долины, но желание принять новую религию воодушевляло целый славянский мир. Борис набавлял цену за их души, чтобы они не достались империи, политическому конкуренту Болгарии на юго-западе, который только подарил им греческое христианство, желая навсегда воз-

высить греческие группы населения. Тогда славянское христианство, окончательно укрепившееся в Македонии, могло быть введено во всех болгарских владениях; греческое духовенство, в настоящее время оказавшееся болгарам столь полезным, должно было быть впоследствии заменено славянским, пока, наконец, старая мечта хана не будет реализована. Болгарские аристократы тогда были бы поглощены славянами, а хан смог бы конкурировать с императором Византии и управлять большой империей, скрепленной, подобно Византии, двумя сильными узами — общей верой и общим языком.

Таким образом, решения хана ознакомили собой прелюдию к новой политике, для выполнения идей которой был отослан Климент. Чтобы достичь своих целей, Борис изменил правление в Македонии. До настоящего времени она представляла одну область, известную как «Колония»⁶⁸; Борис отделил от нее земли, расположенные дальше к юго-западу (где националистическая пропаганда и работа миссионера приносили наибольшую пользу), известные как Кутмичевица и Девол⁶⁹, и, отозвав местного болгарского наместника⁷⁰, послал вместо него управлять данной территорией светское должностное лицо по имени Домета⁷¹ — вероятно, славянина, — в то же самое время он отправил Климента с Дометой как духовного советника и, очевидно, как старшего над Дометой⁷². Клименту предоставили три резиденции в Деволе и дома в Охриде и в Главенице⁷³. Климент энергично принялся за работу, исполняя свою цивилизаторскую миссию, и Борис был удовлетворен, наблюдая, как его план начал успешно воплощаться в жизнь уже на первой важной стадии.

Год или два спустя Борис более открыто продемонстрировал свою власть. Никифор I во время переселений племен, которые он провел, чтобы подкрепить греческий или анатолийский элемент в Македонии, переселил на

новые места многих граждан Тибериуполя в Вифинии, а они привезли с собой в свой новый Тибериуполь, город, располагающийся рядом с современной Струмицей, приблизительно шестьдесят миль к северу от Фессалоники⁷⁴, самые священные реликвии, например Святого Германа и других святых, замученных Юлианом Апостатом. Теперь Тибериуполь стал частью владений хана. Приблизительно в это время многие сообщали о чудесах, например о видениях святого Германа и его последователей на улицах Тибериуполя, а их кости начали творить чудеса. Борис лично прибыл в город, чтобы удостовериться в этом и сразу приказал местному губернатору, болгарскому «графу» Таридину, построить церковь для священных реликвий в епархии Брегалницы и переместить их туда. Вероятно, церковь должна была украсить город Брегалницу, разраставшуюся славянскую деревню, которая являлась местом болгарской епархии. Граждане Тибериуполя оказались весьма недовольны тем, что их лишили священных реликвий, столь почитаемых и столь полезных; они бунтовали и не позволяли унести их. Таридину пришлось использовать все свое усердие и такт, чтобы предотвратить распространение возмущения. Наконец, компромисс был достигнут. Святому Герману было позволено остаться в мире в Тибериуполе; только мощи троих его святых товарищей были доставлены на новое место — Тимофея, Комасия и Евсевия. Их реликвии с почтением были переданы Брегалнице, и они являли чудеса во время путешествия. Затем их доставили в новую церковь, и для проведения литургии на славянском языке было назначено духовенство⁷⁵. Новое христианство быстро распространялось по Болгарии.

Борис был вполне доволен. Он видел, как его страна переживала самую значительную революцию в своей ис-

тории; он вступил на трон великого государства и превратил его в великое цивилизованное государство. Теперь он мог соперничать на равных с франкскими монархами и даже с самим императором. И церковь Болгарии находилась под его контролем; он заставил весь мир понять это. Гибкость в умении заключать сделки и упорное постоянство в конце концов помогли ему одержать победу. И теперь планы хана распространялись еще дальше и успешно воплощались в жизнь. В Болгарии появилась одна национальная церковь, связывающая всю страну и увеличивающая славу хана. Теперь Борис мог отдохнуть. Его обращение в христианство было искренним; именно потому что оно проистекало от подлинного благочестия в большей степени, нежели диктовалось условиями политики, он построил так много церквей и монастырей, а чистотой и строгостью его жизни долго восхищались во всем христианском мире. Теперь, больной и утомленный, он решил удалиться от мира и посвятить себя молитвам. В 889 г. он отрекся от престола в пользу старшего сына, Владимира, и ушел в монастырь, вероятно, в тот, что был основан Наумом, монастырь святого Пантелеймона у Преславы⁷⁶. Весь христианский мир увидел в этом отречении урок для себя; люди говорили о хорошем царе Борисе даже в Германии и Италии⁷⁷.

Но Борис добился большего, нежели просто обратил свою страну в христианство; он навсегда предопределил ее судьбу. Со времен Крума Болгария находилась между двумя фронтами. Предстояло ли ей двигаться на Запад к середине Дуная, куда проникала германская культура и где никто не мог выступить против нее, кроме эфемерных славянских княжеств? Или должна ли она оставаться на Балканах и обратиться к Востоку, чтобы бороться против вечных стен Нового Рима? Омуртаг полагался на

Запад, и Борис, заигрывая с Римской церковью, почти стал центральным европейским властелином. Но в конце он выбрал христианство Византии, христианство, которое лучше всего подходило для его страны. И, таким образом, он навсегда поставил Болгарию на якорь на Балканах.

КНИГА III

ДВА ОРЛА

ГЛАВА 1. ИМПЕРАТОР БУЛГАР И РОМЕЕВ

Борис от своей жены, в крещении Марии, имел шестерых детей — Владимира, Гавриила, Симеона, Якова, Евпраксию и Анну¹. Гавриил и, возможно, Яков умерли в детстве; Евпраксия постриглась в монахини, а Анна, без сомнения, вышла замуж, вероятно, за князя из королевского дома Моравии²; Симеон ушел в монастырь, а Владимиру предстояло стать наследником своего отца и взойти на болгарский трон.

Владимир слишком долго носил титул наследного князя. В то время ему, должно быть, уже исполнилось почти сорок лет, поскольку он еще во времена господства язычества сопровождал своего отца на Сербскую войну. И, подобно всем нетерпеливым наследным принцам, он был полон духом возражения политике своего отца. О внутренней истории его правления мы знаем немного, кроме того, что он принял посольство от короля Арнульфа из Германии в 892 г.³ Видимо, как только Борис благополучно укрылся от мира в своем монастыре, новый хан приступил к уничтожению результатов всех его реформ. Старая болгарская аристократия, которую Борис твердо отдалял от власти, вновь поднялась, и Владимир попал под ее влияние. Бояре ненавидели христианство Бориса с его строгими и деспотичными традициями. Напротив, сейчас жизнь двора стала

экстравагантной и распущенной, а власть даже предпринимала попытки восстановить старые языческие обряды и идолопоклонство.

Но Владимир и его бояре просчитались, не приняв во внимание опыт Бориса. Заточенный в своем монастыре, он, тем не менее, знал о том, что происходило за его пределами. В течение четырех лет он позволял своим недругам действовать свободно; но когда Борис увидел, что дело всей его жизни подвергается действительно серьезной опасности, он вернулся в мир. Его авторитет как человека, достигшего святости, оказался непререкаем; при помощи некоторых старейших государственных деятелей он легко овладел ситуацией. Еще раз придя к власти, Борис принес в жертву отеческие чувства для блага своей страны. Владимир незамедлительно был наказан, смещен и ослеплен, и, таким образом, навсегда вычеркнут из болгарской истории⁴.

В правление Владимира была предпринята последняя попытка языческого возрождения, ознаменовавшая собой его агонию. Она была обречена на провал; теперь уже никто не мог ожидать, что низшие и средние классы общества возвратятся к более грубой и гнетущей религии по воле полуиностранных повелителей, а самими монархами руководили больше политические, нежели духовные мотивы. Борису необходимо было только появиться вновь, чтобы разрушить весь заговор. Но данная ситуация для болгарского царя оказалась довольно деликатной. Сместив своего сына, он спас христианство, но подверг опасности результаты собственной политики, в связи с чем решил действовать осторожно. Созвав совет представителей всего государства (кто присутствовал на нем, мы не можем сказать, — вероятно, придворные аристократы, провинциальные наместники или их представители, духовные власти и другие выдающиеся граждане), он оправдал свое вмешательство в дела свет-

ской власти религиозными причинами и затем приказал принять в качестве нового монарха своего младшего сына, монаха Симеона⁵. В то же самое время Борис воспользовался своим присутствием на совете, чтобы закончить последнюю большую реформу. Семена, которые Климент посеял в Македонии — его деятельность была, видимо, прервана во время правления Владимира, — и те, что Наум засеял на землях рядом со столицей, пустили крепкие корни; пришло время заменить греческий язык на славянский во всей болгарской церкви⁶. Для выполнения этого существовало несколько причин: вероятно, место болгарского архиепископа было вакантным; возможно, что греческое духовенство также было тесно связано с аристократией двора, и, конечно, наступил благоприятный момент для выполнения решения, которое могло бы вызывать недовольство империи: Василий и Фотий умерли, а император Лев и его брат патриарх были слишком равнодушны и слабы, чтобы выступить против завершения политики, которую даже их великие предшественники расценивали как неизбежную. Кроме того, Борис считал, что предписание использовать славянский как единый национальный язык Болгарии навсегда исключит осознание своей исключительности и превосходства со стороны старой болгарской аристократии. Дети гуннов должны были потерять свою идентичность: слово «болгарин» означало и славянина, и болгарина, т. е. любого подданного болгарского монарха, который теперь являлся не верховным ханом, но князем, славянским «принцем».

Изменением языка, вероятно, завершилась организация болгарской церкви, сыграв очевидную роль в том, чтобы приспособить ее к новому положению вещей. Сейчас страна было разделена между семью метрополиями под властью архиепископа болгарского — метрополии Дристра, Филиппополь, Сардика, Провад, Маргум

(или Моравия), Брегалница и Охрид⁷. Большинство этих епархий было организовано раньше, прежде всего в Восточной Болгарии; епархия Брегалница — в 889 г.⁸ Епархия Охрид, вероятно, еще не начала работать — Македония оставалась все еще слишком диким краем в это время. Но работа миссионера Климента продвинулась теперь достаточно далеко для создания подходящей для него епархии. Он стал епископом двух престолов, Дебрицы (Дрембицы) и Белицы, двух маленьких городков между Охридом и Прилепом⁹. Позже их все затмил Охрид.

Вместе с духовными реформами в Болгарии было осуществлено другое важное изменение. Иосиф, новый архиепископ Болгарии, руководил делами своей епархии не из Плиски, а из Преслава¹⁰. Столицу государства переместили¹¹. Плиска, гуннская столица, наполненная воспоминаниями о великом языческом хане, более не подходила на роль столицы нового единого государства. Христианский князь должен был жить в Преславе, рядом с монастырем святого Пантелеймона и христианской семинарией Наума.

Когда вся запланированная работа была выполнена, Борис возвратился в свой монастырь. Его деятельность теперь действительно подошла к своему завершению. Борис слишком рано решил удалиться на покой; Владимир оказался «сломанным тростником». Но на сей раз Борис был уверен в будущем. Теперь он действительно мог навсегда посвятить себя религии и помогать своей стране исключительно молитвами. Он уже сделал довольно много — достаточно, чтобы стать самым великим из всех ее правителей.

Новый князь Симеон оказался лучшим сыном, чем Владимир. Ему было около тридцати лет¹². Большую часть жизни он провел в Константинополе, по-видимому, во дворце, и обучался, вероятно, не только в славян-

ской семинарии Фотия, но и в университете. Конечно, он стал искусным греческим ученым и приобрел интерес к работам Аристотеля и Демосфена. Действительно, он был некогда известен как полугрек¹³. В недавние годы Симеон принял монашеские обеты, возможно, как решил его отец, предназначавший своего сына на роль болгарского патриарха, и находился, вероятно, вместе с ним в болгарском монастыре Святого Пантелеймона. Христианское рвение Симона казалось бесспорным. Тем не менее, когда он отказался от своего обета и вернулся к светской жизни, чтобы взойти на трон, это вызвало неблагоприятные толки¹⁴.

Если государственные деятели в Константинополе надеялись, что вступление на престол человека, воспринявшего греческую культуру, означало возрождение их влияния на Болгарию, то они были жестоко разочарованы. Преданность Симеона греческой литературе лишь заставила его желать ее перевода на родной язык. Десятилетие спустя официальное принятие славянского языка и алфавита способствовало удивительному росту литературы. Булгарский народ, долгое время ограниченный в своем письме лишь греческими литературными образцами и языком или, возможно, несколькими руническими знаками¹⁵, внезапно обрел собственные средства для самовыражения. Но расцвет болгарской культуры нельзя назвать всецело спонтанным; языческая безграмотная империя хотя и была великой, не сразу превратилась в житницу культуры. Булгарская литература появилась лишь через столетие и явилась естественным результатом развития, когда христианство и славянская письменность в достаточной мере распространились по территории страны¹⁶. В настоящее время она находилась под активным патронажем князя. Симеон желал, чтобы его народ пользовался всеми благами византийской цивилизации; он поощрял переводы не только произведений

святых отцов и патристики, но также некоторых подходящих романов. Следовательно, первыми болгарскими авторами стали, главным образом, переводчики; однако их работы приобретали несколько искусственный вид, когда поднимаемый в них вопрос оказывался более сложен, чем язык, с помощью которого его можно было представить.

Однако начало становления болгарской литературы было многообещающим. Уже с тех пор, как Климент обосновался в Македонии, он приступил к переводам. Однако он оказался в неловком положении из-за того, что греческий язык не был широко известен; а люди — недалеки¹⁷. Единственная надежда исправить ситуацию заключалась в осуществлении переводов греческих авторов. Климент зарекомендовал себя неутомимым переводчиком. Он привлек труды своих великих покровителей, Кирилла и Мефодия, и внес в них те добавления, что смог. К концу столетия Климент превратил Охрид в один из наиболее известных центров распространения христианства и культуры; и когда он начал отходить от активной жизни, его работа была подхвачена старым товарищем и учеником Наумом, который прибыл из Преслава, чтобы принять епархию в Охриде¹⁸.

Но сейчас македонскую школу Климента затмила княжеская школа Преслава. Там были осуществлены обширные переводы. Сам Симеон даже руководил переводом целого ряда пояснительных извлечений из писаний Святых Отцов, и предисловие отдало дань его покровительству, назвав его «новым Птолемеем, который, подобно трудолюбивой пчеле, собирает сок со всех цветов, чтобы распространить его среди бояр»¹⁹. Епископ Константин перевел некоторые проповеди для церковных праздников и работы святого Афанасия²⁰; пресвитер Григорий перевел хронику Иоанна Малалы и также романтический рассказ о Трое для «любящего книги кня-

зя»²¹. Иоанн Экзарх, по воле королевского монаха Дукса, брата Бориса, перевел Иоанна Дамаскина и написал «Шестоднев», адаптацию «Гексамерона» святого Василия. Иоанн, приступивший к работе, вероятно, немного позднее, чем другие, оказался более предприимчив и к переводу добавлял несколько глав собственного сочинения. К переводу Иоанна Дамаскина он написал предисловие, в котором дал краткую историю славянского письма и рассуждение о трудностях, с которыми сталкивается переводчик — как следует поступать, когда слова имеют различный род в греческом и славянском языках? — а к переводу «Шестоднева» он добавил эпилог, в котором восхвалял красоту двора Симеона в Преславе²². Даже княжеское семейство породило своего автора, Тудора (или Федора), сына Дукса; но из всех его сочинений лишь небольшой пролог дошел до наших дней²³.

Однако все переводы стали бы бесполезными, если публику нельзя было убедить, что славянский язык вполне подходил для создания литературных произведений. Именно первая оригинальная болгарская работа на славянском должна была оправдать его использование. Вскоре после принятия славянской литургии монах Храбр написал небольшую апологию на славянском языке, в которой он указал, что, хотя еврейский, греческий и латинский являлись языками освященными, так как использовались в Священных Писаниях и трудах Отцов, они этим не исключали возможность употребления славянского языка; так как, в конце концов, греки одно время использовали финикийский алфавит, и, во всяком случае, греческий алфавит был создан язычником, в то время как славянский — уже христианским святым, Константином, или Кириллом. Этот трактат носит полемический характер и иногда представляется наивным по стилю и аргументации, однако лишь изредка заставляет чувствовать, что лед тонок. Но, должно быть, трактат

достиг своей цели, так как позволил защитникам нового алфавита полагать, что они обладали божественной санкцией, чтобы принять его²⁴.

С новым алфавитом возникла, однако, еще одна трудность; но она, видимо, сама собой исчезла. Изобретательный ум святого Кирилла создал два алфавита, известные сегодня как кириллица и глаголица. Первый был основан на греческом алфавите с некоторыми добавлениями из еврейского и, вероятно, представлял собой его первую попытку создать алфавит для балканских славян, проживавших недалеко от его родины в Фессалониках. Но когда Кирилл прибыл в Моравию, где все, что могло предполагать греческую пропаганду, сразу попадало под подозрение, он решил, что его долг состоит в создании оригинального алфавита, и снова приступил к работе, произвольно искажая греческие буквы, чтобы замаскировать их происхождение, и вообще разработав новый алфавит. Именно ему обучался Климент; он принес его с собой в Болгарию, и уже на нем были написаны некоторые из самых ранних болгарских рукописей. Однако на земле, где греческая культура не находилась под подозрением, но, напротив, считалась модной, не было необходимости для использования глаголицы. Кириллица, алфавит, который, без сомнения, преподавали в славянской семинарии в Константинополе, был гораздо более простым и гораздо более практичным. Глаголица неизбежно уступила ему дорогу; но была ли победа кириллицы ускорена официальным постановлением, мы не можем сообщить²⁵.

Литературное богатство отражало баланс между ростом искусств и роскошью. Симеон видел в Константинополе ореол блеска, который окружал императора и подчеркивал его святость как наместника Бога; он понимал его ценность для автократии. В своей новой столице Преславе, Великом Преславе, прославленном городе²⁶,

он попытался таким же образом укрепить собственные позиции. Город начал расцветать, возводились церкви и дворцы, построенные придворными, которые следовали указаниям своего князя. Но княжеский дворец являлся центром всего; он воплощал собой славу, исходящую от Симеона. Наиболее значительный результат такой политики заключался в том, насколько быстро она воплотилась в жизнь; ничего похожего ранее не существовало в Болгарии. Иоанн Экзарх в прологе «Шестоднева» попытался описать восхищение посетителя из провинции, как тот был поражен большими мраморными зданиями и фресками — «солнцем и звездами украшено небо, земля осыпана садами, дубравами и цветами и увенчана горами, разлиты моря и реки, полные воды и рыб... так что терял свой рассудок. Он возвращался домой, презирая собственный дом и желая построить себе новый, столь же высокий, как небо»²⁷. Посреди этого великолепия стоял Симеон — «в мантии, обшитой жемчугом, в золотом монисто на шее и с гривнами на запястьях, подпоясанный бархатом, с золотым мечом, висящим на бедре»²⁸. Но даже красноречие Иоанна бесцельно описать все великолепие; он может только сожалеть, что в действительности приуменьшает роскошь новой столицы Болгарии. Его посетитель, уезжая, обращался к своим друзьям со словами, что «лишь своими глазами сможете вы насладиться, как подобает, той красотой»²⁹. Видимо, Симеон достиг своей цели; но продолжал сомневаться, что под этим показным великолепием скрывалось именно то, что для глаза константинопольца казалось приемлемым стандартом цивилизации и комфорта³⁰. Кроме того, вне столицы никакой роскоши не было и в помине; гость Иоанна Экзарха жил в доме из соломы³¹. Даже в Охриде самая старая каменная церковь датирована следующим веком³². Возможно, это отражало цели Симеона, желавшего, чтобы Преслав стал

центром Болгарии, как Константинополь был центром Империи. Однако воплотить эту идею в жизнь казалось маловероятным; княжеская столица, как и литература времени царствования Симеона, была создана искусственно. Географическое положение, которое обусловило роль Константинополя как самого большого порта и рынка средневекового мира, не дало таких весомых преимуществ небольшой внутренней долине, располагавшейся в окружении низких гор, где находился Преслав. Сегодня от того большого города, который даже спустя три века³³ занимал область гораздо большую, чем любой другой балканский город, остались только несколько ничего не значащих остатков.

Действительно, хотя путешественника и сегодня все еще поражает величие данного места³⁴, ему трудно даже вообразить себе все его бывшее величие. Обширный дворец Симеона был подвергнут небольшим раскопкам, но исследователи только обнаружили фундамент и несколько мраморных колонн. Город на протяжении столетий грабили турки, а сам он был, вероятно, построен на основе развалин старых римских городов, вроде Марцианополя³⁵. Раскопанные церкви, построенные Симеоном во внешнем городе³⁶ и Борисом в Патлеине, сохранили следы бывшего блеска. Любого путешественника, прибывшего из Константинополя, размеры болгарских городов не впечатляли, а их художественное оформление казалось ему грубым. Церкви украшались мраморными плитами и мозаикой, используемых, насколько можно судить, без вкуса; но их главной характеристикой стало обильное применение керамических плиток, некоторые из которых были пустыми, а другие, украшены простыми узорами, совершенно свободными от византийского влияния, довольно сильно напоминающие крестьянское искусство, каким оно представлено во всем мире. Однако в Патлеине была найдена керамиче-

ская икона святого Федора, которая по характеру является византийской и свидетельствует о высоком развитии изобразительной техники. На сегодняшний день она считается уникальной, но всегда ли являлась она уникальной вершиной в развитии искусства «золотого века» Симеона, мы теперь не знаем³⁷.

Хотя развитие литературы и архитектуры нуждалось в искусственном стимуле, болгарское ремесло и торговля процветали естественным образом. Главной отраслью страны оставалось сельское хозяйство, и, вероятно, болгарский хлеб и скот помогали прокормить население императорских городов побережья и самого Константинополя. Также в Болгарии разрабатывались рудники, а их продукция увеличивала царские доходы. Кроме того, болгарские владения лежали на больших торговых маршрутах. Оживленная торговля между русскими степями и Константинополем проходила, как правило, морем по западному берегу Черного моря; но какой-то путь торговцы должны были проделать по суше через Преслав и Адрианополь или по побережью, а некоторые — через Дристру к Фессалоникам. Был и другой торговый маршрут, почти столь же важный, который проходил по территории Болгарии, — маршрут из Центральной Европы, который на Балканском полуострове начинался в Белграде, и, подобно современной железной дороге, разветвляющейся в Нише, одна его линия проходила через Сардику (Софию) и Филиппополь к Адрианополю и Константинополю, а другая — на юг к Фессалоникам. Этот торговый путь обеспечивал устойчивый поток товаров через Болгарию и обогащал болгарских торговцев или греческих и армянских подданных князя³⁸.

Симеон заботился о торговом благосостоянии своей страны; и в начале правления его действия в данном направлении создали ряд обстоятельств, которые, как казалось вероятным, могли уничтожить Болгарию и всю ее

новорожденную культуру, но которые в конце навсегда подтвердили ее балканское предназначение, которое Борис полагал справедливым для своей страны. Со времени царствования Тервеля торговля между Болгарией и империей была тщательно организована, и к настоящему времени болгары владели торговыми рядами в Константинополе (вероятно, в квартале Святого Мамы, где находились русские торговые ряды), куда они доставляли свои товары, чтобы распространять их среди императорских торговцев. В 894 г.³⁹ интрига при императорском дворе закончилась тем, что два греческих торговца, Ставракий и Косьма, закрепили за собой монополию на болгарскую торговлю. Вслед за этим они не только наложили тяжелые пошлины на товары, но также настаивали на перемещении торговых рядов в Фессалоники — брать взятки было легче на некотором расстоянии от столицы. Все это, естественно, расстроило болгар, и они пожаловались Симеону. Князь сразу же заявил протест императору. Но нечестные греческие торговцы находились под защитой Зауца, василеопатора, всемогущего тестя императора, поэтому Лев проигнорировал посольство Симеона, и скандал продолжился. Вслед за этим Симеон решил прибегнуть к помощи оружия и подготовился для вторжения во Фракию. Главные императорские армии под командованием Никифора Фоки, героя Итальянских войн, находились далеко на Востоке, сражаясь с сарацинами; Лев мог послать против захватчиков только необученные отряды под руководством Прокопия Кринита и армянина Куртикия. Симеону не составило никакого труда разбить противника, несмотря на его численность; оба военачальника погибли в сражении, а пленникам отрезали носы. Потом болгары продвинулись через Фракию до самой столицы.

Тогда Лев испробовал дипломатические средства. Он направлял посольство в Ратисбон к королю Арнульфу

в этом году, вероятно, до того, как началась война, в качестве контрмеры посольству Арнульфа к Владимиру в 892 г., однако императорский посол не встретил благожелательного приема⁴⁰. Теперь у императора появился гораздо лучший план. Со времени правления Омуртага дикие мадьяры обосновались в степях прямо на болгарской границе по реке Днестр и, вероятно, к настоящему времени уже и по реке Прут. В 895 г. он отправил патрикия Никиту Склира в мадьярские поселения, чтобы предложить мадьярским вождям, Арпаду и Курсону, вторгнуться в Болгарию; он обещал отправить корабли для перевозки их через Дунай. Мадьяры приняли предложение с удовольствием, тем более, что они испытывали на восточных границах давление еще более дикого народа, печенегов; они предоставили заложников, и соглашение было заключено. Затем Лев вызвал из Азии Никифора Фоку и снарядил императорский флот под командованием адмирала Евстафия. В действительности эти приготовления были предназначены только для того, чтобы вызвать в болгарях благоговейный страх. Теперь, когда Симеон собирался начать переговоры с мадьярами, Лев предпочел не воевать; он не желал увеличивать мощь мадьяр за счет болгар, и, кроме того, его чуткая христианская совесть не могла остаться равнодушной к войне с христианами. Он послал квестора Константинакия предупредить Симеона о начале мадьярского вторжения и предложить мирный договор. Но Симеон оказался подозрителен и груб; в Константинополе он узнал, какой тонкой могла быть императорская дипломатия, и, вероятно, не поверил в историю о мадьярах. Константинакия поместили под стражу, и ответа на предложения императора не последовало.

Однако вскоре Симеон был разочарован. Когда он подготовился, чтобы встретить Никифора Фоку во

Фракии, пришли новости, что мадьяры прибыли на назначенное место. Он поспешил на север, чтобы их встретить, но потерпел поражение. Пришлось отступить к мощной крепости Дристре⁴¹. Мадьяры продвигались вперед, грабя и разрушая все, что встречали на своем пути. В воротах Преслава они присоединились к Никифору Фоке, которому продали болгарских пленников тысячами. Булгары были в отчаянии. Они отправились к Борису в монастырь, чтобы просить его совета; но он мог только предложить им три дня поста и молитвы о спасении своей страны. Ситуация изменилась благодаря дипломатической хитрости Симеона.

Когда князь понял серьезность своего положения, то послал через Евстафия просить императора о заключении мира. Лев был рад уступить. Он приказал Фоке и Евстафию удалиться и отправил магистра Льва Хирсфакта, чтобы обсудить условия договора. Это было именно то, чего Симеон и добивался. Когда магистр Лев прибыл, он был задержан в крепости Мундрага: в то время как Симеон, освободивший себе руки благодаря возникшему замешательству среди своих врагов, выслал войска, чтобы напасть на оставшихся мадьяров. В большом сражении он нанес им поражение и принудил повернуть обратно через Дунай. Борьба была настолько кровопролитной, что даже булгары, как полагают историки, потеряли 20 000 всадников. Победив мадьяр, Симеон информировал магистра Льва, что его условием для заключения мирного договора теперь являлось освобождение всех болгарских пленников, недавно купленных Фокой у мадьяр. Несчастный посол, у которого не было возможности связаться со своим правительством, возвратился в Константинополь с неким Феодором, знакомым Симеона, чтобы посмотреть, что можно сделать в сложившейся ситуации.

Лев желал мира и был готов уступить заключенных. Он никогда не относился к войне с энтузиазмом и совсем недавно потерял Никифора Фоку, ставшего жертвой злого гения Зауца. Симеон, обнаружив это, решил продолжать сражение. Он ждал, пока все заключенные не были возвращены ему, и тогда, заявив, что его условие не было выполнено полностью, появился снова в полном вооружении на фракийской границе. Новому императорскому командующему Катакалону не доставало способностей Фоки. Он шел с главной императорской армией на Симеона в Булгарофигон и потерпел сокрушительное поражение. Его заместитель, протовестарий Феодосий, был убит; он сам едва спасся с несколькими беженцами. Сражение было настолько ужасным, что один из императорских солдат решил вслед за этим отречься от мира и ушел в отставку, и позднее стал блаженным под именем Луки Стилита⁴². Шел 897 г.

Симеон снова овладел ситуацией; и Лев Хирсфакт вновь выступил с предложением заключить более выгодный мир. Он поставил перед собой неблагоприятную задачу. Многие из той корреспонденции, которую он вел с Симеоном и с собственным правительством, сохранилось и показывает, с какими испытаниями, он столкнулся. Симеон продемонстрировал хитрость, высокомерие и подозрительность; он чувствовал, видимо, что противники превосходили его по уму, и поэтому не доверял ни одному их жесту, как если бы они подразумевали некое зловещее значение, которого он не понимал. Письма, которые он писал в Константинополь, составлялись в оскорбительном тоне; он заявлял, что «ни ваш император, ни его астролог не может знать будущее», — замечание, которое, вероятно, должно было раздражать монарха, гордившегося своими пророчествами⁴³. Главная трудность состояла в том, что Симеон не желал уступать,

даже при условии возврата всех заключенных, 120 000 человек, которых он недавно принял. «О, магистр Лев, — писал князь, — я не обещал ничего относительно заключенных. Я никогда не говорил Вам этого. Я не буду отправлять их обратно, особенно поскольку я не вижу ясно будущее»⁴⁴. Но заключенные были все-таки возвращены, и посол заключил лучший мир, чем кто-либо мог ожидать. Император согласился выплачивать ежегодную субсидию, вероятно, небольшую, но мы не знаем ее точный размер, болгарскому двору⁴⁵; а Симеон, не желавший аннексии новых территорий, вернул империи тридцать крепостей, которые его «лейтенанты» захватили в феме Диррахия⁴⁶; болгарские торговые ряды, очевидно, остались в Фессалониках⁴⁷.

Причина такой умеренности лежит на поверхности. Современник данных событий, арабский историк ат-Табари, рассказал о том, как «греки» вступили в войну со «славянами», и греческий император был вынужден вооружать своих мусульманских пленников, которые победили славян, но были вслед за этим быстро разоружены снова⁴⁸. История, очевидно, фантастическая; самое большее, на что император мог пойти в трудной ситуации, возможно, обеспечить оружием оказавшиеся в критическом положении поселения азиатов во Фракии. Симеона сдерживали совершенно другие события. Когда император призвал мадьяр выступить против Симеона, тот решил, что также будет использовать дипломатию, и подкупил печенегов, которые жили за мадьярскими землями, чтобы напасть на них с тыла. Результат, однако, не совсем оправдал ожидания князя. Когда мадьяры, побежденные в Болгарии, вернулись домой — т. е. на свои земли на другой стороне Днестра, который они называли Ателкуз — то обнаружили, что те уже заняты печенегами, народом, которого они смертельно боялись. Мадьяры вынуждены были мигрировать; и поэтому со

всеми своими семьями и пожитками они еще раз переплыли реки и двинулись на запад через Карпатские горы в Центральную дунайскую равнину на берега Тисы, служившей границей между болгарскими и моравскими владениями. Для их миграции наступило подходящее время. Великий король Святополк умер в 894 г., а его преемники оказались слабыми и склочными. Их оппозиция была легко преодолена. К 906 г. мадьяры стали господами всей равнины от Хорватии до австрийских границ и Богемии⁴⁹.

Симеон не мог позволить себе не обратить внимание на мадьярскую миграцию. Трансильвания и долина Тисы не представляли для него большой важности, кроме соляных шахт, так как соль являлась важным болгарским экспортом. Гордый царь не мог потерять обширные области без борьбы. Но хотя мы знаем, что его отряды и воевали с мадьярами, о накале этой борьбы нам ничего не известно. Согласно мадьярам, греки помогли булгарам, но были побеждены⁵⁰. Вероятно, после нескольких неудачных схваток Симеон решил сократить потери и вывел свои войска. Его обширная трансдунайская империя теперь уменьшилась до равнины Валахии⁵¹.

Миграция мадьяр оказала далеко идущие последствия на историю Болгарии и всей Европы. В данный момент и в течение почти столетия их присутствие воспринималось соседями — славянами, франками и греками — как ужасная неприятность; мадьяры получили особую известность благодаря своим эффективным и постоянным набегам. Но дальновидные франкские и греческие государственные деятели видели в них избавление и благословение. До настоящего времени устойчивые и плодовитые племена славян распространялись из Греции и Италии к Балтийскому морю. Если им суждено было когда-нибудь объединиться — а это могло произойти, — тогда их преобладание в Европе стало бы несомненным. Но

теперь посреди славянской массы был вбит клин; северные и южные славяне разделились навсегда. Теперь они должны были идти собственным путем. С появлением нового врага они уже не могли заселять новые земли. Соседние народы были спасены.

Но хотя славянский мир в конце должен был уступить под напором движения мадьяр, на Болгарию они повлияли как стимулирующее средство. Борис установил, что Болгария должна являться восточным государством. Теперь для нее не существовало другой альтернативы. Она была совершенно отрезана от Дуная и Запада; бесполезно теперь было оплакивать свои амбиции, которые уже не могли никогда воплотиться в жизнь. Булгарские послы не могли более путешествовать в Аахен или в Ратисбон; дорога была блокирована, поэтому вскоре о западных амбициях забыли. Тоска Симеона о большей власти должна была теперь распространяться на Балканы. Он с жадностью смотрел на земли Сербии и Хорватии и больше всего Восточной империи. А там в это время действительно происходили странные вещи.

Послевоенные годы стали достаточно мирными, этот период времени характеризовался украшением Преслава и расцветом литературы, которой покровительствовал Симеон; но отношения между Болгарией и Империей периодически обострялись, в основном из-за незначительных агрессивных действий со стороны болгар в Македонии. Булгары обязали греческие города Македонской равнины платить им дань и привыкли грабить страну, если не получали ее⁵². В 904 г. арабский пират Лев Триполитанский, уже известный своими набегами на побережье Эгейского моря, внезапно напал на большой город Фессалоники. У горожан не было времени, чтобы организовать надлежащее сопротивление; город был захвачен и разграблен, и большое количество населения уби-

то или угнано в плен. Нападение было связано с проездом через Фессалоники двух должностных лиц, кувикулария Родофила, евнуха, направлявшегося с золотом к отрядам на Сицилии, и асикрита Симеона, доставлявшего золото болгарам, дань, посланную им македонскими городами. Во время бедствия они сумели скрыть свое золото. Родофил был захвачен сарацинами, и ему приказали показать, где он укрывал золото; но тот отказался предать оказанное ему доверие и погиб смертью мученика. Симеон был менее героем, но более мудрецом. Он предложил весь клад Льву Триполитанскому при условии, что тот более не будет разрушать город и уплывет. Сделка была успешно заключена и выполнена, а асикрит получил награду от императора⁵³.

Но болгары в Македонии не получили свою дань. Решив отомстить, они двинулись вниз на равнину и начали заселять ее. Этим болгарам удалось ослабить и сократить греческое население; тогда греки обратились к Константинополю. Посол Лев Хирсфакт еще раз отправился к болгарскому двору, чтобы заявить протест. Именно в этот период времени Симеон не хотел войны с греками, поэтому он согласился отозвать своих людей⁵⁴. Но князь настаивал на формировании новой границы; она была установлена в пределах пятнадцати миль от самой Фессалоники⁵⁵.

Сдержанность, проявленная Симеоном, возможно, стала результатом влияния его отца; но Симеону вскоре предстояло навсегда потерять его добрые советы. Второго мая 907 г. Борис умер⁵⁶. За пределами Болгарии никто этого не заметил; он давно ушел от мира. Германия, народ которой говорил о нем со страхом, теперь была столь далека, когда мадьяры поселились между двумя государствами, да и в Константинополе греков заботили другие проблемы. И все же сейчас подошла к концу жизнь одного из величайших людей в истории. Климент

пережил своего великого покровителя на девять лет и умер за повседневной работой в 916 г. Наум, оставивший Преслав, чтобы удалиться в монастырь, который он основал в Охриде, умер в 906 г.⁵⁷

Мир между Империей и Болгарией продолжался еще несколько лет, нарушил его только небольшой мадьярский набег через запад Болгарии к Диррахию⁵⁸; а тем временем Симеон наблюдал с нетерпеливым интересом за любопытными происшествиями при дворе Константинополя. Император Лев Мудрый был очень неудачлив в семейной жизни. Его первая жена, святая, которую он ненавидел, умерла, не оставив потомства; вторая жена, дочь Зауца и его любовница в течение многих предыдущих лет, умерла, родив ему только дочь. Из двух братьев императора один, патриарх Стефан, умер в 893 г., другой, император Александр, был бездетен и распущен. Заключение третьего брака противоречило духовному закону, и сам Лев осудил его при кодификации законов; но при столь чрезвычайных обстоятельствах он чувствовал, что оправданно мог встать выше закона. Однако третья жена императора также умерла, не оставив ребенка; и вскоре, видимо, его единственная дочь сошла в могилу. Лев в отчаянии мог бы тогда покориться своей судьбе, приговорившей его династию к исчезновению из-за ее происхождения, запачканного кровью и отмеченного супружеской неверностью; но новый фактор изменил всю ситуацию. Он влюбился в темноглазую госпожу, Зою Карвонóпсину, из семейства святого Феофана. Сначала он только взял ее во дворец, признав своей любовницей; но в конце 905 г. она родила ему сына, Константина по прозвищу Багрянородный. Лев считал теперь себя обязанным жениться на Зое и таким образом узаконить своего наследника в правах. Но встретил непреклонное сопротивление со стороны Николая Мистика, друга, которого он посадил на патриарший трон; Ни-

колай как патриарх не мог потворствовать совершению столь возмутительного поступка. Наконец он предложил компромисс. Его условия, предполагающие крещение и признание мальчика, если его мать оставит двор, были приняты, но нарушены императором. Через три дня после крещения, в январе 905 г. Лев женился на своей любовнице и короновал ее под именем Августы, что стало прямым вызовом патриарху. Гордый Николай, властный и бесстрашный, принял его. Все попытки решить дело миром потерпели неудачу. Лев получил поддержку папы и других восточных патриархов, которые с ревностью относились к престолу в Константинополе; но Николай остался при своем мнении и на Рождество закрыл двери храма Святой Софии перед императором. Лев парировал несколькими неделями позже, арестовав его и отправив в изгнание. Патриарший престол достался более покладистому и подвластному монаху, Евфимию Синкеллу.

Лев одержал победу, но применив силу, и поэтому должен был войти в противоречие с набожным общественным мнением. Многие полагали, что наместник Бога, император, в первую очередь представлял собою закон, но другие считали, что даже он был связан законами божьей церкви. Еще раз был поднят вопрос о взаимоотношениях церкви и государства, и Константинополь начали раздирать противоречия. Триумф императора Льва оказался эфемерным и поверхностным. Изгнание Николая для какой-то части города представлялось мученичеством, и его партия поддержки, таким образом, получила поощрение. Кроме того, здоровье Льва было слабым; он вскоре умер. Александр, брат императора, ненавидел его и все введенные им обычаи. Но он погряз в беспутстве и также вскоре умер. Даже маленький мальчик, будущий наследник престола, оказался очень болезненным. Куда бы византийский народ ни взглянул, небо оставалось пасмурным; начинался шторм⁵⁹.

Симеон в славном своем дворце в Преславе был хорошо информирован относительно того, что происходило в Константинополе. Он ждал, когда закипит вода; планы и амбиции заполняли все его мысли.

11 мая 912 г. император Лев Мудрый умер, и Александр встал во главе императорского правительства. Ситуация сразу совершенно изменилась. Николай возвратился из изгнания, а Евфимий был выслан; новое мученичество последовало за старым и осложнило конфликт. Императрица Зоя удалилась из дворца; ее сын был спасен от кастрации благодаря друзьям, указывавшим на слабость его здоровья. Все министры прежнего режима были уволены, некоторые умерли в тюрьме. Тем временем Александр наслаждался спиртными напитками, идолопоклонством, женщинами и своими фаворитами⁶⁰.

Несколько месяцев после того, как Александр стал императором, в Константинополь прибыло болгарское посольство. Симеон поступил правильно, прислав поздравления новому императору и попросив его возобновить соглашение, заключенное им со Львом. Александр принял их сразу после оргии и, в пьяной бравате, отослал их, отказываясь платить болгарам какую-либо дань. Послы, возвратившись к Симеону, сообщили о том, как их приняли. Едва ли он был обеспокоен этим; теперь у болгарского князя была превосходная причина нарушить мир с империей, которой управлял умирающий алкоголик, не способный противостоять ему. Он подготовился к войне⁶¹.

Однако спешить нужды не было; дела империи ухудшались. Александр умер 4 июня 913 г., оставив правительство в руках совета регентов, во главе которого встал патриарх Николай⁶². Такая ситуация благоволила Симеону. Николай, бесстрашный противник императора, всегда стремился к примирению с Симеоном; он ни-

когда не забывал, что являлся вселенским патриархом, духовным отцом болгарской церкви. Николай решил, что должен оставить патриаршество не слабее, чем в том состоянии, в котором принял его. Очевидно, что он должен был поэтому умиротворить болгарского монарха и предупредить его, чтобы тот не поддавался искушению независимости или не попал под власть Рима. Именно из-за этого беспокойства появился целый ряд писем, иногда укоризненных, но почти всегда просительных в тоне, которые патриарх адресовал двору в Преславе, — писем с еле уловимым изменением характера, которые являются главным источником по истории этих лет.

В августе 913 г. Симеон в полном вооружении вторгся в империю. Николай напрасно пробовал отговаривать его, обращаясь к лучшим чертам характера князя, чтобы тот воздержался от нападения на маленького ребенка, и к его худшим качествам, предложив ему принять долги по дани в Девельте⁶³. Но ничто не тронуло болгар. Цели князя были гораздо более значительными.

Его вторжение произошло вслед за военным восстанием⁶⁴, и императорское правительство не смогло оказать ему сопротивление. Быстрым маршем пройдя через Фракию, он предстал перед стенами Константинополя и расположил свою большую армию по линии стен от залива Золотого Рога до Мраморного моря. Но вид огромных укреплений города укротил болгарского князя; в первый раз он взглянул на них глазами врага и понял, насколько неприступными они являлись. Он решился начать переговоры.

Николай был рад. За предложением переговоров последовала серия дружественных бесед. Сначала Симеон отправил своего посла Федора в город, чтобы увидеть регентов; затем регенты и молодой император лично развлекали сыновей Симеона на банкете во Влахернах⁶⁵;

и, наконец, сам Николай решил посетить Симеона и был принят с особым уважением. Тем временем условия заключения договора уже были обсуждены. Симеон проявил умеренность в своих требованиях; он получил долги по дани, много подарков и обещание, что император женится на одной из его дочерей. С этим он вернулся в Болгарию⁶⁶.

Условия договора требуют некоторого объяснения. Суть его заключается в том, что именно сейчас, как я полагаю, Симеон впервые четко сформулировал для себя те цели, которые стали его амбициями и вскоре обрели над ним полную власть. Он нацеливался, ни много ни мало, на то, чтобы стать императором. Уже отказ князя удовлетвориться обычной данью показал, что он надеялся на большее; и теперь, через брак с императором, он хотел приобрести законную опору во дворце. Идея не была столь фантастической, как может показаться. Империя все еще сохраняла универсальную международную концепцию; представители многих разных народов всходили на трон. Ни один, правда, не являлся при этом господином иностранной державы; но этот факт, без сомнения, давал бы им преимущество. И настоящее сулило надежду. При императорском семействе в лице одного болезненного мальчика будущее, казалось, должно было принадлежать сильнейшему. И никто не мог бы по власти превзойти Симеона, дочь которого сидела во дворце, другом являлся патриарх, а огромные армии были готовы в любой момент спуститься во Фракию; и если Константинополь будет принадлежать ему, то и вся Империя будет его, так как Константинополь и есть сама Империя. Амбиции Симеона нельзя считать неосуществимыми. Судьба, однако, не благоволила ему: хотя благодаря этому Болгарии повезло, так как мечты Симеона означали конец политике Бориса. Болгария Бориса с национальным языком и национальной церковью

была еще слишком незрелой, чтобы выдержать слияние с империей. Столетием позже она изменилась; Болгария стала признанным всеми народом. Но сейчас, при Симеоне, различные славянские племена и болгары пали бы, греческий императорский дух одержал бы победу, и труды Бориса были бы уничтожены.

Но эти предположения несущественны, так как Симеон допустил просчет. Он не понимал, насколько ненадежным оказалось правительство патриарха. Николай выполнял функции регента при ребенке, чью законность он едва ли признавал, и хотя он и был патриархом, но являлся при этом только лидером своей партии. Другая партия имела своего лидера, чьи требования регентства были гораздо более сильными и гораздо более логичными. Императрица Зоя, мать императора, хотя теперь она временно находилась в изгнании в монастыре, имела значительную поддержку; и вскоре товарищи регенты Николая, утомленные его доминированием, обратились на ее сторону. Едва успел Симеон возвратиться в Болгарию, как Зоя вернулась из изгнания и предъявила обвинение правительству⁶⁷.

Зоя не мучили заботы Николая. Ее не беспокоило то, что он потеряет свое номинальное руководство болгарской церковью. И она решила, что ее мальчик не должен жениться на дочери варвара. Николай остался на патриаршем троне, но теперь он не имел никакого голоса в правительстве. Вся умеренность Симеона и лесть были потрачены впустую. Он обратился за помощью к оружию еще раз. Напрасно Николай написал ему, напоминая о его обещаниях мира. Симеон считал себя свободным от своих обязательств; новое императорское правительство совершенно забыло пункт относительно брака⁶⁸.

В сентябре 914 г. болгарские силы появились перед Адрианополем, и армянский наместник крепости был

вынужден передать ее в их руки. Но императрица оказалась энергичным правителем. Она тотчас же послала людей и деньги, чтобы возвратить крепость; и болгары посчитали более благоразумным удалиться⁶⁹. Испытав характер императрицы, Симеон не ждал многого. История следующих двух лет нам плохо известна. Симеон не предпринял никакого хода против Константинополя; но в 926 г., если не в 915 г., его отряды были заняты в набегах на западные области, Диррахий и Фессалонику⁷⁰. В 916 г. они даже проникли до Коринфского залива и периодически задерживались в соседних районах приблизительно в течение десяти лет. Их присутствие чрезвычайно беспокоило население; даже святой Лука Малый, прославленный своим аскетизмом и умерщвлением плоти, мигрировал в течение этого периода в Патры⁷¹.

Но Константинополь представлялся Симеону достижимой целью. В 917 г. он снова собрал армию на фракийской границе⁷². Он даже попытался заручиться поддержкой печенегов, ставших его друзьями со времени предыдущей войны; но его послов обошел императорский агент, Иоанн Вогас, чьи финансовые ресурсы были, без сомнения, большими. В этих обстоятельствах императрица решила ударить первой. Время, казалось, благоприятствовало ей; она праздновала триумфы своих отрядов в Армении и Италии; а теперь получила новости, что печенеги подготовились к вторжению в Болгарию с севера. Ее флот приплыл в Дунай, чтобы перевезти их, и вся императорская армия прошла через Фракию до границы⁷³.

Симеон был захвачен в плен. Печенеги вели себя намного хуже, чем мадьяры, и князь едва ли мог надеяться повторить свою хитрую дипломатию двадцатилетней давности. Но фортуна благоволила ему, и настолько неожиданно, что мы едва ли можем сомневаться в том, что он облегчил ей работу взяткой. Иоанн Вогас достиг Ду-

ная, руководя печенежскими ордами; но там он поссорился с императорским адмиралом Романом Лакапином, и Роман отказался перевозить варваров. Они, утомленные задержкой, не стали ждать; насытившись разрушениями и, вероятно, заняв половину Валахии, возвратились в свои дома. Тогда многие подозревали Романа в некоторой двуличности, но не доказали данного факта. Роман был, конечно, честолюбив и недобросовестен в своих амбициях; также нужно полагать, что золото Симеона повлияло на его действия⁷⁴.

Спасенный от печенегов, Симеон мог ожидать наступления будущего более уверенно. Он, вероятно, как представляется справедливым, потерял последнюю область на другой стороне Дуная, но данная потеря имела очень незначительные для него последствия; Дунай представлял гораздо более надежную границу. Однако главная армия Империи являлась мощной силой. И судьба еще раз повернулась лицом к Симеону. Императрица была плохим судьей для солдата. Ее главнокомандующий, domestik схол, Лев Фока, был сыном великого Никифора Фоки, но лишенный способностей своего отца. Его кампания была достаточно хорошо запланирована. После фиаско на Дунае императорский флот подошел вдоль побережья к Месемврии, порту на полуострове за пограничной линией, все еще удерживаемому Империей. Туда Фока направил свою армию, надеясь, вероятно, получить подкрепления прежде, чем он углубится и ударит по Преславу.

Симеон ждал на холмах, ища возможности напасть. Она наступила, когда императорские отряды обогнули залив Бургас и направились на северо-запад, к Месемврии. Там находился небольшой поток, называемый Ахелой, недалеко от Анхиала. 20 августа Фока там остановился, не побеспокоясь о должном расположении своих отрядов. Внезапно Симеон сошел с холмов и напал на

ничего неподозревающую армию. Что произошло в точности, никто не знал, кроме того, что началась паника и почти вся императорская армия была вырезана. Кости ее белели на поле еще полстолетия спустя. Только Фока и несколько несчастных беглецов смогли достичь Месемврии. Многие из солдат бежали к побережью, но флот, который должен был быть рядом, чтобы спасти их, уже отплыл в Босфор⁷⁵.

Победа восстановила амбиции Симеона. Он прибыл, пройдя вниз через Фракию, к столице. Зоя собрала другую армию, но снова она поставила ее под руководство Льва Фоки. И снова Фока повел ее к бедствию. Поскольку она расположилась в Катасирте, в предместьях города, болгары напали на нее ночью и разбили⁷⁶.

После второй победы Симеон мог бы с успехом напасть на город, но он не осмелился; и даже сами греки были убеждены, что их стены были неприступны. Переговоры оказались невозможны; Симеон требовал то, с чем Зоя не могла согласиться. И Николай, хотя ради патриаршества отмежевался от политики Зои, видимо, также расценивал условия Симеона как невыполнимые⁷⁷. Но пока никаких дальнейших нападений не последовало. Заканчивался год, и Симеон ушел зимовать в Болгарию.

918 г. прошел в Константинополе печально и дико. Зоя потеряла власть. У нее всегда были враги, и теперь ее бедствия стоили ей любви народных масс. Произошла борьба, чтобы занять императорский трон. У Симеона появилась превосходная возможность вновь подойти к городу; и, воспользовавшись атмосферой нелояльности и интриг, он мог бы легко получить доступ за стены. Но Симеон не пришел к городу. Зоя, несмотря на неудачи, достигла одной большой победы: она связала Симеона в другом месте. Более пятидесяти лет Болгария жила мирно со своими сербскими соседями. В течение этих

лет Сербия приобрела выгоды, приняв христианство, и обратилась к Болгарии как к источнику христианской культуры. Недавно, под властью князя Петра, она расширила свою территорию в Боснии и достигла некоторого процветания. В 917 г., как раз после Ахелоя, посольство от императрицы достигло двора Петра и указало ему на опасности слишком мощной Болгарии. Петр был убежден данным аргументом и обещал напасть на Симеона неожиданно в тылу. Но у Петра были соперники; рост Сербии встревожил родственные морские княжества, теперь попавшие под гегемонию Михаила, князя Захлумии, недобросовестного пирата и разбойника, территория которого протянулась по побережью на север от Рагузы. Михаил уже когда-то демонстрировал свою вражду империи, захватив сына венецианского дожа на его пути домой из Константинополя и послав его к Симеону, тому, у кого венецианцы должны были выкупить сына дожа⁷⁸. Теперь он узнал о союзе сербов с греками и сразу передал информацию Симеону. Симеон решил ударить первым; соответственно, в 918 г. его военачальники Мармаин и Сигрица вторглись в Сербию. Они преуспели в опустошении страны; и когда Петр приехал, чтобы заключить с ними мир, они предательски захватили его и отвезли в Болгарию. На сербский трон они посадили его двоюродного брата Павла, князя, который долгое время находился в качестве заложника при болгарском дворе⁷⁹.

Как долго продолжалась Сербская война, мы не можем сказать; но очевидно, что военная кампания проходила весь 918 год. Симеон со своими отрядами, занятыми на западе, не мог предпринять ничего против Константинополя. Возможно также, его тревожили печенеги; видимо, он был плохо информирован относительно истинного, отчаянного состояния дел при императорском дворе. Несомненно, что только в наступившем,

следующем году он снова мог отправить свои армии на юг. Но тогда уже было слишком поздно. Роман Лакапин выиграл борьбу за власть. В марте 919 г. он овладел императорским дворцом; в апреле его дочь Елена вышла замуж за молодого императора. Он назвал себя василеопатором; позже, в сентябре, он принял титул кесаря; и прежде, чем завершился год, стал императором.

Война была проиграна. Все победы Симеона ничем не помогли ему. Роман Лакапин, дискредитированный адмирал крестьянского происхождения, поднялся на трон тем самым путем, которым надеялся воспользоваться Симеон⁸⁰. Для Болгарии было бы лучше, если бы Симеон признал свой отказ и стремился бы к заключению удовлетворительного мира. Роман с удовольствием согласился предоставить булгарам благоприятные условия; он с нетерпением жаждал мира, чтобы закрепить собственное положение. Но Симеон более не демонстрировал умеренности, свойственной его юности. Амбиции, питаемые его победами, доминировали над ним теперь и притупляли его политическую прозорливость. Он был очень сердит и решил мстить за себя самому узурпатору; так что война оказалась неизбежной.

Поздним летом 919 г. Симеон вторгся во Фракию еще раз и проник к Геллеспонту, располагавшемуся напротив Лампсака. Николай отправил предложение, что, если его здоровье позволит ему, то он выйдет и побеседует с Симеоном; но предложение императора не было принято. Болгары не встретили сопротивления; разорив сельскую местность, они возвратились на зиму в Болгарию⁸¹.

В течение всего 920 г. Николай писал обеспокоенные письма ко двору в Преславе, не только Симеоноу, но также и болгарскому архиепископу и главе правительства Симеона, убеждая их заключить мир. В июле он написал, чтобы сообщить Симеоноу о конце схизмы, вызван-

ной четвертым браком Льва, — он тактично предположил, что Симеон будет рад, услышав об этом триумфе правительства Романа, — и указать, что Роман не имел никакой связи с предыдущим правительством (Зои) и не был ответственен за его безумия⁸². Затем он вернулся к старому желанию Симеона о браке-союзе; Роман, как говорил патриарх, очень желал такого союза. Он упорно игнорировал тот факт, что единственный брак, которого желал Симеон, был теперь невозможен⁸³. Симеон не дал ответа. Однако он не вторгся во Фракию в этом году. Его отряды снова были заняты в Сербии. Роман отправил сербского князя Захария, укрывавшегося в Константинополе, чтобы тот раздул ссору против болгарского вассала, князя Павла. Захарий потерпел поражение благодаря вмешательству болгар, попал в плен и был доставлен в Болгарию, чтобы болгарский князь мог использовать его против Павла в случае проявления непокорности со стороны последнего⁸⁴. Желавший воспользоваться заботами Симеона в Сербии Роман говорил, что лично поведет экспедицию в Болгарию; но из этого ничего не вышло⁸⁵.

В 921 г., написав письмо к Николаю, выставляя условие о смещении Романа⁸⁶, Симеон снова пошел на Константинополь; но в Катасирте, где он одержал победу четырьмя годами ранее, императорские отряды под руководством некоего Михаила, сына Моролеона, застали его врасплох. Булгары, вероятно, не понесли больших потерь, но решили удалиться назад к Ираклею и Силимври⁸⁷. В ответ на последующее письмо от Симеона Николай предложил встретиться для личной беседы⁸⁸; но Симеон не согласился на это. Он заставил императора понять совершенно ясно, что не жаждал ни золота, ни дорогих подарков, ни даже территорий⁸⁹; он настаивал на смещении Романа, что представлялось весьма легко осуществимым, в то время как воскрешение его

погибших болгарских солдат было совершенно невозможно⁹⁰. Но Роман вряд ли мог согласиться со своим смещением; и патриарх понял, что его лишь дразнили⁹¹. Проведя лето во Фракии, Симеон возвратился на зиму в собственную страну.

В 922 г. Симеон снова появился в окрестностях города. Роман стремился спасти от опустошения свой дворец в Пигах на Босфоре; он отправил армию для его охраны; но поскольку дворец располагался в узкой долине, болгары напали на императорских солдат, устроили резню и погнали армию в море. После победы Симеон задержался во Фракии на все лето; но позднее в этом же году греки вновь провели успешную вылазку и разрушили болгарский лагерь⁹². Снова Симеон должен был уйти, не оставив за собой никакой поддержки. Постепенно в течение зимы его письма становились все более мирными; он даже попросил, чтобы Николай направил к нему аккредитованного посла⁹³.

Эти жесты, однако, были, вероятно, только отражением печальных моментов, которые переживал Симеон, но даже тогда он не забывал вооружаться против императора⁹⁴. Весной 923 г. он был готов снова вступить в борьбу и осадил Адрианополь. Мощную крепость отважно защищал ее губернатор, Моролеон, но помощь из Константинополя не приходила, а голод вынудил гарнизон сдаться. Симеон вслед за этим дал волю своему гневу против империи; Моролеон был жестоко замучен до смерти⁹⁵. Но Симеон не смог продвинуться далее. Снова беда разразилась в Сербии. Греческим дипломатам всегда было легко указать на то, насколько неестественным был союз между Сербией и Болгарией; и князь Павел видел в этих словах справедливость. Но его попытка уйти из-под болгарской опеки потерпела неудачу; армии Симеона сместили его и посадили князя Захария на сербский трон⁹⁶.

Сложная ситуация в Сербии сделала Симеона более сговорчивым, в то время как в Константинополе чиновники чувствовали себя более уверенно. Роман постепенно возвратился к своей новой политике, хорошо проиллюстрированной неудачной попыткой освободить Адрианополь. Он позволял Симеону вторгаться во Фракию так часто, как тот желал, чувствуя себя уверенно за стенами Константинополя и надеясь, что в конце концов Болгарию истощат ее собственные усилия. Тем временем главные императорские армии были посланы на Восток, где могли принести государству большую пользу; в свою очередь, против Симеона император нанял иностранные отряды. Сербь, и это было именно так, всегда терпели поражения, но он вел переговоры, испытывая любую возможность добиться успеха, с русами (теперь утвердившимися на юге устья Днепра), печенегами и мадьярами. В этих обстоятельствах он меньше беспокоился о мире, чем патриарх. И даже Николай, сообщавший об этих переговорах и поражении сарацинского пирата, Льва Триполитанского, принял новый, покровительствующий тон в отношении с болгарским князем⁹⁷. Но, сокрушив Сербию, Симеон вернулся, как обычно, к старой дерзкой цели. Он просил о после, но ясно дал понять, что цеплялся за невыполнимые условия⁹⁸.

Николай тогда решил испытать новый метод. Со времени правления Зои отношения между Римом и Константинополем были напряженными, но в 923 г. папа был наконец вынужден послать двух легатов, Феофилакта и Кара, в Константинополь и затем в Болгарию, чтобы использовать их влияние в пользу заключения мира. Николай, беспокоясь об этом, забыл о своей патриаршей гордости настолько, что приветствовал это вмешательство и написал Симеону письмо, где просил князя с уважением отнестись к папским представителям⁹⁹. Но у Симеона были собственные представления, как вести

дела с папой. Он знал, что союз между Старым и Новым Римом был недолговечен. Так что он приветствовал Феофилакта и Кара достаточно дружески, но его беседы с ними, как должен был показать ход событий, совершенно отличались от того, на что надеялся Николай. Тем временем болгарский князь планировал провести еще один большой поход против Константинополя¹⁰⁰.

Нападение было назначено на лето 924 г.¹⁰¹. Симеон теперь стал мудрее; он понял, что земляные стены города были неприступны. Но у Болгарии не было флота, что заставило его искать союзника. Халиф из династии Фатимидов из Африки находился в состоянии войны с Империей, и в его распоряжении находились многочисленные суда. Симеон отправил посольство ко двору в Махдии, чтобы предложить союз, благодаря которому надеялся получить необходимую морскую силу. Дело было успешно устроено, о чем не знали греки, и болгарские послы уже возвращались с африканскими представителями, когда судно, на котором они путешествовали, было захвачено рядом с южным побережьем Италии императорским отрядом. Император сразу послал халифу письмо и предложил ему выгодный мир, который был с удовольствием принят так как африканцы не имели никакого желания обременять себя заботами на отдаленном северо-востоке; и он держал болгар в заключении¹⁰². Но в то же самое время, серьезно встревоженный приготовлениями Симеона, он отправил посольство также в Багдад, к другому халифу, чтобы заключить с ним перемирие, так, чтобы императорские главные армии смогли вернуться во Фракию¹⁰³.

В сентябре Симеон в своих доспехах прибыл под стены Константинополя. Еще раз их вид укротил его. Вероятно, только тогда он узнал, что африканский флот не прибыл на помощь болгарам, а вместо этого с Востока на него шла императорская армия. Еще раз, как и один-

надцать лет назад, в то время как город ожидал нападения, он просто послал своих людей, чтобы просить о встрече с патриархом.

Состоялся обмен заложниками, и Николай поспешил встретить князя. Симеон, наслаждаясь таким подобострастием, сразу потребовал, чтобы вместо него на встречу прибыл сам император. И император приехал, хотя императорское величество не спешило встретиться с болгарским князем, не проведя сначала тщательных приготовлений. В Золотом Роге у Космидиона был выстроен крепкий, укрепленный пирс, по середине была установлена стена, через которую монархи могли беседовать. Но задержка сделала Симеона нетерпеливым. Чтобы показать, каким серьезным противником он был и как мало испытывал благоговение перед империей, князь проводил свободное время, разоряя сельскую местность, и даже сжег один из самых священных храмов, старую церковь Богоматери в Пигах.

Беседа состоялась в четверг 9 сентября. Симеон подошел к пирсу посуху, окруженный блестящим эскортом, некоторые из людей князя должны были охранять его, а некоторые проверить работу греков, так как Симеон помнил о печальном опыте Крума; другие из сопровождения князя выступали в роли переводчиков, так как Симеон не желал быть обманутым тонкостями греческого языка. Когда стороны обменялись заложниками, он продвинулся к стене. Император Роман уже ожидал его там. Прибытие императора было иным; он приехал в сопровождении патриарха на своей яхте, без помпезности, одетый в священный плащ Девы Марии, и с немногими спутниками, так как он знал, что ему сопутствовали вся слава и традиция императорского Рима.

Через стену монархи приветствовали друг друга. Симеон начал говорить легкомысленно, дразня патриарха за неспособность предостеречь свое стадо от ссор¹⁰⁴. Но

Роман вывел беседу на более высокий уровень, обратившись с небольшой речью к болгарину. Это была добрая проповедь, обращенная к глупому и низшему, наставляющая его в обязанностях христианина и наказаниях за неправые дела. Симеон старел¹⁰⁵. «Завтра Вы — пыль, — предупреждал его император. — Как Вы предстанете перед ужасным и справедливым Судьей?» Исходя из моральных соображений, Симеон должен был прекратить пятнать свои руки кровью товарищей христиан; но в то же самое время Роман намекнул, что мир будет материально выгодным для болгарского князя¹⁰⁶.

Симеон был поражен. Действительно, мир стал теперь единственной реальной политикой. Он одержал много побед; от стен Коринфа и Диррахия до стен Константинополя он управлял всей окрестной местностью. Но город был силен, а у болгарского князя не было судов. Он достиг самой вершины успеха, возможной в его положении, и этого было недостаточно. И, стоя и глядя в лицо императору, он был на некоторое время поражен величием империи и вечностью Нового Рима. «Полугрек», каким он и был, в юности познал великолепие, в концепции и в практической реализации, императорской идеи, которая прошла через столетия, прежде чем кто-то что-то мог услышать о булгарах; но он понял теперь, что никогда не мог стать кем-то больше, чем греком наполовину или императором наполовину. Другая часть болгарского князя оставалась неискоренимо болгарской, недавно возвысившейся из варварского язычества. Борис оказался более знающим и более удачливым; он никогда не пробовал быть и не мог быть кем-то большим, чем просто болгарским князем; его цели были совершенно противоположны целям Симеона, национальными, а не международными. В своих деловых отношениях с империей он был подобен ребенку, но не сознательному ребенку, который надеется вырасти скоро

и тем временем желает помочь себе, как только может, самостоятельно или с помощью старших. Симеон был подобен умному, непослушному ребенку, который знает, какие неприятности доставляет и с какой радостью взрослые желали бы видеть его спокойным ребенком, который понимает их хитрости и слабости и любит раздражать их, но который все время сознает, что он — ребенок, а они — взрослые и наделены чем-то, что далеко от его понимания; и так что он чувствует себя расстроенным, обманутым и обиженным. Точно так же, как непослушный ребенок опасается быть наказанным, так и Симеон был поражен речью Романа. Но вскоре впечатление прошло, и сознательное непослушание снова взяло верх.

Тем временем, пока монархи беседовали, провидение послало знак. Высоко над их головами встретились два орла и затем расстались снова. Один пролетел над башнями Константинополя, другой повернул к горам Фракии. Этот знак предназначался для обоих — Симеона и Романа, — чтобы сообщить им, что теперь две империи установятся на Балканском полуострове — на некоторое время, по крайней мере; хотя орлы умирают¹⁰⁷.

Вынужденные теперь признать независимое существование друг друга, Симеон и Роман согласовали условия для перемирия. Возможно, они даже обсуждали их лично в этой беседе, но более вероятно, что детали были устроены их дипломатами. В обмен на большое количество слитков и других ценных подарков и ежегодного подарка в 100 скарамангий — одежд, богато вышитых, наиболее роскошных изделий, изготавливаемых в Константинополе, — Симеон согласился эвакуировать императорскую территорию, особенно укрепленные города на Черном море, которые он захватил, Агатополь и Созополь, и, возможно, даже Девельт и Анхиал, чтобы позволить императору проложить маршрут посуху к своему

городу Месемврия¹⁰⁸. После того как эти меры были приняты, Симеон отправился с миром домой.

До некоторой степени мир был постоянен; Симеон никогда не вторгался во Фракию вновь. Но он показал, что не спешил передать свои завоевания на Черном море. Роман неоднократно писал, чтобы потребовать их возвращение, и даже отказался вручить большой груз подарков, пока передача не была произведена; однако желал выплатить ежегодные скарамангии, если Симеон откажется от вторжений. Симеон согласился с этим. Удержание крепостей Черного моря было просто жестом; моральный эффект от беседы постепенно проходил, и он желал показать себя не уstraшенным империей. Фактически княжеская политика совершенно изменилась. Симеон мог только являться балканским монархом, но, по крайней мере, стать императором Балкан. До настоящего времени, как человек, который надеялся занять императорский трон, он был педантичен при использовании титулов и желал также признать духовный сюзеренитет патриарха; его будущее правительство, таким образом, избежало бы осложнений. Но теперь он не имел таких ограничений. Он решил стать императором, даже при том, что не мог править в Константинополе. В какое-то время в 925 г. он объявил себя императором ромеев и болгар¹⁰⁹, титул, который должен был прославить князя и оскорбить его врагов. Император Роман был чрезвычайно сердит и написал о своих возражениях, но Симеон оставил его письмо без ответа¹¹⁰. Вместо этого, он послал в Рим, чтобы получить подтверждение этого титула; и Рим, недавно одержавший победу над греческими интересами в Иллирии, согласился — папы никогда не теряли надежду приобрести влияние на Болгарию. В 926 г. папский легат Мадальберт достиг Преслава и принес признание папы Симеона в качестве императора¹¹¹. Оно стало результатом посещения Рима

Феофилактом и Каром, на которых Николай возлагал такие оптимистические надежды. Но Николай уже разочаровался в болгарском князе. Беседа разрушила его веру в сердце Симеона, и он понял, что Симеон не мог больше быть полезен ему. Он писал Симеону дважды после беседы, но оба письма были написаны сердитым, ожесточенным, больным стариком. В мае 925 г. милосердное провидение отправило его к праотцам прежде, чем он мог узнать о дальнейших преступлениях, которые совершит его любимый сын¹¹².

Император ромеев и болгар, чей пышный титул был сокращен его народом до славянского слова «царь»¹¹³, решил также иметь своего собственного патриарха. Во время его переговоров с Римом данное назначение пришлось отложить, так как от папы едва ли можно было ожидать одобрения, следовательно, не ранее отъезда Магальберта в конце 926 г. Симеон возвысил архиепископа Болгарии, Леонтия Преславского, до положения патриарха, что прошло незаметно для Константинополя. Патриарх Николай умер; его преемник Стефан стал инструментом в руках императора Романа, который не проявлял большой заботы в отношении церковных дел¹¹⁴.

Новая политика Симеона напугала сербов. Очевидно, именно в западном направлении Симеон теперь стремился расширять границы своего государства, что стало понятно после его неудачной попытки вывести войска из Северной Греции, где болгарские мародеры оставались вплоть до его смерти, совершая набеги к Адриатическому побережью и даже вторгаясь и занимая некоторые районы Пелопоннеса¹¹⁵. В этих обстоятельствах греческая дипломатия была необходима, чтобы стимулировать наступление Захария Сербского в 925 г. Симеон послал своих военачальников, Мармаима и Сигрицу, прежних завоевателей этой страны, против него; но

Захарий оказался более удачливым, чем его предшественники. Булгары были разбиты а головы генералов - посланы в качестве подарка в Константинополь. Симеон не привык терпеть поражения и не мог оставить все, как есть. В Болгарии в качестве заложника жил еще один сербский князь, Зеслав (Часлав), мать которого была болгаркой. В 926 г. вторая экспедиция выступила против Захария, на этот раз сопровождаемая Чаславом. Сейчас для Сербии наступили тяжелые времена; князь бежал под укрытие гор к Хорватии. Тогда булгары собрали сербских жупанов, чтобы те пришли с визитом и признали Часлава своим князем. При обещании охранного свидетельства они прибыли, но, как оказалось, только для того, чтобы попасть в плен вместе с князем к булгарам. Затем болгарские армии приступили, не встретив сопротивления, к завоеванию и опустошению Сербии. Они весьма преуспели в этом; страна была полностью разорена и превратилась в пустыню. Жители бежали, если могли, через границу; те, кто остался, были убиты. Симеон добавил новую, но уже безжизненную область к своей империи¹¹⁶.

Казалось, теперь надо было бы остановиться, но Симеон никогда не знал, когда это сделать. Аннексия Сербии вплотную приблизила его к королевству Хорватии. Хорватия являла собой упорядоченное государство с большой армией; ее король Томислав был фигурой международного значения. Он не ссорился с Симеоном; его отношения с Константинополем были холодны, и в то время он находился в близком контакте с новым другом Симеона, папой римским. Несколько сербских беженцев обосновались в Хорватии, но они не представляли опасности для Болгарии; горы служили хорошей границей между двумя государствами. Но Симеон, по-видимому, относился к Хорватии ревниво; он испытывал крайне неприятные чувства, наблюдая рядом с со-

бой мощного соседа. Его воображение всегда было слишком грандиозным, а теперь оно уже наделило Симеона манией величия. Решившись сокрушить конкурента, он приказал своему военачальнику Алогоботуру осенью 926 г. вести болгарские армии в Хорватию. Алогоботур пересек горы, но его потрепанные в войнах отряды не могли соперничать с крепкими хорватскими рекрутами. Поражение болгар было вполне убедительным; генерал погиб, как и большая часть его армии. Несколько солдат выжили, спасшись бегством, они и сообщили о судьбе болгарской армии Симеону¹¹⁷.

Такое бедствие стало настоящим ударом для Симеона. Его здоровье ухудшилось, и начали сдавать нервы. С непривычным для себя благоразумием он решил заключить мир. Легат Магальберт проезжал через Хорватию, возвращаясь из Преслава, и предоставил свои услуги, выразив готовность помочь. Мир был достигнут, очевидно, на основаниях статус-кво¹¹⁸. Но Симеон так до конца и не оправился после данных событий.

В то время многие верили, что каждый имел своего неодушевленного двойника¹¹⁹, что существовал некий объект, часть статуи или колонны, который загадочным образом оказывался связан с человеческой жизнью; так, что любой вред, который был нанесен такому объекту, с точностью воспроизводился на живом человеке. В мае 927 г. астролог предсказал императору Роману, что двойником Симеона является некая колонна на Форуме. 27 мая Роман с патриотическим воодушевлением и в виде эксперимента обезглавил колонну. В тот же час сердце старого царя остановилось, и он умер¹²⁰.

Свет погас, и Болгария погрузилась в темноту. Симеон предсказал, что за его смертью последует хаос, и попробовал принять меры, которые могли бы предупредить его. Он оставил четырех сынов от двух браков. Старшего сына, ребенка от первой жены, Михаила, он полагал

недостойным наследовать ему; возможно, мать Михаила имела низшее происхождение или, возможно, сам Михаил походил на своего дядю Владимира. Во всяком случае, он был вынужден уйти в монастырь. Преемником Симеона должен был стать Петр, старший сын из второй семьи, все еще ребенок в это время; его дядя по материнской линии, Георгий Сурсувул, должен был выступать в качестве регента и опекуна для его еще более молодых братьев, Иоанна и Вениамина. Пожелания, высказанные в завещании Симеона, никто не оспорил; Петр сел на болгарский трон, и Георгий Сурсувул возглавил правительство¹²¹.

Положение регента никак нельзя назвать завидным. Пока царь был жив, его личность и завоеванный им престиж отпугивали от Болгарии всех ее врагов и заставляли молчать оппозицию дома. Но теперь все знали, что ужасный царь более не мог им вредить; он был мертв, а его империя стала желанной добычей для стервятников. Соседние нации — хорваты, мадьяры и печенег — собрались на границах и угрожали вторжением; даже император Роман, как считают историки, готовил экспедицию. Георгий собрал отряды и отправил их, чтобы произвести демонстрацию сил во Фракии; но после четырнадцати лет непрерывной войны, двигаясь туда и сюда по диким Балканским горам, и после бедствия в Хорватии, произошедшего лишь несколько месяцев назад, болгарская армия, хотя и совершила несколько злодеяний¹²², не выступала более внушительной силой. Император Роман продолжил свои приготовления. Георгий понял, что вынужден просить мира.

В Болгарии, очевидно, все еще существовала военная партия. Вероятно, остаток старой болгарской аристократии был в основном задействован на военных постах, а она испытывала опасения за свое положение в мирное время. Во всяком случае, регент поступил с осторожно-

стью и тайно отправил своего первого посланника, армянского монаха, в Константинополь, чтобы предложить соглашение и заключить союз-брак. Император согласился и решил созвать мирную конференцию в Месемврии. Императорское посольство прибыло туда морским путем и встретило представителей, которых Георгий, действуя теперь открыто, прислал. Было объявлено о перемирии, а его условия предварительно обсуждены; тогда конференция решила перебраться в Константинополь, где соглашение должно было быть ратифицировано императором и регентом лично. Императорские послы возвратились по суше, через Болгарию, сопровождаемые Стефаном Болгарским, родственником царя; Георгий Сурсувул, сопровождаемый зятем последнего царя, Симеоном, калутарканом и сампсесом, и многими аристократами, вскоре последовал за ними. В Константинополе Георгию разрешили увидеть Марию Лакапину, старшую внучку Романа, дочь императора-соправителя Христофора. Вполне удовлетворенный ее внешностью, Георгий вызвал молодого царя. Петр отправился сразу и, приблизившись к городу, встретил дружественный прием, организованный патрикием Никитой, дедушкой Марии по материнской линии. Булгарскому князю позволили вступить в квартал Влахерны, где Роман беседовал с ним и приветствовал его поцелуем.

Царский брак был заключен 8 октября 927 г. в церкви Божьей Матери в Пигах — новой церкви, которая заменила старую, павшую жертвой варварства Симеона тремя годами ранее. Патриарх Стефан провел службу; свидетелем со стороны жениха выступил его дядя регент, невесты — протовестиарий Феофан, глава правительства империи. В то же самое время Марию повторно окрестили под именем Ирина, в качестве символа мира. После церемонии невеста возвратилась с Феофаном в Константинополь; царю не позволили оставаться

в городе. Но тремя днями позже произошло воссоединение новобрачных; Роман провел роскошный свадебный банкет в Пигах, на котором Мария воссоединилась с мужем. Когда банкет был закончен, она попрощалась со своими родственниками; родители и Феофан сопровождали Марию до Хебдома, и там они оставили ее на попечение мужа. Расставание было очень печальным; ее родители грустили, видя, как она уходит, и она плакала, оставляя их и отправляясь в неизвестную страну. Но Мария осушила свои слезы, помня о том, что ее муж был императором, а она — царицей булгар. С собой она взяла огромный груз с товарами, предметами роскоши и мебели, чтобы не скучать по комфорту, в котором выросла дома¹²³.

Брак стал триумфом для булгар. В первый раз за пятьсот тысяч лет дочь императора вышла замуж и уехала за пределы Империи; Болгария теперь уже не являлась варварским государством, с которым полагалось непристойным иметь дипломатические отношения. Старомодные политические деятели в Константинополе сожалели об этом, считая, что императорская кровь постепенно деградирует; но теперь, когда император согласился с браком, ничего нельзя было более сказать в этом отношении¹²⁴. Мирный договор, подписанный одновременно с заключением брака, также увеличивал значение Болгарии и ее гордость. Заключительные условия договора, работу над которыми проводил главным образом протовестиарий Феофан¹²⁵, вошли в три пункта — территориальный, финансовый и номинальный (титулы).

Территориальное урегулирование, видимо, требовало немного изменений. Возможно, булгары приобретали несколько городов в Македонии, но император восстановил Созополь и Агатополь и, очевидно, целую береговую линию до реки, называемой Дичина, за пределами Ме-

семврии: хотя, возможно, Девельт, находившийся прямо у залива Бургас, остался во владении царя¹²⁶.

Относительно финансового урегулирования сложнее прийти к какому-то заключению. Император, очевидно, обязывался посылать что-то вроде ежегодного дохода болгарскому двору — возможно, подарки в 100 скарамангий, обещанные Симеону. Они, очевидно, доставлялись до времени правления императора Никифора Фоки, чей отказ высылать их привел к войне. Но в течение той войны болгары не выступали в роли агрессоров; император напал на Болгарию через своих русских союзников¹²⁷. Другой отчет этого времени, не упоминая об определенной войне, сообщает, что Петр после смерти своей жены подобострастно просил о возобновлении мира с Константинополем¹²⁸. Поэтому вероятно, что подарки или дань выплачивались только в течение жизни царицы и представляли собой ежегодный доход, дабы та могла содержать себя в достоинстве, которое приличествовало ее рождению; Петр, вероятно, заблуждался, требуя оплаты после ее смерти. В связи с финансовым урегулированием император вернул большое количество заключенных. Были ли они куплены за деньги, мы не знаем; Константин Багрянородный подразумевает, что они были освобождены царем в качестве ответного знака Роману за руку его внучки¹²⁹.

Договоренность о вопросе титулов была улажена с точки зрения болгар удовлетворительно. Императорский двор согласился признать Петра императором, а главу болгарской церкви автономным патриархом. Но он настаивал на некоторых модификациях. Патриарший престол не должен был располагаться в Преславе, но в какой-то другой духовной столице. Болгарское патриаршество, таким образом, должно было быть отделено от болгарского императорского двора и, таким образом,

как на это надеялись в Константинополе, потерять частично свой национальный характер и, во всяком случае, отойти немного от светского контроля царя. Представлялось даже возможным говорить, что существовало два патриаршеских престола на Балканском полуострове, не потому, что Болгария настаивала на духовной независимости, а потому, что увеличивавшееся число христиан требовало такого устройства: таким образом, Леонтий Преславский был удален. Дамиан из Дристры вместо него встал во главе патриаршества, достоинство и автономия которого были признаны во всем восточном христианском мире¹³⁰.

Подобное оправдание могло быть использовано в Константинополе за предоставление императорского титула Петру. Император Роман Лакапин был щедр в своем даре императорского достоинства. Его зять перед ним выступал как император, но тем самым он возвысил также троих собственных сынов и обдумывал возвышение внука. Поэтому не существовало причины, почему он не мог возвысить зятя, и тот факт, что его зять уже являлся значительным независимым монархом, был неуместен. Роман также считал себя оправданным отказать в титуле, если Петр ослушается; действительно, возможно, что позднее на какое-то время он так и поступил¹³¹. Булгары, однако, не рассматривали данный вопрос в таком свете. Им было только известно, что болгарский князь являлся первым и единственным иностранным властелином, который должен был получить признание в качестве императора в Новом Риме, и даже если он подтвердил свой титул женитьбой на дочери императора, в этом не было ничего уничижительного.

Третья уступка заключалась в том, что болгарские послы в Константинополе навсегда приобретали превосходство над другими послами, что естественно вытекало из императорского титула; такое положение весьма

удовлетворяло булгар и ничего не стоило империи, хотя позднее оно должно было оскорбить чувствительных посланников франкских императоров¹³².

Таковы были плоды долгой войны Симеона с Империей. Болгария приобрела некоторые земли и небольшое материальное богатство, но теперь освобождалась от проявлений духовной преданности папе, а ее правитель стал императором, признанным равным помазаным диктаторам Рима, что ставило его намного выше других правителей, даже франкских монархов, так называемых императоров Запада. И в этом заключался главный результат военных кампаний и переговоров. Действительно ли он был ценным? Императорская мантия — обременительная вещь для усталых плеч.

Булгарам она досталась тяжелой ценой. В течение четырнадцати лет продолжалась война; в течение четырнадцати лет болгарские солдаты шли от одного поля битвы до другого и, наконец, пришли к месту своей гибели в Хорватии. От армий Симеона остались лишь жалкие остатки¹³³. Война, должно быть, также поразила болгарскую торговлю; в течение многих сезонов купцы, торгующие в портах Черного моря или доставляющие свои караваны от Дуная до Фессалоники, были задержаны войной, а их торговля оказалась расстроеной. Империя со своими обширными интересами могла позволить себе такие потери, но Болгария нуждалась в торговле в полном объеме¹³⁴. И, теперь, когда наступил мир, вся болгарская земля оказалась утомлена и недовольна. Симеон силой своей личности выражал свою волю подданным; из-за его буйства и безответственности ни один из них не поднял против него и пальца. Но теперь Симеон был мертв, его наследником являлся ребенок, а регент оставался лишь регентом, который при этом даже не принадлежал королевской крови; каждому стало очевидно, насколько бесполезной была война с Империей.

Перед царем Петром стояла трудная задача. Его отец приобрел для него императорское достоинство по очень высокой цене.

ГЛАВА 2. МУЖИ БОГА И МУЖИ КРОВИ

На сорок лет на Балканском полуострове установился редкий мир. Но данный период не подарил булгарам счастливого и спокойного процветания; это был мир, ставший результатом истощения. Болгария не вела войн, поскольку была ослаблена, в то время как правительство в Константинополе погрузилось в осуществление грандиозных проектов далеко на Востоке. Поэтому в эти годы периодически происходили набеги и восстания, которым никто не пытался противостоять. История Болгарии в правление Петра, составленная иностранными авторами довольно меланхолична.

Однако ситуация могла сложиться еще хуже. За исключением границы с Империей, Болгарию окружали высокие горы, охраняя страну от славянских наций, расположившихся на западе, а Дунай — от мадьяр и печенегов. Главный принцип внешней политики Петра должен был заключаться в сохранении хороших отношений и с Империей, и с печенегами. Каждый знал, что союзники печенегов были неприкосновенны, поскольку их опасались все; даже мадьяры боялись их. Но нарушение отношений с империей могло бы также означать нарушение мира с печенегами. Когда дело доходило до взяток, Империя всегда могла превзойти Болгарию, которая располагалась соблазнительно близко к землям печенежских кочевников. Даже в дни правления Симеона только некомпетентность и продажность императорских должностных лиц спасли Болгарию; теперь же опасность для нее стала гораздо большей. Таким образом, именно преднамеренная политика, так же как влияние грече-

ской царицы, заставили болгар безропотно подчиниться покровительственному отношению к ним со стороны императора¹.

Роман действительно вел себя часто очень недружелюбно по отношению к мужу своей внучки, которого время от времени он даже отказывался именовать императором. В 933 г. князь Часлав Сербский сбежал из болгарской тюрьмы и возвратился в Сербию. Его возвращение ободрило всех сербских изгнанников покинуть свои убежища и собраться вокруг него с целью восстановления королевства. Страна пребывала в запустении в течение семи лет со времени болгарского завоевания, и перед Чаславом стояла трудная задача вернуть его к жизни. Но шанс большого восстания, на которое рассчитывал Петр, был сведен на нет действиями императора. Роман не только поощрил Часлава, прислав ему в качестве подарков предметы одежды и другие изделия и ценности, но он также принял сюзеренитет над новым государством. Петр должен был смириться с потерей Сербии².

Что касается остального, то история иностранных дел представляет собой историю вторжений в Болгарию групп грабителей на их пути к Константинополю. В апреле 934 г. мадьяры совершили большое вторжение на Балканы. Их целью являлся Константинополь, но путь к нему лежал через Болгарию. Детали набега трудно расшифровать, но, видимо, они достигли Девельта, и число их пленников, которые, должно быть, являлись в основном болгарами, было настолько большим, что женщину можно было купить за шелковое платье³. В апреле 943 г. они снова прошли через Болгарию, двигаясь в направлении к Фракии. Сколько болгары страдали на сей раз, нам не известно; империя сразу заключила с ними перемирие⁴. В 944 г. Болгария подверглась набегу печенегов, приведенных в движение мстительностью

русов. Инцидент продемонстрировал ту жалкую роль, которую теперь играла Болгария в международных делах. Русы, основав южный центр в Киеве, продолжали увеличивать свою мощь; они являлись многочисленной нацией и контролировали большой торговый маршрут от Балтийского до Черного моря. В 941 г. они прорвались через печенегов, чтобы совершить нападение на Константинополь, подойдя к нему морским путем, но, хотя император проводил бессонные ночи в беспокойстве, русы были побеждены. Их князь Игорь, желая мести, сжег окрестные территории. В 944 г. он побудил печенегов сопровождать его в большом набеге. Новости об этом достигли Болгарии; болгары были испуганы и переслали сведения об этом в Константинополь. Император Роман, руководствуясь традиционной предусмотрительностью, сразу отправил посольство с дарами к Дунаю и успешно убедил русов вести переговоры. Но печенеги отказались от переговоров, не желая быть обманутыми; они пересекли реку и совершили жестокий и прибыльный для себя набег на Болгарию. Все были удовлетворены, кроме болгар, с которыми никто не считался⁵. Вслед за этим столь тяжким опытом, через который пришлось пройти булгарам, на несколько лет воцарилась тишина; но в 958 г. и в 962 г.⁶ мадьяры возвратились, пока, наконец, в 965 г. Петр, вспоминая о политике своих предков, не начал искать союза с Оттоном, великим королем Германии, который мог помочь держать набеги под контролем⁷.

Насколько тяжелым бременем ложились эти набеги на Болгарию, мы не знаем. Нам кое-что известно о них благодаря тому, что захватчики проникли в Империю и попали в поле зрения греческих летописцев. Возможно, существовали и другие грабители, ставившие своей целью нападение именно на Болгарию.

Внутреннее состояние страны определяло то, что она едва ли могла защитить себя. Симеон, хотя его политика

привела к катастрофическим результатам, был действительно великим государственным деятелем и выражал достаточно полно стремления своего народа, поэтому мог увлечь его за собой и не позволял неповиновения. Под властью Петра Болгария распалась на составные части. По характеру Петр был тихим и набожным человеком со слабым здоровьем⁸, и он возглавил государство в очень юном возрасте, поскольку, видимо, как только мир был заключен, Георгий Сурсувул снял с себя полномочия регента. Новый князь не обладал личным авторитетом, чтобы внушить народу благоговейный трепет и управлять разочарованной нацией, а также разделить ее неудачи. В прежние дни хан поддерживал свое положение, опираясь на славянское крестьянство в противовес болгарской аристократии. Петр не преуспел даже в этом. В его правление партия двора стала отдельной фракцией, которой не доверяла остальная часть страны. Помимо правительства в Преславе она, вероятно, включала торговцев, настроенных в пользу мира, официальную иерархию и, без сомнения, приобрела свое положение благодаря царице Марии-Ирине, которая, если она унаследовала все черты своего семейства, должно быть, доминировала над более слабым мужем. Мы знаем, что она сохраняла контакт с Константинополем, сначала благодаря частым поездкам в родной город, хотя после смерти своего отца Христофора в августе 931 г. она ездила туда только еще один раз в сопровождении трех своих детей⁹.

Булгарская аристократия, так часто сокрушаемая ханом, хотя еще не исчезла, вероятно, к настоящему времени потеряла свое расовое различие, стала славяноязычной и укрепилась славянами. В политическом отношении она сейчас являлась военной партией. Ее неудовлетворенность действиями двора была продемонстрирована в начале правления Петра в 929 г., когда он

обнаружил заговор против себя, ставивший целью посадить на трон его брата Иоанна. Заговор был подавлен, а вовлеченная в него знать строго наказана. Сам Иоанн был заключен в тюрьму и вынужден принять монашество. После этого Петр отправил своих людей в Константинополь, чтобы объявить о счастливом спасении. Но император Роман решил использовать с выгодой для себя данный инцидент; его посол прибыл в Преслав и, так или иначе, без сомнения, заплатив высокую цену, смог защитить мятежного князя. Иоанну предоставили дворец в Константинополе, и очень скоро император освободил его от монашеских обетов и женил на девушке из фемы Армениак. Императорские дипломаты любили держать иностранных претендентов на трон под своей властью; Иоанн был нужен Роману, так как выступал в качестве постоянной угрозы для Петра¹⁰. После этой неудачи военная партия сохраняла спокойствие, до того как в конце правления Петра не взяла под свой контроль правительство.

Низшие классы также проявляли беспокойство. Иногда оно выливалось в открытое беззаконие, как, например, в случае с одним представителем княжеской семьи. Михаила, старшего сына Симеона, раздражали монашеские ограничения, которые его отец установил в отношении него; и около 930 г. он бежал и направился в горы на западе Болгарии, где присоединился ко многим славянским оппозиционерам. Для них он стал разбойничьим королем. После его смерти шайка, собранная им, все еще сохранялась, показывая свою власть и удаль, достаточную, чтобы совершать внезапные вылазки в Империю и разграбить такой город, как Никополь¹¹. Подобные бандитские шайки, вероятно, существовали на всей территории западных областей¹². Но недовольство основной массы населения принимало совершенно другую и гораздо более существенную форму.

Те, кто разочаровался, утомился и боялся будущего, часто искал спасения в религии; болгары не стали исключением. После войн Симеона волна религиозной активности охватила всю страну. Среди пионеров религии был сам царь, известный своим благочестием и рвением, с которым он разыскивал святых. Многие из его подданных следовали за своим лидером. Целые толпы народа стремились в монастыри; другие искали еще большей святости, становились отшельниками и принимали жизнь, полную лишений и трудностей. Первым среди них стал некий пастух по имени Иоанн, который под именем святого Иоанна Рилы (Иван Рильский) приобрел высокое положение, став святым покровителем Болгарии. Иоанн Рила много лет жил в святости в полем дубе; когда дуб сгнил, он удалился в пещеры высоко в горах Рила, где устроился уже с большим комфортом. Именно тогда он приобрел большую известность; царь, охотясь в окрестностях, позаботился о том, чтобы выяснить, где находилось его пристанище, и посетил святого. Петр был раздражен проповедью, с которой старец встретил его охотников; но, увидев лицо отшельника, он был глубоко впечатлен его святостью и с радостью предложил свое покровительство. Когда Иоанн умер в 946 г. его тело было со всей торжественностью захоронено в Сардике (Софии), но позже перемещено в горы, в большой монастырь, который теперь носит его имя¹³.

Однако религиозность имела и обратную сторону. В своей наиболее извращенной форме она проявилась в случае с братом правителя Болгарии, Вениамином, единственным князем, который воздерживался от политических интриг. Жизнь Вениамина была посвящена изучению черной магии; и он стал столь искусным магом, что по желанию мог превращаться в волка или любое другое животное¹⁴. Многие из его товарищей болгар проявляли очень большой интерес к гаданиям и демоническим

силам¹⁵, но немногие могли надеяться приобрести мастерство его уровня; и так, будучи действительно неприятным человеком, он никогда не привлекал большого числа последователей. Гораздо более влиятельной и прискорбной фигурой, как в политическом смысле, так и в отношении религиозной доктрины, стал скромный поп, священник из деревни по имени Богомил.

О попе Богомиле, самом значительном еретике средневековья, практически ничего не известно. Мы не знаем, где и когда он жил, кем был. Все, что мы знаем, что «в годы правого царя Петра был один священник по имени Богомил..., первым начавший учить ереси в Болгарской земле»¹⁶, что, по традиции данной секты, полагалось необходимым принимать второе имя, что его также звали Иеремией, что ему приписали авторство нескольких притч и доктрин и что его ересь процветала вплоть до 956 г.¹⁷ Даже доктрины, которые он сам проповедовал, несколько трудно расшифровать. Из писем самих богомилов — как называли последователей попа в Восточной Европе — ничего не сохранилось, кроме нескольких легендарных историй о библейских героях или святых, а также литургий, слишком простых, чтобы указывать на какую-то ересь¹⁸. Чтобы судить о деталях их веры и доктрины, мы должны обратиться к свидетельствам врагов богомилов; но большинство из них составлены в более позднее время, а ереси, подобно ортодоксальным религиям, могут изменяться и разрабатывать новые принципы за столетие или два. Есть, однако, два исключения, два документа, написанные против самих богомилов либо в период жизни Богомила, либо вскоре после его смерти.

Патриарх Феофилакт Лакапин из Константинополя, дядя царицы, прелат, которого чаще видели в конюшнях, чем в соборе, был весьма потрясен ростом богомильской ереси и решил писать об этом царю Петру — вероятно,

около 950 г.; в 954 г. с Феофилактом произошел серьезный несчастный случай во время поездки на лошади, который разрушил его здоровье на оставшиеся два года жизни¹⁹. Феофилакт стремился, чтобы все распространенные ереси были прокляты, и поэтому не проводил различий между павликианским учением и богомильским; но некоторые из его замечаний явно предназначались только для последнего. Более важным является большой труд, написанный, вероятно, приблизительно в 975 г. болгарским священником по имени Косьма против еретиков²⁰.

Из свидетельств Феофилакта и Косьмы, как и из более поздних сочинений, можно вывести фундаментальную доктрину богомилов. Богомильская ересь представляла собой то, что в свое время называли манихейством²¹, хотя с верой Мани ее объединяла только идея дуализма. Богомилы были искренними дуалистами, противопоставляя Бога и сатану, добро со злом, свет с темнотой, дух с материей и представляя обе Силы как равные, хотя в конце Бог одерживал победу²². Дуализм всегда был естественной и привлекательной религией, но Богомила вдохновили павликиане, которые жили в Болгарии. Павликиане являлись армянской сектой, которая максимально усилила дуализм, свойственный Новому Завету, показав большую веру в слова Святого Евангелия от Иоанна (12, 31 и 14, 30), которое приписывало дьяволу правление земным миром. Они отклонили обряды ортодоксальной церкви и даже армянской монофизитской церкви, а вместо нее создали собственные обряды и собственную духовную организацию²³. Они долго представляли собой источник раздражения для Империи и время от времени даже формировали политически независимые общины²⁴; один из способов, которые использовала Империя в отношении павликианов, заключался в их переселении в Европу, прежде всего во Фракию. Но миграция

не ослабила пыл павликиан; уже в дни правления Бориса их миссионеры работали в Болгарии²⁵.

Павликиане обладали некоторыми знаниями и были сведущими в богословии. Гений Богомила состоял в адаптации запутанной армянской религии, чтобы удовлетворить потребности европейского крестьянства. Вероятно, он преподавал павликианство так, как понимал его²⁶; но его интерпретация представляла нечто новое и столь подходила его целям, что уже через два столетия богомилство распространилось до Испанских гор. Помимо дуализма, свойственного их кредо, богомилы, видимо, верили, что матерью Бога была не Мария, дочь Иоахима и Анны, но Вышний Иерусалим, и что жизнь Христа и его смерть — лишь фантазия, так как Бог не мог принять материальное тело, олицетворяющее зло; они отклонили Ветхий Завет, Моисеев закон и пророков и не считали правильным обращаться с просьбами к Богу Отцу; и при этом не осеяли себя крестным знаменем, что служило бы бестактным напоминанием распятия, на котором страдал Бог. В отношении сатаны, называемого Сатанаил или Самаил, существовали две философские школы: первая провозглашала, что он всегда олицетворял зло, а вторая сомневалась, что он действительно был павшим ангелом. Первая теория принадлежала павликианам, и брала свое начало в зороастризме и учениях павликиан. Она, видимо, стала весьма модной на Балканах, особенно в греческих районах; последняя теория стала известной благодаря Богомилу²⁷. Существовали некоторые теории, полагавшие, что сатана являлся или старшим, или младшим сыном Бога и, соответственно, братом Иисуса. Им было присуще расхождение во взглядах на происхождение Адама и Евы, появление которых было отнесено к 5500 году до Р. Х.: являлись ли они павшими ангелами, превращенными в людей,

и были ли они созданы Богом или сатаной? Также некоторые теории полагали, что Ева не хранила верность своему мужу; Авель был ее сыном от Адама, но она родила Каина и дочь Каломель от сатаны²⁸. Из этих историй возник цикл популярных легенд. Сам Богомил, как полагают исследователи, высказывался о таких предметах, как «из скольких частей состоит Адам» и «как Иисус Христос стал проповедником» или «как он укрощал плоть»; также возможно, что Богомил стал автором истории, которая рассказывает о встрече святого Сисиния и двенадцати дочерей царя Ирода на берегах Красного моря, которые сообщили ему, что прибыли в мир, чтобы принести в него болезни и несчастье²⁹.

К настоящему времени богомилская ересь, хотя и бросала вызов официальной теологии, не желала беспокоить светскую власть. Но вера, которая провозглашает, что все материальное есть зло, должна была иметь серьезные социальные последствия. Многие из привычек богомилов можно назвать замечательными; в отличие от ортодоксальных болгар, которые танцевали, пили и пели под гусли весь день и всю ночь напролет, богомилы были скромны, осторожны, тихи и бледны, так как часто голодали; они никогда не смеялись, ни говорили из тщеславия; еда и спиртные напитки произошли от сатаны, так они полагали, поэтому они принимали их чрезвычайно умеренно, не притрагиваясь ни к мясу, ни к вину. Но когда они закрывались в своих храмах в течение четырех дней и ночей, чтобы молиться³⁰, хозяева вполне могли смотреть искоса на своих работников. Кроме того, убежденные, что зло заключалось в физическом теле, богомилы строго препятствовали браку и также другим, уже менее законным отношениям мужчины и женщины. Действительно, их воздержание от женщин было столь примечательным, что среди более поздних учеников богомилов во Франции, часто называемых

«les bougres» (фр. «пройдохи»), воспринявших доктрину болгарского происхождения, оно пробудило подозрения в ортодоксальности веры богомилов и сомнения в том, что они следовали всем правилам своего учения; поэтому их название в его английском переводе все еще сохраняет значение альтернативной формы зла. Богомил не мог ожидать, что все его последователи, четко следуя всем предписаниям, будут готовы способствовать исчезновению собственного народа; поэтому, следуя практике павликианов, он отобрал некоторых людей, известных как Избранные, чье воздержание от сексуального общения должно было быть полным, а воздержание от еды и комфорта почти полным, насколько представлялось возможным; они составляли аристократию среди богомилов и своих духовно более слабых братьев, которые помогали им³¹. Однако демократические инстинкты богомилов не позволяли им выстроить властную вертикаль. В начале своей деятельности они даже не имели собственного духовенства: Богомил и его главные ученики, Михаил и Феодор, Добр, Стефан, Василий и Петр, не имели должностного положения, но позже они, видимо, признали должности дьякона, священника и епископа³²; и к XIII столетию в Болгарии уже существовал духовный властелин, известный христианскому миру под именем Черного священника³³. Но ненависть богомилов к светским порядкам, так как они полагали, что если работник служит своему владельцу или подданный — своему князю, это вызывает недовольство Бога, была воспринята как неизбежная угроза государству и привела к их преследованиям³⁴.

Методы и степень преследований богомилов правительством, боровшимся со столь опасной ересью, неизвестны нам, так же как многие сюжеты болгарской истории в течение этих лет. Патриарх Феофилакт рекомендовал светской власти сокрушать их, и его совету, без сомне-

ния, следовали. Но богомилство представляло веру, во имя которой ее сторонники с удовольствием переносили муку; и постепенно она окрепла. Ее успеху весьма способствовала политическая и социальная атмосфера в стране. Данная вера стала выражением недовольства бедных классов, славян, народа, который всегда следовал демократическим порядкам. Славянский народ длительное время был оппозиционно настроен в отношении аристократии, которая все еще являлась иностранной по рождению, хотя и восприняла славянскую речь; славяне потеряли контакт со своим старым союзником — ханом, который теперь, как Цезарь, подражал автократии и роскоши Нового Рима. Ортодоксальное болгарское духовенство не вызывало уважения; оно, вероятно, находилось под контролем двора, чьи интересы защищало, и, в отличие от греков, культура и образование которых восхитили болгар, средние священники Болгарии были ленивы и распущены и лишь немного лучше образованны, чем их паства. Богомилы называли болгарских священников слепыми фарисеями, в то время как более высокое духовенство находилось вне пределов досягаемости людей. Богомилские Избранные составляли с ними замечательный и внушительный контраст, так же, как и обычные богомилы — что должен был признать Косьма — представляли в очень благоприятном свете по сравнению с ортодоксальными мирянами. Не удивительно, что лучшие представители сокрушенного и разочарованного крестьянства должны были чувствовать, что мир нес зло и находился под властью Сатанаила, и поэтому следовали за Богомилом, который происходил из народа и понимал его душу. Столь замечательная вера не могла долго удерживаться лишь в пределах границ Болгарии; вскоре она распространилась на юг, к самому Константинополю и областям империи, а также в восточном направлении, к Сербии, Боснии и Хорватии, к Ломбардии и Альпам,

закрепившись в земле Лангедок, между Женевои и Пиренеями, пока, наконец, бедная земля не очистилась благодаря резне, устроенной Симоном де Монфором, и кострам святого Доминика³⁵.

Но история богомилства во Франции и Италии, длившаяся столетия, или история о губительном влиянии данной веры на Балканские страны, продолжавшемся вплоть до завоевания их Османами, выходит за рамки нашего вопроса. Во время правления Петра и в годы, которые последовали за ним, богомилы еще не обрели своей полной славы; но, хотя они работали незримо и смиренно, их работа была подобна работе червя, грызущего сердце Болгарии. Ослабление и падение первой болгарской империи стали, главным образом, результатом непрерывных трудов и растущей силы последователей Богомила.

Что касается остального, жизнь в Болгарии под властью Петра, видимо, проходила без особых потрясений. Торговля, вероятно, вернулась в страну вместе с миром и процветала, шахты продолжали работать. По всей стране вырастали новые церкви, дворцы и монастыри, хотя мы не можем привести конкретные примеры. О развитии искусств в этот период времени нам мало известно, так как ничего не сохранилось. Литература оставалась модным увлечением; священник Косьма горько жаловался, что все стремились писать книги вместо того, чтобы их читать. В это время книги представляли главным образом переводы греческих религиозных сочинений или романов; однако литературный труд самого Косьмы свидетельствует о значительном рывке в развитии славянской литературы, который произошел в конце столетия. Данная работа стала не только первым в болгарской литературе сочинением, написанным на родном языке, но она также свидетельствует о зрелости формы и гибкости языка, много превосходящей сочинения, со-

здававшиеся в дни правления Симеона, Храбра или Иоанна Экзарха³⁶. Кроме того, богомилы создавали популярную литературу, сообщая легенды, которые записывались с течением времени. Эти произведения также представляли главным образом переводы или адаптацию греческих произведений, некоторые из которых даже содержали намек на следы индийской мифологии, хотя многие другие сочинения были оригинального происхождения. Но, несмотря на интенсивную литературную деятельность, общий стандарт культуры и уровня жизни был низок. Даже при княжеском дворе культура, вероятно, заключалась лишь в использовании прекрасных предметов мебели и украшений, которые греческая царица привезла с собой из Константинополя. Когда после смерти царицы ее дочери посещали Константинополь, они путешествовали не на носилках, в которых перевозили знатных женщин в Империи, но на колесницах, колеса которых были вооружены острыми косами. Болгарский посол в Константинополе в 968 г. был даже еще менее цивилизованным; он брил голову подобно венгру, носил медный пояс, очевидно, для брюк и весьма редко мылся. Епископ Лиутпранд из Кремоны, посол Оттона I, был разъярен, что подобное существо обладало над ним первенством: хотя сами северные итальянцы также нечасто мылись в X столетии³⁷. Но, вероятно, болгарский посол являлся членом военной партии — боярином, который презирал недостойные привычки к чистоте.

Таким образом, на сорок лет в Болгарии установилась некая пародия на мир. Наконец, в 965 г. царица Мария-Ирина, возглавившая мирную партию, умерла. Прожитые годы не укрепили характер Петра, и, лишившись своей жены, защищавшей мир, он почти сразу попал под влияние воинственных бояр, которые рекомендовали ему продемонстрировать храбрый и агрессивный

настрой в отношении Константинополя. В самом Константинополе изменилась ситуация. Император Роман Лакапин, противник Симеона, уже давно оставил трон и умер кающимся монахом; Константин Багрянородный, восстановленный в качестве законного наследника, также умер; даже его сын, второй Роман, внук старого Лакапина, окончил свой земной путь. Императорская корона сейчас официально принадлежала двум маленьким мальчикам, сыновьям Романа II. Младший, Константин, был ленивым ребенком. Старшего звали Василием, и позднее его фамилия внушала ужас болгарам. Их мать, прекрасная императрица Феодора, помня о судьбе Зои Карвонбсины, удержала свою власть благодаря второму браку; ее мужем стал императорский главнокомандующий Никифор Фока, внук первого Никифора Фоки и племянник погибшего у Ахелоя. Никифор, благодаря своим умениям и данному браку, теперь крепко сидел на императорском троне со своими пасынками и стал императором-сопровителем и регентом империи.

Со стороны болгар было бы мудрым не провоцировать воина-императора, который отвоевал остров Крит у неверных и одерживал победы на Востоке. Но болгары надеялись, что Никифор будет занят борьбой с сарацинами и поэтому уступит требованиям Болгарии, если она покажет свой воинственный дух. Итак, когда Никифор вернулся в Константинополь на зиму 965/6 гг., чувствуя себя уверенно после успешного захвата Тарса, к нему обратилось посольство от болгарского царя для получения «традиционной дани»³⁸.

Эта дань представляла собой выплаты, с которыми Империя согласилась, заключив в 927 г. мир, действовавший в течение жизни царицы. Требование Петра выплатить дань после ее смерти явилось актом недопустимой агрессии; поскольку данные выплаты фактически являлись приданым, посольство болгар нанесло невыно-

симое оскорбление императору. Прием был краток и неприятен, так как разъярил Никифора; он задал риторический вопрос своему отцу, кесарю Варде, что могли подразумевать болгарские послы, требуя дани от римского императора. После этого Никифор повернулся к послам и нанес им оскорбление, назвав болгарский народ грязными попрошайками, а их царя не императором, а князем, одетым в шкуры³⁹. Его отказ был категорическим; несчастные болгары, испытав унижения также от придворных, были лишены аудиенции.

Данная аудиенция, почти беспрецедентная в истории императорского этикета, напоминает только прием Александром посланников Симеона в 913 г. Однако Петр не был похож на Симеона, как и Никифор — на Александра. Гнев императора был реальным, а вовсе не пьяной бравадой. Более того, он не ограничился словами, тотчас же отправившись с большой армией к границе и захватив несколько болгарских фортов, которые все еще стояли на охране Великого Заграждения; но он не хотел проводить военную кампанию в Болгарии, далекой стране, на земле которой было пролито столь много крови императорских военачальников и солдат, так как он все еще не решил свои задачи на Востоке. Император думал о более легком способе решить болгарскую проблему, который был продиктован традициями византийской дипломатии. Русы являлись энергичным народом, располагавшимся на землях за Болгарией. Они могли оказаться полезными императору. Но в этот период времени предпринимать что-либо не было надобности. Петр был напуган тем результатом, к которому привел его агрессивный жест. Он спешно отправил посольство к императору, чтобы просить его о мире, отказавшись, как мы можем предполагать, от своего требования «дани» и предложив двух сынов, Бориса и Романа, в качестве заложников — акт, который не был столь оскорбителен,

как может показаться; молодые люди просто ехали в Константинополь, как в свое время Симеон, чтобы закончить там свое обучение, где они получали образование, достойное цивилизованных правителей. То, что они находились во власти императора, не представляло серьезной проблемы.

Данный эпизод предоставил Никифору пищу для размышлений. В течение сорока лет Империя игнорировала Болгарию; но Болгария не потеряла свой воинственный характер. Лишь усталость сохраняла в стране спокойствие; если бы ей было предоставлено достаточно время, чтобы оправиться, эпоха Симеона могла вновь вернуться. Никифор продолжил переговоры с русами⁴⁰.

Императорский посол, патрикий Калокир, прибывший к русскому двору, являлся сыном главного чиновника из Херсонеса, императорской колонии в Крыму, откуда отправлялось большинство миссий в Степь. Калокир, проживший большую часть жизни в родном крае, превосходно подходил для того, чтобы вести дела с дикими соседними племенами, так как хорошо знал их языки и привычки. Кроме того, он взял с собой сумму денег, огромную даже для тех дней массового взяточничества, — 1500 фунтов золотом. Русский правитель, язычник-варяг, великий князь Святослав, стал легкой добычей взяток и уговоров посла. Он был молодым человеком, недавно освободившимся от опеки своей строгой матери христианки, великой княгини Ольги, и уже успешно вел войны против своих соседей в степях. Он был честолюбив и нетерпелив, стремясь продемонстрировать свое военное искусство. К лету 967 г. русы были готовы к нападению на Болгарию.

В июне 967 г. император Никифор перешел границу, чтобы осмотреть защитные сооружения, — полезная предосторожность, когда со дня на день должна была начаться война. В то же самое время, он желал успокоить

свою совесть, поскольку призвал варваров-язычников выступить против христианской страны, с которой пребывал в мире. Поэтому император написал болгарскому царю, обвинив его в том, что тот так часто разрешал мадьярам пересекать Дунай и проникать в Империю. Петр не ответил на него. Царь с удовольствием помешал бы мадьярам совершать набеги на его страну, но он не обладал для этого достаточной силой; поэтому, когда мадьяры вторгались в Болгарию, он желал, чтобы те как можно быстрее уходили в области другого правителя. Ответ болгарского царя не удовлетворил императора, в связи с чем Никифор считал свои действия оправданными⁴¹. Уверенный в том, что русы выполняют данные обещания, он вновь направил свое внимание на Восток.

В августе Святослав пересек Дунай с Калокиром, который сопровождал его и шестнадцать тысяч воинов. Булгары были предупреждены и послали вдвое превосходящее войско, чтобы воспрепятствовать его высадке на южном берегу; но они были жестоко разбиты и бежали к крепости Дристра (Доростол). Святослав разорил север страны, захватив двадцать четыре города, и утвердился на зимнее время в том же самом районе Огла, где жил Аспарух, болгарский хан. Затем Святослав переместил свой двор в Преслав-на-Дунае, Малый Преслав (Переяславец), крепость, которая контролировала речную дельту. Туда император отправил ему дополнительные денежные субсидии⁴², и следующей весной Святослав вторгся на юг страны, разоряя болгарскую землю еще более жестоко, чем прежде.

Булгары были в отчаянии. На здоровье царя Петра повлияли произошедшие катастрофы: он испытал апоплексический удар, от которого никогда так и не оправился. Его правительство, однако, справлялось с трудностями, решив использовать единственное возможное

средство — печенегов. Печенеги были весьма рады возможности вмешаться в конфликт; мощь русов конкурировала с их собственной, и престиж печенегов уменьшался по сравнению с лучше организованными ордами варягов. Кроме того, Святослав нарушил границу с печенежской территорией, отправляясь в поход к Дунаю, в то время как они все еще кочевали по Валашской равнине и степям на побережье Черного моря. Летом 968 г. они объединились и выступили в полном вооружении против Киева. Великая княгиня Ольга защищала город сколько могла, но силы киевлян были меньше печенежских, а голод помешал сопротивлению. Новости об этом наконец достигли Святослава, и он с неохотой осознал, что должен возвратиться. Великий князь вернулся вовремя, чтобы спасти свою столицу, в то время как его люди упрекали князя за войны в иностранных странах и пренебрежение к его собственной. Но хотя Болгария таким образом получила отсрочку, сердце князя желало нового похода против нее.

Больной царь принял другие меры предосторожности. Этим же летом он, смирив свою гордость, подобострастно направил в Константинополь посла — «немытого» Патрикиана, чье первенство так досаждало Лиутпранду Кремонскому. Никифор принял его уклончиво; он был пока еще не уверен в своей политике. Но на исходе этого года из Руси пришли тревожные новости. Патрикий Калокир весьма преуспел в завоевании доверия Святослава и теперь планировал использовать это обстоятельство против своего императора. Он непрерывно убеждал русов снова вторгнуться на Балканы, надеясь с помощью русского оружия сесть на императорский трон, или, что более вероятно, отвлечь императора, чтобы вернуться в свой родной Херсон и независимо укрепиться там. Святослав с радостью согласился с его планами. Юг манил его; он желал навсегда разместить свой

двор в Преславе-на-Дунае, так как там, по его словам, находился центр его земель; туда стекались все богатства: из Греции — серебро, материи, фрукты и различные вина, из Богемии и Венгрии — серебро и лошади, из Руси — кожи, воск, мед и рабы⁴³. Это было действительно прекрасное место для столицы около устья большой реки, служившее воротами в богатый балканский мир. Все, что смогла сделать его мать Ольга, чтобы удержать Святослава, это заставить его остаться при ней в Киеве до своей смерти (июль 969 г.), так как она была уже очень больна⁴⁴.

Никифор выяснил от своих шпионов, что ситуация принимала действительно опасный оборот; сам он думал, что война с Русью неизбежна. Он спешно послал людей, чтобы укрепить императорские владения в Крыму⁴⁵, и дал инструкции патрикию Никифору Эроту и Филофею, епископу Евхайты, отправиться к болгарскому двору и предложить союз. Болгары приняли их с радостью; потребность в императорской помощи, как они говорили, была крайне необходимой. Для общей защиты полуострова было приготовлено все. Предложенный Никифором союз в дальнейшем должен был быть закреплен браком двух маленьких булгарских княжен⁴⁶ с двумя молодыми багрянорожденными императорами. Данное соглашение было воспринято с энтузиазмом, и две княжны на серпоносных колесницах отправились в Константинополь, чтобы привыкнуть к своему будущему высокому положению. Но эти браки так и не были заключены; упоминания о них встречаются лишь еще раз. Ранней декабрьской ночью, когда императрица Феофано убила своего мужа Никифора, она пришла к нему, чтобы поговорить с ним относительно воспитания иностранных девочек, и оставила его, чтобы сделать некоторые распоряжения в их отношении⁴⁷. После этого нам ничего не известно об их судьбе. Вскоре они потеряли свою политическую привлекательность; вероятно, они

вышли замуж за уважаемых жителей Константинополя⁴⁸.

Во время этих мероприятий 30 января 969 г. умер царь Петр⁴⁹. Он правил почти сорок два года, и при этом он был хорошим человеком, но плохим царем. Задача, которую он поставил перед собой, оказалась почти неосуществимой; он унаследовал истощенное царство и не был достаточно силен, чтобы укрепить его. Если он стремился сохранять мир, то раздражал этим своих бояр; но демонстрация воинственного характера в конце правления принесла даже большие бедствия. И все это время он был вынужден противостоять пассивной, но растущей враждебности еретиков-крестьян. Его жизнь нельзя назвать счастливой; даже в дни своей юности он уже был разочарованным человеком, считающим в соответствии с учением святого Иоанна Рильского, что, какой бы большой ни была тоска о богатстве и славе, их не стоит искать, так как они не принесут душе мира⁵⁰. Петр не жил в роскоши. Одна смерть была добра к нему, поскольку избавила его от горестей, которые вскоре наполнили Болгарию.

После смерти Петра император отправил его сыновей из Константинополя на родину, и старший, Борис, поднялся на царский трон. Борису было, вероятно, уже за двадцать. По характеру и способностям он оказался посредственной личностью; единственной действительно примечательной чертой была его окладистая рыжая борода⁵¹. Вступление Бориса на престол не ознаменовало начало новой политики. Действительно, в данных обстоятельствах не требовалось ничего, кроме мероприятий по созданию системы защиты, после чего следовало ожидать неизбежного наступления русов.

Буря разразилась ранней осенью этого года (969 г.)⁵². Великая княгиня Ольга умерла летом, и Святослава теперь ничто не удерживало в Киеве. Он сразу

отправился с армией русов, печенегов и подданных мадьяров или наемников на битву за свою новую столицу Преслав-на-Дунае и оттуда прошел в сердце Болгарии. Какие бы защитные укрепления Борис ни сооружал, они пали перед русскими ордами⁵³. Те пронеслись вниз через северные области и напали на Великий Преслав; после жестокого сражения столица попала в их руки. Там они захватили заключенного царя, его брата Романа и всю его семью⁵⁴. Из Преслава они передвинулись в Филиппополь, самый большой город юга. Филиппополь, видимо, сопротивлялся храбро, но не получил помощи; Святослав, удовлетворяя свою месть, посадил на кол двадцать тысяч его жителей⁵⁵. К окончанию зимы русы наводнили и удерживали в своих руках всю Восточную Болгарию, вплоть до фракийской границы империи. Затем они взяли паузу на зимовку, Калокир все еще был с ними и убеждал их продолжать наступление. Его амбиции теперь ничто не сдерживало; русы должны были привести его с триумфом к Константинополю, и там, как император, он вознаградил бы их, даровав Святославу одну из областей Болгарии⁵⁶.

Константинополь охватила большая тревога; и ее не уменьшила даже великая трагедия во дворце. 10 декабря 969 г. император Никифор был убит по приказу Феофано и ее любовника, своего лучшего военачальника, Иоанна Цимисхия. За этим преступлением последовало возмездие: императрица была оставлена всеми и отправлена в изгнание, а Иоанн, дважды изменник, стал императором⁵⁷. Иоанн был превосходным солдатом и способным государственным деятелем, более молодым и менее щепетильным, чем его предшественник. У империи не было причин сожалеть о его возвышении. Но для Болгарии его вступление на престол не сулило ничего хорошего.

Иоанн сразу же вступил в переговоры со Святославом. Он обратился к нему с предложением, что до конца выплатит денежные субсидии, обещанные ему Никифором (их выплата, возможно, была приостановлена, когда Никифор заключил союз с Болгарией), и попросил его покинуть территории, которые являлись, как говорил император, законными владениями Империи. Эти слова, должно быть, показались странными для болгарских пленников, находившихся при дворе великого князя. Но ответ Святослава должен был заставить Иоанна вторгнуться в Азию; Святослав был лишь готов рассматривать мир, который предоставлял ему все европейские земли императора, и если он их не получал добровольно, то стремился захватить самостоятельно. Несмотря на проявленную русским князем свирепость, Иоанн послал второе письмо, более суровое, но тем не менее примирительное, вероятно, чтобы выиграть время. И снова Святослав отправил оскорбительное сообщение через императорских послов. Так что обе стороны приготовились к войне⁵⁸.

Это была война, которая стала подлинным несчастьем для Болгарии. Булгары, утомленные и разъединенные, наконец встретили свою судьбу, которую дипломаты в Константинополе столь долго готовили ей; они уступили перед варварами из Степей. И теперь должны были наблюдать, как варвары и императорские армии боролись друг с другом на их земле, и знали, что кто бы ни победил, ни Святослав, ни Иоанн не вернут им независимость Болгарского государства. Они являли собой печальное зрелище — царь был пленником в собственном дворце, без солдат, увеличивших ряды русов, в то время как торговцы и фермеры наблюдали следы разрушений от войны, а крестьяне-еретики проявляли недовольство, пребывая в пассивной лени. Только на западе, куда не проникли русы, сохранялась все еще

некоторые активные национальная жизнь и чувство, которые принесли свои плоды позже.

Летом 970 г. русы продвинулись во Фракию. Император послал своего шурина (зятя) Варду Склира, чтобы встретить их. После предварительных перестрелок состоялось большое сражение при Аркадиуполе (совр. Люле-Бургаз). Соперничество русских и императорских войск было длительным, полным героическими рукопашными боями; но в конце русы потерпели поражение и были отброшены назад к Болгарии, потеряв многих солдат. Однако императорская армия не развила свое преимущество. Вероятно, год был слишком успешно начат, и Иоанн Цимисхий пожелал лучше подготовиться, прежде чем вторгнуться с армией в Балканские горы⁵⁹.

Но задержка оказалась более длительной, нежели надеялся император. В течение осени 970 г. и последующей зимы он собрал отряды и подготовил флот; но в начале весны 971 г. в Константинополь пришли новости о серьезном мятеже в Амасии, который возглавил Варда Фока, последний племянник императора. Армии Иоанна были вынуждены идти маршем в Азию, вместо того чтобы двигаться на север. Таким образом, сезон для военных действий был потерян, а русы остались в Болгарии, сохранив над ней свою тяжелую власть. Когда прошел год, к ним вернулась некоторая уверенность, и осенью они совершили несколько набегов на земли вокруг Адрианополя. Их задача оказалась легко выполнимой благодаря некомпетентности местного императорского наместника, кузена императора, Иоанна Куркуаса, человека, чрезмерно любящего еду и питье⁶⁰.

К новому, 972 г. мятежник Варда Фока потерпел поражение, поэтому императорские суда и солдаты смогли подготовиться к болгарской кампании. Когда пришла весна, император выехал из Константинополя, благословленный святейшей из реликвий города, во

главе огромной, хорошо обученной и богато снаряженной армии. Тем временем флот, состоявший из метающих огонь галер, приплыл в Дунай, чтобы отрезать отступление русов. Русские шпионы в облике послов ждали императора в Редесто, но он позволил им свободно уйти. Иоанн прошел через Адрианополь и в последние дни Великого поста пересек границу и начал прокладывать путь через Берегаву и другие ущелья Балканских гор к Преславу. По странной, доброй для императора случайности русы оставили эти проходы незащищенными. Либо, как предположил сам Иоанн, они не ожидали появления императора с войсками в дни Страстной недели, или, что представляется наиболее вероятным, болгарское население было своенравно, а чтобы держать его в повиновении, необходимы были значительные силы, в связи с чем русы упустили некоторые меры предосторожности перед наступлением Иоанна.

В среду 3 апреля император прибыл к воротам Великого Преслава. Город оборонял третий военачальник Святослава, Сфенкел, варяг, наделенный огромным ростом и храбростью⁶¹, и предатель Калокир. Сам Святослав находился в Дристре на Дунае, вероятно, пытаясь сохранить прямое сообщение с Русью, так как в этом месте уже расположился императорский флот. Русы сразу вступили в сражение, но после ужасной и длительной битвы они потерпели поражение и ушли назад под защиту городских стен. Следующим утром, в Великий четверг, к императору подошло подкрепление, включая самые последние механизмы для метания огня. Вслед за этим император дал приказ штурмовать город.

В течение ночи Калокир, заметивший императорские знаки отличия среди нападавших и знавший, что его ждет, если он будет захвачен и узнан, выскользнул из города и сбежал в лагерь Святослава в Дристре. Сфенкел, однако, остался защищать крепость, прилагая мак-

симум усилий; но русы, ослабленные сражением предыдущего дня, не могли составить должную преграду против превосходящего противника и не могли состояться с греческим огнем. После нескольких часов отчаянной борьбы они ушли, кто еще мог, во внутренний город, крепость-дворец царей.

Отряды императора ворвались во внешний город и наводнили его, убивая всех встречавшихся им русов. В этой жестокой сече также погибли многие болгарские жители, виновные или лишь подозреваемые в том, что помогали варварам язычникам. Посреди бойни императорские войска натолкнулись на царя Бориса, его жену и двоих детей, которые более двух лет находились в плену у русов. Несчастное семейство предстало перед императором. Иоанн соизволил принять их любезно, приветствуя Бориса как князя булгар⁶² и сообщая, что он прибыл, чтобы мстить за вред, причиненный Болгарии русами. Но хотя император отпустил болгарских пленников, его действия позволили по-разному интерпретировать данные слова.

Тем временем солдаты Иоанна осадили дворец, представлявший собой большую и хорошо укрепленную группу зданий, подобных Большому дворцу в Константинополе, составлявших город в городе. Русы успешно сопротивлялись императору, пока тот не использовал огнеметные машины. Огонь, охвативший дворцовые здания, сжигал русских воинов или вынуждал их выйти из дворца навстречу своей смерти. Сфенкел с немногими телохранителями пробрался через императорскую армию к Дристре. Таким образом, к вечеру весь Преслав оказался в руках императора.

Утро Страстной пятницы осветило массу тлеющих руин и улицы, забитые трупами. Это был конец Великого Преслава, города, который несколькими годами прежде являлся самым большим и богатейшим из всех городов

Восточной Европы, за исключением лишь Константинополя. Император Иоанн провел там Пасху в конце недели, восстанавливая порядок и позволив своей армии отдохнуть. Вскоре он отправил небольшое посольство к Святославу в Дристру и предложил ему либо сложить оружие и просить прощения, либо встретить императорские армии и свою смерть. Несколькими днями позже император отправился в полном вооружении в Дристру. Прежде чем уехать, он восстановил укрепления Преслава и повторно окрестил его, назвав город собственным именем, Иоаннополь. Следовательно, впредь Великий Преслав должен был стать незначительным провинциальным городком Империи, отличаясь от других только обширностью своих руин.

Святослав, находившийся в Дристре, услышав о бедствии своих отрядов, пришел в дикую ярость. В это время в своем лагере он удерживал против воли большую численность болгарских заложников или вспомогательных отрядов, и на них он излил весь свой гнев. Подозревая предательство своих соотечественников и зная, что даже императорское правление в глазах болгар представлялось меньшим злом, чем его, и, решившись силой и угрозами заставить болгар заключить с ним союз, он приказал заковать болгар в цепи и казнил триста магнатов и бояр⁶³. Позже, когда к Дристре подошел император, Святослав освободил беднейших болгар и включил их в свою армию; но приказал, чтобы его печенежские союзники убивали их без милосердия, если те попытаются предать его или бежать.

Из Преслава Иоанн прошел к Плиске, древней столице, и оттуда, через город Динию, к Дристре. Он прибыл к городу в День святого Георгия; и две армии встретились в сражении на равнине вне стен. Для обеих войск битва стала тяжким и героическим состязанием, но к сумеркам русы были оттеснены назад за свои укрепления,

понеся тяжелые потери. Иоанн не мог, однако, сразу приступить к осаде: его флот еще не прибыл, чтобы отрезать русов от реки. Он провел двадцать четвертое апреля, укрепляя свой лагерь на холме, но двадцать пятого уже приказал нападать. Нападение императорских войск потерпело неудачу, так же как ответная вылазка русов; но вечером император увидел, что его большой флот шел по Дунаю. Двадцать шестого апреля, после третьего большого сражения, началась осада Дристры. Иоанн надеялся взять город штурмом, но почти сразу понял, что это невозможно. Сдерживая пыл армии, он выжидал удобного момента, тщательно охраняя все доступы к городу.

Проходили неделя за неделей, наполненные активными действиями обеих сторон. Русы предприняли много удачных вылазок, но не смогли проломиться через осаду, а их стрелки не могли спасти свои суда от греческого огня. Булгары признали, что исход битвы теперь являлся только вопросом времени. Многие из их северных городов, включая Констанцию (Констанца), отправили делегации к лагерю императора, передавая ему городские ключи и предлагая свою помощь. Однако, в то время как Иоанн стоял перед Дристрой, вмешалась судьба, практически разрушив все его планы: беспокойное и мстительное семейство Фок еще раз подняло восстание, уже в самом Константинополе; и только энергия евнуха Василия паракимомена, сына Романа Лакапина и болгарской женщины, спасла Иоанну трон.

Когда окончился июль, отчаяние овладело русами. Они потеряли многих своих прекрасных героев, включая Сфенкела, защитника Преслава, в то время как их продовольственные запасы подходили к концу. Наконец, 21 июля Святослав провел совет со своими военачальниками, на котором после длительных обсуждений они решили ответить на призывы великого князя и предпринять

еще одну, последнюю попытку побороться за свою свободу. Двадцать четвертого⁶⁴ они прорвались из города, проявив всю силу и храбрость отчаяния. Их нападение оказалось столь энергичным, что императорские силы практически уступили им путь; и на мгновение их судьба находилась на чаше весов.

В Константинополе все с нетерпением ждали новостей из Дуная. Ночью двадцать третьего набожной монахине приснился сон; она видела саму Матерь Божью, защитницу города, призывающую святого Феодора Стратилата, солдата, и предлагая ему идти на помощь к возлюбленному рабу божьему Иоанну. В Дристре во время сражения люди заметили благородного воина на белой лошади, сеющего бедствия среди языческих орд. Когда впоследствии император разыскивал странного всадника, чтобы отблагодарить его, поиски так и не увенчались успехом. Святой Феодор, возможно, спас Империю. Вообще сражение греков с русами было наполнено странными случайностями; Иоанн даже предложил решить его исход в отдельном поединке со Святославом. Но императорская победа заключалась главным образом в использовании Иоанном старой парфянской тактики притворного отступления. В сумерки русы были разбиты, и на сей раз без всякой надежды на реванш.

Утром двадцать третьего Святослав подчинился судьбе и отправил своих посланников к императору. Теперь он только попросил, чтобы ему было позволено пересечь реку без угрозы нападения метаящих огнем судов и предоставлено небольшое продовольствие для голодающих остатков его армии⁶⁵. В обмен Святослав обещал передать всех заключенных, эвакуировать войска из Дристры и Болгарии и никогда не вторгаться в Херсонес. Он также просил, чтобы предыдущие коммерческие соглашения и меры относительно торговли русов в Константинополе были возобновлены. Иоанн Цимисхий, почти

так же утомленный борьбой, принял его условия, и поэтому война была закончена. Болгария не участвовала в соглашении.

Прежде чем варяжский князь удалился в свою северную страну, он попросил о беседе с императором. Монархи встретились на берегу большой реки. Иоанн, одетый в золотые доспехи, прибыл с роскошной свитой; Святослав приплыл на небольшой ладье, греб наравне с другими гребцами и отличался от них только тем, что его простая белая одежда была чище, чем их; он носил одну золотую серьгу с двумя жемчужинами и карбункулом, а с его бритой головы спадал длинный чуб, который свидетельствовал о его положении. Что касается остального, то он был среднего роста, хорошо сложен, со светлыми волосами, синими глазами, орлиным носом и длинными усами, т. е. являл собой истинного норманна. Их беседа была очень краткой, но два смертельных врага теперь смогли увидеть друг друга лично. Швед, который управлял Русью, встречался с армянином-императором ромеев после длительного соперничества за земли болгар⁶⁶.

Итак Святослав возвращался в печали в Киев, отправившись в небольших ладьях вниз по Дунаю и вдоль побережья к устью Днепра. Затем последовал трудный переход по реке через земли печенегов. Там его настигла зима, а холод и голод прибавили страданий. Тем временем печенеги, забыв про отряды, которые они послали, чтобы помочь Святославу, и радуясь его крушению, с нетерпением ожидали его появления; они не могли поверить, что он возвращался без награбленных в войне сокровищ. Старый императорский посол, Филофей из Евхаиты, находился при дворе Кури, кагана печенегов, заключив с ним отдельный мир, на основании которого печенеги обещали никогда не пересекать Дунай. Но когда посол попросил их от имени императора проявить

милосердие и позволить русам переплыть реку, они категорически отказались. Ранней весной Святослав вошел в Днепр. На больших порогах печенеги устроили ему засаду, и когда русский князь подошел к ним, они напали на него и убили. Из черепа Святослава они сделали кубок, так же, как Крум поступил с черепом византийского императора⁶⁷.

Возвращение Иоанна на родину сложилось совершенно иначе. Он отдохнул в Дристре, повторно переименовав город в Феодорополь, в честь святого, который сражался на его стороне; а затем отправился на юг в славе, сопровождаемый царской семьей Болгарии. Вся Восточная Болгария теперь находилась под властью императора, от Преслава-на-Дунае, нового Феодорополя, Филиппополя и Великого Заграждения до самого моря. Он надеялся вскоре подтвердить свою законную власть над беспокойными и более бедными западными областями страны, а тем временем мог отпраздновать свой триумф в Константинополе. Длинная и роскошная процессия прошла от Золотых Ворот по Триумфальной дороге к Святой Софии. За многочисленными рядами воинов и пленников проехала золотая колесница, которая перевозила наиболее драгоценный трофей: изображение Богородицы Болгарской. Откуда было увезено это изображение, нам не известно, но император ценил его очень высоко и драпировал ее в императорскую мантию. Позади колесницы ехал сам император Иоанн на белой лошади; а за ним, пешком, следовал болгарский царь. В соборе Иоанн положил икону и украшенную драгоценными камнями корону Болгарии на алтарь Мудрости Бога; сама корона являла собой изделие изумительной красоты и богатства. После процессии двор отправился во дворец, и перед всеми сановниками империи Борис Болгарский отказался от своего трона⁶⁸.

Месть пала на детей Крума и Симеона. Империя в конце концов победила. Император обращался с павшим монархом любезно; ему пожаловали титул магистра, и он занял свое место среди императорской аристократии. Его брат Роман стал евнухом⁶⁹. Сложение Борисом царских полномочий освободило империю от провозглашенных ею же обязательств; теперь император мог заявить, что Болгария была ему уступлена добровольно. В то же самое время он ликвидировал независимость болгарской церкви. Патриаршество в Преславе, куда престол был перемещен после смерти Дамиана из Дристры, было упразднено⁷⁰. Болгария, подобно любой другой области Империи, теперь должна была подчиниться вселенскому патриарху Константинопольскому.

В Восточной Болгарии, располагавшейся рядом со старыми столицами, основанными в свое время балканскими ордами, народ был слишком утомлен войной, чтобы возражать. Но тем не менее булгары все еще жили на склонах Витоша и Рила, в долинах и на берегах озер Албании и Верхней Македонии. Этих мест так и не достигли русы, распространявшие опустошение в болгарской земле, ни император, владевший всей мощью мира, чтобы сразиться с ними и пожать урожай, который они засеяли кровью. Булгары оставались гордым и непобежденным народом, презиравшим декреты в отношении Босфора. Дом Крума исчез в позоре; но даже когда день превратился в ночь и собрались тучи, небо на западе истощенной страны было освещено золотым и красным светом.

ГЛАВА 3. КОНЕЦ ИМПЕРИИ

На западе Болгарии во время вторжения русов жил «граф» (комит), или наместник провинции, по имени Николай. От своей жены Рипсимии он имел четырех сыновей,

которых звали Давид, Моисей, Аарон и Самуил. Все они получили известность как Комитопулы, дети графа¹. Нам не известно, наместником какой провинции являлся Николай и когда он умер. Ко времени сложения Борисом с себя царских полномочий сыновья наместника унаследовали его влияние, и западные болгары именно на них возлагали надежды в деле сохранения своей независимости.

Нам ничего не известно об истории произошедшей революции. Император Иоанн Цимисхий, очевидно, проявлял равнодушие к проблемам Болгарии, одержав победу у Дристры. Его внимание было приковано главным образом к восточной границе государства. О событиях этого времени нам только известно, что император, следуя традициям старой императорской политики, поселил много армян, еретиков-павликиан в районе Филиппополя и на границе Фракии². Они должны были ассимилировать и ослабить славянские племена, но переселение армян так ослабило славян, что набожный император мог лишь сожалеть о предпринятых мерах, так как те лишь усилили дуалистическую ересь среди народа, подвластного империи. На провинции, расположенные еще дальше на запад, император вообще не обращал никакого внимания. Только после его смерти в январе 976 г. государственные деятели в Константинополе осознали тот факт, что не только большое число болгар осталось неподчиненным, но и то, что они упрямо и настойчиво демонстрировали свою независимость³.

В это время болгары уже начали осматриваться в поисках поддержки со стороны других государств. Во время Пасхи в 973 г. старый западный император, Оттон I, находился в Кведлинбурге, принимая посольства от множества различных народов, среди которых были и посланники болгар. Однако Оттон умер, а у его сына были другие заботы, поэтому болгарская миссия ничего не достигла⁴.

Тем временем в самой Болгарии Самуил, самый младший из Комитопулов, решил утвердить себя в роли единственного верховного правителя. Неясно, каким образом братья организовали независимое царство; возможно, оно представляло некую форму конфедерации, в которой каждый из братьев управлял четвертой частью страны. Во главе конфедерации встал Давид, старший брат⁵. Судьба, однако, благоприятствовала Самуилу. Давид вскоре был убит разбойниками влахами в так называемом Прекрасном дубовом лесу, между Касторией и Преспой, на самом юге царства. Другой брат Самуила, Мойсей, хотел осадить императорский город Серры (Серес), вероятно в 976 г., получив новости о смерти всесильного императора Иоанна, но при осаде города он погиб от удара камня, брошенного защитниками со стен крепости⁶. Аарон, видимо, отличался более умеренным характером, чем его братья, но именно миролюбие позднее привело его к гибели. А сейчас он был рад выступать в роли второй скрипки при Самуиле, который, вероятно, в 980 г., если не раньше, получил титул царя⁷.

Со времени заключения мира в Дристре до своей смерти в 976 г. император Иоанн игнорировал проблемы западной Болгарии, хотя, вероятно, он намеревался привести ее под свою власть позднее, когда появится соответствующий повод. После его смерти молодой Василий II, уже в течение тринадцати лет бывший номинальным императором, достиг полновластия. Однако на четыре года руки Василия были связаны из-за большого восстания Варды Склира в Азии. Вплоть до 985 г. его положение оставалось непрочным; в то время как сам он вел веселую и беззаботную жизнь, министры и военачальники составляли против него заговор.

В эти годы у Самуила появился шанс. Уже в 976 г. Комитопулы проводили достаточно агрессивные действия, напав на Серес, и, хотя нападение оказалось неудачным,

под прикрытием подобных действий они оказались способными утвердиться на западе прежнего царства Петра к югу от Дуная до земель восточнее Софии, хотя на восток от нее находился также Филиппополь. В то же время Самуил стремился увеличить свой авторитет и духовную силу, отказываясь согласиться с прекращением существования независимого патриаршества. Прежние патриаршеские престолы, находившиеся в Дристре и Преславе, более не были доступны, но, видимо, патриарх по имени Гавриил или Герман, сначала расположившийся в Софии, позднее переместился в Воден, а оттуда — в Моглен и в Преспу; после смерти патриарха его преемник Филипп разместился в Охриде⁸. Данные передвижения патриаршей кафедры, вероятно, совпадали с перемещениями двора Самуила, который после посещения Софии и Водена обосновался приблизительно на пятнадцать лет X в. в Преспе, а вскоре после 1000 г. — в Охриде, городе святых Климента и Наума, подлинном центре западной болгарской цивилизации⁹. Присутствие патриаршества под непосредственным контролем светской власти должно было чрезвычайно благотворно повлиять на силы Самуила, тем более что Самуила, в отличие от Петра, нельзя было заподозрить в симпатиях к грекам. Но Самуил также, видимо, тактично общался с богوميлами. У нас нет прямых свидетельств, но, видимо, в течение своего правления он никогда не допускал столкновений с народом. Вероятно аристократия в его царстве являлась скорее славянской по составу, чем болгарской, и поэтому причин для трений между правителем и его подданными было меньше, чем в правление Петра, когда аристократия сосредотачивалась в старых болгарских столицах. Возможно, также, что богомилская ересь не проникла далеко в Македонию, где Климент утвердил ортодоксальную веру на более популярных основаниях.

Консолидация государства, осуществленная Самуилом, была почти нарушена авантюрой, составленной сыновьями Петра. Вскоре после смерти императора Иоанна бывший царь Борис и его брат Роман бежали из Константинополя и отправились ко двору Самуила в Водене. Самуил с трудом представлял, как он будет принимать прежнего повелителя, а Борис, вероятно, не понимал, что искал убежище у мятежника. Однако сложную ситуацию разрешила сама судьба. Когда братья достигли леса на границе, болгарская пограничная застава захватила их, приняв за императорских шпионов, и Борис был убит болгарской стрелой. Роман же сумел спасти свою жизнь, торопливо объяснив, кем он является. Вначале солдаты приняли его с энтузиазмом как своего царя, но их рвение утихло, когда они узнали, что он евнух, после чего они доставили его к Самуилу. Поскольку основной принцип в наследовании трона заключался в том, что евнух не может стать правителем государства, присутствие Романа не сулило никаких трудностей для Самуила. Самуил взял его на службу и пожаловал различные благородные должности¹⁰.

Обеспечив свою безопасность в собственных владениях, Самуил вскоре приступил к дальнейшим агрессивным действиям за границей. По всей границе, во Фракии, Македонии и на Адриатическом побережье, болгары совершали непрерывные и разрушительные набеги. Но с 980 г. царь сконцентрировал свои силы на Греческом полуострове, направив главное внимание на город Ларисса в Фессалии. Каждую весну, прежде чем урожай был собран, он вел свою армию на плодородную равнину и вставал с осадой перед городом. Однако оборону Лариссы возглавлял коварный военный. В 980 г. некий Кекавмен, по происхождению армянин, был назначен стратегом Эллады — фемы, в которую была включена Ларисса. Каждый год, как приближались войска

Самуила, Кекавмен торопливо изъявлял ему свою покорность на то время, пока сезонный урожай не был собран, а город не обеспечивался продовольствием в достаточной мере. После этого Ларисса повторно заявляла о своей преданности императору, высоко оценившему этот маневр. Самуил, который не мог или не желал штурмовать Лариссу, таким образом, видел, что город находился в хорошем состоянии, чтобы выдержать длительную осаду. И так в течение трех лет притязания болгар на него благополучно отклонялись. Но в 983 г. Кекавмен был отозван, а новый стратег проявил неблагоразумие и заявил о своей лояльности императору. Когда Самуил в следующий раз вторгся в Фессалию, он обнаружил, что страна проявляет к нему открытую враждебность, поэтому он уничтожил все посевы. После трех лет подобных набегов, в 986 г. Фессалия уже начала испытывать недостаток в пище, и когда тем же летом царь плотно блокировал Лариссу, город сразу же столкнулся с проблемой голода. Население было ввергнуто в страшные бедствия, тогда люди начали есть погибших, например жители города обнаружили женщину, которая ела бедро умершего мужа; после этого случая власти решили сдаться. Самуил жестоко обошелся с населением, превратив всех в рабов, кроме семейства Никулицы, принадлежавшего к местной знати. По некоторым причинам Никулица, связанный с Кекавменом, был пощажён и заслужил признательность Самуила, поступив к нему на службу¹¹. Среди пленников находилась маленькая девочка по имени Ирина, которая благодаря своей красоте позже приобрела роковую известность. Вместе с населением Самуил также перевез самые священные реликвии города, мощи епископа, святого Ахиллеса, чтобы украсить и освятить свою новую столицу в Преспе¹².

Захват Лариссы шокировал Константинополь. В городе уже возрастало беспокойство по поводу болгарской угрозы. В 985 г., когда большая комета пролетела по небу, поэт Иоанн Геометр написал оду, в заглавии которой, «На Комита», присутствует мрачная игра слов. В ней он предвещал горе и призывал своего великого героя, императора Никифора Фоку, восстать из мертвых и спасти свою империю¹³. Но хотя Никифор ушел навсегда, император Василий был готов действовать в качестве достойного преемника своего отчима. В 985 г. он подверг немилости великого паракимомена Василия по подозрению в некоем заговоре, тайна которого так и не была разгадана¹⁴. Напряжение от переживаний крайне изменило характер молодого императора. Тогда ему исполнилось двадцать семь лет. До настоящего времени Василий был веселым, распутным и праздным человеком; но сейчас он отбросил все, что стояло в стороне, и приучил себя к неустанному аскетизму, непревзойденному в Византии, за исключением аскетизма, явленного самыми праведными святыми. Он укрепил свое тело для того, чтобы мужественно встречать жизненные неурядицы, а свой ум — не доверять культуре. С этого времени энергия императора не ослабевала; он не думал о военных походах тогда, когда армии обычно стояли на зимних квартирах; его не трогали ни ужасы, ни жалость. Он являл собой угрюмую фигуру, целомудренную и серьезную, скудно ел и редко спал, одевался в одежды мрачных тонов и никогда не носил пурпурный плащ и диадему. Он сконцентрировался только на одной идее — установлении и консолидации своей собственной личной власти как императора для согласия в Империи¹⁵. Царь Самуил, в глазах императора болгарский мятежник¹⁶, вполне мог опасаться такого противника, смелого и жестокого. Однако пока перемены не привели к каким-то результатам, император был молод и неопытен.

Кроме того, первое испытание силы над Болгарией стало гибельным. Летом 986 г., сразу, как только новости из Лариссы достигли императора, он отправился с большой армией в самое сердце Балкан по старой римской дороге мимо Филиппополя. Его целью являлась София, захват которой помешал бы болгарам расширить свою власть на старые восточные провинции. Весть о подходе императора заставила Самуила поспешить назад из Фессалии, и вместе с Аароном и князем-евнухом Романом он двинулся на защиту города. Императорские войска успешно перешли реку Марица и через Ворота Траяна (перевал Капулю-Дербенд) спустились на равнину, на которой находится София. Там они расположились в селе под названием Стопония, по одной из сторон перевала, приблизительно в сорока милях от Софии, чтобы подождать подхода арьергарда. Тем временем у Самуила появилось время занять горы около города. Наконец, в конце июля, Василий вновь двинулся в путь и достиг стен Софии, но предпринятая им осада оказалась неудачной. Вследствие неумелого руководства, вялости — так как осада проходила в середине лета — или простого предательства его солдаты не проявили энтузиазма, в то время как неожиданное нападение болгар на императорских фуражиров создало целый ряд трудностей со снабжением армии. Только по истечении двадцати дней Василий дал приказ отступить. Уже павший духом и огорченный, он узнал о новых тревожных слухах. Ранее император оставил магистра Льва Мелиссина охранять перевал, через который вышел к городу, в то время как domestik Контостефан сообщил, что Мелиссин, которому он отчаянно завидовал, оставил свой пост и предал императора. Поскольку Мелиссин сыграл несколько сомнительную роль в Сирии немногим раньше осады Софии, то слова Контостефана легко пробудили

подозрения императора. Василий не мог рисковать своим тронem, оставаясь в болгарских землях.

Первый день отступления прошел достаточно спокойно, но императорская армия, расположившаяся лагерем в ту ночь в лесу, была доведена почти до паники слухом, что болгары завладели перевалом, а также полетом блестящего метеора в небе. На следующий день, во вторник, семнадцатого августа, после того как армия вступила на перевал, с гор на нее внезапно напал Самуил. Резня была страшной — болгары захватили весь императорский обоз. Писатель Лев Диакон спасся только благодаря быстроте своего коня. С жалкими остатками армии император Василий достиг Филиппополя. В пути он обнаружил, что Мелиссин, проявив безупречную верность, оставался на перевале, а вероломным заговорщиком в действительности являлся Контостефан. Оскорбленный и рассерженный Василий достиг Константинополя, дав обет, что однажды отомстит. Выражая разочарование империи, Иоанн Геометр написал другую оду, озаглавленную «На поражение ромеев в болгарском ущелье»¹⁷.

О событиях следующих лет нам известно немного. Самуил, очевидно, развивал плоды своей победы, наводнив Восточную Болгарию, захватив старые столицы, Преслав и Плиску, и установив свою власть до побережья Черного моря¹⁸. Вскоре после этого он обратил свое внимание на запад, против большого императорского города Диррахия. Мы не знаем, как и когда именно он оказался в его руках, вероятно, это произошло до 989 г. Управление городом было поручено тестю царя, Иоанну Хрисилию¹⁹. Захват Диррахия предоставил Болгарии выход к Адриатическому морю и позволил стране вступить в прямой контакт с Западом. Самуил, видимо, уже получил подтверждение своего императорского титула от папы — вероятно, от одной из креатур императоров

Саксонской династии, Бенедикта VII, во время войны императора Оттона II против восточной империи в 981 или 982 гг.; конечно, папа не настаивал или не мог настаивать на том, что признание должно было сопровождаться объявлением о его духовном сюзеренитете²⁰. Сейчас, однако, Самуил мог надеяться на небольшую помощь Запада, поскольку правительницей Запада являлась гречанка, императрица-мать Феофано, сестра восточного императора Василия.

Василий оказался неспособен предотвратить экспансию Самуила. С 986 по 989 гг. его внимание снова отвлекли значительные восстания в Азии, возглавляемые Вардой Склиром и Вардой Фокой. 989 г. стал самым мрачным для жителей Константинополя. Седьмого апреля северное полярное сияние осветило небо ужасными столбами огня, предвещавшими горе: вскоре пришли новости, что русы захватили Херсонес, а болгары — Веррию²¹. Русы вскоре оставили завоеванную территорию, смиренные обращением в христианство и успокоенные заключением брака великого князя с представительницей императорской семьи — Анной, родной сестрой Василия, которая была принесена в жертву, став женой Владимира, сына дикаря Святослава. Но Василий не смог так же легко избавиться от болгар.

Веррия, расположенная среди предгорий Македонии, оставалась одной из самых сильных крепостей, которые охраняли подход к Фессалоникам, и вскоре стало ясно, что объектом притязаний Самуила являлся этот большой морской порт. После захвата Веррии болгары под командованием Димитрия Полемарха, заместителя Самуила, прибегли к хитрости, чтобы захватить также крепость Сервия (Сельфидие)²²; болгарские мародеры приступили к завоеванию сельской местности вплоть до побережья Эгейского моря. Ситуация стала настолько серьезной, что Василий был вынужден предпринять но-

вые действия. Уже в 988 г. он попытался принять меры против болгарских вторжений, основав колонии армян на македонской границе, но они доказали свою неэффективность. К концу 990 г., однако, император уладил проблемы в Азии и с русами и уже мог планировать более решительные действия.

В начале следующей весны император отправился в Фессалоники. В конце февраля он проехал через фракийское село Дидимотик, где жил в ссылке старый мятежник Варда Склир. Василий решил побеседовать с ним и пригласить участвовать в войне, но Варда отказался под предлогом старости и слабости — его слова подтвердила смерть, наступившая несколькими днями позже, седьмого марта²³. Тем временем Василий достиг Фессалоник, где дал обет перед алтарем святого Димитрия, покровителя города и одного из наиболее важных святых, охранявших империю. Он также заручился поддержкой местного живого святого по имени Фотий, который молился за него еженощно в течение всех походов²⁴.

Однако нам ничего не известно об этих походах, кроме того, что в течение четырех лет император пребывал в Македонии, захватив много городов, разрушив некоторые из них, а в других разместив гарнизоны, после чего возвратился в Константинополь с большим количеством пленных и добычи. Среди отвоеванных городов была и Веррия²⁵. Однако у нас есть веские основания сомневаться в том, что Василий провел все четыре года в походах. Вероятно, он часто возвращался в столицу, чтобы руководить работой правительства. Источники сообщают нам о различных армянских военачальниках, которые командовали армиями в отсутствии императора. Все они, видимо, боролись смело, но все-таки были побеждены болгарами. На первом месте среди них стояли князья из выселенного рода Таронов, который некоторое время

назад породнился с аристократией империи. Передвижения войск Самуила в течение данных лет не ясны. Вероятно, он засел в горах, следуя старой болгарской тактике уклонения от генерального сражения, за исключением таких ситуаций, когда враг мог быть захвачен в долине или ущелье, что предотвращало сопротивление с его стороны. Но Василий, который тогда проявил себя как более хитрый полководец, не предоставил болгарам такой возможности. Эта осторожность, однако, мешала Василию завершить свою работу. Он никогда не рисковал и поэтому не продвигался вглубь дикой страны, в которой Самуил разместил свой штаб²⁶; таким образом, благодаря захвату добычи и крепостей болгарская угроза была лишь слегка уменьшена, когда в 995 г. срочное дело на Востоке вновь потребовало присутствия императора.

Василий оставил вместо себя в качестве «командующего фронтом» у Фессалоники Григория, князя²⁷ Тарона. Получив известие об отъезде императора, Самуил спустился с гор и двинулся к Фессалоникам. Обманутый незначительностью сил, с которой Самуил появился перед стенами, Григорий отправил своего юного сына Ашота с весьма немногочисленным войском на встречу с болгарским царем. Они попали в засаду, организованную основными частями болгарской армии, потеряв многих солдат; сам же Ашот был взят в плен. Григорий, узнав об этом, потерял голову и поступил опрометчиво, стремясь спасти своего сына. Однако он также попал в западню к болгарам и, проявив смелость в бою, погиб вместе с почти всей своей армией²⁸.

Это бедствие серьезно отразилось на положении гарнизона, но Самуил решил не рисковать нападением на Фессалоники. Вместо этого, разорив сельскую местность и вновь захватив Веррию, он увел пленников в свою столицу. Василий был слишком занят, чтобы вер-

нуться в Европу, но послал одного из самых способных военачальников возглавить войска в войне против болгар, Никифора Урана, который прибыл в Фессалоники с подкреплением в течение 996 г.²⁹

Самуил провел сезон 996 г. на Греческом полуострове. Он удерживал Лариссу, ворота полуострова, в течение десяти лет и мог продвинуться вперед, не встречая сопротивления, по Темпейской долине через Фермопиль, Беотию и Аттику к Коринфскому перешейку. На Пелопоннесе началась паника; даже стратег Апокавк был поражен выступлением болгарских войск и заболел от волнения и неуверенности, сможет ли он организовать оборону. В данной ситуации потребовались весь такт и духовные способности святого Никона Метаноитского, чтобы успокоить расстроенные нервы стратега. Однако в ситуации, когда каждый с тревогой ожидал нападения, пришли новости о полном отступлении болгарской армии на север³⁰.

Никифор Уран последовал за Самуилом на полуостров и преуспел в сражениях с болгарами, возвратив империи крепость Лариссу. Оставив там более тяжелое военное снаряжение, он прошел через Фарсалию и по холмам Офрис к долине Сперхей. На дальнем берегу реки болгары расположились лагерем, нагруженные добычей из Греции, поскольку река вышла из берегов из-за летних грозových ливней, и Самуил считал себя в безопасности. Однако ночью императорские войска форсировали разлившуюся реку и напали на его лагерь. Так как болгары спали, они были захвачены врасплох. Самуил и его сын Гавриил-Радомир были ранены и едва сумели бежать с несколькими сторонниками. Потери болгар были огромными: вся награбленная добыча вернулась прежним владельцам, а пленные освобождались. Уран возвратился в Фессалоники с триумфом и позже

в Константинополе отпраздновал изгнание из Греции захватчиков³¹.

И все же, несмотря на победу, Василий не мог решиться предпринять заключительный сокрушительный поход; он все еще был связан делами в Азии. Так что следующие несколько лет стали, вероятно, наиболее блестящими в военной деятельности Самуила. После своего первого поражения он написал императору, предложив, что подчинится ему на некоторых условиях, но, понимая, что ему не следует опасаться нападения Константинополя, вскоре отозвал свое предложение. Согласно распространившемуся слуху в Антиохии, он вел переговоры, когда узнал, что законный царь (Роман, сын Петра) умер в плену в Константинополе. Самуил сразу же прервал переговоры и объявил себя царем. Однако Роман, совершенно отличавшийся от царя, томившегося в Константинополе, стал евнухом на службе у Самуила и прожил гораздо более длинную жизнь. Вероятно, с этим сюжетом нам следует связать историю, рассказанную ранее Скилицей, о последнем выжившем брате Самуила, Аароне. Аарон, более миролюбивый, чем Самуил, настаивал на заключении соглашения с Империей и, вероятно, добился поддержки большей части болгар. Его влияние и политика были одинаково неприятны Самуилу, и поэтому он был схвачен и вскоре казнен со всеми своими детьми, кроме одного, Иоанна Владислава, который спасся благодаря своему кузену Гавриилу-Радомиру. Таким образом, Самуил остался единственным и бесспорным царем. Однако новости об этом достигли восточной границы империи в довольно неопределенной форме, которую местные историки подправили, используя собственную образную манеру³². Жестокость Самуила испугала мирную партию, и когда царь решил вновь прервать отношения с императором, он не встретил оппозиции.

Внутренняя история правления Самуила нам неизвестна. Мы знаем лишь о системе налогообложения его государства, на основании которой каждый человек, владеющий упряжкой волов, был обязан ежегодно платить по мере зерна, проса и бутыль вина³³. Налоговая система, без сомнения, представляла старые болгарские традиции. Видимо, население, исповедующее богомилство, так же как и ортодоксальное христианство, не выражало недовольство его правлением или из-за собственного равнодушия, или из-за страха. Заместители царя, с другой стороны, слишком часто были готовы предать его. Вероятно, это было обусловлено большими перспективами получить материальные блага, которые могла предложить империя; двору Самуила в Македонских горах несколько недоставало утонченности. Комитопулы, видимо, не оказывали такого же покровительства литературе и культуре, как монархи из рода Крума. С другой стороны, Самуил являлся великим строителем. Он возвел большие укрепления вокруг своих цитаделей. Также от этого времени до наших дней дошли несколько церквей, частично сохранившихся: например, около Преспы была возведена церковь Святого Германа, на острове — специальная церковь для хранения реликвий святого Ахиллеса из Лариссы, а в Охриде, которая стала столицей государства вскоре после окончания века, — церковь Святых Константина и Елены и Святой Софии. Все они являются свидетельством архитектурного рвения болгарского царя. Опустошения и перестройки, произошедшие в следующие поколения, затрудняют определение их стиля. Во всяком случае, они, видимо, принадлежали по характеру к провинциальной византийской школе архитектуры, в противоположность императорской школе Константинополя, школы, находившейся в тесном контакте с армянской архитектурой. Возможно, архитекторами Самуила стали армянские

пленники из колоний в Македонии, но более вероятно, что эти церкви представляют собой первые честолюбивые попытки местного болгаро-славянского населения в искусстве.

Конечно, роскошь болгарского двора могла быть груба, но в ней присутствовала некая романтика. От своей жены Агаты Хрисилии царь имел несколько детей, чьи необузданные страсти принесли в болгарскую историю любовь. Самуил привез Ашота Таронского, князя-пленника, в свою столицу и держал его там, заключив в тюрьму. Но Мирослава, старшая дочь царя, увидела Ашота и полюбила. Поклявшись убить себя, если не станет его невестой, она добилась освобождения пленника. После заключения брака Ашот был послан своим тестем, чтобы помочь в управлении Диррахием. Позже они предали царя³⁴.

Примерно в то же самое время — вероятно, в 998 г. — Самуил, остановленный сейчас в своем движении на юг и восток, решил расширить владения на северо-западе, вдоль побережья Адриатического моря; обладание Диррахием продемонстрировало ему ценность Адриатики. Однако он был слишком осторожен, чтобы пытаться, подобно своим предшественникам, завоевать долины Внутренней Сербии. Вместо этого он держался побережья, где ему был предоставлен превосходный шанс: княжество Диоклея, современная Черногория, страдало под слабым правлением ребенка, князя Владимира. Самуил вторгся в его страну, захватив город Элкий и молодого князя и не встретив эффективного сопротивления. Владимир был отослан в Преспу, а Самуил двинулся на север и объявил себя сюзереном Тервунии, княжества, лежавшего выше Черногории на побережье. Из-за произведенного расширения болгарского государства император Василий, который не мог позволить себе держать отряды столь далеко, формально передал охрану

Адриатики лояльному Константинополю государству — вассалу Венеции³⁵.

И вновь одна из дочерей Самуила сыграла свою роль в этой истории. Подобно своей сестре, княжна Косара была взволнована мыслью о красивом молодом пленнике и вскоре влюбилась в диоклейского князя. Самуил выслушал просьбу Косары, после чего Владимир был отпущен и восстановлен на своем троне, а Косара стала его супругой. В то же самое время дядя Владимира Драгомир укрепился в Тервунии. Оба князя признали верховенство болгар, и Владимир оставался лояльным царю, принеся ему клятву верности³⁶.

Молва о доблести Самуила достигла даже мадьяр, и их король, святой Стефан Венгерский, направил посольство, чтобы заключить союз с Болгарией. Условия этого союза были несколько неопределенными, но скреплены брачным союзом: Стефан отправил свою дочь, предназначая ее в жены сыну Самуила и его наследнику, Гавриилу-Радомиру. Но венгерская девушка не была удачлива в любви, в отличие от своих золовок. При дворе в Охриде жила рабыня по имени Ирина, захваченная в плен ребенком при падении Лариссы, девушка изумительной красоты. Княжна, вероятно, всецело соответствовала определенному физическому типу венгерского народа, именем которого называли чудовищ, и поэтому, видимо, даже не надеялась составить конкуренцию сияющей греческой пленнице. Гавриил-Радомир забыл о высоком происхождении своей жены, о том, что ее отец был королем, а ее мать — княжной из императорской династии Запада, и оставил ее ради низкороденной Ирины. Самуил, всегда сочувствовавший детским страстям своего сына, потворствовал этой связи и признал брак с Ириной, поскольку считал, что венгерский союз не представлял для Болгарии большой ценности. О дальнейшей судьбе венгерской княжны ничего не

известно. Покинутая и разведенная, оставленная жить при диком болгарском дворе, столь далеко от родины, она, вероятно, искала убежища в женском монастыре. От брака с Гавриилом-Радомиром она родила одного сына, Петра Делина, который, вероятно, умер молодым; спустя многие годы после падения своей династии его считали честолюбивым, но неудачливым мятежником против императора³⁷. Но в то время как разворачивались эти любовные драмы, и, вероятно, даже до заключения венгерского брака, в полевую армию возвратился император Василий. Примерно в 998 г. дела Самуила казались настолько процветающими, что некоторые представители европейской знати Империи даже желали предать императора. Василий был информирован об этом, и арестовал двоих из них в Фессалониках, магистра Павла Боба и протоспафария Малакина, и выслал обоих из армии — первого в Константинополь, а второго в Азию. После этого некоторые из предполагаемых предателей из Адрианополе — Ватацес и Василий Глаба — сразу же бежали к Самуилу. Василий в течение трех лет держал в тюрьме сына Глаба, но более ничего не мог предпринять³⁸. Вероятно, Никифор Уран продолжал ежегодно совершать походы против болгар, но мы ничего не знаем о них. Весной 1001 г., однако, Василий установил мир на восточной границе своего государства и смог обратить все свое внимание на Запад. В течение четырех лет он проводил регулярные военные походы на территорию Самуила³⁹.

Первый из этих походов, осуществленный в 1001 г., был направлен против Софии. Сделав Филиппополь своей отправной точкой, император оставил там сильный гарнизон под командованием патрикия Феодорокана и прошел через Ворота Траяна, захватив много крепостей в окрестностях Софии, хотя на сам город он не нападал, перед тем как отойти в Мосинополь, современ-

ный Гумулджина, в Юго-Западной Фракии, на зиму. Задача этого похода состояла в том, чтобы отрезать Самуила от восточных провинций его государства. Поэтому в следующем году Василий отправил большую армию под командованием Феодорокана и протоспафария Никифора Ксифия на завоевание земель между Нижним Дунаем и Черным морем, старым центром Болгарии. Сам он, вероятно, ожидал врага вблизи от Софии, чтобы воспрепятствовать любой помощи, которую мог послать городу Самуил. Маневр оказался успешным, а прежние столицы Болгарии, Малый Преслав, Плиска и Великий Преслав, вновь оказались в руках императора⁴⁰.

В 1003 г. Василий нанес удар по Македонии. Когда многочисленная армия императора приблизилась к Веррии, Добромир, болгарский наместник, испугался и сдался без боя. Василий всегда пытался привязать бывших болгарских военачальников к империи, раздавая им титулы, а иногда и посты в провинциях, достаточно удаленных, чтобы они могли причинить ему какой-нибудь вред. Добромир был почтен достоинством антипата и послан в Константинополь. После Веррии император напал на Сервию. Город защищал Никулица, предатель, которого Самуил пощадил в Лариссе. Никулица отважно сопротивлялся, но город был все же захвачен. Василий обошелся с его защитниками мягко, несмотря на прошлое Никулицы, который стал патрикием и сопровождал императора на обратном пути в Константинополь летом 1003 г., когда после своих недавних успехов Василий считал целесообразным нанести краткий визит в столицу.

Однако жестокий предатель не смог приобрести себе титул и через несколько дней бежал к Самуилу. Самуил в это время, согласно общепринятой болгарской тактике, укрывался в горах во время вторжения императора, решительно избегая генерального сражения. После отъезда Василия он вместе со своей армией сошел с гор

и при помощи Никулицы попытался возвратить Сервию. Но Василий был проинформирован о маневре болгар и стремительно продвигался к ним навстречу. Форсированным маршем он достиг границы Фессалии; Самуил и Никулица бежали. Вскоре последний был схвачен в засаде и направлен в заключение в Константинополь. Несколькими годами позже он бежал еще раз. Император провел следующий месяц или два в Фессалии, восстанавливая крепости, которые болгары разрушили, и возвращая те, которые они все еще удерживали. Солдаты из числа пленных болгарских гарнизонов были посланы колонизировать район Волера, где река Марица впадает в Эгейское море. Из Фессалии Василий обратился на север, к большой крепости Воден, находившейся на краю высокого Македонского плато, там, где река Остров через великие каскады стекает в нижнюю долину. Болгарин по имени Драксан отважно оборонял ее, но в конце концов был вынужден сдаться, вероятно, в конце осени. Его воины были отправлены, чтобы пополнить колонию в Волере, но сам Драксан получил разрешение проживать в Фессалониках. Там он женился на дочери одного из главных священников, который заботился о гробнице святого Димитрия. Последующая судьба болгарского военачальника представляется несколько странной. После того как его супруга родила двоих детей, он внезапно бежал к болгарскому двору, но вскоре возвратился и был прощен благодаря ходатайству своего тестя. Но несколько позже он вновь бежал, однако с тем же результатом. После этого Драксан оставался в Фессалониках, пока у него не родились еще двое детей, после чего он бежал еще раз. На сей раз терпение императора истощилось, и когда болгарин был схвачен, его вскоре посадили на кол.

В 1004 г. Василий решил закончить завоевание Дунайской Болгарии, и в самом начале года⁴¹ намеревался

осадить Видин на Дунае, самую восточную крепость, остававшуюся у Самуила. Самуил ничего не мог предпринять против этой хорошо организованной и тщательно руководимой экспедиции, но теперь попытался совершить отвлекающий маневр, в котором преуспел, принудив императора снять осаду. Пятнадцатого августа, когда горожане Адрианополя отмечали Праздник Успения Девы Марии, болгары внезапно напали на город. Адрианополь был захвачен врасплох, поскольку никто не ожидал, что Самуил уйдет столь далеко от своего центра. Болгарский царь вырезал население и разрушил город, а затем отступил так же внезапно, как и напал, с огромным обозом пленных и добычи. Но столь блестящий набег произошел слишком поздно: Видин после восьмимесячной осады уже был готов сложить оружие. Василий ждал удачного момента для штурма города, вероятно, планируя его на начало сентября; затем, разместив у города сильный гарнизон, он поспешил на юг задержать возвращавшихся болгар. Поход императора по верховьям рек Тимок и Морава, через враждебную и непобежденную страну был столь же смелым подвигом, как и нападение Самуила на Адрианополь.

Император застиг царя и его армию около Скопье (Ускуб), на берегу реки Вардар. На реке началось половодье, а Самуил не воспринял урок, который был ему преподан на берегу Сперхея. Две армии расположились на противоположных берегах, императорские войска — с должной предосторожностью, а болгары — с дерзкой небрежностью, уверенные в том, что реку невозможно пересечь. Однако какой-то греческий солдат определил место, где река была проходимой, и император во главе своих войск тайно подкрался к болгарскому лагерю. Болгары были захвачены врасплох, чтобы попытаться оказать сопротивление; все они бежали в замешательстве, и среди них Самуил. В результате нападения императора

был захвачен собственный шатер царя, а сам болгарский лагерь со всей добычей, захваченной в Адрианополе, оказался в руках императора.

После сражения болгарский наместник Скопье был вручить ключ от своего города императору. Это был Роман, сын-евнух Петра, последний отпрыск рода Крума⁴². Василий принял его приветливо и даровал ему достоинство патрикия. Свою необычную карьеру Роман закончил наместником Авидоса.

Из Скопье Василий двинулся в восточном направлении, чтобы напасть на крепость Перник, которая главенствовала над верхней долиной Струмы. Однако Перник был размещен в неприступном месте и великолепно оборонялся благодаря военным талантам одного из военачальников Самуила, Кракра. Василий, потеряв много воинов и обнаружив, что не может подкупить Кракра, отказался от продолжения осады и двинулся назад в конце зимы 1004 г., к своему штабу в Филиппополе. Оттуда он вскоре возвратился в Константинополь⁴³.

Таким образом, Самуил за четыре года потерял половину своего царства. Вся восточная часть Балканского полуострова от Железных Ворот на Дунае до Фессалоник находилась в руках императора, кроме Софии и Струмицы и нескольких крепостей вокруг Перника и Мельника на западных склонах Родопских гор. Императорские гарнизоны были размещены на границах Фессалии и по реке Вардар. Кампания против болгар стала одной из наиболее блестящих в военной истории Византии; она показала, что императорские войска, когда находились под умелым управлением, представляли собой все еще самую прекрасную военную машину, известную на тот день всему мир; она также продемонстрировала, что болгары при всех своих храбрости и пыле, хитростях и западнях были не в состоянии состязаться с ней. Самуил, как любой другой большой болгарский воена-

чальник, избегал генеральных сражений, доверяя быстроте перемещений, засадам и внезапным нападениям с гор. Однако теперь он должен был встретиться с противником, который мог пройти форсированным маршем через самую дикую и враждебно настроенную страну и которого нельзя было застать врасплох в долине или на горном перевале, противником, который избавился от смущения и решил не останавливать свою борьбу до тех пор, пока Болгария не прекратит существование.

Даже сторонники Самуила начинали понимать истинное состояние дел. В 998 г. императорские магистраты нарушали свою верность, чтобы принести присягу ему как восходящему правителю, но теперь, с предательской предусмотрительностью, собственные чиновники царя начинали предлагать свои услуги императору. Каждая измена становилась тяжелым ударом для царя, ведь именно в наместниках, военачальниках и солдатах, которыми они командовали, сосредотачивалась вся его сила. Обычные люди, видимо, были слишком бедны, безразличны или, как богомилы, добросовестно пассивны, чтобы помогать или мешать царю⁴⁴. Самуил, хотя еще в это время иностранная армия не достигала высокогорных озер, на берегах которых размещался его двор, уже мог хорошо ощущать опасности, подстерегающие его в будущем.

В 1005 г. язва предательства проникла в сердце самой царской семьи. Его дочь Мирослава и ее муж, Ашот Таронский, бежали из Диррахия, где он начальствовал, в Константинополь. Ашот долго тосковал по своему родному дому и убедил княжну в том, что долг жены стоит выше долга дочери. Но Мирослава не стала единственной предательницей в семье. Ашот также доставил императору письмо от тестя царя, Иоанна Хриселия, который отвечал за крепость. Иоанн предложил передать Диррахий императорским войскам в обмен на деньги

для себя и титул патрикия для обоих своих сыновей. Предложение было принято; и патрикий Евстафий Дафномил взял флот в Адриатическом море и занял город. Ашот удостоился звания магистра, а Мирослава — патрикии, получив, таким образом, довольно высокое положение при императорском дворе⁴⁵.

Потеря Диррахия изрядно впечатлила Самуила, заставив изменить его взгляд на привязанности и власть. Теперь он не обладал выходом к западному морю, кроме как через Диоклею, через земли преданного ему зятя Владимира.

История следующих девяти лет теряется во мраке. Начиная с 1006 г., видимо, император Василий ежегодно вторгался в Болгарию⁴⁶; в 1009 г. произошло сражение при селении по названию Крета, вероятно, где-то в окрестностях Фессалоники, где он одержал тяжелую победу над Самуилом⁴⁷. В течение всех этих лет императорские войска подходили все ближе и ближе к центру владений царя. Только горы Верхней Македонии и Албании оставались в руках Самуила и долина в верхнем течении Струмы, где держался Кракра. Вероятно, от Кракра Самуил узнал, что император каждый год проезжал к месту боевых действий через узкий проход Кимбалонг или Клидион, который вел из Сереса в верхнюю долину Струмы. Самуил задумал занять этот перевал и таким образом или загородить дорогу императору, или принудить его совершить обход, оставив в своем тылу хорошо укрепленного противника. В 1014 г. Самуил реализовал свой план, овладев перевалом и укрепив его вход деревянными палисадами. Тем временем он послал другие отряды под командованием Несторицы провести отвлекающий маневр около Фессалоник. Но Несторица был разбит императорским стратегом Феофилактом Вотемиатом, который в то время смог присоединиться к армии императора, когда она приблизилась к Кимбалонгу.

При виде мощных палисадов, сооруженных болгарами, Василий заколебался, а после нескольких безрезультатных атак им овладело отчаяние. Однако его заместитель, стратиг Филиппополя, военачальник Никифор Ксифий, предложил провести подразделение по поросшему лесом склону горы и напасть на Самуила с тыла; он считал, что данный маневр вполне может быть осуществлен. Василий согласился, и Ксифий, пройдя через лес Валатист (современная Султанина Планина), наконец оказался за болгарской армией. Двадцать девятого июля Василий предпринял генеральный штурм палисадов. В тот же самый момент Ксифий неожиданно напал с тыла на армию Самуила. Болгары были захвачены врасплох и пойманы. Многие из них были убиты, а еще больше — пленены. Сам Самуил спасся только благодаря стойкости и храбрости своего сына и бежал до крепости Прилеп. В плен попало четырнадцать или пятнадцать тысяч человек. Василий, милосердие которого было исчерпано, решил преподать царю жестокий урок. Все пленники были лишены зрения, кроме одного в каждой сотне, которым оставили по глазу. Затем во главе с одноглазыми, которые должны были вести остальных, они были освобождены и принуждены на ощупь искать дорогу назад к своему повелителю⁴⁸.

Тем временем Василий повернул на север, чтобы очистить районы западных Родопских гор, где отважно держался Кракра. Император продвинулся к Струмице и захватил соседнюю с ней крепость Матруций. Оттуда он направил Вотениата с несколькими подразделениями поджечь палисады, которыми болгары загородили дорогу в Фессалоники. Вотениат успешно выполнил свое задание, но, возвращаясь, попал в болгарскую засаду, где и погиб со всеми своими людьми. Эта победа ободрила болгар, но ее практическое значение было небольшим. Император остался в районе — одном из многих, которые

называются Загория, то есть «за горой», — и ему сдалась даже самая сильная крепость этих земель, неприступный Мельник. После ее захвата император отошел на некоторое время к Мосинополю, и там, двадцать четвертого октября, в императорский лагерь пришли радостные новости⁴⁹.

Ослепленные жертвы сражения при Кимбалонге наконец вернулись к своему царю. Самуил находился в Преспе, заболев от беспокойства и опасений. Вид ужасной процессии его бывлой великой армии для него оказался невыносим. Увидев ее, он упал на землю в апоплексическом припадке. стакан холодной воды на мгновение привел его в чувство, но затем он снова впал в бессознательное состояние и двумя днями позже, 6 октября 1014 г., умер⁵⁰.

Это был конец. Последний красный отблеск заката просиял в Болгарии в ущельях Кимбалонга. Наступили сумерки, и какие-то фигуры бегали туда-суда, чтобы спастись от неизбежной темноты. Спустя девять дней после смерти Самуила, его сын Гавриил-Радомир, которого греки называли Гавриил-Роман, был провозглашен царем; он, вероятно, находился далеко с армией во время смерти своего отца, и ему потребовалось некоторое время, чтобы достигнуть двора. Гавриил-Радомир, при всей своей доблести и великолепном телосложении, не обладал величием отца. Он не мог управлять подданными, внушая им страх и уважение; и почти сразу его трон начал шататься⁵¹.

Получив новости о смерти великого царя, Василий сразу решил возобновить свой поход. Оставив Мосинополь, он прошел к долине Черна, к большому городу Битола (Монастир), где располагался дворец Гавриила-Радомира. Разрушение болгарского дворца стало единственным актом насилия, который совершил император. Из Битолы Василий повернул обратно — подниматься

выше в горы в середине зимы было бы неблагоприятным — и спустился по долине Черны, в то время как его отряды захватили Прилеп и Штип (Иштип, Стипеум). Отсюда он возвратился через Воден в Фессалоники, куда прибыл 9 января 1015 г.

В начале весны он вновь отправился в путь. Благодаря измене болгары возвратили себе Воден, так что Василий сразу бросил всю свою армию к этому городу и вселил страх в его население, чтобы подчинить себе. И снова болгарский гарнизон был переведен в колонию в Волероне. В то же время, чтобы надежно удержать его в своих руках, император выстроил две крепости, чтобы внушить болгарам благоговейный страх, одна была названа Кардией, а другая — Святой Элией. Затем он возвратился в Фессалоники. В то время, когда он там находился, греческий солдат по имени Хиротмет (поскольку он потерял одну руку) прибыл к императору с письмом от царя, в котором тот обещал ему подчиниться. Но Василий опасался хитрости и отпустил Хиротмета без ответа. Вместо этого он послал свою армию во главе с Никифором Ксифием и Константином Диогеном на осаду города Моглена, одного из самых сильных городов, оставшихся у болгар в Македонии. Командование в Моглене осуществляли местный наместник Илица и кавкан Дометиан, один из самых приближенных советников царя. Город столь стойко защищался, что для руководства по проведению осады потребовалось присутствие самого Василия. Только, когда император изменил русло реки, окружил город и подорвал его стены, гарнизон сдался. Василий выслал население к границам Армении; сам город был разрушен и сожжен. Та же судьба постигла соседнюю крепость Энотию⁵².

Спустя пять дней, как пал Моглен, в августе 1016 г., Хиротмет снова появился в лагере императора, на сей раз с более сенсационной историей: царь Гавриил-Радомир

был убит во время охоты в селении Петриск на озере Остров своим кузеном, князем Иоанном-Владиславом, сыном Аарона, чью жизнь он когда-то спас⁵³; Иоанн-Владислав стал повелителем оставшейся части Болгарии. Вместе с Гавриилом-Радомиром погибла и его жена, прекрасная Ирина из Лариссы⁵⁴. Хиротмет привел с собой различных чиновников нового царя и письма, предлагающие подчинение императору. Василий был почти убежден в этом, но примерно в то же самое время другой кавкан, брат кавкана Дометиана, присоединился к императору, у которого встретил хороший прием; вероятно, он раскрыл двуличность привезенных писем. Василий тотчас же отправился во вражескую страну и продвинулся вглубь Македонского нагорья, мимо Острова и Соска, ослепляя каждого болгарина, которого захватывал в плен⁵⁵.

Смерть Гавриила-Радомира привела страну к еще большему беспорядку. Иоанн-Владислав, ставший узурпатором, вероятно, являлся лишь вождем какой-то партии; в воцарившемся хаосе каждый болгарский военачальник стал думать лишь о своих собственных интересах. Однако Иоанн-Владислав был энергичен и не знал жалости. Он удалился на северо-запад под натиском армии императора, в Албанские горы, где начал спланировать свои силы. Новый болгарский царь вызвал туда Владимира из Диоклеи как своего вассала, чтобы посоветоваться с ним; он, вероятно, желал обеспечить себе безопасное отступление и сердился, поскольку из-за слабого характера Владимир склонялся к заключению мира с императором. Добрый князь согласился идти на встречу с царем, однако его жена, Косара, дочь Самуила, не доверяла убийце своего брата и, опасаясь за жизнь мужа, решила отправиться на встречу с новым царем вместо него. Иоанн-Владислав принял Косару с такой сердечностью, что Владимир все-таки решился

отправиться ко двору царя с охранным свидетельством, данным ему Давидом⁵⁶, болгарским патриархом. Однако когда он прибыл туда, то был схвачен и казнен 22 мая 1016 г., при этом его тело оставалось непогребенным, пока не произошли удивительные события, заставившие даже убийцу князя смягчиться. Косара получила разрешение похоронить тело мужа в Краине, у озера Скутари; затем она, убитая горем, набросила на себя покров в ближайшем монастыре⁵⁷. Убийца ликвидировал опасность измены в тылу, однако это не могло предотвратить общий беспорядок. Вскоре болгары потеряли власть над Диоклеей.

Тем временем император проник далеко в сердце Македонских гор, в ту таинственную землю высокогорных озер и долин, где располагался двор Самуила. В начале осени 1015 г. он достиг Охрида, столицы. Но только лишь занял город, как услышал, что Иоанн-Владислав напал на Диррахий. Василий сразу же оставил гарнизон в Охриде и двинулся спасать большой морской порт. Тем временем пришли худшие новости. Во время своего продвижения к Охриде император оставил стратига Георгия Гонициата и протоспафария Ореста со значительной армией в предгорьях, чтобы те охраняли дорогу в горы. Но Иоанн попал в засаду, устроенную болгарским военачальником Ивацой, солдатом, известным своим великолепием, и погиб вместе со всей своей армией. Василий был вынужден предоставить Диррахий его судьбе — его печальная судьба, однако, была предотвращена — и поспешил через горы, преследуя Иваца, чтобы повторно расчистить себе проход. Но Иваца ушел с его пути и удалился на юг; ему удалось, однако, вернуть Охриду царю и восстановить там двор. Император возвратился в Фессалоники, а оттуда в Мосинополь. Там он разделил свою армию на две части; одну он послал под командованием Давида Арианита, чтобы напасть на

Струмицу, а другую, с Ксифием во главе, — против Софии. Арианит преуспел в завоевании крепостцы около Струмицы под названием Термица, а Ксифий — различных крепостей вокруг Софии, включая Бояну. Сам император отправился в Константинополь, куда и прибыл в январе 1016 г.

В конце года Василий возвратился в армию и сам возглавил поход на болгарские районы Верхней Струмы. Центром сопротивления был Перник, где храбрый и лояльный царю Кракра — он был верен всем царям — все еще держался. Василий попытался вновь штурмовать цитадель, и опять его попытки стоили ему столь многих воинов, что он бросил осаду. Поскольку наступала осень, император вернулся на юг зимовать и дать отдых своим солдатам в Мосинополь.

В первые прекрасные дни 1017 г. вновь старый император отправился к армии. Он поручил Давиду Арианиту и Константину Диогену совершить набег на Верхний Вардар; сам же он взял крепость Лонгу⁵⁸. Императорские армии захватили огромное число людей, стада рогатого скота и овец — главного богатства страны. Пленные были разделены на три части; одну распределили между собой императорские войска, другая отошла русским вспомогательным подразделениям — известной варяжской гвардии — и третья — самому императору. От Лонга Василий пошел на юг, чтобы осадить Касторию. Но когда император предстал перед ее мощными стенами, он получил письмо от стратига Дристры, в котором сообщалось, что Иоанн-Владислав и его вице-царь в Родопских горах, Кракра, пытались вести переговоры с печенегами, многочисленные и сильные племена которых кочевали за Дунаем. Василий решил не рисковать. Он снял осаду и поспешил на север, чтобы находиться там, где будут разворачиваться основные события. Когда император шел на север, он штурмовал и сжег крепости

Восоград или Вышеград⁵⁹ и приказал восстановить разрушенные стены Веррии. Затем, проходя Остров и Молиск⁶⁰, он разрушал каждую уцелевшую болгарскую крепость. Когда же император прибыл к Дунаю, он узнал, что союз царя с печенегам не был заключен, так как печенеги не желали рисковать и возбуждать ярость старого императора.

Василий снова вернулся на юг и захватил город Сетину (современное селение Сетина-на-Броде, на краю долины Черны). Там находились дворец Самуила, а также большие склады продовольствия. Дворец был сожжен, а продовольствие распределено по отрядам. Болгарский царь и его армия поспешили к Сетине, чтобы что-нибудь предпринять, тогда как Василий отправил Константина Диогена и отряды европейских фем им наперерез. Однако Константин попал в западню, устроенную Иоанном-Владиславом, и находился на волосок от смерти, когда Василий, который каким-то образом узнал об этом и обеспокоился судьбой своих людей, внезапно напал на болгар с отборным отрядом солдат и вступил в сражение. Болгары, почти одержавшие победу, были ошеломлены: «Бегите, бегите! Император!»⁶¹, кричали они, и все последовали этому призыву. Многие бежали и многие были оставлены на поле боя. Двести хорошо вооруженных всадников были захвачены с обозом царя и его племянником.

После этой победы Василий двинулся к Водене и усилил ее гарнизон; затем, в январе 1018 г., он возвратился в Константинополь⁶².

Каждый сезон император все более твердо устанавливал свою власть в Болгарии; но Иоанн-Владислав, беспокойный и энергичный, не отчаивался. Как только Василий покинул поле боя, он сошел с гор, чтобы напасть с оставшимися войсками на город Диррахий. Данное нападение стало последней попыткой болгарского царя

исправить ситуацию. Однако в сражении перед стенами города на него напал какой-то воин, в котором он вдруг признал Владимира Диоклейского, умерщвленного им святого. Впав в безумие, царь взывал о помощи, но никто не смог добраться до него, чтобы помочь. Незвестный воин, был ли он призраком, обычным греком или даже болгарским предателем, убил царя⁶³.

Его смерть ознаменовала конец Болгарии. Сыновья царя были молоды и неопытны, и даже наиболее пылкие болгарские вожди начали замечать, что дальнейшее сопротивление стало бессмысленным. Император, получив новости о произошедшем, выехал из Константинополя. Когда он проезжал через полуостров, разные старые враги империи обращались к нему для заключения мира. В Адрианополе Василий встретил сына и брата Кракра, которые принесли ему новости о подчинении великого военачальника и сдаче неприступной крепости Перник. Василий любезно принял их и наградил высокими императорскими титулами; Кракра стал патрикием. В Мосинополь прибыли посланцы из Битолы, Моровизда и Липляна⁶⁴ с ключами от своих городов. В Сересе к императору присоединился сам Кракра вместе с командирами тридцати пяти крепостей, которыми он управлял; вскоре за ним последовал Драгомуж, наместник Струмицы. Драгомуж привел с собой Иоанна Халди, который был захвачен Самуилом двадцатью двумя годами раньше, когда Тарониты потерпели поражение. Император сделал Драгомужа патрикием и отправился в направлении Струмицы. Когда он приблизился к городу, к нему пришло новое посольство, возглавляемое Давидом, патриархом Болгарии.

После смерти Иоанна-Владислава его вдова Мария возглавила правительство и по совету патриарха решила сдаться, чтобы обезопасить свою семью. Ее старший сын Прусиан и двое его братьев возражали против этого

и покинули Охрид, отправившись в горы; но большая часть двора согласилась с Марией. И теперь Давид вез ее письма к императору. В это же время к нему также прибыл высокопоставленный чиновник по имени Богдан, являвшийся командующим «внутренних крепостей». Богдан благожелательствовал императору столь сильно, что был даже готов убить своего воинственного зятя. В награду за проявленную лояльность он стал патриkiem.

Из Струмицы Василий перешел к Скопье, где он разместил Давида Арианита с сильным гарнизоном. Сам император торжественно оправился назад в Штип, а оттуда в Просек по реке Вардар, меняя направление сначала на юг, а затем на запад до самого Охрида. В городских воротах императора приветствовала царица, вышедшая со всем царским семейством, находившимся при дворе, — тремя сыновьями и шестью дочерьми, незаконнорожденным сыном Самуила, двумя дочерьми Гавриила-Радомира и пятью его сыновьями, один из которых был незрячим. Василий любезно принял их подчинение. В Охриде император обнаружил царскую казну, которую он не смог найти во время прежнего краткого захвата города. Она была полна золота, предметами одежды, украшенными золотом, и наборами золотых венцов с жемчугом. Деньги по сто центенарий он разделил среди своих войск. Затем, оставив в городе сильный гарнизон во главе с Евстафием Дафномилем, император отправился на юг. Основная масса болгар присоединилась к его армии — Несторица и молодой Добромир со всеми своими людьми. Даже Прусиан и его братья, старшие сыновья царицы, сошли с диких склонов горы Томор, куда Василий отправился, чтобы их преследовать, и решились отдаться на милость победителя. Василий принял их в Преспе. Прусиан получил звание магистра,

а остальные — патрикия. В это время август был в разгаре.

В Преспе Василий принял другого выдающегося, но менее готового к подчинению просителя. Военачальник Иваца сохранял гордую независимость, обосновавшись в крепости на Деволе, окруженной красивыми садами. Почти два месяца император вел с ним переговоры, добиваясь бескровного подчинения города; но у Ивацы были свои грандиозные планы стать царем Болгарии, и он только тянул время. В августе Иваца, соответствующим образом подготовившись, пригласил своих друзей и родственников отметить праздник Успения Девы Марии. Так как переговоры с императором все еще продолжались, то Евстафий Дафномил попросил позволения также прибыть на праздник. Иваца был удивлен и восхищен тем, что враг был готов отдать себя в его руки, и сердечно пригласил Евстафия к себе. После окончания праздника Евстафий потребовал частной беседы с Ивацем. Она состоялась в отдаленном саду, чтобы соблюсти тайну. Когда Евстафий и Ивац остались один на один, грек внезапно набросился на болгарина, завязал ему рот и вырезал глаза. Два слуги Ивацы, услышав первые сдавленные крики своего господина, вызвали других гостей. Болгары тотчас же прибежали, разгневанные нарушением законов гостеприимства, оказанного им их другом. Но Евстафий ждал их, сохраняя полное спокойствие, и когда те приблизились, уверял, что они проявляют безрассудство, противопоставляя себя Империи. Его слова и уверенность впечатлили болгар, которые осознали, что совершенно бессильны перед могущественным императором. Они сочли разумным подчиниться судьбе и сопроводили Евстафия и слепого Ивацу к императору в Преспу. В качестве награды за свой подвиг Евстафий стал стратигом Диррахия и получил все имущество Ивацы.

В то же время Никулица, предатель Лариссы, который скрывался в горах и был теперь оставлен своими последователями, устав от борьбы, также решил сдаться императору. Василий, однако, не принял предателя и заключил его в тюрьму в Фессалониках.

Из Преспы Василий совершил объезд своих новых владений, устраивая дела в Диррахии, Колонее и Дринополе в Эпире, после чего прибыл в Касторию. Там император встретил двух дочерей царя Самуила, доставленных в его лагерь. Но когда те увидели царицу Марию, их обуял страшный гнев. С трудом дочерей Самуила удержали от причинения ей серьезных телесных повреждений. Чтобы избавить себя от подобных сцен в будущем, Василий отослал плененное царское семейство в Константинополь. Царица стала, как и княжна Косара, патрикией. Сам же император отправился на юг, поскольку завершил все необходимые дела, чтобы посетить провинцию Эллада. Когда он проезжал через Фессалию, то видел кости болгар, белевшие на берегах Сперхея, где Уран уничтожал их тысячами. Император также восхищался большими укреплениями, построенными после этого сражения для охраны теснины Фермопил. Затем через Беотию Василий приехал к славному городу Афинам⁶⁵.

Тем временем Ксифий принял присягу от еще оставшихся свободными болгар. Он усилил гарнизоны Сервии и Соска, и поскольку уже окончательно обосновался в Стагах в Фессалии, последний из непобежденных военачальников болгарского царя, Элемаг из Берата (Белоград), заявил, что подчиняется императору. Независимость Болгарии была сломлена окончательно, за исключением лишь отдаленного севера страны, где Сермон, наместник Сирмия, еще на нескольких месяцев смог сохранить свою независимость, чеканя собственную монету. Но в 1019 г. Константин Диоген погасил

и эту последнюю вспышку сопротивления⁶⁶; даже князья Сербии и Хорватии поспешили объявить о своей вассальной зависимости императору⁶⁷.

Император Василий осознал, что завершил дело всей своей жизни. Все время своего правления, длившегося более сорока лет, он прилагал все усилия, чтобы уничтожить царство болгар. И наконец, когда он достиг, чего желал, мир стал называть его в последующие века «Вулгароктоном», Болгаробойцей. Приехав в Афины, в церкви Богоматери он принес свою благодарность Создателю — именно в той самой церкви, которая была построена в честь древней Девы и известна как Парфенон⁶⁸.

ЭПИЛОГ

Болгарское царство пало. Истощенное собственной внутренней слабостью и постоянной, всегда возрождавшейся мощью императорского Рима, оно наконец уступило ему, и почти на 170 лет Болгария превратилась в одну из императорских провинций. О ее истории тех лет нам известно немного, и в данной работе мы ее не рассматриваем. Император Василий, руководствуясь мудрой умеренностью, которая характеризовала великих государственных деятелей Византии, предпочитавших, когда они могли себе это позволить, сохранять местные обычаи и институты, внес мало изменений, затронувших простое болгарское население. Страна была разделена на две фемы: Болгарию и Паристр. В состав первой вошла большая часть царства Самуила, а последнюю образовала придунайская местность с древними столицами; вероятно, прежние пограничные крепости, такие как Филиппополь, уже были включены в существовавшие императорские фемы. Наместник Болгарской фемы обладал титулом проноет и, очевидно, был одним из тех наместников, которые получали свое жалованье из местных налогов. Василий, однако, постановил, что система налогообложения, организованная Самуилом, — через оплату натурой — должна быть сохранена; и хотя более поздние наместники неизбежно провоцировали восстания, пытаясь изменить сложившуюся систему, она все-таки устояла в течение всего периода императорско-

го правления. В отношении церковных дел Василий предоставил Болгарии такие уступки, которыми не обладали другие его провинции. Организация церкви подверглась пересмотру, в результате которого патриаршество было упразднено. Однако архиепископ Болгарии, сидевший в Охриде на патриаршеском престоле, проявлял лишь видимость лояльности по отношению к константинопольскому патриарху, и тридцать болгарских епископов и 685 прочих священнослужителей повиновались ему одному. Нам не известно, каким образом тридцать епархий, установленных Василием, соотносились со старыми епархиями Болгарского царства; но все они располагались в болгарских городах, процветавших при Самуиле. Василий настолько сильно полагался на лояльность болгарской церкви новому правительству, что в нескольких епархиях пошел даже на увеличение их юрисдикции за счет епархий прежних императорских провинций, располагавшихся, без сомнения, в районах, населенных в основном славянами, которые предпочитали славянскую литургию. Мы не знаем, насколько глубоко император стремился контролировать церковь лично или через константинопольского патриарха. Он оставил болгарского патриарха Давида в качестве архиепископа Болгарии, но после смерти Давида императорское правительство приняло традицию назначения на архиепископскую кафедру греков — кроме одного случая, когда оно назначило на эту должность обращенного в христианство еврея, — таким образом сохраняя всю церковную структуру Болгарии в тесной связи с Константинополем. Среди архиепископов, назначенных таким образом, был и Феофилакт Евбейский, который жил в этой дикой стране, составляя жизнеописания местных мучеников и ее великого святого Климента¹.

Болгария в целом признала свою аннексию. Аристократия, истощенная сопротивлением, была рада посту-

пить на службу богатейшей империи. Торговые классы, кто бы их ни составлял, также приветствовали мир. Те представители крестьянства, которые придерживались каких-то политических взглядов, почти все являлись богатомилами, одинаково пассивно настроенными в отношении любого правительства. Дважды в течение следующих шестидесяти лет плохое управление императорских чиновников провоцировало болгар на серьезные восстания, но оба раза выступления быстро подавлялись. Пока правительство оставалось компетентным, Болгария довольствовалась мирной передышкой, пока в конце XII в. вся империя в правление слабой династии Ангелов не погрузилась в хаос, а с тыла удар по ней не нанесла Западная Европа.

Что касается действующих лиц заключительных сцен истории Болгарского царства, князей и княгинь Болгарии и великих военачальников, то они превратились в чиновников Византии. Они шли перед императором во время его триумфального въезда в Константинополь; после этого мужчины получили императорские посты и титулы, а женщины — мужей из числа византийских аристократов. О судьбе немногих выживших потомков царя Самуила ничего не известно, но многие из семьи Иоанна-Владислава приобрели некоторую известность. Так, его старший сын, Прусиан, получил звание магистра, уступив императору, и стал стратигом важной фемы Вукеллария, пока не поссорился со своими коллегами настолько серьезно, что это привело его к ссылке. Аарон, как катепан Васпуракана, позже сыграл видную роль в армянских войнах империи. О Траяне, Радомире и самом младшем сыне мы не имеем никакой информации. Однако Алусиан, второй сын царя, после того как стал патрикием (сдавшись Василию) и, позже, стратигом фемы Феодосиуполь, был позорно вовлечен в болгарское восстание 1048 г. — восстание, разожженное самозванцем,

утверждавшим, что он является Петром Делином, сыном царя Гавриила-Радомира и венгерской принцессы. Сначала Алусиан предал императора ради самозванца, а затем предал последнего, переметнувшись на сторону императора. Из шести дочерей Иоанна-Владислава одна вышла замуж за Романа Куркуаса, который был вовлечен в ссору с Прусианом и ослеплен; другая княжна, Катерина, некоторое время находилась на императорском троне как супруга робкого императора Исаака Комнина. Принадлежавший к следующему поколению сын Алусиана, вестарх Самуил-Алусиан, отличился в жестокое сражении при Манцикерте вместе с Романом Диогеном, в то время как его дочь являлась первой супругой этого несчастливого императора. Сын Аарона Феодор стал стратигом фемы Тарон в Армении, в то время как дочь Траяна Мария вышла замуж за Андроника Дуку. Одна из их дочерей, Ирина Дукена, стала супругой императора Алексея Комнина и родоначальницей великой династии. И таким образом, после долгого путешествия, через династии Ангелов и Гогенштауфенов, дома Кастилии, Габсбургов и Бурбонов, кровь последнего царя Первого Болгарского царства перетекла в вены первого царя современной Болгарии и его здравствующего ныне преемника².

Первое Болгарское царство пало. Его конец не был ни неизбежен, ни предопределен — по крайней мере, если не считать, что все является предопределенным. Однако история настолько полна случайностями, симпровизированными причудливым провидением, что бесполезно исследовать пути того, что и как могло бы произойти. Однако появление Первого Болгарского царства было обусловлено судьбой в ее самом великом, наиболее грандиозном значении. Начало развития государства, когда кочевые племена вторглись на Балканский полуостров и постепенно, благодаря способностям ханов из

дома Дуло, обосновались там все более прочно, так, что даже хаос и бедствия, которые последовали за исчезновением династии, уже не могли заставить их покинуть эти земли, было несколько неопределенным. Однако затем перед нами предстает Кардам, и мы видим скорое возрождение булгар, величие Крума и его преемников, когда Болгария попала в число великих держав Европы и стала страной, мнение которой было интересно и которую боялись Восток и Запад. Затем мы приближаемся к Борису, христианскому правителю, самому великому из всех болгарских царей, сумевшему перехитрить папу и использовавшему патриарха, чтобы организовать в своей стране ту церковь, которую он желал. После Бориса на трон вступил Симеон, при котором состоялся собор. Сам же Симеон являлся героем «греческой трагедии», т. е. был слишком преуспевающим, слишком торжествующим, слишком неповинуящимся Немезиде, истощившим Болгарию многими победами и умершим в разочаровании. Кривая силы Болгарского царства отклоняется вниз во время одного длительного «дня» в истории царства — правления Петра: в то время поп Богомил придал четкую форму недовольству разочарованных людей. Первые тени наступившего вечера принесли с собой ужасы «русских штормов», но царство осветилось закатным блеском прежде, чем спустилась ночь. Однако трагедия не была завершена. Болгария сама не несла в себе семена упадка и гибели. Болгарскую историю необходимо рассматривать, принимая во внимание историю Константинополя. Византийская империя решила ее судьбу. Булгары пришли на Балканы в то время, когда Империя была слаба, когда римский мир все еще колебался под первыми внезапными ударами Ислама, и они утвердились там прежде, чем Империя оправилась. Однако с середины VIII в. империя постепенно усиливалась, хотя ее рост был скрыт развитием Болгарии

и периодическими неудачами, скорее более зрелищными, нежели действительно бедственными. В кульминационный момент в жизни Симеона и всего Болгарского царства, в беседе Симеона с Романом Лакапином, правда была открыта. Император, несмотря на поражения всех своих армий, выступал в роли победителя. После этого конец был столь же неизбежным, как очень многое другое в нашем мире; и, хотя много крови пролилось прежде, чем Болгария была окончательно уничтожена, продолжительность этой борьбы была обусловлена скорее гением Самуила и императорскими разногласиями, нежели неопределенностью окончательного результата.

Болгарии не нужно было стыдиться того, что произошло. Ведь в большей степени именно благодаря величию своих правителей они смогли создать нацию, чего не достигли другие кочевники, у ворот самой могущественной империи христианского мира. Мало того что Византия превосходила своих соседей в материальном богатстве и государственной организации, но, как наследник Рима, она сохранила в неизменном виде концепцию и авторитет Вселенской Империи; а ее цивилизация являлась самой высокоразвитой в исследуемой нами области мира. Рано или поздно она, несомненно, поглотила бы жителей Балканского полуострова, среди которых были славяне, болгары и все остальные племена, составившие одну нацию благодаря политике целой череды блестящих ханов. Время от времени действительно великие монархи, соблазняемые сиренами Константинополя, пытались поглотить болгар, но тщетно — и к счастью; поскольку иначе избранный путь привел бы к катастрофе, что вскоре было доказано захватом христианского города крестоносцами в 1204 г., названном самым большим преступлением в истории.

Но в действительности поглощение нельзя считать плохим исходом для Болгарии, так как оно не произошло

в одночасье. У болгарских монархов было время, чтобы внушить населению страны ощущение собственного самосознания, которое оказалось достаточно сильным, чтобы она смогла выжить. Тем временем мир и проникновение императорской цивилизации в Болгарию стали благом для утомленной страны и принесли болгарам больше знаний, нежели они могли получить, ведя длительные войны за независимость. Однако в этих условиях они уже обладали собственной народной памятью и имели славянскую церковь, которая всегда им напоминала, кем они были; и даже учения Богомила и его последователей не разрушили сложившуюся систему. Поэтому, когда пришло время, а Империя более не являлась ни мудрой, ни полезной, Болгария оказалась готовой вновь сплотиться вокруг идеи независимости, поднятой благородным домом Асений в Тырново.

Таким образом, все, что произошло, явилось разумным — и разумным также по отношению к странам за пределами Болгарии. Булгары принесли порядок славянским племенам и подняли их из хаоса, являя пример всему славянскому миру. Сербские племена смогли в результате оказаться в выигрышном положении; и, кроме того, если бы Болгария не встала между ними и Византией, они так никогда бы и не освободились от влияния Константинополя и не смогли бы сформировать гордую нацию, пока еще не стало слишком поздно; в то же время, с другой стороны, булгары защищали и Империю от многих варварских вторжений на ее территорию. Главный же подарок, который Болгария сделала Европе, заключался в ее готовности принять наследство Кирилла и Мефодия, небрежно отброшенного моравами. Данная работа была начата в Константинополе благодаря помощи патриарха Протия и императора Василия, представляя собой необычную смесь филантропии и политической хитрости, которая характеризовала Византию. Но

именно Борис Болгарский привел ее к своему завершению, и, таким образом, сейчас весь Балканский полуостров и все русские действительно весьма ему обязаны. Именно благодаря политике Бориса эти страны получили свою церковь, которая соответствовала характеру славянских племен, так как именно церковь позволяла им сохранять народную гордость, несмотря на все темные дни, которые они должны были вынести из-за жестоких и неверных варварских захватчиков.

Хотя небо над Болгарией не всегда было безоблачным, она вполне может гордиться своей историей. Первое царство оставило о себе славные воспоминания. История Болгарии — вереница замечательных событий, которая простирается вдаль и в темноту, освещая фигуру Самуила, его дикий двор, расположившийся за высокими озерами гор Македонии; Симеона на его золотом троне, в шелковом одеянии, украшенном жемчугом; Бориса, выходящего из прекрасного дворца с ангелами, сопровождающими его; Крума с кланяющимися ему рядами наложниц и провозглашающим «Здравицу» со своими боярами, держа в руках череп императора; Тервеля, путешествующего в Константинополь вместе с императором с разрезанным носом; Аспаруха и его братьев, их отца, царя Куврата, а также князей-ханов, уходя назад через темные эпохи к тому дикому браку, от которого произошло булгарское племя, браку между блуждающими скифскими ведьмами и демонами песков Туркестана.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПЕРВОИСТОЧНИКИ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ

Первоначальные источники по истории Первого Болгарского царства, в целом, не представляют никаких больших проблем, если бы не один их недостаток, который обязывает нас помнить, что мы имеем дело только с односторонним описанием почти каждого исторического события и поэтому должны пользоваться ими с осторожностью, с готовностью сделать поправку на предубеждения и невежество везде, где представленные суждения вызывают подозрения.

Нашими главными источниками служат писатели, летописцы, агиографы и авторы истории Константинополя и Империи, писавшие главным образом (и после VII в. исключительно) на греческом языке. Действительно, за единственным важным исключением — здесь мы имеем в виду «Именинник болгарских князей», который я рассматриваю в Приложении 2, — мы полностью зависим от них, вплоть до исследования истории IX в. О добалканском периоде истории болгар мы располагаем случайными ссылками, которые содержит богатое собрание «Историй», написанных во время или вскоре после правления Юстиниана, например Прокопия, Агафия, Менандра, Малалы и т. д. Что касается собственно болгарской истории в этих сочинениях, то она не нуждается в комментариях; иные проблемы, которые возникают в результате исторического изучения, были превосходным образом обобщены Бури в Приложении 1

к четвертому изданию «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббона. С середины VII до IX вв. нам приходится опираться почти исключительно на две греческие истории, написанные патриархом Никифором и святым Феофаном, относящихся к началу IX в. Для описания этого периода оба автора, видимо, используют один источник или источники, которые не дошли до нас. Для нас это печальное обстоятельство, поскольку данные авторы являлись выразителями взглядов, направленных против иконоборчества. «История» Никифора оканчивается 769 г.; это самая бедная часть работы, очевидно, написанная, чтобы угодить народной массе, и в то же время ценная из-за общего недостатка сочинений о том времени. Феофан — намного более способный автор. Хотя более поздняя часть его «Хронографии», которая доходит до 819 г., столь окрашена антииконоборческими настроениями, как если бы он желал не упоминать о событиях, выгодным образом оттенявших его противников. Степень проявления подобного стремления в течение этих последних лет хорошо согласуется с очень ценным фрагментом, известным как «Сочинение неизвестного автора о Льве Армянском»¹. Данная работа дает дополнительные сведения для изучения болгарской истории, основное внимание обращая на освещение последних походов Крума. Датировки Феофана также являются неудовлетворительными, поскольку он использует систему счисления времени от сотворения мира (*Annus Mundi* = A. M.), по индиктам (*Indiction* = Ind.), годам правления императора и халифа (ранее персидского шахиншаха). Так как каждый год начинался в различный день, то результаты не всегда совпадают².

С IX в. наша информация о Болгарии становится более полной, так как и латинские, и местные болгарские записи начинают давать ценные сведения. Отложив их на время, мы должны отметить усиление деятельности

греческих летописцев к концу IX и началу X вв., которые рассматривали историю IX в. Самым старейшим из них является Георгий Монах, основывавший свою книгу на данных Феофана и продолживший труд последнего до 842 г.; однако духовные интересы оказались для него более значительными, поэтому он игнорировал внешнюю политику. Но главными источниками для исследования истории этого времени являются две группы хроник, созданные в середине X в. Одна из них — «История» Генезия, которая доходит до 886 г., — важная, но пристрастная книга, содержащая очевидные признаки официального заказа, и сочинение так называемого Продолжателя Феофана, книги с I по V, также написанное по воле императора Константина Багрянородного, который сам создал и посвятил одну из глав в ней своему деду Василию I. Другая группа нарративных источников состоит из синоптических сочинений, основанных на хронике таинственного Логофета, в произведении которого изложены события до 948 г. Эта работа не опубликована, но ее славянский перевод и редакции Льва Грамматика и Феодосия Мелитенского, вероятно, точно представляют ее первоначальную форму; близко к ней сочинение Продолжателя Георгия Монаха. Книга VI Продолжателя Феофана, до 948 г., основана на сведениях Логофета с добавлением нескольких современных ему знаний; описание истории с 948 по 961 гг., очевидно, опирается на личные данные автора³.

После 961 г. число летописцев снова уменьшается. О правлениях Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и первых лет Василия II мы располагаем ценными сведениями современника, Льва Диякона. Что касается правления Самуила и болгарской войны Василия II, мы зависим исключительно от хроники, написанной Иоанном Скилицей в середине XII в., рассматривавшего период с 811 по 1079 гг. Он брал материал из всех предыдущих хроник,

которые охватывали события данного периода и утверждали, что являются их современниками. Вследствие пристрастности хроник, о чем необходимо сказать, автор способствовал появлению новых предубеждений. Он также использовал один или большее число источников, которые не дошли до нас. Работа Иоанна (до 1057 г.) была скопирована слово в слово (примерно в 1100 г.) Кедрином, создавшим другую незначительную компиляцию, и легко доступна в этой форме. Однако существует также манускрипт Скилицы, скопированный болгарским епископом Михаилом Девольским, который внес в него различные добавления, имена и даты, представляющие большую важность для болгарских историков, о которых иначе мы были бы неосведомлены⁴. Остальные греческие летописцы, которые пишут о Болгарском царстве, такие как Зонара, Манассия, Гликей и т. д., не представляют большой важности для нас.

Помимо хроник для истории этого периода в нашем распоряжении находятся различные греческие агиографические сочинения. Наиболее важные из них — работы Феофилакта, греческого архиепископа Охрида в конце XI в. Феофилакт написал работу о первых болгарских мучениках и отредактировал «Жизнеописание святого Климента», известного ученика Кирилла и Мефодия. В описании жизни последних он, должно быть, опирался на местные болгарские традиции и, возможно, письменные источники, поэтому данные жизнеописания должны были стать первым примером собственно болгарской исторической литературы. Есть также и другие работы императорских авторов, случайные ссылки которых дают очень ценные дополнительные сведения о болгарской истории. Например, жизнеописания патриархов: «Жизнь Никифора» Игнатия, «Жизнь Игнатия» Никиты или очень важные анонимные сочинения — «Жизнь Евфимия», или местных святых, например «Жизнь святого

Луки младшего», «Жизнь святого Никона Метаноитского», «Жизнь святой Марии молодой» и т. д. Случайный характер свидетельств делает эти сочинения более надежным, хотя все местные биографы воздерживаются от использования дат. Однако более важным, хотя и немногочисленным, видом источников являются собрания писем, написанных различными греческими священнослужителями и государственными деятелями — переписка патриархов Фотия и Николая Мистика (сведения последней представляют огромную важность для изучения карьеры Симеона), Феофилакта, императора Романа Лакапина и, наиболее интересная из всех, корреспонденция императорского посла Льва Магистра, которая включает некоторые из ответов болгарского царя Симеона. При изучении этих писем нужно все время помнить, что их авторы были политиками и придерживались строгих взглядов, желая достижения определенных результатов; поэтому их свидетельства являются крайне пристрастными. Это особенно верно в отношении сочинений великих патриархов. Наравне с письмами мы должны упомянуть о «Списке болгарских архиепископов» (приведенный Дюканжем) и постановлениях Василия II о болгарской церкви после завоевания им страны. Наконец, существуют различные греческие трактаты, из которых наиболее известными и важными являются работы императора Константина Багрянородного, удивительный компендиум по истории, этнографии и дипломатии, известный как «Об управлении Империей». К сожалению, и это любопытно, Константин никогда не рассматривал непосредственно саму Болгарию, то есть то государство, об истории которого он должен был иметь обильную информацию⁵. Почти столь же важными, поскольку они затрагивают неясный период правления Самуила, являются два трактата, соединенные вместе под названием «Стратегикон» Кекавмена, один был написан Кекавменом,

а другой — его родственником, вероятно, Никулицей. Мы знаем немного об этих авторах, кроме того, что их родственники сыграли значительную роль в Булгарских войнах Василия II. Трактаты содержат множество общих предписаний, частые цитаты на исторические примеры и прецеденты. В нашем распоряжении есть также ссылки на болгар в любопытном «Словаре» Суды, составленном в X в.⁶

Если рассматривать греческие источники, то необходимо принять во внимание несколько восточных сочинений. Арабские географы проявляли мало интереса к Балканской Болгарии; арабские и армянские летописцы только повторяли, причем очень редко, те сведения, которые проникали к ним из империи, хотя армяне проявляли сомнительный и ненадежный интерес к приключениям армянских солдат в Булгарских войнах Василия II. Только два восточных летописца были действительно заинтересованы балканскими делами. Евтихий, патриарх Александрии, как христианин, наблюдал за событиями при императорском дворе⁷. Его хроника заканчивается 937 г., а умер он в 940 г. Его продолжатель, Яхья Антиохийский, умерший в 1040 г., является более важной фигурой. Когда он писал свое сочинение, Антиохия была христианским городом в составе Империи, поэтому он соприкасался со всей тогдашней историей Империи. Он часто дает важные ссылки на Булгарские войны Василия II, но их важность, по моему мнению, преувеличивается⁸. Наше беспокойство относительно дополнительных свидетельств об этом темном периоде не должно заслонять от нас тот факт, что повествование Яхьи, бесспорно, запутанно относительно булгарских дел, например в отношениях между Комитопулами и сыновьями Петра, о чем он, очевидно, не имел непосредственных данных. Его информация, вероятно, основана на слухах и подверглась изменениям прежде, чем достигла Антиохии. Большую

ценность сведений Яхьи составляет его точность в описании восточных походов Василия, ясные датировки, которые позволяют нам исправить хронологию Булгарских войн.

Латинские источники до IX в. не представляют большого значения, за исключением ранних императорских историков, например Эннодия или Иордана Гота, которые иногда упоминают о булгарах добалканского периода их истории. В IX в. расширение Булгарии на запад привело к установлению связей с западной империей. Каролингские хронисты начинают составлять простые, но хорошо датированные ссылки на Булгарские войны и посольства. После прихода венгров в конце столетия эти ссылки фактически исчезают. Однако крещение Болгарии и духовная политика Бориса привели к установлению близких отношений с Римом, и в течение некоторого времени папская переписка проливает свет на болгарскую историю. Наиболее важным среди них является длинное письмо Николая I, содержащее ответы на вопросы Бориса относительно допустимости различных привычек и обычаев булгар. В это же самое время болгарские дела упоминаются и в официальных жизнеописаниях римских пап⁹. Однако, после того как Борис вернулся в лоно восточной церкви, упоминания о болгарских событиях в папских источниках исчезают, хотя случайные упоминания о булгарах в итальянских хрониках все еще встречаются, например в сочинениях Лупа Прото-спафария, который творил в императорском городе Бари, венецианских и далматских авторов, особенно, когда в правление Самуила болгарское влияние распространилось до Адриатики, и позже, ретроспективно, первых венгерских историков. Помимо данных хронистов и духовных авторов существует также один латинский автор, который, учитывая свой личный политический опыт на Востоке, заслуживает специального упоминания.

Речь идет о Лиутпранде, епископе Кремоны, чьи родственники и сам он часто участвовал в посольствах в Константинополь. Лиутпранд передавал сплетни и является ненадежным историком со вкусом к сенсационным слухам; но он был современником, любил яркие детали и, до времени своего второго посольства, оставался заинтересованным и беспристрастным автором. Поэтому он занимает свое достойное место среди наиболее важных источников.

Славянские источники немногочисленны, но большинство из них имеет важное значение. Об «Имениннике болгарских князей» будет упомянуто ниже, кроме этого сочинения у нас нет славянских свидетельств о болгарской истории до Обращения в христианство. Сочинения времени крещения Моравии, жизнеописания Кирилла и Мефодия касаются болгарских дел и являются началом целого ряда славянских агиографических произведений, представляющих значительную важность. Для истории времени Первого Царства я использовал главным образом «Жизнь святого Наума» и, в меньшей степени, «Чудеса святого Георгия». Рождение болгарской литературы, конечно же, представляется новым ценным обстоятельством, хотя большинство работ являлись простыми переводами с греческого языка¹⁰. Но предисловия и эпилоги предоставляют нам не только случайные даты, но также создают картину цивилизации того времени; в нашем распоряжении находятся также оригинальные работы большого значения, например Храбра и Косьмы. Я подробно рассматривал их в одной из глав. В дополнение к этим источникам следует упомянуть о важной русской хронике, известной под неверным названием «Хроника Нестора». Она основывается частично на болгарском переводе сочинения Георгия Монаха и его Продолжателя, частично на различных греческих и славянских религиозных писаниях, частич-

но на устных сведениях и местных русских записях¹¹. Там, где она описывает болгарскую историю, ее ценность очевидна, но она также требует внимания в отношении датировок, которые я рассматриваю в связи с «Именинником болгарских князей». Местные сочинения богомилов, хотя главным образом они принадлежат более позднему времени, являются важными, поскольку проливают свет на политическое положение секты.

Помимо литературных источников мы опираемся на различные археологические источники. Под ними я подразумеваю раскопки, которые были предприняты в разных географических местностях Болгарии. Раскопки в Преславе-на-Дунае дали мало результатов, но в Плиске они позволили осветить цивилизацию ханов IX в. Работы в Великом Преславе еще не дали ценных сведений, на которые надеялись археологи. Я также включаю в эти источники надписи, созданные на грубом греческом языке, которым ханы IX в. записывали на колоннах или камнях события различной важности. Значение этих источников очевидно¹². Всегда возможно, что новые раскопки и открытие большего числа надписей могут потребовать внесения значительных исправлений в существующие у нас знания о ранней истории Болгарии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИМЕНИННИК БУЛГАРСКИХ КНЯЗЕЙ

«Именинник болгарских князей» является документом столь большого значения по ранней истории Болгарии, что он требует отдельного рассмотрения. Он существует в двух фактически идентичных рукописях, одна из которых находится в Санкт-Петербурге, а другая — в Москве. Обе они написаны на старославянском языке и содержат перечисление болгарских правителей от

Авитокола до Умора, а также даты их правлений. Однако большой интерес вызывает то обстоятельство, что указанные даты вступления на трон приводятся на неизвестном языке, видимо, старобулгарском. В переводе «Именинник» выглядит следующим образом:

«Авитокол жил 300 лет, был он из рода Дуло и принял власть в „dilom tvirem”; Ирник жил 100 и 5 лет, был он из рода Дуло и принял власть в „dilom tvirem”; Гостун как регент (правил) 2 года, был он из рода Эрми и принял власть в „dokhs tvirem”; Курт правил 60 лет, был он из рода Дуло и принял власть в „shegor vechem”; Безмер — 3 года, был он из рода Дуло и принял власть в „shegor vechem”. Эти пять князей с остриженными головами правили по ту сторону Дуная 515 лет. После князь Исперих перешел на другую сторону Дуная, где они (живут) ныне. Исперих князь — 60 и 1 год, был он из рода Дуло и принял власть в „beg enialem”; Тервель — 21 год, был он из рода Дуло и принял власть в „tekuchitem tvirem”; ... 28 лет, был он из рода Дуло и принял власть в „dvansh ekhtem”; Севар — 15 лет¹³, был он из рода Дуло и принял власть в „tokh altom”; Кормисош — 17 лет, был он из рода Вокил и проиняло власть в „shegor tvirem”. Этот князь сменил у власти род Дуло, называемый Вихтум¹⁴. Винек — 7 лет, был он из рода Вокил и принял власть в „shegor alem”; Телец — 3 года, был он из рода Угайн и принял власть в „somog altom”, он был из другого рода; Умор — 40 дней, был он из рода Вокил и принял власть в „dilom tutom”».

Необходимо внести одно исправление: поскольку правление пяти первых князей продлилось в целом 515 лет, то мы должны увеличить протяженность правления Ирника до 150 лет¹⁵. Больше ничего другого сделать нельзя, пока мы не обнаружим значение булгарских слов. Их порядок написания не предоставляет возможности выяснить их смысл, хотя болгарин Тудор Доксов,

писавший в начале X в., очевидно, пользовался той же системой. Хотя некоторые ученые¹⁶ пытались с помощью данных тюркско-монгольской филологии решить данный вопрос, они не смогли найти никакого определенного сходства между этой системой датировки и любой другой, известной ученым. Ситуация оставалась такой до того момента, когда примерно 30 лет назад русские археологи не обнаружили в Чаталаре надпись. Ее сведения дают отправную точку: в ней указано, что основание Омуртагом Преслава приходится на пятнадцатый индикт (то есть на сентябрь 821 — сентябрь 822 г.), или по болгарской датировке — *σιγυρελεμ, shegor alem*.

Поскольку детальный обзор результатов, которые крупные ученые вывели на основании этого дополнительного свидетельства, займет много места, то я просто буду рассматривать выводы главных исследователей и положение, которому я следую. Бури был первым серьезным исследователем данного вопроса. В 1910 г. он дал ключ к болгарским словам¹⁷, который, как он объявил, удовлетворял всем известным фактам, хотя при этом он исправлял текст «Именинника» в части, относящейся к более поздним князьям, чтобы лучше согласовать его с данными греческих хронистов. Его теория потребовала введения цикла из 60 лунных лет, который является необычным для восточных народов и в котором первый ряд «буквенного выражения» цифр — например, *dilom* — представляет единицы, а второй — десятилетия. Он утверждал, что данная система является свободной от опасностей западни лингвистического сходства. К сожалению, даты, которые он таким образом вычислил, идут вразрез с теми, которые известны истории, как указал Маркварт¹⁸. В частности, болгары на основании этой системы должны были пересечь Дунай на двадцать лет раньше.

Критика Марквартом теории Бури была разрушительной, но не конструктивной. Однако в 1914 г. профессор Миккола из Гельсингфорса, обратившись к помощи филологии, дал свой ключ к разгадке¹⁹. Согласно его взглядам, у болгар существовал двенадцатилетний цикл отсчета времени, в котором каждый год получал название некоего животного, поэтому первое болгарское слово означало название, а не цифру. Это предположение было выдвинуто ранее Петровским. Аналогии с тюркскими и куманскими словами (например, *dvansh* = тюркскому *davshan*, заяц; *tokh* = куманскому *taok*, курица) и порядок лет в их циклах позволили Микколе перевести эти болгарские названия и установить их порядок в цикле. Вторые болгарские слова, как он предположил, являются порядковыми числами месяцев, и на основе аналогичных лингвистических сравнений он расположил их по порядку.

Филологические аргументы Микколы представляются убедительными и ныне являются общепринятыми. Но его даты не соответствуют датам, известным из наших греческих источников, особенно в отношении ханов, живших во времена Копронима. Позже, чтобы добиться лучших результатов, Миккола внес в свою теорию одно или два исправления, но безрезультатно²⁰. Вопрос остался решенным неудовлетворительно, пока за работу над ним не принялся профессор Златарский.

Златарский сначала принял теорию Бури в измененной форме²¹, а затем²² поддержал первый ключ, предложенный Микколой: то есть согласился, что *somog* = крыса, первый год цикла; *shegor* = вол, второй; *beri* = волк, третий; *dvansh* = заяц, четвертый; *dilom* = змея, шестой; *tokh* = курица, десятый; *etkh* = собака, одиннадцатый; *dokhs* = свинья, двенадцатый. Месяцы: *alem*, первый; *vechem*, второй; *tutom*, четвертый; *altom*, шестой; *ekhtem*, восьмой; *tvirem*, девятый. Данные слова приво-

дили к одному или двум изменениям в тексте, например *tekuchitem* сокращалось до *etkh*. *Bekhti* Тудора Доксова должен был стать пятым месяцем. Однако Златарский внес два важных исправления в теорию Микколы и предыдущие теории. Во-первых, он вернулся к системе лунных лет; во-вторых, он начал отсчет новой эры от 680 г., когда болгары утвердились к югу от Дуная.

Подробное рассмотрение его аргументов затянуло бы наш обзор, поэтому здесь я могу только сказать, что его выводы представляются мне логичными и оправданными по своим результатам. Для отсчета времени до 680 г. он принимает эру циклов, начавшихся в год «Воплощения»: например, Авитокол начал править в лунном году, который является шестым годом цикла, в 150 г. солнечного календаря. На основании сведений Иоанна Никиусского мы можем датировать смерть Куврата примерно 642 г., то есть 662 г. по лунному календарю. Поэтому правление Безмера окончилось в 665 лунном году; и, если мы вычтем 515, как продолжительность правления пяти князей, то придем к 150 лунному году. Совпадение первого года цикла с рождением Христа кажется мне произвольным и весьма случайным. Хотя довольно любопытно, что 679 солнечный год (год «Вторжения») равен 700 лунному году — мистическому числу, и этот факт, конечно, привлек бы внимание греков. Златарский убедительно продемонстрировал, что «Именинник» должен был быть написан сначала на греческом языке, вероятно, вскоре после смерти Умора, и почти наверняка греком. Златарский также указывал, что продолжительность правлений рассчитана неточно, но с учетом порядка лет в цикле, на которые пришлось восхождение на трон и смерть правителя. Трудность возникает с вопросом о начале правления Испериха. Если Безмер правил три года, а его наследником являлся Исперих, то правление последнего началось бы не в году «*beri*»,

а в пятом году. Златарский решает эту проблему, идентифицируя Безмера с Баяном (Исперих, несомненно, Аспарух) и отделяя Испериха от Безмера на два года до смерти Безмера. Должно быть, это приблизительное решение, хотя лично я предпочитаю разделять Безмера и Баяна. Баян представляет истинно болгарское имя, и оно не очень похоже на имя Безмер. Кроме того, хронология, как мне представляется, требует введения поколения между Кувратом и Аспарухом.

С 680 г. начинается новый цикл. Здесь Златарский исходит от даты восхождения Телеца, которая нам известна благодаря Феофану: 761/762 г.²³ Наша интерпретация «Именинника» помещает это событие на ноябрь 761 г. Однако, согласно «Имениннику», период между Вторжением и правлением Телеца равен $23^{24} + 21 + 28 + 15 + 17 + 7$, то есть 111 лунным годам. Он является слишком длинным, и в этом кроется первая трудность. Поэтому мы должны отказаться от некоторых из указанных продолжительностей правлений как неточных. Кроме того, поскольку продолжительность «Именинника» противоречит его датировкам, в том виде, как мы интерпретируем их, то кажется очень разумным исправить продолжительность там, где она не совпадает с датами. Измеряя годы системой «Именинника», Златарский сокращает правление Тервеля до 17 лет, неизвестного князя — до 6, правление Севара увеличивает до 16, Кормисоша оставляет неизменным, а Винека уменьшает до 6, что в целом составило 85 лунных лет, то есть примерно 82 солнечных года, с 679 по 761 гг. После правления Телеца Златарский вставляет два года правления Савина, о существовании которого в это время нам сообщают греческие авторы. Таким образом, год правления Умора выпадает на «*dilom*», как это и указывается в «Имениннике». Без вставки времени правления Савина он пришелся бы на «*dvansh*».

Заключительные результаты Златарского, поэтому, следующие:

Авитокол начал править	в марте 146 г. ²⁵
Ирник	в марте 437 г.
Гостун	в сентябре 582 г.
Курт	в феврале 584 г.
Безмер	в апреле 642 г.
Исперих	в феврале 643 г.
(его отделение пришлось на	январь 645 г.)
Начало болгарской эры —	январь 680 г.
Тервель начал править	в декабре 701 г.
Неизвестный	в мае 718 г.
Севар	в январе 724 г.
Кормисош	в октябре 739 г.
Винек	в сентябре 756 г.
Телец	в ноябре 761 г.
(Савин	в октябре 764 г.)
Умор	в июле 766 г.

Эти результаты, естественно, не могут претендовать на абсолютную достоверность, но аргументы, которыми Златарский подкрепляет их, кажутся мне убеждающими.

Златарский показывает, что Тудор Доксов и его современники также высчитывали свои, иначе необъяснимые, даты посредством болгарской эры. Помещая год «Создания» на 5505 г. до н.э., они начинали болгарскую эру с А.М. 6185, но для отсчета дат после этого времени они использовали лунные годы. Таким образом, «Обращение Болгарии в христианскую веру» приходится на А.М. 6376 и 6377, но Тудор Доксов называет этот год как «on etkh bekhti». Теперь, $6376 - 6185 = 191$, который дает одиннадцатый год двенадцатилетнего цикла. Кроме того, как арифметически показал Златарский, пятый месяц 191 лунного года = солнечный год 184.62 к 184.71,

то есть относится к сентябрю 865 г. Златарский также попытался показать, что русский летописец, известный как Нестор, датировал императорские события с помощью той же самой системы, поскольку Нестор черпал свою информацию об империи из болгарских переводов. Но тогда как Златарский ясно дает понять, что Нестор использовал систему исчисления по лунному календарю, я не думаю, что Нестор действительно принял данную систему. Однако требуется внесение текстовых исправлений, чтобы создать подходящие примеры. Я думаю, что Нестор не сознавал запутанность болгарской хронологии и был просто сбит с толку. В качестве свидетельства его датировки имеют небольшую ценность.

Существует еще одно положение, которое заслуживает разъяснения. 515, продолжительность правлений пяти князей, от Авитокола до Безмера всегда воспринималось просто как время, которое болгары провели в Степях до первого передвижения племени под властью Аспаруха. Но крайне маловероятно, что в течение этого времени они пребывали в одном месте. Цифра 515 имеет другой смысл. Согласно хронологической системе Африкана, обычно использовавшейся в Константинополе, 680 г., первый год болгарской эры, = А. М. 6180. Но 6180 лет представляют 515 двенадцатилетних циклов. Греческий автор, зная о болгарской системе двенадцатилетних циклов, но не создавая, что в ней использовался лунный календарь, мог быть хорошо информирован булгарами, что прежде, чем они пересекли Дунай, прошло 515 циклов. 515 циклов были искажены в 515 лет, которые ради большего реализма были отнесены к правлению пяти болгарских ханов, чьи имена известны. Первые же два хана получили округленную, но длинную продолжительность правлений в 300 и 150 лет соответственно, так, чтобы мог быть создан общий расчет.

Хотя, как я показываю ниже, в случае с восхождением на трон Ирника существовало историческое оправдание.

Это обстоятельство еще раз подчеркивает большие трудности в понимании «Именинника», которые должен учитывать каждый переводчик. Почти определенно он был написан для булгар греческими рабами и объединял восточную систему датировки с идеями, основывавшимися неосведомленными греками на суеверии и случайном совпадении. Таким образом, простые теории интерпретации недостаточны, и только по этой причине схемы Бури обречены на неудачу²⁶.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ЭРНАХ И ИРНИК

Невозможно не удивиться сходству имени Ирник, второго князя в «Имениннике», с именем Эрнах или Эрнак, самого младшего и любимого сына Аттілы. Однако идентификация людей на основании сходства имен всегда ненадежна, особенно у полуварварских племен, у которых очень часто несколько отдельных имен происходят от одного общего корня. Хотя, с другой стороны, чрезвычайно редко случается так, что два разных человека носят одно и то же имя, как это бывает в более цивилизованном обществе.

Профессор Златарский полагает неправильным и бессмысленным добиваться подобной идентификации²⁷. Определенно, мы должны признать, что нам известно очень немного о судьбе Эрнаха после смерти Аттілы (453 г.). Приск только сообщает, что он со своим братом Денгисихом правил остатком империи Аттілы в Малой Скифии (современная Бессарабия), откуда они по обыкновению совершали набеги на Империю, и в ходе одного из таких набегов Денгисих был убит²⁸. Златарский указывает на следующие обстоятельства: (1) согласно «Имениннику», Ирник начал править в 437 г., а не в 453 г.;

(2) балканские булгары произошли от восточной ветви племени, от утигур, которые обитали на востоке от Дона; (3) если Эрнах является Ирником, то он и Аттила должны принадлежать к роду Дуло, несмотря на то что фактически мы нигде не слышим имени их рода, которое авторы должны были упомянуть в связи с ними.

Основные положения, приведенные Златарским, можно полагать бесспорными, но они, как мне представляется, не достаточно аргументированны. Положение первое и третье во многом абсурдны. Положение первое. Согласно «Имениннику», князь Ирник правил 150 лет и с нашей стороны слишком наивно предполагать, что дата его вступления на трон должна быть точной. Ошибка на шестнадцать лет в данных обстоятельствах является весьма простительной. Положение третье. Не существует причины, почему мы должны знать название рода Аттилы. В ходе смены поколений часто изменялись не только названия варварских семейств. Я полагаю, что аргумент можно считать убедительным, если бы мы определенно знали, что Аттила *не* принадлежал к роду Дуло. Положение второе представляет более сильные аргументы. Я без колебаний соглашаюсь с тем, что ядро царства Куврата составляли утигуры, но я думаю, что в него входили также оногундуры. Они стали тем остатком империи Аттилы, который сохранили Эрнах и его семья. Под гнетом аварского правления они или были насильственно перемещены в восточном направлении, или самостоятельно мигрировали в попытке бежать за границу аварского государства. Вероятно, Эрнах являлся одним из тех князей, которые возглавляли восстание булгар против аваров и, таким образом, приобрели власть в объединенном булгарском царстве. Местом расположения этого царства стала территория утигуров, и теперь булгары могли не опасаться угрозы нападения со стороны аваров. Данная теория, представляется мне,

не только соответствует аргументам Златарского, но также объясняет известность имени оногундуров, которое нельзя считать составным или производным, возникшим в результате неправильного употребления, но должно было означать определенное племя²⁹.

В этих обстоятельствах, особенно рассматривая примечательное сходство имен, было бы, конечно, излишне придирчиво с нашей стороны отказываться от идентификации Ирника с Эрнахом и не проследживать гениалогическую линию болгарского царского дома от Аттилы.

Возникает другой вопрос, нужно ли идентифицировать Аттилу с Авитоколом. Если Эрнах является Ирником, то вторая идентификация не очень важна. Лично я человек сомневающийся и расцениваю имя Авитокол, подобно имени Аттилы, как развившуюся форму имени Авит, тюркское обозначение предка, которое получило новое значение, когда библейские истории достигли Степей, и тюрки, хазары и гунны решили проследить свое происхождение от Яфета (Иафета)³⁰. (Кстати, венгерские авторы, разрабатывая версию об этом происхождении, отделяли Яфета от Аттилы тридцатью четырьмя поколениями³¹). Проистекающее же сходство имени князя с Аттилой, возможно, утвердило это родство достаточно крепко в умах болгар. В действительности я полагаю, что Авитокол являлся отдаленным предком болгарского царского дома, первым основателем рода. Мы должны помнить, что в нашей истории фигура Аттилы преувеличена, поскольку его деятельность была в основном направлена на завоевание Запада. Эрнах, чье правление являлось определенно восточным, возможно, даже проводил завоевательную политику на Востоке, о которой мы ничего не знаем, но, во всяком случае, мог быть фигурой более значительной, чем Аттила в восточной традиции.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ХРИСТИАНСТВО СРЕДИ СЛАВЯН ДО IX В.

Церковные авторы часто ставят в вину правительству в Константинополе то, что оно ждало начала IX в., чтобы благословить христианизацию балканских славян. Однако эти нападки являются необоснованными. В течение конца VI и VII вв. волны вторжений аваров, славян и болгар препятствовали периодической миссионерской деятельности, в то время как в течение VIII и начала IX вв. большой спор по вопросу о почитании икон в Византии исключил возможность ведения энергичной духовной политики за границей. Следовательно, за одним большим исключением, христианство распространилось среди балканских славян только благодаря локальному влиянию тех епархий, которые уцелели в тяжелых условиях.

Названия этих епархий можно найти в полуофициальных *notitiae*, списках, составленных Епифанием (VII в.), Василием (начало IX в.), в *notitia*, изданной де Боором (IX в.), списке, составленном Львом Мудрым (начало X в.), и в списках епископов, присутствовавших в различных советах. Дворник блестяще свел данные этих списков в таблицу³². Мы должны помнить, однако, что хотя *notitiae* являются источником довольно надежным — после того как сделаны соответствующие скидки на небрежность и ошибки со стороны копиистов, — отсутствие представителей епархий, которые должны были присутствовать в совете, не обязательно означает, что епархии были упразднены. Исследование этих списков может свидетельствовать, что по берегу Балканского полуострова в христианских городах жизнь не прерывалась, но, за исключением стороны Эгейского побережья, внутренние районы едва ли были христианскими. На побережье Черного моря все города к югу от Месем-

врии упоминаются в каждом списке, а к северу Одессос (Варна), очевидно, сохранялся в списках до начала IX в., когда город, без сомнения, захватили булгары; во внутренней части полуострова последняя епархия старых провинций Мезии, Маркианополь, существовал только в VII в., а затем был, возможно, разрушен булгарами. Еще дальше на юг Адрианополь оставался устойчивым центром христианства, так же как и Филиппополь вплоть до его аннексии булгарами в IX в. Сардика, однако, хотя и была занята императорскими силами до IX в., не упомянута в списках; вероятно, она являлась простым гарнизонным городом, для которого не характерна активная религиозная жизнь. Христианство проникло и на территории между Родопами и морем; в Македонии, которая подвергалась больше всего вторжениям, сохранились только большие города вблизи Фессалоники. Во внутренних греческих районах славянские племена оставались языческими, пока они не попали под сильный политический контроль империей в IX в. В целом все, что нам известно, — это славянские районы, которые находились под управлением империи, где местные епископства распространяли христианство; но на границах епархии не предпринималась миссионерская деятельность, христианство там поддерживалось благодаря нескольким христианским пленникам, находившихся при языческом дворе, например рабу Омуртага Кинаму.

Однако здесь существует одно исключение. В «De Administrando Imperio» (pp. 148–149, 159) Константин Багрянородный сообщает нам, что император Ираклий (610–641 гг.) вызвал из Рима священников, чтобы крестить хорватов и сербов, и достиг успеха. Данная история была подвергнута сомнению³³; однако нам она представляется совершенно правдоподобной. Ираклий в течение довольно длительного времени своего правления поддерживал прекрасные отношения с папством, а Иллирия

тогда все еще оставалась духовной областью Рима. Кроме того, он являлся энергичным правителем, который, очевидно, желал решить славянскую проблему. Константин соединяет обращение в христианскую веру с политическими деловыми отношениями Ираклия со славянами — признание им заселения славянами страны на условии признания ими его сюзеренитета. Константин определенно говорит правду, но он не отмечает, что успех Ираклия был довольно эфемерным. В предыдущей главе (написанной позже) Константин сообщает (р. 145), что хорваты просили о священниках из Рима в IX в., в то время как сербы не были полностью христианским народом до времени Кирилла и Мефодия. Наиболее разумным представляется предположение, что большая миссионерская деятельность Ираклия реализовывалась на практике, но была безрезультатной. Очевидно, что она не могла оказать мощного влияния на Балканском полуострове к востоку от Сербии.

Таким образом, распространение христианства среди балканских славян до IX в. ограничивалось практически теми славянами, которые находились под управлением империи, за исключением приграничной зоны, где греческие города оказывали свое влияние (и на северо-западе, в Латинской Далмации), и личными усилиями нескольких пленных рабов-христиан. Начиная со времени правления Ираклия, положение империи, и даже всего христианского мира, не позволяло вести обширную проповедь христианства на Балканах.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. БУЛГАРСКИЕ ТИТУЛЫ

Наше знание о нескольких болгарских титулах позволяет прояснить систему управления Первого Болгарского царства; хотя невозможно сделать на их основе определенные заключения, поскольку трудно сказать,

какие титулы представляли ведомства, а какие являлись простыми почетными званиями.

Во всех надписях правитель назван ханом или верховным ханом — $\kappa\acute{\alpha}\nu\alpha\varsigma$ или $\kappa\acute{\alpha}\nu\nu\alpha\varsigma$ с эпитетом $\acute{\upsilon}\beta\eta\gamma\eta$ или $\acute{\upsilon}\beta\eta\gamma\eta$ — слово, очевидно, куманского происхождения «öweghü» = высокий, известный³⁴. Надписи часто добавляют титул «ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων» («правитель от Бога»), вероятно, введенный греческими писцами, которые принимали во внимание необходимую для каждого князя характеристику. После введения христианства и славянского алфавита титул «хан» исчез, поскольку был заменен на титул «князь», а позже «царь».

Основной слой знати был представлен боярами (boyars) — $\beta\omicron\iota\lambda\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$ или $\beta\omicron\eta\lambda\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$, — название, которое стало общим для восточных славян. В X в. существовало три класса бояр — шесть великих бояр, внешних и внутренних бояр³⁵; в середине IX в. существовало двенадцать великих бояр³⁶. Великие бояре, вероятно, составляли доверенное правительство хана; внутренние бояре были, видимо, судейскими чиновниками, а внешние бояре — провинциальными чиновниками³⁷. Многие из тех личностей, которые упомянуты в надписях IX в., являлись боярами. Кавкан Исбул и багатур Цепя оба были боярами. Однако я склонен думать, что бояре были гражданскими чиновниками. Второй слой знати, вероятно, более низкий, составляли багаины (bagains). Насколько я догадываюсь, они представляли военную касту. Их имена появляются только в надписях, совокупно (Омуртаг в одном случае раздал своим боярам и багаинам подарки), или по отдельности, где они обычно соединялись с титулом «bagatur»³⁸. В дополнение к этим разрядам почти каждый булгарин был отмечен в надписях как $\theta\rho\epsilon\pi\tau\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$ (воспитанник) хана. $\theta\rho\epsilon\pi\tau\omicron\iota \acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\iota$ являлись, несомненно, сословием рыцарей, номинальными телохранителями хана³⁹.

Титул «багатур» (bagatur), — βαγατουρ или βογο-тор — несколько раз появляется в надписях, в то время как болгарский военачальник, который был разбит в Хорватии в 927 г., назван Константином ἀλογοβοτουρ, очевидно, ἀλο-βογοτουρ⁴⁰. Титул определенно связан с тюркским словом «bagatur», что в русском языке означает богатырь = герой. Этот титул, вероятно, представлял военный ранг. Приставка «alo» может означать «руководитель» или «голова» (Банг считает его равным тюркскому «alp, alur»)⁴¹ или просто имя собственное. Название «vaganur», обнаруженное в списке болгарских посланников в Константинополе в 869–870 гг. (см. ниже), очевидно, идентично слову «bagatur».

Титул «колоброс» (colobrus) — καλοβρός или κουλουβρός — встречается только в надписях и представляет, вероятно, название ранга, происходившего от тюркского «golaghuz», то есть руководитель⁴². Боярин Цепя был колобросом, а также багатуром.

Жупан (zhupan) один раз в надписях встречается как «ζουπάν» и «κοπάνος». В обоих случаях упоминается семья обладателя титула. У южных славян слово «жупан» означало главу племени, поэтому Успенский и Бури обоснованно полагают, что оно представляло главу одного из болгарских кланов⁴³.

Сампсес (sampses) — σαμψής — в надписи не встречается, но известно, что гостеприимец святого Климента в Плиске Эсхач был «σαμψής τὸ ἀξίωμα» («в достоинстве сампсеса»), двое из послов 869–870 гг. являлись сампсесами, а Симеон, шурина царя Симеона, посол в 927 г., был οὐσάμψος или οὐσάμψις, что, очевидно, представляет вариант написания титула⁴⁴. Возможно, титул сампсес был придворным.

Титул «tagkan», вероятно, свидетельствовал о высоком военном звании. Он был тюркским по происхождению: тюркский посол при дворе императора Юстина II

(примерно 570 г.) назывался «tagma», «ἄξιωμα δε αὐτῷ ταρχάν»⁴⁵. Онегавон, который утонул в реке Тиса, был тарканом; такой титул носил и жупан Оксун⁴⁶. Когда святой Климент прибыл в Белград, его приветствовал Боротиканус «τῷ τότε φυλάσσοντι» («через тогдашнего стражника»), «ὑποστράτηγος» («младший стратиг») хана Бориса⁴⁷. Имя Боротиканус, «Boroticanus», должно означать таркан Бориса. Положение обладателя данного титула было равным статусу стратега в империи, то есть носитель его являлся военным губернатором провинции. Поэтому я отваживаюсь предположить, что таркана можно приравнять к императорскому стратегу. Провинциальные наместники в Болгарском царстве — в правление Бориса их было десять — назывались греческими и латинскими авторами «графами»⁴⁸. Мы не можем сказать, является ли это слово переводом некоего болгарского титула, или болгары восприняли слово «κόμης» («комес»). В 927 г. посол Симеон — сампсес, шурин последнего царя — также носил титул «καλουτερκάνος». Поскольку в X в. любезные вопросы, которые должны были быть обращены к болгарским послам, касались здоровья «сыновей» их правителя, «ὁ κανάρτι κεῖνος» и «ὁ βουλίας тарκάνος»⁴⁹, то я полагаю, что, очевидно, мы должны приравнять καλουτερκάνος к καναρτικεῖνος. Оба «kalutarkan» и «bulias-tarkan» являлись офицерами во главе с тарканом, и эти должности, вероятно, предназначались для членов царской семьи. Титул «bulias» может быть связан со словом «боярин», но сама по себе эта идентификация не имеет значения.

Наиболее важным военным офицером царства был кавкан (kavkan). В правление Маламира кавкан Исбул, παλαιὸς βοῖλᾱς (старший боил) хана, стал, очевидно, вторым человеком в Болгарии после хана. Он построил для хана акведук на свои собственные средства и сопровождал хана в сражении, видимо, как главнокомандующий⁵⁰.

В 922 г. мы узнаем, что Симеона сопровождал его кавкан⁵¹. Столетием позже мы находим, что существовало два кавкана, некий Домитиан и его брат; но, возможно, они не обладали этим званием одновременно. Домитиан попал в плен к Василию II, а его брат вскоре изменил Болгарии. Домитиан являлся *συμπάρεδρος* (со-трапезник) царя Гавриила-Радомира⁵².

Титул «табар» («*tabare*»), или возможно, «ильтабар» («*iltabare*») (старотюркское *ältäbär*)⁵³, встречается только при упоминании о послах в 869–870 гг. Имя *Μηνικὸς* встречается больше, чем один раз. Симеон в 922 г. шел вместе «*ἄμα καυκάνω καὶ μηνικῶ*» («с кавканом и меником»). В 926 г. болгарские военачальники Книн, Имник и Ичбоклия вторглись в Сербию. В 927 г. в болгарское посольство, помимо Георгия Сурсувула и калутаркана Симеона, вошли царский родственник, Стефан, Маготин, Крон и Меник⁵⁴. Златарский считает, что Гемнек — это человеческое имя, но Меник — титул⁵⁵. Лично я полагаю, что первый отрывок необходимо читать как «*ἄμα καυκάνω Μηνικῶ*» («с кавканом Меником») — Меник, которого Константин неверно называл Гемнеком, являлся кавканом в то время. Другие имена, которые появляются в ходе истории Первого царства, как мы должны понимать, вследствие недостатка свидетельств, напротив, представляли имена собственные, а не титулы.

В связи с этими титулами несколько слов необходимо сказать относительно списка болгарских послов на совете 869–870 гг. в Константинополе, который дает Анастасий Библиотекарь. Согласно списку, это были «*stasiszerco borlas nesundicus vagantur il vestrannatabare praesti zisunas campsis et Alexius sampsi Hunno*»⁵⁶; «...*zerco borlas*» и «*nesundicus*» — очевидно, Кербул и Сундик, болгарские государственные деятели, которым римский папа Иоанн VIII написал письмо и которые изображены в Цивидэлском евангелии как Зергобул

и Сондок — «borlas» не является опечаткой «boëlas»⁵⁷; «vaganur» — это «bagatur», титул Сундика. «Il vestrannatabare», вероятно, означает «Vestranna iltabare». «Campsis» и «sampi» — это, очевидно, «sampses». Таким образом, мы должны читать список следующим образом: «Стасис, Кербул, Сундик — багатуры, Вестранн — ильтабар, Престицисун — сампсес, Алексей Гунн — сампсес». Гунн, вероятно, фамилия. Златарский идентифицирует Стасиса с Петром, а Престицисуна с болгарским именем «Пресий» или «Прусиан». Последнюю идентификацию можно считать правдоподобной, но тот факт, что Петр часто фигурирует как главный посол Бориса в отношении с церковными властями, не обязательно подразумевает, что он должен носить имя Стасис.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. ВЕЛИКОЕ ЗАГРАЖДЕНИЕ ФРАКИИ

Великая линия земляных укреплений⁵⁸, которая простирается в ширину по северной границе Фракии от Девельта до Макроливады, и все еще в основной своей части сохранившаяся, ставит перед историками проблему датировки ее строительства. То, что она была создана булгарами, мы знаем из данных нарративных и археологических источников, и это соответствует исторической правдоподобности. Мы знаем, что ее должны были построить где-то между «Вторжением» в 679 г. и «Обращением в христианство» в 865 г.

Линия Заграждения пролегает приблизительно по черте, которая известна из болгарско-императорских соглашений как Мелеонская граница. Эта граница вначале определялась Булгарией в соответствии с соглашением между Тервелем и Феодосием III в 716 г.; и она была, вероятно, подтверждена соглашением Кормисоша

с Константином V⁵⁹. Златарский датировал постройку Заграждения временем соглашения Тервела⁶⁰, Шкорпил — соглашением Кормисоша⁶¹. Оба предположения являются вероятными, но, как указал Бури⁶², они не объясняют пункт договора Омуртага и Льва V в 815 г. Данный договор, зафиксированный в надписи из Сулейман-Кени, подтверждал линию Мелеонской границы (возможно, с изменениями в одном или двух местах), а во втором пункте достигалась некая договоренность о различных районах на линии границы, что необходимо сделать «ἕως ἐκεῖ γέγονεν ἡ ὁροθεσία», то есть «до того, как граница не будет установлена». Добавляя слова «'Απολείψειν» («покидать») и «φρούρια» («сторожевые посты») в двух сомнительных местах — чтение, которое мне представляется более убедительным, чем предложенное Златарским⁶³, — Бури показал, что императорские отряды должны были убрать пограничные укрепления, пока будет проводиться пограничная линия. Это может означать только, что реальное строительство уже должно было быть начато на границе — то есть строился вал. Эта работа, определенно, нуждалась в пассивном сотрудничестве со стороны императорских пограничных гарнизонов, которые, если бы захотели, могли помешать ей и разрушить все. Поэтому на некоторое время они, вероятно, были отозваны.

Блестящие аргументы Бури, как я полагаю, являются убедительными, в отличие от примера, данного Златарским, слова «ὁροθεσία» («граница»), использовавшегося в другом значении, — «ἡ τῶν λ' χρόνων ὁροθεσία» («граница 30-ти лет») в письме восточных Синодов к Феофилу (р. 368), очевидно, означая линию границы, установленную на тридцать лет, — и не влияющего на очевидное использование слова «ὁροθεσία» здесь. В действительности я не считаю, что данная фраза в соглаше-

нии допускает любой другой перевод, кроме предложенного Бури, и поэтому соглашаюсь с его заключениями.

Определенно трудно понять, когда болгары располагали временем, чтобы завершить столь обширную работу, кроме как после мира Омуртага, гарантировавшего безопасность. Кроме того, если Мелеонская граница уже была прикрыта линией земляных укреплений, то странно, что линия пролегания границы, установленной соглашением с Омуртагом и повторявшей линию Заграждения, должна была так тщательно оговариваться, когда Заграждение уже стояло на давнишней линии границы. Также странно (хотя оспаривать *a silentio* в известной мере опасно), что мы ничего не слышим о Заграждении во время походов Копронима, если оно уже существовало к тому времени. Фактически греческие историки не упоминают о нем до времени правления Никифора Фоки. Однако, судя по небольшому свидетельству, которым мы располагаем, императорские вторжения в конце IX и начале X вв., видимо, проходили по приморским маршрутам.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. УСПЕШНЫЙ ПОХОД ИМПЕРАТОРА ЛЬВА АРМЯНИНА

Историки не желают поверить сведениям даже об одном успешном походе Льва V — его кампании около Месемврии в 813 г. Об этом походе сообщают только Генезий, Продолжатель Феофана и более поздние хроники, основывающиеся на данных первых двух авторов; его описание в книге Продолжателя представляется наиболее детальным. Феофан, Неизвестный автор, биограф Никифора Игнатий и Георгий Амартола, четыре очевидца или почти современники того события, не упоминают о нем ничего. Их молчание убедило Гирша и других современных авторов, что история об этом походе — миф,

изобретенный источником, которым пользовались Генезий и Продолжатель, чтобы объяснить название места «Βουνὸς Λέοντος» — холм Льва⁶⁴.

Однако, как указал Бури⁶⁵, Феофан окончил свою хронику временем захвата Адрианополя, который произошёл, несомненно, до этой кампании; Георгий Амартола никогда не интересовался внешними отношениями. Поскольку все они были столь яростными противниками иконоборцев и поэтому так ненавидели Льва, их молчание о столь похвальном для него событии легко можно понять. Особенно злобно настроены против него Игнатий и Неизвестный автор. С другой стороны, детальное описание у Продолжателя Феофана не выглядит как выдумка более позднего времени.

Златарский считает кампанию реальным событием, но полагает, что действия происходили в Бурдизе (Эски-Баба) во Фракии, а не около Месемврии, и датирует ее временем после смерти Крума. Он выдвигает следующие доводы: (1) только Продолжатель упоминает точное географическое место в связи с кампанией, и все описания подразумевают, что она происходила на императорской территории; (2) даже Продолжатель сообщает, что кампания имела место на территории империи; (3) Месемврия и ее округа были захвачены Крумом в 512 г.; (4) едва ли Лев и его армия могли бы достигнуть Месемврии так быстро, если незадолго до того отряды находились в Аркадиуполе⁶⁶.

Эти возражения зависят от предположения, что Месемврия находилась в руках болгар. Однако свидетельств, что Крум оставил какой-то гарнизон в Месемврии после его захвата, нет; он, видимо, просто разрушил и оставил ее, что было его обычной практикой в отношении вражеской крепости, например Адрианополя. Всякий раз, когда Месемврия вновь появляется в истории, она является императорским городом⁶⁷. Более

того, береговая линия Бургасского залива не была полностью уступлена Болгарии до времени регентства Феодоры⁶⁸. Месемврия являлась очень важным городом для сторонников активной внешней политики которые, несомненно, должны были предпринять немедленную попытку возвратить ее. Поход Льва, очевидно, ставил перед собой эту цель, а также полагал необходимым нападение на Болгарию с фланга; войска были, конечно, перевезены морем, и если погода благоприятствовала, то эти перевозки могли быть совершены чрезвычайно быстро. Кроме того, войска, действующие из Месемврии как оперативной базы, находились в тесном контакте с Константинополем по морю и, таким образом, ни в чем не испытывали нехватки, тогда как земли сельской местности, разоренной Крумом в предыдущем году и, вероятно, оставшейся необработанной в это время, не могли произвести никаких припасов, чтобы прокормить болгарскую армию. Поэтому я полагаю, что возражения Златарского можно легко принять и не стоит улучшать уже весьма убедительное описание Продолжателя. Наиболее вероятной датой похода Льва является осень 813 г., до смерти Крума. Однако едва ли возможно, что этот поход был той успешной кампанией, которую обещал Льву Савватий в следующем году; но история, видимо, показывает, что кампания не состоялась⁶⁹.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8. МАЛАМИР И ПРЕСИЙ

По мнению двух больших авторитетов в области болгарской истории IX в., Златарского и Бури, война велась в течение всего правления хана Маламира. Согласно Бури, который развил далее теорию, выдвинутую Иричем, Маламир правил с момента смерти Омуртага примерно с 831/2 по 852 гг. (вступление на престол Бориса), и также имел болгарское имя Пресий, от которого

впоследствии отказался. Златарский же считал, что он правил с 831 по 836 гг., и ему наследовал племянник Пресий, правивший до 852 г.⁷⁰

То, что Маламир был реальным человеком, мы знаем не только из надписей, но также из описания Феофилакта Охридского, единственного историка, который сделал попытку дать связанное описание правлений и родства ханов из семьи Крума; он определенно цитировал некий более древний источник, который ныне утрачен. Он сообщает, что Омуртаг имел трех сыновей, Энравота, Звиница и Маламира (Μαλλομηρός); Маламир наследовал своему отцу, а ему — его племянник, сын Звиницы; несколькими строками ниже второго параграфа он говорит о болгарском хане как «ὀρίθης Βωρίσης»⁷¹ — фраза, которую обычно исправляют на «ὁ ῥήθεις Βωρίσης» («названный Борисом»). Маламир также упомянут как Балдимер, или Владимир, в описании, данном об адрианопольских изгнанниках Логофетом; несколькими строками ниже он внезапно упоминает Михаила (Бориса) в качестве хана. Но все сведения Логофета являются туманными; Балдимер упоминается отцом Симеона⁷².

Это свидетельство не создает трудностей в предположении, что Маламир был преемником Омуртага и предшественником Бориса. Однако в надписи⁷³, найденной в Филиппах, говорится о некоем «ἄνος ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων» («...ан, правитель от Бога»), который упомянут наряду с кавканом Исбулом; Константин Багрянородный сообщает, с очень большей тревогой, о «Πρεσιᾶμ ὁ ἀρχὼν Βουλγαρίας» («Пресиаме, правителе болгар»), который воевал с сербами примерно в 840 г. Борис-Михаил был, как он указывает, сыном Пресия⁷⁴. Пресия, или, более вероятно, Пресиана или Прусиана (известное болгарское имя)⁷⁵, видимо, поэтому можно считать определенным ханом, — (Πρεσι)ἄνος в надписи из Филипп.

На основании этого свидетельства Бури и Златарский сформировали каждый свою теорию и подкрепили свои взгляды собственной интерпретацией надписи из Шумлы, в которой упоминается имя Маламира. Златарский отклонил прочтение «ὁ ῥηθείς» у Феофилакта, говоря о том, что, поскольку имя Бориса еще не было упомянуто, то он не может быть «ῥηθείς» («названным»); Маламиру, определенно, наследовал его племянник, но это был Пресий, в то время, как говорит Константин, Борис являлся сыном Пресия. Он внезапно вводит имя Михаила в историю о Кордиле в 835–836 гг., чтобы указать на смену ханов, произошедшую в то время, поэтому Михаил упомянут по ошибке вместо Пресия. С помощью надписи из Шумлы Златарский, таким образом, создал фигуру хана Пресия, который вступил на трон в 836 г.

Бури, однако, принял чтение «ὁ ῥηθείς». Действительно, Златарский не предложил адекватной замены ему, и то, что он не доволен тем, что данное имя не упомянуто, ставит под сомнение его теорию. Бури полагал странным, что Феофилакт совершенно игнорирует правление, продолжавшееся примерно шестнадцать лет, — годы, на которые, вероятно, пришелся подъем христианства в Болгарии, — и что было сделано столь многое из правления в пять лет, или самое большое десять лет (Омуртаг мог умереть в любое время после 827 г.). Он разумно усомнился в ценности каких-то аргументов, основанных на сведениях Логофета. Бури также не согласился с интерпретацией Златарским надписи из Шумлы. Он предположил, что Маламир имел имя Пресия, а титул хана и славянское имя Маламир он принял примерно в 847 г., вскоре после того, как была вырезана надпись из Шумлы, которая, как он согласился со Златарским, датируется приблизительно этим временем. Бури объяснил описание, данное Константином, родственных отношений

хана тем, что Борис был усыновлен Пресиём-Маламиром.

Златарский ответил на теорию Бури, повторив свою точку зрения и указав на слабость хронологических расчетов Бури. Пресий, по мнению Бури, должны был поменять свое имя в период между созданием надписей из Филиппи и Шумлы, то есть в 847 г.; все надписи, содержащие имя Маламир, должны датироваться коротким периодом 847–852 гг.⁷⁶ В этом он, однако, несправедлив, поскольку считает, что правление Маламира длилось только пять лет. Также трудно поверить Бури, что какой-то хан мог принять «официальное» имя в середине своего правления.

Но главный спор идет по поводу текста надписи из Шумлы⁷⁷. Этот текст, написанный (с чем согласны оба историка) примерно в 847 г., сообщает о вторжении во Фракию хана вместе с кавканом Исбулом. После упоминания «Κρούμος ὁ παῖππα μου» («Крума, моего деда») и того, как «мой отец Омуртаг» заключил мир с греками и жил хорошо (καλά) с ними, продолжает (строка четыре, в середине)

- (4) καὶ οἱ Γρίκοι ἐρήμωσα
 (5) ὁ Μαλαμῖρ μετ(ὰ) τοῦ καυχάνου 'Ησβούλου ἐπ
 (6) ... (αλα) ... (εἰς) τοὺς Γρίκοὺς τοῦ προβάτου το κασ
 (греки разорили?
 Маламир с кавканом Исбулом...
 ...(к) грекам барана...)

и затем сообщает, очевидно, о военных действиях, упоминая Исбула вновь в девятой строке с удаленного начального отрывка в строке. Златарский употребляет ἔπαρχε (властвовал) как последнее слово в пятой строке. В начале шестой строки он говорит, что после «αλα» он может прочитать «ε ... ιοεῖς» и заполняет лакуну фра-

зой «καλὰ ἔζησε εἰς» («хорошо жил с»). Поэтому можно предположить, что Маламир также соблюдал мир с греками, а военные действия проводил другой хан, то есть Пресий. В факсимиле надписи в Альбоме «Абоба-Плиска» (pl. xlv) ясно видимы αλα и εἰς (знак «ε» может также представлять «καὶ» (и)). Но, если остальная часть букв, которые увидел Златарский, является правильной, то они должны, определенно, заканчиваться иначе. Я думаю, возражения Бури остаются в силе: (1) фраза «καλὰ ἔζησε» Маламира предшествовала бы «οἱ Γρίκοι ἐρήμωσαν» («греки разорили»), которая указывает на начало войны. (2) καλὰ ἔζησε не имеет смысла вместе со словами, которые идут далее; исправление их Златарским представляется неубедительным. (3) Упоминание об Исбуле явно подразумевает военные действия. Все это, вместе с ссылкой на Крума как деда хана и Омуртага как отца хана, видимо, определенно свидетельствует, что надпись была сделана Маламиром.

По этой причине и по доводам Бури, приведенным выше, я не разделяю мнение Златарского о хане Пресии, правившем с 836 по 852 гг. Существует и другая причина, на основании которой можно подвергнуть сомнению его теорию. Исбул, построив для Маламира акведук, назван ὁ παλαιὸς αὐτοῦ βοῖλᾶς (его старший боил), так что, возможно, он был старым человеком, вероятно, самым старым из бояр. Но, согласно Златарскому, акведук был построен до 836 г.; но с 847 г. Исбул провел более, чем одну кампанию. Я полагаю, что ему позволили уйти в отставку, когда он уже был «παλαιός» («старым») и не было необходимости активно служить еще десять лет.

Но я также сомневаюсь, что хан Пресий принял официальное славянское имя Маламир. Обычно правители не изменяли своих имен в середине правления, кроме тех случаев, когда, подобно Борису, они принимали

новую религию. Этот жест в отношении к славянским подданным со стороны хана выглядит неубедительно. Свидетельство того, что существовал какой-то хан по имени Пресий, представляется мне слабовероятным. Надпись из Филипп небольшая; существуют и другие слова, которые заканчиваются на $-\alpha\nu\omicron\varsigma$, помимо имени Пресиан (Presianos); имя собственное не всегда непосредственно предшествует фразе «ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων». Оно могло быть орфографически неверным написанием слова « $\kappa\acute{\alpha}\nu\alpha\varsigma$ » (хан). Свидетельство Константина более важно. Оно находится в полном расхождении с данными Феофилакта, который никогда не упоминает о Пресии. В данном случае Константин писал о сербской истории на основе сербских источников; он никогда не соотносил эти параграфы с какой-либо работой по болгарской истории, поскольку просто игнорировал данный вопрос. Сербь, пока еще будучи отсталым народом, могли принять блестящего болгарского военачальника за самого князя, и к тому же поражение князя от сербов звучало гораздо более внушительно. Кроме того, когда следующий князь вторгся на сербскую территорию, они естественно должны были предположить, что он являлся сыном прежнего захватчика. Присутствие имени Исбула на обеих военных надписях подразумевают, что сам Маламир не был военачальником своей армии, вероятно, фактически он даже не сопровождал ее. Я считаю маловероятным, что он должен был потратить три года на проведение кампании в Сербии. Он не оставил сына при полигамном дворе, а его здоровье, возможно, было слабым. Я полагаю, что Пресий являлся высоким военным чиновником в царстве, отпрыском, вероятно, царского рода, но царскую корону и статус царевича он получил только благодаря воображению сербов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9. КИРИЛЛИЦА И ГЛАГОЛИЦА

Самые ранние славянские рукописи не были написаны одним алфавитом: некоторые используют кириллицу, на которой основываются сегодня все алфавиты православных славян, а другие — более сложный шрифт, известный как глаголица и ныне встречающийся только в нескольких труднодоступных селах в Хорватии. В науке часто поднимался вопрос, какой алфавит был ранним и какой был разработан святым Кириллом.

Профессор Миннс показал⁷⁸, что святой Кирилл, из игры слов на опечатку в еврейской версии книги Исаяи, должен был знать еврейский язык, при этом предшествующую попытку Сноя доказать, что Кирилл знал коптский язык, следует полагать неудачной⁷⁹. Если он знал еврейский, то легко понять, какой алфавит послужил источником для создания кириллицы, поскольку греческий алфавит не был использован, за единственным исключением нескольких гласных звуков, которые стали произвольным изобретением автора алфавита. Поэтому представляется неразумным предположение, что Кирилл не придумывал кириллицу. Но в целом вопрос становится еще более трудноразрешимым, если предположить, основываясь на данных о палимпсестах, что глаголица должна была быть создана раньше кириллицы, и серьезными и до некоторой степени неуместными являются стремления взглянуть на кириллицу как на дальнейшее развитие греческого, латинского алфавита или рунического письма⁸⁰, а не как на вопрос об определенном и произвольном создании алфавита. Старшинство глаголицы также утверждалось одним параграфом в манускрипте «Жизнеописания святого Климента»⁸¹, в котором сказано, что Климент изобрел алфавит, отличный от того, что придумал святой Кирилл. Это говорит о том,

что Климент изобрел кириллицу. Однако подлинность этого параграфа крайне сомнительна.

Рассмотрим исторические свидетельства. Когда моравы попросили об учителе, император отправил к ним Кирилла, после чего в течение короткого времени святой, очевидно, перевел одно из Евангелий и стал проповедником, помимо изобретения алфавита. Однако версия Библии, принадлежащая Кириллу, была написана, как теперь считается, на диалекте македонских славян, и оба алфавита, кириллица и глаголица, были приспособлены к требованиям этого диалекта. Единственным возможным заключением, к которому можно прийти, является то, что Кирилл был предприимчивым филологом, который экспериментировал в использовании славянского языка уже на своей родине в Фессалониках и развил для этого кириллицу. Когда он прибыл в Моравию, то обнаружил, что алфавит, столь близко родственный греческому, вызвал мощное неприятие, поэтому он скрыл черты сходства, полностью изменив большинство греческих букв, но сохранив большинство изобретенных им букв, и упорядочил его в систему, отличавшуюся смутным единообразием со свободной буквенной графикой⁸². На основании этого представляется вероятным, что императорское правительство планировало с помощью Кирилла проповедовать христианскую веру балканским славянам и булгарам, вероятно, так же как их собственным подданным, когда неожиданные события призвали великого отца-миссионера отправиться в иные страны и изменили всю ситуацию⁸³.

В Болгарии, в основном в районах Охрида и Рила, найдены рукописи, написанные глаголицей и датированные до XIII в. Почти несомненно, что Климент принес с собой этот алфавит из Моравии; и если во вставке в манускрипте из Атосы содержится правда, то она относится не к факту изобретения им кириллицы, а к его

введению алфавита, отличавшегося от того, который местные жители знали как алфавит Кирилла. Булгары, обучавшиеся в славянских школах Константинополя, однако, очевидно, использовали кириллицу. Кириллица стала официальным алфавитом, использовавшимся в Преславе⁸⁴ — трактат Храбра, видимо, относит к нему, а не к другому алфавиту, — и который из-за своей большей простоты и пригодности вытеснил глаголицу — алфавит, единственной заслугой которого стало то, что он соответствовал политическому кризису.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10. ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЛАН ЖЕНИТЬБЫ СИМЕОНА

В ходе второй войны Симеона с Империей мы узнаем о его намерении жениться, чтобы соединить свой род с императорским. Единственные два упоминания об этих планах неопределенны, но они свидетельствуют, что это был, очевидно, вопрос большой важности. Евтихий Александрийский, составивший несколькими годами позже описание несовершеннолетнего Константина VII, усмотрел причину объявления Симеоном войны в отказе императора, за которого правила его мать Зоя, разрешить своей сестре выйти замуж за сына болгарского монарха, как желал Симеон⁸⁵. Зимой 920/921 гг., когда Роман сидел на троне, Николай написал Симеону, напоминая ему, что он искал прежде брачного альянса с императором, но императорское правительство в то время отказалось от этого. Теперь, как он считал, такой союз был возможен: Роман желал женить или императорского наследника на болгарской княжне, или наоборот. Николай особо акцентировал, что теперь Симеон мог исполнить свое желание. Однако Симеон, очевидно, проигнорировал данное предложение. В своем ответе он потребовал смещения Романа⁸⁶.

Евтихий был, без сомнения, дезинформирован относительно имен тех, кто должен был вступить в брак. Единственной сестрой Константина, которая не умерла в детстве, была его единокровная сестра Августа Анна, родившаяся задолго до 892 г., которую Лев короновал как императрицу после смерти ее матери и которую он предложил в 898 г. в жены Людовику Прованскому. Этот брак не состоялся, но более мы ничего не слышим об Анне. Данное молчание, учитывая важность в то время каждого живого члена императорской семьи, говорит нам о том, что она вскоре умерла. Едва ли возможно, чтобы принцесса стала объектом энергичных матримониальных предложений Симеона. Но кроме нее, возможно, в императорской семье был только один неженатый человек, живший в 913–919 гг., — сам император.

Целью Симеона должна была поэтому стать женитьба молодого императора на одной из его дочерей. Это выглядело более убедительно; как тесть императора он находился бы в позиции, с которой можно было бы достигнуть императорского трона так же, как сумел это сделать Роман. И это объяснило бы, почему он посмотрел свысока на предложения Николая в 920/21 гг. Тогда уже было слишком поздно: Константин женился на Елене Лакапине, и ее отец был императором. Симеон мог только сердито потребовать, чтобы Роман отрекся от престола.

Нам интересно, когда Симеон выдвинул свое предложение. Очевидно, причиной для него стал беседа с Николаем в августе 914 г.; вероятно, предложение Симеона было благоприятно воспринято, и брак был ему обещан. Николай, желая мира, скорее, приветствовал бы, чем отклонил такой союз. Однако Зоя, мать императора, очевидно, придерживалась других взглядов. Ее приход к власти стал поэтому для Симеона оправданием за возвращение к оружию. Это объясняет и молчание Нико-

лая по этому вопросу, пока он еще не стал делом прошлого; учитывая собственное обещание патриарха, отказ правительства, которому он служил и поддерживал, должен был смутить его, чтобы вновь обратиться к вопросу о женитьбе. В этом, как я полагаю, и состоит значение ссылок на брак. Симеон планировал взойти на императорский трон благодаря бракосочетанию своей дочери с тем, кто его занимал; и Николай практически обещал способствовать ему в этом. Только материнская любовь Зои и тот факт, что та же самая идея пришла на ум великому адмиралу, спасли императора и империю.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11. МИР 927 Г. И ТИТУЛ ПЕТРА

Мы знаем, что по условиям мира 927 г. императорское правительство согласилось признать за Петром Болгарским титул императора (*βασιλεύς*); Лиутпранд Кремонский был проинформирован об этом императорской канцелярией, когда он пожаловался на первенство, отданное болгарскому посольству⁸⁷. Мы особенно отмечаем, что Мария Лакапина радовалась тому, что вышла замуж за императора⁸⁸. В этом вопросе мы не встречаем трудностей, как и в параграфе трактата «*De Ceremoniis*». Там среди процедур, которые использовались при приеме иностранных послов, присутствует одна, которая относится к «духовному внуку императора (*πνευματικὸς ἑγγονος*), князю (*Ἄρχων*) Булгарии», и нет ни одного упоминания о болгарском монархе как басилее. Немного ниже, среди формулировок, которые император должен был использовать в письмах к иностранным властителям, фигурирует следующая — от «Константина и Романа, императоров, к архонту Булгар». Она сопровождается замечанием, что «недавно было написано» («*τὸ ἀρτίως γραφόμενον*») «Константин и Роман к их духовному сыну императору Булгарии» («*τὸν κύριον ὁ δεῖνα βασιλέα*

Βουλγαρίας)⁸⁹. В первой из этих форм обращения имена императоров, несомненно, были вставлены — они относятся к Константину Багрянородному и Роману II, которые фактически использовали только вторую форму. Но фразу «духовный внук» нельзя легко объяснить. Если принимать во внимание земные поколения, то эпитет «духовный» является неуместным; значит за словом «внук» должно стоять какое-то иное значение.

Бури⁹⁰ предложил, что монархами, связанными данными отношениями, были Лев VI и Симеон, сын Бориса, крестник императора. Но крестным отцом Бориса был Михаил III. Почему же необходимо принимать во внимание поколения с болгарской стороны, а не императорской? Рэмбо⁹¹ нашел ответ на этот вопрос, рассматривая кровное родство: Петр был внуком, через свою жену, Романа Лакапина. Императорский титул был или дарован ему после падения Романа, или Роман должен был лишиться его титула. Рэмбо, я думаю, прав, настаивая на аспекте родственных отношений, и возможно, что Роман забрал титул у Петра, сообщая тем самым о своем недовольстве, или, во всяком случае, он разработал форму обращения, если пожелал так поступить. Однако, на основании того факта, что не существовало процедуры приема, при которой Петр назывался бы басилеем, я склонен думать, что форма «духовный внук» — это соединение двух форм, одна означает «духовный сын архонт», а другая — «духовный внук базилей». Путаница лишь свидетельствует, что придворные Византии, которые были обычно столь пунктуальны, не расценивали серьезно присвоение императорского титула любым монархом вне Империи и относились к этому с презрительной небрежностью; они никогда не беспокоились на приемах и не обращали внимание на данный вопрос, за исключением тех моментов, когда желали проучить важных послов западных правителей, выскочек.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12. ХРОНОЛОГИЯ БУЛГАРСКИХ ВОЙН ИМПЕРАТОРА НИКИФОРА ФОКИ

Постоянные попытки историков соотнести описания болгарских войн Никифора Фоки Львом Диаконом и Скилицей, которые вместе с Нестором являются единственными фундаментальными источниками для нас, часто запутывают ее хронологию. Фактически каждый летописец имеет дело главным образом с отдельными событиями. Согласно Льву Диакону, болгарское посольство с требованием дани прибыло в Константинополь вскоре после триумфального возвращения Никифора из Тарса (это произошло в октябре 965 г.). Никифор, доводя свой отказ до логического конца, произвел демонстрацию силы на границе и захватил один или два форта; однако он не отважился на серьезный поход против Болгарии. В это же время он начал дипломатическую интригу с русами, которую продолжал поддерживать в дальнейшем⁹². Затем Лев Диакон возвращается к главному событию правления императора — восточным походам. Позже, после того, как русы вторглись в Болгарию (в 967 г. согласно Нестору), он направил посольство в Болгарию с предложением о заключении брака одной из болгарских княжен с молодым императором, и болгары просили об императорской помощи против русов. Никифор, однако, отправился на Восток, а по возвращении был убит⁹³. У Скилицы, который при описании правления Никифора явно использует некий независимый, но утерянный для нас источник, мы сначала встречаем параграф с сообщением, что Петр после смерти своей жены направил посольство ради возобновления мира и передавал императору своих сыновей в качестве заложников; затем он сообщает о смерти Петра и Комитопулов. Эта часть, определенно, является вставкой⁹⁴.

Позже мы узнаем о том, что в июне 967 г. Никифор выразил свое недовольство болгарскому правительству тем, что оно разрешило венгерским захватчикам пройти через территорию Болгарию к границам империи; в это же время он выступил на границу (к Великому Заграждению) и изучил возможности оборонительных сооружений городов Фракии. Вскоре после этого в августе 968 г. (11 индикт) в Болгарию вторглись русы — здесь Скилица вставляет описание миссии Калокира — в следующем году они вторглись вновь⁹⁵.

Из другого источника (Liudprand. Legatio, p. 185), однако, мы знаем, что в Константинополе в июне 968 г. побывало болгарское посольство. Это событие должно было произойти после вторжения русов, поэтому дата, указанная Нестором, в большей мере, чем дата Скилицы, является правильной. Вторжение, без сомнения, продолжалось в сентябре 967 г., то есть 11 индикта; у Скилицы индикты запутаны.

Ключ к правильному пониманию хронологии событий находится в том факте, который ни Лев, ни Скилица самостоятельно не проясняют, что Никифор дважды объявлял войну: в 965 г. он был разъярен требованиями болгар, а в 967 г. он просто искал предлога, чтобы оправдать обращение к русам. Сведя данные в таблицу, последовательность событий предстает в следующем виде:

965 г. (после октября): болгарское посольство в Константинополе требует дани (Лев). Это случилось как раз после смерти царицы (Скилица).

966 г. (начало весны): Никифор вторгается в Южную Болгарию (Лев).

(вскоре после): Петр просит о мире и посылает своих сыновей в качестве заложников (Скилица).

966 г. (в течение года): Калокир ведет интриги с русами (Лев и Скилица).

- 967 г. (июнь): русы согласны, Никифор ищет повод для ссоры с булгарами и укрепляет границу своего государства, чтобы русы не проникли слишком далеко (Скилица).
- 967 г. (август): русы вторгаются в Болгарию (Нестор, Скилица и Лев). Петр болеет (Лев).
- 968 г. (конец весны): возобновление вторжения русов (Скилица — на год позже предыдущего вторжения).
- (июнь): болгарское посольство в Константинополе (Лиудпранд). Оно ничего не добилося.
- 969 г. (январь): смерть Петра.
- (в течение года): предательство Калокира становится очевидным.
- (осень): Никифор направляет посольство в Болгарию, предлагая идею брачного альянса. Это происходит примерно одновременно с захватом Антиохии, то есть в октябре 969 г. (Лев). Новое вторжение русов (Нестор и Лев).
- (декабрь): смерть Никифора.

С этого времени определение хронологии событий не представляет больших трудностей, и мы можем без помех читать о войнах, в которых было сокрушено Первое Болгарское царство.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Единственным большим недостатком данной книги является отсутствие карт.

² Proceedings of the British Academy, Vol.VIII, 1917–1918, p. 529. Я передаю русскую букву «е» после смягчающего согласного скорее как «ie», чем просто «е», и перевожу букву «ять» как «ie», нежели «ê». Апострофы и ударения, хотя являются необходимыми для соблюдения фонетической правильности, могут только затруднить восприятие текста обычным читателем. Я транслитерирую носовую «а», которую болгары унаследовали от старославянского, как «â». Я также разделяю ряды согласных звуков, которые болгары соединяют вместе только с твердым знаком, буквой «и», как в самом имени Болгария. Твердый знак в болгарском имеет большее качество гласного, чем в русском языке.

³ Я непоследовательно использую имя Куврат — по-гречески Круват или Кроват, а по-болгарски Курт. Форма Куврат не имеет лучшего оправдания кроме того, что сейчас в основном используется именно она. Я использую греческую форму имени Аспарух, поскольку она наиболее хорошо известна из истории греческих летописцев.

⁴ При открытии первоначальных славянских форм в греческих текстах я полагался в основном на суждения профессора Златарского. В большинстве случаев это просто: так, 'Ιβᾱτζης для болгар, очевидно, была Иваца.

⁵ Понятие «Византия» является, я думаю, правильным для описания цивилизации Империи, но ее население осознавало

свое государство как наследницу вселенской Римской империи, и ни в коем случае она не была локальной империей.

Книга I. Дети гуннов

Глава 1. Пять сыновей царя Куврата

¹ Theophanes, p. 546–549; Nicephorus, p. 33–35.

² Jordanes. *Getica*. P. 89.

³ Joannes Antiochenus. *Fragmenta*, p. 619.

⁴ Marcellinus Comes. *Chronica Minora*, p. 94, 95, 96. Марцеллин называет их скифами под 493 г., но булгарами под 499 и 502 гг., «обычное племя булгар». Феофан (p. 222), писавший несколькими веками позже, упоминает только набег 502 г., считая его первым появлением булгар в истории.

⁵ Cassiodorus, p. 160.

⁶ Marcellinus Comes, p. 96; Jordanes. *Romana*, 46; *Getica*, p. 125; Ennodius, p. 210, 211.

⁷ Малала (p. 402) называет союзников Виталиана как *πλῆθος Οὐννων καὶ Βουλγάρων* (множество гуннов и булгар); так же они названы Феофаном (p. 247). Георгий Амартол добавил *Γότθων* (II, B. 619).

⁸ Малала (p. 437) называет их гуннами; Феофан (p. 338) — булгарами, добавляя слова *καὶ δρούγγου* («и друнгами»), которые не получили удовлетворительное объяснение. Анастасий (II, p. 141) в своем пересказе Феофана приводит слово «Droggo», которое должно быть именем булгарского царя, компаньона Вульгера.

⁹ Theophanes, p. 339–340.

¹⁰ Procopius. *De bello Gothico*, IV, 5, p. 475 ff. Он называет их кутугурами и утургурами или утигурами. Менандр и Агафий — котригурами и утигурами. Феофан упоминает только котрагов.

¹¹ Ни один из писателей VI в. не называет котригуров или утигуров булгарами, эту идентификацию делали писатели более позднего времени.

¹² Malalas, p. 430–431. Феофан (p. 269) называет ее Боарикс. Союз с сабирами, как считается, был направлен против персов.

¹³ Агафий (р. 365), говоря о котригурах, утигурах, ултизурах и буругундах, сообщает «οὗτοι δὲ ἅπαντες κοινῇ μὲν Σκύθαι καὶ Οὐννοὶ ἐπωνομαζόντο» («они же все вместе раньше назывались скифами и гуннами»).

¹⁴ Priscus. Fragmenta, p. 341.

¹⁵ Malalas, p. 431–432; Theophanes, (ad ann. 6020) p. 269–270; Joannes Ephesius. Historia Ecclesiae, p. 475; Procopius. De bello Persico.

¹⁶ Procopius. De bello Gothico, IV, 4, p. 475.

¹⁷ Procopius. De bello Gothico, IV, 18–19, p. 550 ff.; Menander, p. 3. Прокопий называет королем утигур Сандила, а Менандр и Агафий (см. след. сноску) — Сандилхом. Тетракситские готы отправили на помощь утигурам 2000 воинов.

¹⁸ Agathias, p. 367; Theophanes, p. 360–361.

¹⁹ Я допускаю, что идентификация жунь-жунь китайских источников с аварами должна быть принята в целом. См.: Marquart. Streifzüge, S. 43.

²⁰ Menander, p. 5.

²¹ Menander, p. 55, 87. Угуры и уигуры Менандра должны быть небрежным произношением утигуров; хотя, с другой стороны, гуннские племена имели довольно сходные названия.

²² Я принимаю датировку предложенную Златарским. См. Приложение 2.

²³ Mikkola. Die Chronologie der Türkischen Donaubulgaren, S. 23. Он приводит тюркские надписи, найденные Десмэзоном в Абул-Гази, которые рассказывают о истории Яфета. Маркварт (Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften, S. 75–76) просто идентифицировал Авитокола с Аттилой. Это является возможным, но я думаю, что библейская версия более убедительна, см. Приложение 3.

²⁴ Златарский (История, Т. 1, 1, с. 40–42) отвергает идентичность Ирника и Эрнаха. В Приложении 3 приводятся мои доводы против его мнения.

²⁵ Иоанн Никиусский (см. ниже) сообщает, что Куврат возвысил себя над другими племенами. Старая Великая Булгария явно была царством, составленным из всех гунно-булгарских племен Степей.

²⁶ Joannes Nicaenus. Chronicon, p. 580.

²⁷ Nicephorus, p. 12, 24.

²⁸ Мне не кажется довольно необходимым идентифицировать Органа с Гостуном, поскольку это неубедительно и ничего не дает.

²⁹ Этот вопрос подробно рассмотрен Златарским (История, Т. 1, 1, с. 84–96). Он выдвинул следующие заключения: дом Дулон не имеет ничего общего с Атилой; утигуры были основным народом Старой Великой Булгарии; название «оногундуры» является составным «Ὀὔνοι καὶ Βούλγαροι» (гунны и булгары) и не описывает отдельное племя. О первом заключении см. Приложение 3. Насчет второго я полагаю, что приведенные Златарским географические причины являются неопровержимыми, и я согласен с выводом, с учетом правильных поправок, указанных выше. Третье заключение, по моему мнению, неубедительно.

³⁰ Златарский идентифицирует их, чем упрощает историю, но он не обращает внимания на разницу между временем Куврата и Аспаруха.

³¹ Я буду продолжать называть их сыновьями Куврата для удобства.

³² Златарский (История, с. 114) сообщает, что Батбаян основал Черную Булгарию (на реке Кубань) в годы правления Константина Багрянородного. Не только Константин, но и арабские географы X в. ясно знали только одну Булгарию в Степи — Камско-Волжскую Булгарию, правда, называя ее по-разному, Белой и Черной Булгарией. См. Constantine Porphyrogenetus. De Administrando Imperio, p. 81, 180; Maçoudi. Les Prairies d'Or, p. 16; Ibn-Foszlan. De Bulgaris, passim. Однако, кажется, что до времени падения Старая Великая Булгария также называлась Белой.

³³ См. предыдущую сноску.

³⁴ Источники (Fredegarius Scholasticus, p. 187; Gesta Dagoberti, (ad ann. 630) p. 411), сообщая ту же историю, опускают имя Алсиока и не допускают возможность того, что кто-то выжил после Баварской резни. Златарский (История, с. 119–120) говорит, что имя Алсиок было выдуманно, будучи спутанным с Альцеком, см. далее в главе.

³⁵ См. книгу II, главу I.

³⁶ Sancti Demetrii Martyris Acta, p. 1364 ff. Дата осады определена приблизительно; мы знаем, что она началась где-то между 670 и 675 гг.

³⁷ Златарский. История, с. 121–122, 148–151.

³⁸ Paulus Diaconus. Historia Langobardarum, II, p. 87.

³⁹ Paulus Diaconus. Historia Langobardarum, II, p. 154.

Глава 2. Варвары на Балканах

¹ Procopius. De bello Gothico, p. 329, 331, 441, 444, 592.

² Agathias, p. 367; Theophanes, p. 360.

³ Joannes Ephesius (в переводе Шонфелдера), p. 8; Michaelus Syriacus, p. 347.

⁴ Michaelus Syriacus, p. 347.

⁵ Sanctii Demetrii Martyris Acta, p. 1284 ff.

⁶ Theophylactus Simocatta, p. 250–260; Theophanes, p. 432 (он называет авар булгарами, смешивая их с их же вассалами).

⁷ Sancti Demetrii Martyris Acta, p. 1361; Niederle. Slovanské Starozitnosti. Фессалоника дважды была почти осаждена (S.D.M. Acta, p. 1336, 1341 ff.).

⁸ Theophanes, p. 485.

⁹ См. Приложение 4.

¹⁰ Степень разрушения старой городской жизни можно в некоторой степени оценить на основании различных списков епископов и подписей членов Совета. См. их прекрасный анализ: Dvornik. Les Slaves, Byzance et Rome. Я склонен думать, что организованное размещение гарнизонов в городах внутри страны возможно датировать, только начиная с кампаний Константина V, но, вероятнее всего, некоторые силы всегда сохранялись в таких городах, как Адрианополь или Сардика.

¹¹ Указано в «Деяниях святого мученика Деметрия», ῥήγες (цветные одежды). Описание осады Фессалоник предоставляет хорошую картину славян того времени. См. ссылки выше.

¹² Идентификация предложена Златарским (История, Т. 1, с. 123 сл., 387 сл.), который рассмотрел этот вопрос убедительно. Дополнительные трудности были созданы постоянной

попыткой историков, начиная с Феофана, вывести слово «'Οὔλος» от славянского «*ǫgul*», то есть «угол» (ср. «*ὄγλος*» и «*an angle*» или угол). Действительно, оно может быть также легко выведено из слова «*ǫgul*», «ограждение».

¹³ См.: Златарский. *Loc. cit.*; Theophanes, p. 546–549; Nicephorus, p. 33–35. Бури (Eastern Roman Empire, p. 338) думает, что укрепления Преславля-на-Дунае датируются временем этой оккупации. И возможно, он прав.

¹⁴ Крайние даты — 643 и 697 гг.

¹⁵ Theophanes, p. 546–549; Nicephorus, p. 33–35.

¹⁶ См.: Златарский. История, Т. 1, 1, с. 151 слл. Я не думаю, что Аспарух распространил свою власть так далеко на запад до реки Искыр, до времени после войны 689 г.

¹⁷ Во время болгарских войн Константина V (см. ниже).

¹⁸ О болгарских титулах см. Приложение 5.

¹⁹ Theophanes, p. 557; Nicephorus, p. 36.

²⁰ Theophanes, p. 572–573; Nicephorus, p. 41–42; Georgius Hamartolus, II, p. 622. См. также: Златарский. История, Т. 1, с. 163 слл.

²¹ Suidas. *Lexicon*, p. 761.

²² Theophanes, p. 575–576; Nicephorus, p. 43–44, 47.

²³ Theophanes, p. 586–587; Nicephorus, p. 48–49.

²⁴ Theophanes, p. 775. Он ссылается на это только ретроспективно, когда рассматривает войны с Крумом, происходившие век спустя. Он говорит, что договор был составлен между Феодосием, патриархом Германом, и Кормезием (Кормисош) из Болгарии. Определенно здесь имеется в виду Тервель. О Великой Стене, которую некоторые историки датируют этим временем, см. Приложение 6.

²⁵ Theophanes, p. 611; Cedrenus, 790; Zonaras, p. 726.

²⁶ Theophanes, p. 615; Nicephorus, p. 55. Дата смерти Тервеля указана в «Имениннике».

²⁷ Даты и династии указаны в «Имениннике болгарских царей» (см. Приложение 2).

²⁸ И Никифор (p. 66), и Феофан (p. 662) говорят, что болгары потребовали дань при виде новых крепостей, а Феофан добавляет «в соответствии с *пакта*». Я не думаю, что здесь уместно такое сложное объяснение, какое дает Ломбар (Constantin V,

Empereur des Romains, p. 43). Это было простое нарушение договора, давшее другой стороне право на компенсацию. Я верю, что ни одна из сторон не должна была укреплять свою границу; и вот поэтому Заграждение еще не было построено булгарами.

²⁹ Феофан (p. 662) сообщает о том, что болгарский набег был успешным, теми же словами, которые он использовал, рассказывая об успешном болгарском набеге 712 г. В данном случае он ошибается. Версия Никифора является более верной.

³⁰ Бури (Eastern Roman Empire, p. 339) идентифицировал это место как Карнобат. Златарский поместил его у Бакаджика (с. 204–205).

³¹ Theophanes, p. 662–665; Nicephorus, p. 66–67. См.: Lombard. Op. cit., p. 43 ff.

³² Даты приведены согласно «Имениннику»: Theophanes, p. 667; Nicephorus, p. 69; Id. Antirrhetici, p. 508.

³³ Я согласен со Златарским (История, Т. 1, 1, с. 213) в датировке сражения при Анхиале 763 г., нежели 762 г., о котором сообщает Феофан и чьи сведения принял Ломбар (Op. cit., p. 47–48). По данным Феофана, выступление Телеца и сражение произошло до великой зимы 762/3 г.; Никифор датирует их временем после зимы. Как мне видится, естественно заключить, что выступление, первый поход Телеца (о котором Феофан не упоминает) и эмиграция славян произошли в 762 г., но Константину пришлось бы ждать до окончания зимы (которая была суровой достаточно, чтобы заморозить берега Черного моря), чтобы начать свой карательный поход. Телец, как мы знаем из «Именинника», не утратил власть до конца 764 г.

³⁴ Theophanes, p. 667–669; Nicephorus, p. 69–70.

³⁵ О хронологии этого периода и последующих болгарских ханах см. Приложение 2. Я верю, что Феофан и Никифор, которые проявляют несогласие друг с другом, ошибаются и что Паган Феофана и Кампаган Никифора (хан Паган) являются одним человеком, а Баян Никифора является другим.

³⁶ Theophanes, p. 667, 673–674; Nicephorus, p. 70.

³⁷ Nicephorus, p. 70–73. Феофан (p. 674), следуя своей привычке — предпочтительной записи неудач Константи-

на, — сообщает только о походе на Тунджу. Но нет необходимости, поэтому, предполагать вслед за Ломбаром (Op. cit., p. 51), что он не прав; второй поход Константина, упомянутый Никифором (p. 71), был, очевидно, бесплодным, и ясно, что Феофан ссылается на него, а не на предыдущий поход.

³⁸ Возможно, что Синяя скала в Балканских горах у реки Сливен (Златарский. История, Т. 1, 1, с. 232).

³⁹ Theophanes, p. 691–692. Его хронология запутана: Майская кампания приходится на время 12 индикта, а Аристократическая война, которая следует за ней в тексте, произошла в октябре, 11 индикта. Не представляется нужным переставлять кампании местами, как поступает Ломбар (Op. cit., p. 53), так как мы знаем, что мирные переговоры происходили во время Аристократической войны. Проще всего предположить, что указание на 11 индикт является ошибочным вместо 12 индикта. Вся хронология усложняется фактом, что 12 индикт длился более двух лет, сентябрь 772 г. — сентябрь 774 г., так что, приведя индикты в соответствии с летосчислением от сотворения мира (А. М.), отклонение пришлось бы на 726 г. Возможно потому, что император Лев III пожелал собрать двухгодичные налоги в течение одного года — см. Бури (Appendix 10// Gibbon. Declin and Fall, Vol. 5) и Губерта (La Chronologie de Theophane//BZ, Bd.VI, S. 504) — или, возможно, Феофан был просто сбит с толку двумя различными хронологическими схемами (Brooks. The Chronology of Theophanes, Vol. VIII, p. 82). В дальнейшем мы не можем использовать Никифора, чтобы получить подтверждающие свидетельства.

⁴⁰ Theophanes, p. 692–693.

⁴¹ Theophanes, p. 693.

⁴² Theophanes, p. 693.

Книга II. Великие государства Европы

Глава 1. Череп императора

¹ Theophanes, p. 699, 707. Это была фракийская Веррия или Вероз (современная Стара Загора), а не македонская Веррия.

² Theophanes, p. 715–716.

³ Theophanes, p. 718.

⁴ Современная Провадия, на северо-востоке от Адрианополя.

⁵ Theophanes, p. 723.

⁶ Theophanes, p. 724–725.

⁷ Места были идентифицированы Златарским (История, с. 244–245).

⁸ Theophanes, p. 728–729.

⁹ Например, Бури (Eastern Roman Empire, p. 339).

¹⁰ Его имя приводится в различных формах, по-гречески — Кроῦμνος, Кроῦμνος, Кроῦμος, Куμνος (один раз у Льва Грамматика, возможно, по ошибке), Кроῦβος и Кρέμ; по-латински — Crumnus, Crimas, Brimas (оба, возможно, неправильно скопированы), Crumas и Crusmas; в ранних славянских переводах Kroum, Krâg, Krem, Kreml, Krumel и Agrum. На его надписях (Абоба-Плиска, с. 233 — надпись из Шумлы) его имя представлено в греческом виде как Кроῦμνος. Поэтому форма Крум должна приблизительно представлять оригинальное имя. См.: Златарский. История, с. 247.

¹¹ Это описание о ранних лет Крума предположительно. Дворник (Les Slaves, Byzance et Rome, p. 34–35) утверждает это категорично, приукрашивая и приводя даты, но не дает ссылок. Однако его отчет в основном определенно является единственной понятной интерпретацией. Она представляет собой следующее: авары были полностью завоеваны Крумом (Suidas. Lexicon, p. 761 (s.v. болгары)). Карл Великий атаковал авар в 791 и 795–796 гг. (в соответствии с Эккехардом, он впервые атаковал авар в 788 г. и завоевал их за восемь лет). После того как они были окончательно завоеваны, он воздержался от нападения на болгар, которые вряд ли могли быть губительными, поскольку «сейчас авары (гунны) исчезли» (Ekkehardus, p. 162). Поэтому разумно предположить, что завоевание авар Крумом произошло до их полного уничтожения. Но в 796 г. Кардам был все еще ханом Балканской Болгарии, и до 808 г. мы не слышим о Круме (см. ниже). Крум должен, поэтому, был стать правителем Паннонской Болгарии до того, как он занял трон в Плиске. Но дата его вступления на престол остается неизвестной.

¹² Theophanes, p. 749.

¹³ Theophanes, p. 752. См. Бури (Eastern Roman Empire, p. 340) о точной датировке. Количество в 1100 фунтов эквивалентно почти 50000 фунтов стерлингов.

¹⁴ Theophanes, p. 752–754. Бури (Op. cit., p. 341) предполагает, что Феофан испытывал злорадство, ставя под сомнение прибытие Никифора в Плиску. Большинство других историков — например, Златарский (Указ. соч., с. 252–253) или Дворник (Op. cit., p. 36) — доверяют Феофану без колебаний. Дворник даже добавляет данные об успешном болгарском нападении. Бури должен быть прав, поскольку Феофан использовал любую возможность, чтобы принизить Никифора, и, хотя он был святым, не был выше лжи, чтобы дискредитировать императоров, которых он недолюбливал с позиций морали. Никифор, с другой стороны, не был слабоумным; он бы не объявил, что пробился к Плиске, когда целая армия могла выставить его обманщиком.

¹⁵ Theophanes, p. 753 (здесь он назван Евтимием), 776.

¹⁶ Theophanes, p. 755.

¹⁷ Феофан сообщает, что Никифор только вторгся в Болгарию 20 июля. Но, поскольку большое сражение произошло с 26 на 27, он, несомненно, должен был прибыть в Плиску не позднее 20 июля, пройдя в тяжелых условиях 70 миль с момента перехода границы.

¹⁸ Theophanes, p. 761–765. Он датирует сражение 25 июля, но это была пятница. Ночь с 26 на 27 приходится с субботы на воскресенье. Невозможно точно найти место, где произошла битва. Шкорпил (Абоба-Плиска, с. 564) предполагает, что это было ущелье Вербицы, известное местным жителям как «Греческая лощина», где, как утверждает традиция, многие греки тогда встретили свою смерть; и Бури (Op. cit., p. 344) поддерживает его мнение. Я полагаю, что это наиболее убедительная точка зрения о расположении того самого ущелья. Иричек же предположил, что это произошло в ущелье Берегавы при возвращении Никифора домой (Geschichte der Bulgaren, p. 45–46; Die Heerstrasse, p. 150). Но, по-видимому, что он взял другой маршрут, скорее, преследуя Крума, нежели отступая. Златарский (Указ. соч., с. 408–412) не берет на

себя обязательство указать точное место, но верит, что битва произошла намного ближе к Плиске. Но, поскольку он принимает утверждение Феофана (см. выше), что Никифор только вторгся в Болгарию 20 июля, то он затрудняется установить время сражения и не может позволить себе дать Никифору пройти 30 миль от Плиски до ущелья Вербицы.

¹⁹ Патриарх Арсен Кернович, которого цитирует Бури (Op. cit., p. 345).

²⁰ Надпись, обнаруженная в Кади-Кеви (Абоба-Плиска, с. 228–230), принадлежит периоду войн Никифора с Крумом. В ней упоминаются Никифор, Маркеллы, Адрианополь и некий болгар по имени Экусос (Ἐκούσοος) или Экосос (Ἐκόσοος). Текст серьезно пострадал, чтобы прояснить его. Возможно, он относится к первой кампании Никифора, неудавшейся кампании, в которой они продвинулись не дальше Адрианополя. См.: Вугу. Op. cit., p. 343.

²¹ Михаил Сириец (p. 25–26) ссылается на то, что Ставракий был ранен во время болгарского вторжения после смерти Никифора. Ясно, что Михаил был неправильно информирован.

²² Theophanes, p. 772.

²³ Theophanes, p. 772–773.

²⁴ См. выше. Как я сказал, имя Кормесиос является ошибкой Феофана. Крум, очевидно, хотел и чувствовал себя способным вернуться к тому состоянию дел, которое было до катастрофы в войне с Копронимом. Вероятно, существовало некое перемирие с Кормисошем, которое и сбило с толку Феофана.

²⁵ В настоящее время весь перешеек захлестывается волнами в течение больших штормов, но в прошлом, возможно, существовала дамба.

²⁶ Theophanes, p. 775–778; Theophanes Continuatus, p. 12–13.

²⁷ Theophanes, p. 780–783; Scriptor Incertus, p. 337 sqq. Бури (Op. cit., p. 351–352) подробно обсуждает предательство Льва. Он заключил, что Лев был виновен, но слишком умным человеком, чтобы подвергнуться точному обвинению, и это, по моему мнению, является абсолютно убедительным. По-видимому, чтобы сделать историю правдоподобной, необходимо было замешать в этот заговор Крума.

²⁸ Theophanes, p. 785.

²⁹ Theophanes, p. 785–786. Он заканчивает свою историю захватом Адрианополя. «Неизвестный автор» (p. 342–344) дает наиболее детальное описание; Продолжатель Феофана (p. 24), Генезий (p. 13), Игнатий (Vita Nicephori, p. 206–207). Плен и мученичество адрианопольцев описаны в «Жизни Василия» (Theophanes Continuatus, p. 216–217), «Месяцеслове императора Василия» (p. 276–277) и в книге Продолжателя Георгия Монаха (p. 765).

³⁰ Об этой кампании, которую отвергают Златарский и другие историки, см. Приложение 7.

³¹ Scriptor Incertus, p. 346–347.

³² Scriptor Incertus, p. 347.

³³ Annales Laurissenses Minores, p. 122: прибытие греческого посольства датируется августом.

³⁴ Scriptor Incertus, p. 348. Бури (Op. cit.) датирует его 14-м, но это была пятница.

³⁵ Сардика, Девельт, Месемврия и Адрианополь были разрушены, а Анхиал и Филиппополь — покинуты.

³⁶ Suidas. Lexicon, p. 762.

³⁷ Солдаты, чья смерть отмечена на пластинках, обнаруженных у Днепра и Тисы (см. ниже), имеют болгарские имена Онегавон и Окорсис.

³⁸ См. выше в тексте.

Глава 2. Поездка на Запад

¹ Формы 'Ωμортάϋ, 'Ωμортάϋ, 'Ωмуртаϋ, 'Ομourtάϋ появляются в надписях. Греки называют его Μαρτάϋων, Μοραάϋων и Ομβρίτάϋος (дважды ошибочно Κρτάϋων и Κουτράϋων); у латинских авторов — Omortag и Omartag. См. Златарский. Указ. соч., с. 292–293. То, что Омуртаг был сыном Крума (а не братом, как считал Дворник (Op. cit., p. 39)), прямо сообщено Феофилактом (Historia XV Martyrum, p. 295) и подразумевается в надписи Маламира из Шумлы (см. ниже). Феофилакт (Loc. cit.) говорит, что Омуртаг напрямую наследовал Круму; на это намекает и Продолжатель Феофана (p. 217).

² Цок упоминается только в «Месяцеслове императора Василия» как наследовавший Круму и гонитель христиан

(р. 276–277); Дука, который умер, и Диценг, который преследовал архиепископа Мануила, упоминаются только в славянском прологе XIV в. к «Месяцеслову» (см. Библиографию). Цок, однако, возможно, является Цуком, который упомянут в очень отрывочной надписи, найденной вблизи Абобы, датированной 823–824 гг. (Абоба-Плиска, с. 226–227), — она не поддается точной расшифровке; в ней может быть отмечен триумф Омуртага над узурпатором. Я склонен верить Лопареву (Две заметки..., с. 318), что все трое были простыми военными лидерами, и не идентифицирую Диценга с Цоком (Bury. Op. cit., p. 359) или Дуку с Цоком (Златарский. Указ. соч., с. 424–425).

³ Если Бури прав (Op. cit., p. 360), приписывая крайне отрывочную надпись из Эски-Юма (Абоба-Плиска, с. 228) к этому событию, то она неопределенно указывает на переговоры.

⁴ Genesius, p. 13; Theophanes Continuatus, p. 26; более подробно в «Epistolae Synodicae Orientalium ad Theophilium» (p. 368). Хотя этот факт может относиться к успешной кампании 813 г. императора Льва, но я полагаю, что он имел место немного позже.

⁵ Надпись из Сулейман-Кеви, которую проанализировал Златарский (см. Библиографию), на мой взгляд (Приложение 6), объясняет договор и Великое Заграждение. Греческие историки, Генезий (p. 41) и Продолжатель Феофана (p. 31), упоминают, что был заключен Тридцатилетний мир — Генезий даже упоминает Омуртага (Мотрагона) по имени.

⁶ Идентификация Златарского (Известия, с. 67–68); идентификация Констанции (Абоба-Плиска, loc. cit.) с Костенецами, вблизи ворот Траяна, предложенной Шкорпилом, является невероятной и не имеет каких-либо доказательств в свою пользу.

⁷ περὶ τῆς παλαιῆς ἐνορίας ἵνα ἐστὶν... κτλ («о старых поселениях, где есть... и т. д.).

⁸ См. Приложение 6.

⁹ Примерно в полмили, рядом с Бакаджиком, находится второе укрепление немного к югу, огибающее другое, известное как Цыганская Эркесия, — легенда гласит, что царские войска были отозваны, и они приказали цыганам возвести ук-

репление; но цыгане неосторожно отклонились в направлении, и солдаты исправили это, когда вернулись (Абоба-Плиска, с. 542–543).

¹⁰ Ignatius. Vita Nicephori, p. 206; Genesius, p. 29; Theophanes Continuatus, p. 31. См.: Златарский. История, с. 434.

¹¹ Georgius Hamartolus, p. 796: он говорит, что Михаил просил помощи у болгар. Генезий (р. 41–42) и Продолжатель Феофана (р. 64–66) дают более пространную историю, Продолжатель намекает на экономические мотивы отказа Михаила от помощи.

¹² Абоба-Плиска, с. 62 сл., 132 сл. Этот дворец почти наверняка был построен греческими мастерами в начале IX в.

¹³ Ἐπ(οῖη)σεν ὑπέρφ(η)μον (οἰ)κον (εἰ)ς τὸν Δανουβῖν («воздвиг дом великой славы на Дунае»).

¹⁴ (εἰ)ς τὸν παλ(αι)ὸν (οἰ)κον αὐτοῦ μέν(ων) («он оставался в старом доме»).

¹⁵ О надписи из Тырново см.: Абоба-Плиска, с. 553. Успенский. О древностях города Тырнова, с. 5 слл.; Jireček. Op. cit., p. 148.; Bury. Op. cit., p. 366–367; Златарский. История, с. 325–330, 444–447. Успенский, Иричек (скорее всего, неправильно) и Златарский приводят полный текст надписи. Успенский помещает захоронение в курган Мумджиляр, но Златарский, более убедительно, к деревне Источник Икинли, на современной румынской границе.

¹⁶ О надписи из Чаталара смотрите Абоба-Плиска, с. 546. Bury. Op. cit., p. 368–369; Златарский. Указ. соч. с. 319–325 и особенно с. 441–444.

¹⁷ ἐκ θεοῦ ἄρχ(ω)ν («правитель от бога»).

¹⁸ τ(ῆ)ς πλ(ύ)σκας τὸν κά(μ)πον.

¹⁹ αὐλ(ῆ)ν (дворец).

²⁰ Прочтение Златарского — «Μεῖζω ἐποίησε» («сделал еще большим») — является более убедительным, чем прочтение Успенского «ἐπῆγε» («собрал») или Бури — «ἔδειξε» («послал»). Златарский открыто признает, что способен прочитать «М».

²¹ После Тичи следует «Μετ...». Успенский читает «μετ[ηνευκε]». Бури принимает это прочтение с большим

сомнением. В целом Златарский читает «μετ[όπισθεν τὴν αὐλήν]» («позади дворца»). Это прочтение представляется мне слишком длинным, хотя наилучшим.

²² В согласно Златарскому, читается «κ(αὶ) [ἐ] (ω)ς [ἀντιστᾶ] τοὺς πολ[λ]οὺς Βουλγάρ(ου)ς ἐπέ[κ]η». Я сомневаюсь в этом, но прочтение Успенского является даже более сомнительным — «καὶ [δ]ωσ[η αἰχμαλώ] τοὺς... κτλ».

²³ Слово «Преслав» — это хороший перевод греческого «ὑπέρφημος» («сверхслав») или «πάμφημος» («всеслав»), который присутствует в болгарских надписях.

²⁴ Они, конечно, дают ему только титул «ἄρχων» («правитель, князь»). «Βασιλεὺς» («василевс, император») использовался применительно к императору и «ῥῆξ» («король») — для западных правителей. Формулировка не означает, что хан относился с уважением к христианскому Богу; это была только формулировка.

²⁵ Гораздо отличным, почти иранским, духом проникнуто изображение на стеле всадника, обнаруженной в Мадаре. Возможно, этим оно обязано армянским художникам.

²⁶ Преследования Диценга упоминаются в «Славянском Прологе» (Loc. cit.), Цока — в «Месяцеслове» (Loc. cit.). Автор «Месяцеслова» сообщает, что Мануилу вначале отрубили руки, а затем он был убит Крумом. Вследствие этого болгары в отвращении задушили своего бесчеловечного правителя. Это может относиться и к увечью рук Диценгом, и к внезапному падению последнего или кого-то другого из бояр хана. Набожный автор перепутал и объединил истории, чтобы придать им моральное звучание. Тот же Мануил был в действительности убит Омуртагом, о чем сообщает Продолжатель Феофана (p. 217).

²⁷ Theodorus Studites. Parva Catechesis, p. 220 ff.

²⁸ Theophylactus. Op. cit., p. 193 ff.

²⁹ Абоба-Плиски, с. 524–525. Реки, видимо, были способны исполнить роль заграждений. В действительности в дни Омуртага Тиса и Днепр сами были границами. Из «Изречений Николая» (глава XXV) мы узнаем, как сильно болгары ценили свои укрепления.

³⁰ Абоба-Плиски, с. 190; Златарский. Един от правадиските Омортагови надписи, с. 94–107.

³¹ Einhardus. Annales, p. 205–206. Людевит, по-видимому, пользовался тайной поддержкой Восточных императоров (Dvornik. Op. cit., p. 49).

³² Einhardus. Annales, p. 209. В 822 г.

³³ Einhardus. Annales, p. 212.

³⁴ Einhardus. Annales, p. 213; Astronomus. Vita Hludovici, p. 628–629; Fuldenses Annales, p. 359.

³⁵ Einhardus. Annales, p. 216.

³⁶ Einhardus. Annales, p. 216.

³⁷ Fuldenses Annales, p. 359.

³⁸ Fuldenses Annales, p. 360.

³⁹ Annalista Saxo, p. 574.

⁴⁰ Абоба-Плиски, с. 190–191.

⁴¹ Надпись из Тырново, последние слова.

⁴² Я принимаю дату его смерти, предложенную Златарским (История, с. 317; Известия, с. 34). См.: Абоба-Плиски, с. 236.

⁴³ Theophylactus. Op. cit., p. 192.

⁴⁴ О проблеме Маламира-Пресия см. Приложение 8.

⁴⁵ Абоба-Плиски, с. 191, 230–231. Успенский, Златарский и Бури соглашаются в переводе непонятого слова «ἀναβρυτον» как акведук.

⁴⁶ См. выше.

⁴⁷ Бури, предполагая, что этой рекой должен быть Дунай (Op. cit., p. 371), создает ненужную сложность, которая нарушает топографическую основу этой истории.

⁴⁸ См. выше.

⁴⁹ Leo Grammaticus, p. 231; Logothete (славянская версия), p. 101–102; Theophanes Continuatus, p. 216. Bury. Loc. cit.; Златарский. История, Т. 1, 1, p. 339–340. Относительно даты существует неясность. Славянская версия называет хана Владимира, который должен быть принят за Маламира, путая его с Владимиром, сыном Бориса. Бури и Златарский датируют этот эпизод 836 г., Бури подгоняя хронологию жизнеописания Василия I, а Златарский приспособившая к тому, что Маламир наследовал Пресию. Оба довода кажутся мне недействительными;

мисс Брук (BZ, Bd. XX) показала, что Василий родился более позже, и я не думаю, что это произошло в правление Пресия. Но, как заявляет Бури (Op. cit., p. 11), традиция, представленная в жизнеописании Василия и указывающая, что это изгнание продлилось 23 года, является надежной, хотя Василий, подобно другим героям, стяжал приключения, которые он не совершал. Возможно, их совершил его отец или старший брат, который жил в плену.

⁵⁰ Поход к Фессалоникам упоминается в истории Кордила и его «македонцев» (см. выше). Аннексия Сардики, возможно, относится к миру 812 г., поскольку Сардика вместе Филиппополем, видимо, была оставлена разоруженной, а не аннексированной, то ко времени Сербской войны Сардика должна была находиться в руках болгар. Возможно также, что эта аннексия стала главной причиной Булгаро-сербской войны (см. ниже).

⁵¹ *Annales Fuldenses*, p. 364.

⁵² *De Administrando Imperio*, p. 154. См. Приложение 8. Я следую датировке Златарского (Указ. соч., с. 346), но точные даты здесь невозможны.

⁵³ *Georgius Continuatus*, p. 821; *Logothete* (славянская версия), p. 103. Я следую Бури (Op. cit., p. 372–373) и Златарскому (Указ. соч., с. 350), предполагая, что надписи из Филиппы (Villoison's) и Шумлы датируются временем этого похода (Абоба-Плиска, с. 233). Последняя надпись ясно указывает, что это произошло, когда болгары аннексировали Филиппополь; она также упоминает о Провате и Бурдизие в терминах, которые подразумевают, что они были крепостями, о чем смутно упомянуто Логофетом.

⁵⁴ *Theophylactus, Archiepiscopus Bulgarus*, p. 192. Он датирует смерть Энравота за три года до смерти Маламира. Я думаю, что это убийство произошло скорее из-за предательства, чем на основе религии, которое и заставило Маламира убить собственного брата. Этот случай представляется единичным случаем мученичества.

⁵⁵ При определении времени вступления Бориса на престол я следую датировке Златарского (Известия, с. 45–47). Это становится возможным, поскольку нам известно о его по-

сольстве в Германию в этом году, и она совпадает с датой, указанной Феофилактом (р. 201). Греческие авторы по-разному пишут его имя — Βώγαρις, Βόγαρις, Βωρίσης и Βορίσης (неправильное написание — Γόβориς и Βορώσης), в ранних славянских переводах — Бориш и Борис. В своих надписях он именуется Βόρης.

⁵⁶ Генезий (р. 85–86) рассказывает историю о послании Феодоры, но не сообщает имя болгарского хана. Продолжатель Феофана (р. 162–165) повторил ее, указывая хана Бориса (Βώγαρις) и соединяя ее с обращением Бориса в христианство, в результате которого Феодора должна была уступить ему территории. Но власть Феодоры пала в 856 г., за семь лет до обращения Бориса. Императорские источники должны были быть более аккуратными в вопросе, какой император или императрица уступил территорию, чем в полувнутренних делах Болгарии. Кроме того, послание Феодоры хотя и выглядит как анекдот и, возможно, не является всецело недостоверным, вряд ли бы удержало амбициозного булгара. Разговор о договоре подразумевает, что инцидент произошел вскоре после вступления Бориса на престол, когда договор с Маламиром, возможно, нуждался в обновлении. Поэтому я следую за Златарским (Известия, с. 54 слл.; История, Т. 1, 2, с. 2 слл.), отделяя эти инциденты от разговора и датируя их в начале царствования Бориса, возможно, 852 г. Я принимаю предложенную Златарским идентификацию уступленной территории (Известия. *Loc. cit.*); старая идентификация Σιδηρά с Береговой полностью невероятна.

⁵⁷ *Annales Bertiniani*, р. 448; *De Administrando Imperio*, р. 150–151. Я верю, что они относятся к той же войне, которая была начата Борисом, чтобы вырвать Паннонскую Хорватию у франков: соответственно, франкские авторы отмечают ее как войну против них. Хорватия должна быть Паннонской Хорватией, а не Далматской Хорватией — королевство Ратимира, а не Тирпимира, как говорят Златарский (История, Т. 1, 2, р. 8–9) и Дворник (р. 54): чтобы достигнуть Далматской Хорватии, Борис должен был действовать или через Сербию, или через Паннонскую Хорватию. Не является необходимым идентифицировать славян, упомянутых как союзники Бориса,

с моравами, как делают Златарский (Указ. соч., с. 7) и Бури (Op. cit., p. 383). Моравы были довольно хорошо известны франкским анналистам, поэтому могли называться своим собственным именем, а не общим названием славяне. *Φράγγων νέφος* («туча франков»), которая, как говорит Феофилакт (Loc. cit.), накрыла Болгарию во время восшествия Бориса, вероятно, означало франкские победы в этой войне.

⁵⁸ Табари// Васильев. Византия и Арабы, Т. 1, Приложение, с. 57.

⁵⁹ De Administrando Imperio, p. 154–155. Датировка войны является сомнительной, некоторые писатели — например, Рембо (p. 462) — помещают ее под 887 г. Но сообщение Константина Багрянородного подразумевает, что она произошла вскоре после смерти Властимира (ок. 845–850) и не могла произойти сразу после обращения в христианство (863 г.), в той мере, насколько мы информированы об этих годах. С другой стороны, Борис был достаточно взрослым, чтобы иметь сына, способного воевать (имя Властимира в данном случае является неправильной записью Константином имени Владимир); принимая во внимание, что он только умер в 907 г., это не могло произойти до 863 г. Я думаю, что лучше всего соединить эту войну с загадочным посольством в 860 г. Болгария всегда старалась предотвратить союз между Константинополем и сербами.

⁶⁰ Сохранились только титулы и имена собственные. Попытки создать алфавит для болгарского языка никогда не предпринимались.

⁶¹ Например, Маламир и Владимир.

⁶² Количество провинций, на которые подразделялась территория Болгарии (десять), известно из истории о восстании аристократии во время обращения в христианство (см. ниже).

⁶³ Плиска является единственным дворцом, который систематически раскапывали, кроме Преслава в Добрудже, который относится к слишком раннему времени и от него сохранилось мало того, что могло бы представлять интерес. Великий Преслав только сейчас раскапывается в самых ранних пла-

стах, но он почти определенно был построен на тех же уровнях.

⁶⁴ Nicolaus I Papa. Responsa, cap.VI, p. 572.

⁶⁵ Theophylactus, Archiepiscopus Bulgarus, p. 189; Nicolaus I Papa. Responsa, cap. XXXIII, p. 510. См. выше.

⁶⁶ Абоба-Плиски, с. 104 сл.

⁶⁷ Nicolaus I Papa. Responsa, cap.LXXXVI, p. 595.

⁶⁸ См.: Dvornik, p. 150 ff., который дает ссылки. История Моравии до 862 г., главным образом, содержится в Фульденских анналах (p. 364 ff., passim).

⁶⁹ Династия Каролингов в то время разделилась на отдельные ветви; но в целом Людовик Немецкий и сыновья Лотаря, правившие в Лотарингии и Италии, действовали сообща.

⁷⁰ Vita Constantini, p. 199 ff.

Глава 3. Торговля душами

¹ Я не могу здесь вникать в очень противоречивые детали римско-византийских религиозных отношений, которые римские историки почти всегда затуманивали, смешивая «первенство» и «верховенство» и рассматривая различные постановления, которые благоволили Риму как окончательные, а другие как эфемерные. В действительности все попытки окончательно урегулировать вопрос были эфемерными и должны были оставаться такими до окончательной схизмы в XI в. Здесь я просто высказал общую точку зрения, которой придерживался Восток в IX в.

² Вопрос о кириллице и глаголице см. Приложении 9.

³ Annales Fuldenses, p. 367(?)

⁴ Annales Bertiniani (Hincmar), p. 465; Nicolaus I Papa. Epistolae, p. 293.

⁵ Theophanes Continuatus, p. 162–163.

⁶ Theophanes Continuatus, p. 162–163.

⁷ Georgius Monachus Continuatus, p. 824; Logothete (славянская версия), p. 104.

⁸ Georgius Monachus Continuatus. Loc. cit.; Logothete (славянская версия). Loc. cit. В книге Продолжателя Феофана (p. 165) эта история перепутана с болгарским договором Феофана (см. выше).

⁹ Охрид и Преспа определенно стали болгарскими позже, в правление Бориса. Это была, возможно, формальная уступка этой территории, которая запутала Продолжателя Феофана и заставила его связать всю историю обращения в христианство с уступкой Девельта со стороны Феодоры. Я принимаю точку зрения Златарского о неровной пограничной линии (Известия, с. 70).

¹⁰ Крещение Бориса, согласно датировке Златарского (История, Т. 1, 2, с. 29), произошло между 1 и 19 сентября 865 г. Фотий (Epistolae. P. 742) и «Жизнь святого Климента» (p. 1201) указывают неточные даты, но искусные подсчеты Златарского основываются на «Послесловии» Тудора Доксова (p. 98) и албанских надписях.

¹¹ Georgius Monachus Continuatus. Loc. cit.; Logothete (славянская версия). Loc. cit. С этого времени летописцы обычно называют его Михаилом. Я, однако, чтобы сохранить последовательность и ясность, буду по-прежнему называть его Борисом.

¹² Бертинианские анналы (Хинкмар Реймский, p. 473–474) дают нам детали этих событий. Продолжатель Феофана (p. 164) кратко сообщает, что Борис имел мало последователей и что он появился из дворца, неся крест на груди и был победоносным. Римский папа Николай I (Responsa, cap. XVII, p. 577) приписывает победу над большим мятежом божественной помощи.

¹³ Photius. Epistulae, VIII, p. 628 ff.

¹⁴ Папа Николай I (Responsa, cap. CVI, p. 599) упоминает армянских еретиков, возможно, павликиан. Это был частый императорский обычай селить таких еретиков в колониях и в провинциях, таких как Фракия, откуда они могли легко распространиться на Болгарию.

¹⁵ Фотий действительно не осуждал публично римскую ересь до 867 г., но церкви уже взаимно отлучили друг друга, и патриарх объявил о ереси.

¹⁶ Johannes VIII Papa. Epistolae, p. 159; Anastasius Bibliothecarius, p. 1373–1374. Подарки включали оружие, которым Борис разбил мятежников — язычников. Людовик Не-

мецкий сразу же потребовал их от папы (*Annales Bertiniani*, p. 474).

¹⁷ *Annales Fuldenses*, p. 379.

¹⁸ *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. IV, V, LVII, XCI, p. 570–572, 588, 596.

¹⁹ *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. LVIII, LXVI, p. 588, 590–591.

²⁰ *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. LXVII, p. 593.

²¹ *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. XLII, p. 583.

²² *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. LXXXIII, p. 595.

²³ *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. LI, p. 586.

²⁴ *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. LXXXIII–LXXXVI, p. 595.

²⁵ *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. XIV–XVII, p. 575–577.

²⁶ *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. XLI, p. 582–583.

²⁷ *Nicolaus I Papa. Responsa*, cap. LXXII, p. 592–593.

²⁸ *Anastasius Bibliothecarius. Praefatio in Synodum VIII, Mansi, Vol. XVI, p. 11.*

²⁹ *Anastasius Bibliothecarius. Vita Nicolai*, p. 1375–1376.

³⁰ *Johannes VIII Papa. Epistolae, passim collectae*, p. 327.

³¹ *Anastasius Bibliothecarius*, p. 1376–1377.

³² О Восьмом Вселенском соборе см. ниже.

³³ *Anastasius Bibliothecarius*, p. 1378. Игнатий в действительности не был восстановлен в положении до 23 ноября.

³⁴ *Anastasius Bibliothecarius. Vita Adriani*, p. 1393–1396.

³⁵ Об этом забавном списке болгарских послов см. Приложение 5.

³⁶ *Theophanes Continuatus*, p. 242; *Anastasius Bibliothecarius. Vita Adriani*, p. 1395–1396; *Idem. Praefatio in Synodum VIII*, p. 148; *Ibid.*, p. 20 ff.

³⁷ *Anastasius Bibliothecarius. Vita Adriani*, loc. cit.

³⁸ *Hadrianus II Papa. Epistolae*, p. 1310.

³⁹ Почетный прием был в основном обусловлен тем фактом, что святой Кирилл принес с собой мощи святого Климента.

⁴⁰ Об истории Мефодия в Моравии см.: *Dvornik. Op. cit.*, p. 209.

⁴¹ *Joannes VIII Papa. Fragmenta*, Ep. 7, p. 277.

⁴² *Joannes VIII Papa. Fragmenta*, Ep. 37, p. 294–295.

- ⁴³ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 40, p. 296.
- ⁴⁴ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 71, p. 66–67.
- ⁴⁵ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 66, p. 58. В этом письме он жаловался также на вмешательство Георгия, греческого епископа Белграда, в дела Сербии или Паннонской Хорватии.
- ⁴⁶ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 67, p. 60.
- ⁴⁷ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 70, p. 65–66. О личности получателя см.: Златарский. История, Т. 1, 2, с. 168–170.
- ⁴⁸ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 68, p. 62–63.
- ⁴⁹ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 69, p. 63–65.
- ⁵⁰ Theophanes Continuatus, p. 276.
- ⁵¹ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 182, p. 146; Ep. 183, p. 147. Он написал вновь месяц спустя (июнь 879 г.) в таком же дружелюбном тоне (Ep. 192, p. 153).
- ⁵² Собор 879 г. в Mansi (Т. XVII, p. 365–530).
- ⁵³ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 198, p. 158–159.
- ⁵⁴ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 259, p. 228.
- ⁵⁵ Joannes VIII Papa. Fragmenta, Ep. 298, p. 260; Ep. 308, p. 266–267.
- ⁵⁶ Stephanus V Papa. Ep. 1, p. 786–789; Hergenröther. Photius, Patriarch von Konstantinopel, Bd. II, S. 576–578.
- ⁵⁷ Annales Fuldenses, p. 395, 398.
- ⁵⁸ Photius. Ep. 95, p. 904–905. Он оставил болгарских аристократов на попечение игумена Арсения.
- ⁵⁹ Liudprand. Antapodosis, p. 87.
- ⁶⁰ Этот визит Мефодия упоминается только в «Жизнеописании Мефодия» (Pastrnek, p. 234 ff.), но бесполезно относиться к нему как к недостоверному или как к знаку крутого изменения в карьере Мефодия. (См. Dvornik. Op. cit., p. 271) Златарский (Указ. соч., с. 219) поддерживает Малашевского (Кирилл и Мефодий, с. 279) в датировке его 883–884 гг., но он должен был произойти до схизмы с Римом.
- ⁶¹ Самое невероятное, что Мефодий посетил Бориса Болгарского при своем возвращении, как считает Златарский (Loc. cit.). Единственный источник, указывающий на это, — строки в «Жизнеописании святого Климента» (p. 1201), в которых сообщается, что Борис был особо расположен к Мефодию. Это означает не более того, что Мефодий был удовлетво-

рен деятельностью Бориса и возлагал на него большие надежды.

⁶² Существование этой школы нигде не отмечено, но на нее определенно намекают такие истории, как, например, история о рабах в Венеции. Возможно, она существовала при игумене Арсении, как подразумевает письмо Фотия (см. выше) к нему.

⁶³ Vita S. Clementis, p. 1220–1221.

⁶⁴ Житие святого Наума, с. 4–5.

⁶⁵ Житие святого Наума, с. 5.

⁶⁶ Βοριτακάνω τῷ τότε φυλάσσουντι. Боритакан, видимо, как я полагаю, являлся тарканом (наместником провинции) Борисом.

⁶⁷ Vita S. Clementis, p. 1221, 1225.

⁶⁸ «τοῦ κotoκίου». Я думаю, что это должно быть приспособление греческого слова «κατοικία», колония.

⁶⁹ Девол должен означать район, расположенный между Охридским озером, реками Девол и Озум; Кутмичевица простиралась, возможно, на восток и немного на юг от Девола — граница владений Бориса на юго-западе. См. выше.

⁷⁰ «παρалуῦσας τὸν οὐτρον τῆς διοικήσεως» («отстранив ... начальника») в рукописи «Жизнеописания святого Климента»; «παρалуῦσας ἑαυτον κτλ» («лишив себя» и т. д.) в Московской рукописи; «παρалуῦσας αὐτὸν κτλ» («отстранив его» и т. д.) в «Patrologia Graeca» (p. 1224). Первое чтение дает лучшее понимание, если мы предположим, что «οὐτρον» является болгарским именем собственным. Я не могу, тем не менее, поддержать Златарского, настойчиво говоря, что оно является тем же самым, что Курт (Златарский. Указ. соч., с. 229).

⁷¹ «Δομεταν» в Охридской рукописи; «Δοβѣтѣн» в Московской рукописи; и отпечатано в тексте «Patrologia Graeca». По-видимому, это славянское имя.

⁷² Vita S. Clementis. Loc. cit. Красноречие агиографа слегка скрывает точные отношения, но, видимо, Домета подчинялся Клименту.

⁷³ Vita S. Clementis. Loc. cit. Главеница была идентифицирована Златарским (Известия, с. 70 слл.) в районе между верхним течением Воюсы и Озума, вблизи с горой Томор.

⁷⁴ См. выше. Местонахождение Тибериуполя локализовано Златарским (История, Т. 1, 2, с. 236).

⁷⁵ Theophylactus, Archiepiscopus Bulgarus. *Historia Martyrii XV Martyrum*, p. 201–208.

⁷⁶ О монастыре Святого Пантелеймона, руины которого сейчас называют Патлейна, см. статью Златарского в «Известиях на Българския Института Археологии» (Кн. I, с. 146–162). Я склоняюсь к мнению, что перенос Симеоном столицы в Преслав (см. ниже) произошел благодаря близкому к нему присутствию его отца.

⁷⁷ Theophylactus, Archiepiscopus Bulgarus. *Historia Martyrii XV Martyrum*, p. 201; *Reginonis Chronicon*, p. 580; *Manegoldus*, p. 580; *Sigebertus*, p. 341.

Книга III. Два орла

Глава 1. Император булгар и ромеев

¹ Имена членов царской семьи упоминаются на полях Цивидельского евангелия, как оказывающие покровительство некоему монастырю (Rački. *Documenta Historiae Chroaticae*, p. 382–383). Владимир назван там именем Розат, возможно, его дохристианским.

² Анонимный венгерский историк сообщает, что король Салан (Святополк II) из Моравии породнился посредством женитьбы с семьей болгарского царя (в то время Симеоном). Это заявление должно принять с оговорками; но если, как вполне возможно, он и состоял в таком родстве, он мог быть женат определенно на одной из сестер Симеона. Сведения, что первая жена Симеона могла быть моравской княжной, невероятны (*Anonymi Historia Ducum Hungariae*, p. XLI).

³ *Annales Fuldenses*, p. 408. Посланники прибыли в Болгарию по реке Саве. Владимир назван Ландимиром или Лаодимиром.

⁴ Regino, p. 580; *Manegold*, p. 364; *Sigebert*, p. 341; Theophylact, Archiepiscopus Bulgarus. *Historia XV Martyrum*, p. 213; Чудо святого Георгия, с. 19–20.

⁵ Regino. *Loc. cit.* Борис угрожал Симеоноу, что, если тот поступит как Владимир, он поступит с ним так же — ненуж-

ная угроза для благочестивого монаха, но любой, возможно, посчитал бы, что монарх мог быть смещен только по религиозным основаниям, и только Борис как бывший монарх мог повлиять на смещение.

⁶ См.: Златарский. История, Т. 1, 2, с. 254 слл. Возможно, что изменение языка богослужения произошло тогда же, и аргументы историка являются, как я думаю, убедительными, хотя я думаю, что этот процесс был более постепенным, чем он считает; греческий язык не вышел полностью из употребления.

⁷ Златарский (Указ. соч., с. 207 слл.) приурочивает их появление к 864 г., но, по-видимому, как становится ясно из карьеры святого Климента, Охридская епархия была основана позднее.

⁸ См. выше. Перевоз Борисом реликвий из греческого города Тибериуполя в Брегалницу был, очевидно, не существенным действием для основания новой епархии.

⁹ Vita S. Clementis, p. 1228. Златарский (Указ. соч., с. 269 слл.) идентифицирует Дрембицу и Белицу. В «Жизнеописании святого Климента» сообщается, что Климент был назначен Симеоном (который наследовал Владимиру после смерти последнего, которая упоминается без комментариев), но что он был первым славянским епископом — то есть его назначение было, возможно, первым назначением, произведенным после изменения языка богослужения или архиепископ Иосиф также был греком.

¹⁰ Его имя указано в «Синодике царя Бориса» (изд. Попруженко, Одесса, 1899, с. 74–75) и в «Чуде Св. Георгия» (Там же). В целом по данному вопросу см.: Златарский. Български архиепископи патриарси, везде.

¹¹ Заметка на копию «Книги Исаяи» информирует, что Симеон перенес столицу.

¹² Николай Мистик (Ер. XXIX, p. 181) подсчитал в 923 г., что Симеону было тогда больше 60 лет.

¹³ Liudprand. Antapodosis, p. 87.

¹⁴ Лиутпранд (Loc. cit.) говорит об инциденте с неодобрением; но он собирал свой материал о Симеоне в Константинополе, после войн Симеона против империи.

¹⁵ Храбр намекает, что славяне использовали такие знаки, но, очевидно, следов того, что они сохранились на Балканах, нет.

¹⁶ Легенды Богомила действительно являются первым образцом спонтанной болгарской литературы.

¹⁷ Vita S.Clementis, p. 1229.

¹⁸ Vita S.Clementis, Loc. cit.; Жития Святого Наума, с. 4–5; Златарский. История, Т. 1, 2, с. 351 слл.

¹⁹ Сборник на царя Симеона, предисловие.

²⁰ Приведены в сочинении архиепископа Антония «Епископ Константин Преславский». Я не думаю, что престол Константина можно идентифицировать, он не мог быть в Преславе, который занимали другие священники.

²¹ Калайдович. Иоанн Экзарх, с. 138 слл.

²² Он же. Указ. соч., с. 138; Иоанн Экзарх (Шестоднев) приводит полный текст.

²³ Приведено в «Припискато на Тудора Черноризец Доксов» (изд. Горького и Невоструева, с. 32–33). О его отношении к Симеону см.: Златарский. Кой и бил Тудор Черноризец Доксов (см. Библиографию).

²⁴ Храбр//Калайдович. Указ. соч., с. 190–192, везде. Златарский (История, Т. 1, 2, с. 853 слл.), рассматривая вопрос о его идентичности, полагает, что он не был ни Иоанном Экзархом (гипотеза Ильинского), ни учеником школы в Охриде (гипотеза Мазона). Но его предположение, что он был в монашестве Симеоном (Там же, с. 860), кажется мне слишком фантастической. Также я думаю, что он ошибается, датируя это сочинение временем до 893 г. Мне представляется очевидным, что эта апология появилась после данного события.

²⁵ О кириллице и глаголице см. Приложение 9.

²⁶ Преслава означает «прославленная». Это имя часто давали городам во всем славянском мире.

²⁷ Иоанн Экзарх. Шестоднев, с. 47.

²⁸ Там же, с. 46.

²⁹ Иоанн Экзарх. Шестоднев, с. 46.

³⁰ В 927 г. Мария Лекапина взяла всю свою мебель и т. д. с собой в Болгарию. См. ниже.

³¹ Иоанн Экзарх. Указ. соч., с. 46.

³² Возможно, города находившиеся на побережье, такие как Анхиал или Девельт, построенные и все еще широко заселенные греками и армянами, имели более высокие стандарты жизни; и бывшие императорские крепости в глубине Балкан, возможно, сохранили несколько зданий; Красная Церковь в Филиппополе, видимо, датируется началом IX в. Первые Охридские церкви датируются временем правления Симеона.

³³ В дни жизни Никиты Акомината (р. 486).

³⁴ Она имеет грубую пятиконечную форму со сторонами примерно 2 км в длину. Великий дворец занимал около 1/6 всей территории. Месторасположение стены обоих городов можно проследить, а стена последнего все еще частично стоит.

³⁵ Мрамор определенно из Малой Азии. Симеон мог добавить к его историям в своих набегах на пригороды Константинополя.

³⁶ Построен, в соответствии с Московской рукописью, в 907 г.

³⁷ Теперь находится в музее в Преславе. Искусство, как мне представляется, было определенно местным. Обстоятельства его открытия четко указывают, что он датируется временем создания первого монастыря, т. е. до 900 н. э.

³⁸ Торговые пути перечислены Константином Багрянородным (*De Administrando Imperio*, р. 79, 177). Маршруты через Фессалоники должны, однако, рассматриваться в сочетании с событиями, указанными ниже.

³⁹ Датировку я рассматриваю ниже.

⁴⁰ *Annales Fuldenses*, р. 410. Посол получил только одну аудиенцию и уехал в тот же день. Было второе и более успешное посольство в 896 г., но сомнительно, имело ли оно какой-то отношение к болгарской войне. (*Ibid.*, р. 413).

⁴¹ Доростол (совр. Силистрия).

⁴² *Vie de Luc le Stylite*, р. 200–201.

⁴³ *Leo Choerosphactus*, Ер. III (от Симеона Льву), р. 381. Император Лев правильно предсказал царствование своего брата и имел большой авторитет за свои предсказания, за что и получил прозвище Мудрый.

⁴⁴ Leo Choerosphactus, Ep. V (от Симеона Льву), p. 382. Это было окончательное письмо.

⁴⁵ То, что эта дань была реальной, мы знаем из факта отказа Александра продлить соглашение, заключенное Львом (Theophanes Continuatus, p. 378; Nicholas Mysticus, Ep. VII, p. 57). Он предполагает, что долги должны быть выплачены сполна.

⁴⁶ Leo Choerosphactus, Ep. XVIII (императору Льву), p. 396.

⁴⁷ В «De Administrando» (Loc. cit.) торговые маршруты рассчитаны от Фессалоники.

⁴⁸ Табари//Васильев. Византия и Арабы, Т. 2, Приложение, с. 11. Дворник (Op. cit., S. 304–305) доверяет этой истории и следует Маркварту (Osteuropäische Streifzüge, PP. 517), ставя под сомнение отчет, приведенный в «De Administrando», о печенегах. Дворник поступает так на том основании, что Фульденские анналы не упоминают это. Но в дипломатических делах Константин Багрянородный является наиболее заслуживающим доверия автором этого времени.

⁴⁹ Constantine Porphyrogenetus. De Administrando Imperio, p. 168.

⁵⁰ Anonymi Historia Ducum Hungariae, p. XLI.

⁵¹ В отсутствие какого-либо точного утверждения, видимо, наилучше всего предположить, что Симеон только сохранил Валахию, которую он потерял несколько лет спустя, уступив ее печенегам. Мадыры определенно завладели болгарской Трансильванией и Паннонией; Молдавия, в которой власть Симеона была слабой, возможно, отошла к печенегам.

⁵² Joannes Cameniates. De Excidio Thessalonicae, p. 496.

⁵³ Joannes Cameniates. Op. cit., p. 569 sq., 574 sq.; Vita Euthymii, p. 53–54; Theophanes Continuatus, p. 368; Cedrenus, II, p. 262–263. История немного запутана; только в «Жизнеописании Евфимия» (которое, однако, является одним из наиболее заслуживающих доверие сочинение) упоминает, что асикрит Симеон вез дань для болгар — он называет это «φιλικήν δεξίωσιν» («дружеским приемом») — другие просто связывают Симеона с Родофилом, который направлялся на Сицилию. Представляется ясным, что оба чиновника путеше-

ствовали вместе. Факт, что Симеон был в Фессалониках, показывает, что это была не ежегодная дань Преславию, а местная дань, которую, однако, платили из Константинополя.

⁵⁴ Leo Choerosphactus, Ep. XVIII. (императору Льву), p. 396.

⁵⁵ Это подтверждают две колонны, датируемые 6142 г. (904 г. н. э.), обнаруженные на реке Нарыш (в 22 км от Фессалоники). Колонны были размещены олгу тарканом Федором. (Успенский//ИРАИК, Т. III, с. 184 слл.). Златарский (Известия, Т. 1, 2, с. 340 слл.) указывает приблизительную пограничную линию, но обосновывает ее сведениями из списка епископов времени правления Льва VI, который не является убедительным — например, Девельт в это же время указан как императорское епископство, хотя он определенно был болгарским городом. Возможно, греческое население использовало греческий ритуал и поэтому зависело не от болгарского архиепископа, но напрямую от патриарха.

⁵⁶ Тудор Доксов, с. 32–33.

⁵⁷ Vita S.Clementis, p. 1236; Житие святого Наума/ Изд. Лавров, с. 41.

⁵⁸ Мадыарские вожди заблудились и не вернулись (Anonymi Historia Ducum Hungariae, p. 46). Нестор (p. 19) упоминает, что грабители достигли окрестностей Фессалоники.

⁵⁹ Theophanes Continuatus, p. 360; Nicholas Mysticus, Ep.XXXII, p. 197; Vita Euthymii, passim. Я рассмотрел эпизод всецело в моей книге «Emperor Romanus Lecapenus» (p. 40).

⁶⁰ Theophanes Continuatus, p. 377 sqq.; Vita Euthymii, p. 61sqq.

⁶¹ Theophanes Continuatus, p. 378.

⁶² Theophanes Continuatus, p. 380; Vita Euthymii, p. 69, 70.

⁶³ Nicholas Mysticus, Ep.V — VII, p. 45–60, особ. p. 53, 57.

⁶⁴ Восстание Константина Дуки, domestika сохл.

⁶⁵ Скилица (Cedrenus, II, p. 282) сообщает, что сам Симеон развлекался на этом пиру, но более ранние хронисты считают, что приехали только его сыновья (см. примечания ниже). Согласно византийскому этикету, иностранным монархам редко разрешалось въезжать в Константинополь. Даже Петру Болгарскому, который женился на Марии Лакапине, было

дозволено въехать в город только для одной краткой беседы (см. ниже), и только во дворец во Влахернах, примыкающем к стенам.

⁶⁶ Theophanes Continuatus, p. 385; Logothete (славянская версия), p. 126. Я рассматриваю вопрос женитьбы (который определенно датируется этими переговорами) ниже, в Приложении 10.

⁶⁷ Theophanes Continuatus, p. 3383; Vita Euthymii, p. 73.

⁶⁸ Николай никогда не упоминает это в своих письмах к Симеону после восшествия Романа, когда мы слышим, что Симеон требовал этого прежде в течение долгого времени.

⁶⁹ Theophanes Continuatus, p. 384. Наместника подстрекал архиепископ Стефан (Bees. Epidromai Boulgaron..., p. 368–369).

⁷⁰ Nicholas Mysticus, Ep. IX, p. 76.

⁷¹ Vita S. Lucae Minoris, p. 449. Святой Лука жил в Патрах десять лет и вернулся только после смерти Симеона. Но я не думаю, что сообщение об этих десяти годах следует понимать столь буквально, так как болгарские армии были заняты где-то в 917 г. Диль датирует это вторжение этим годом (Choses et Gens de Byzance, p. 3–4) в кампании у Ахелоя и в 918 г. в Сербии. Представляется лучшим связать это вторжение с актами агрессии, о которых сообщалось в 916 г. из Фессалоники.

⁷² Nicholas Mysticus, Ep. IX, p. 672.

⁷³ Theophanes Continuatus, p. 387. Об успешной внешней политике Зои см. мою книгу «Emperor Romanus Lecapenus» (p. 53).

⁷⁴ Theophanes Continuatus, p. 387 sqq. Нет возможности сказать определенно, когда Болгария лишилась Валахии, представляется, что она была разорена печенегами намного раньше смерти Симеона, возможно, с указанного в тексте времени; в 917 г. печенеги должны были подойти на некоторое расстояние к Дунаю.

⁷⁵ Theophanes Continuatus, p. 388; Cedrenus, II, p. 286; Zonaras, III, p. 465. Скилица (Кедрин) сообщает, что Лев Фока принимал ванну в это время, а его лошадь испугалась и подняла панику среди войск, которые подумали, что их команду-

щий погиб. Это весьма похоже на правду. Ясно, что армия была захвачена совершенно врасплох. Лев Дьякон (р. 124) говорит, что кости павших все еще были видны в дни его жизни. В славянской версии Логофета (р. 12) река названа Тутхонестия. Глупо полагать, что Ахелой спутан с Анхиалом, просто потому что в Греции есть река Ахелой.

⁷⁶ Theophanes Continuatus, p. 390. Дата этого сражения не указана, но, очевидно, оно последовало за сражением у Анхелоя.

⁷⁷ Nicholas Mysticus, Ep. IX, p. 69. Он сообщает, что с ним не консультировались по вопросу кампании, но заявляет, что она была оправдана. Однако он, вероятно, рассматривает любые перспективы прихода к условиям как невозможные, и тон его сообщения безрадостный.

⁷⁸ Dandolo. *Chronicum Venetum*, p. 198.

⁷⁹ Constantine Porphyrogenetus. *De Administrando Imperio*, p. 156–157. Константин не указывает дату войны, но говорит, что императорские переговоры с Петром произошли во время сражения у Ахелоя. Переговоры могли начаться до катастрофы, но мне представляется невероятным объяснить бездействие Симеона в отношении Константинополя в 918 г., кроме как Сербской войной. И хотя сам Симеон не ездил в Сербию (он никогда не отправлялся в кампании на Запад лично), я не думаю, что он мог послать достаточно большую экспедицию в Сербию, чтобы она смогла разорить эту страну в 917 г. Перерывы в три года, которые дает Константин между Сербско-булгарскими войнами, не нужно, как я полагаю, принимать за совершенно реальные.

⁸⁰ Златарский (История, Т. 1, 2, с. 399) говорит, что в 918 г. Симеон принял императорский титул и преобразовал болгарское архиепископство в патриаршество. Я не могу обнаружить, на каких основаниях он это сделал. Невероятно, что мы не имеем никакой ссылки на такое действие в обширной переписке Николая. Письма Романа к Симеону с протестом против императорского титула болгарского царя датируются временем после беседы двух монархов (924 г., см. ниже); из обидной шутки Симеона во время беседы (см. ниже) ясно, что он все еще рассматривал Николая как официального духовного

отца Болгарии. Вполне возможно, как предполагает Златарский, что архиепископ Иосиф умер в 918 г., и архиепископ Леонтий наследовал ему; но хотя Леонтий стал патриархом с подачи Симеона, не нужно допускать, что это произошло во время его восшествия. Слова Льва Диакона о Симеоне, который принял титул «автократора» (р. 122–123), не предоставляют хронологической даты.

⁸¹ Nicholas Mysticus, Ep. XCV, p. 301 (написано Роману, когда он был кесарем (сентябрь — декабрь 919 г.); Ep. XI, p. 84 (написано к Симеону).

⁸² Nicholas Mysticus, Ep. XIV, p. 100.

⁸³ Nicholas Mysticus, Ep. XVI, p. 112.

⁸⁴ Constantine Porphyrogenetus. De Administrando Imperio, p. 156–157. Он сообщает, что Павел правил три года, но, с точки зрения последовательности событий этих лет, было бы более правильным говорить, что Павел находился на третьем году своего правления.

⁸⁵ Nicholas Mysticus, Ep. XVII, p. 113 sqq.

⁸⁶ Nicholas Mysticus, Ep. XVIII, p. 121 sqq.

⁸⁷ Theophanes Continuatus, p. 400.

⁸⁸ Nicholas Mysticus, Ep. XIX, p. 125 sqq.

⁸⁹ Nicholas Mysticus, Ep. XVIII, p. 121.

⁹⁰ Nicholas Mysticus, Ep. XVIII, p. 121.

⁹¹ Nicholas Mysticus, Ep. XIX, p. 125.

⁹² Theophanes Continuatus, p. 401–403. Время этой вылазки не указано, но почти определенно она произошла тогда же. Смерть императрицы Феодоры (февраль 922 г.), коронация Софии (в этом же месяце) и визит куропалатов (τηνικαῦτα) вставлены в хроники между описанием сражения при Пигах, возможно, что эти три общественных событий были соединены, чтобы создать абзац с одной тематикой, независимо от их датировки.

⁹³ Nicholas Mysticus, Ep. XXII, p. 148–149.

⁹⁴ Nicholas Mysticus, Ep. XXI, p. 137.

⁹⁵ Theophanes Continuatus, p. 404. Без указания времени, но почти наверняка в начале 923 г. Возможно, во течение этого года Симеон захватил город Визию (Веза) во Фракии, как сказано в «Жизни святой Марии молодой».

⁹⁶ Constantine Porphyrogennetus. De Administrando Imperio, p. 157. Датировано тремя годами после восстания Захари. С этого момента моя датировка радикально отличается от предложенной Златарским (Указ. соч., с. 427 слл.), он датирует беседу между Симеоном и Романом 923 г., вместо 924 г.

⁹⁷ Theophanes Continuatus, p. 405; Nicholas Mysticus, Ep. XXIII, p. 149, 156. Он говорит, что это произошло именно спустя семнадцать или восемнадцать лет со времени победы Льва при Фессалониках. Так как его подсчеты приблизительны, то нет причин предпочитать семнадцать, либо восемнадцать, либо девятнадцать лет. Он также сообщает, что из уважения к своим желаниям императоры не нападают на Болгарию лично.

⁹⁸ Nicholas Mysticus, Ep. XXVII, p. 173. Предыдущее письмо Симеона, на которое ответил Николай (Ep. XXVII, p. 157), было, очевидно, более обнадеживающим.

⁹⁹ Nicholas Mysticus, Ep. XXVIII, p. 176.

¹⁰⁰ В соответствии с данными Масуди (Prairies d'Or, II, p. 14), черные булгары в 923 г. захватили земли империи вплоть до «Фенедии» на «Греческом море», где они встретили арабских грабителей из Тарса. Если, как возможно, Фенедия была каким-то греческим городом на Эгейском море, то черные булгары должны были пройти по территории Балканской Болгарии. Но были ли они грабителями также и в Болгарии или союзниками их далеких двоюродных братьев, мы не можем сказать. Налет, видимо, не имел большого значения, хотя этот факт вдохновил профессора Васильева (Византия и арабы, Т. 2, с. 222) увидеть Симеона имеющим отношения с арабами из Тарса.

¹⁰¹ О моих основаниях для этой датировки см. мою книгу «Emperor Romanus Lecapenus» (p. 246 ff.). При данном обсуждении я не упомянул об одном аргументе Златарского, что дата подтверждается датировкой от сотворения мира, приведенной в летописи Нестора, которая, согласно его интерпретации болгарской хронологии (с которой я согласен), приходится на 923 г., но почему сведения летописи Нестора должны быть правильными, когда ничего другого нет, и даже его показания

ошибочны, я не знаю. Я не думаю, что его доказательная база может выстоять против внешних свидетельств.

¹⁰² Cedrenus, II, p. 536. Без указания даты, но ясно, что это произошло до кампании 924 г.

¹⁰³ Ибн-Аль-Азир//Васильев. Указ. соч., с. 106.

¹⁰⁴ Nicholas Mysticus, Ep. XXXI, p. 189.

¹⁰⁵ Симеону было более 60 лет, согласно Николю (Ep. XXIX, p. 151, написано зимой 923/24 г.).

¹⁰⁶ В полном виде речь см.: Runciman S. Emperor Romanus Lecapenus, p. 92.

¹⁰⁷ Theophanes Continuatus, p. 405–407; Georgius Monachus, p. 898–899; Georgius Hamartolus, p. 824 sqq.; Nicholas Mysticus, Ep. XXX, XXXI, p. 185 sqq..

¹⁰⁸ Romanus Lecapenus, Ep. I, II (ed. Sakkelion, p. 40–45); Златарский. Письмата на Романа Лакапина, с. 8, 10. Названия крепостей на побережье Черного моря не приводятся. Простейшим решением было бы сказать, что это были Агатополь и Созополь, которые могли быть захвачены Симеоном в 924 г. или в какое-то предыдущее время, начиная с 917 г. Однако я склонен полагать, что Девельт и Анхиал были возвращены империи в 927 г. (см. ниже), и они вполне могли быть теперь упомянуты. Это дало бы более убедительное основание понять, почему Симеон предпочел потерять ценные дары, нежели отказаться от них. Агатополь и Созополь не были важны для него, а из Девельта враг мог легко ударить на Преславу.

¹⁰⁹ Βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ τῶν Ῥωμαίων καὶ Βουλγάρων («император и самодержец ромеев и болгар»).

¹¹⁰ Romanus Lecapenus, Ep. I, II.

¹¹¹ Папа Иннокентий III (Ep. CXV, p. 1112–1113) ссылается на факт, что Симеон, Петр и Самуил просили и получили императорские короны из Рима. Фарлати (Illyricum Sacrum, III, p. 103) рассказывает о посольстве Мадальберта. Мадальберт устроил синод в Спалато в 927 г. по пути домой. См. ниже.

¹¹² Nicholas Mysticus, Ep. XXX, XXXI, p. 185 sqq.; Theophanes Continuatus, p. 410.

¹¹³ Титул «царь» происходит от слова «цезарь», но, возможно, он начал употребляться славянами с Запада, когда ти-

тул «цезарь» или «кайзер» был равным титулу «император». В Константинополе же это был более низкий титул.

¹¹⁴ Основание патриаршества является трудной проблемой: «Синодик на царя Бориса» ясно показывает, что Леонтий был первым патриархом и сидел в Преславе; но, согласно списку болгарских архиепископов, первым был Дамиан из Дристры. Как я объясняю ниже, Дамиан был первым патриархом, признанным Константинополем в 927 г., поэтому Леонтий должен был быть назначен Симеоном раньше. Но, несмотря на догадки Златарского, не вполне представляется возможным, чтобы папа, так хорошо осведомленный и агрессивный, как Иоанн X, послал легата в Болгарию и потакал желанию Симеона короноваться, если Симеон уже назначил независимого патриарха. Назначение должно было, поэтому, произойти после отъезда Магальберта, возможно, в конце 926 г., но до смерти Симеона в мае 927 г. Леонтий поэтому сидел на своем новом посту только в течение нескольких месяцев.

¹¹⁵ См. книгу Биза (*Epidromai Boulgaron...*, р. 368–369), в которой приводится цитата из «Жизни святого Петра из Аргоса». Он также, несомненно, прав поместив сюда набег на селение Галаксиди (у залива Лепанто), который произошел во время правления «императора Константина Романа», т. е. императора Константина VII и Романа I. Сафа (*Chronique de Galaxidi*) датирует набег приблизительно 996 г. (см. ниже), но, учитывая имена императоров, его аргументы следует признать неубедительными.

¹¹⁶ Constantine Porphyrogenetus. *De Administrando Imperio*, р. 157–158. Командовать второй экспедицией были назначены Книн, Имник и Ичбоклия. Дата не указана, но 925–926 гг. представляются верными.

¹¹⁷ Constantine Porphyrogenetus. *De Administrando Imperio*, р. 158; Georgius Monachus, р. 904. Продолжатель Феофана, писавший позднее, соединяет войну и смерть Симеона (см. ниже). Хорватская война, очевидно, была развязана после завоевания Сербии, возможно, в том же году, так как Магальберт мог заключить мир определенно до второго синода в Спалато (927 г.) и, очевидно, до времени смерти Симеона

(май 927 г.). Бесполезно объяснять начало войны как результат греко-хорватского союза, как считают Дринов (Южные славяне и Византия, с. 53), Златарский (История, Т. 1, 2, с. 500) и другие. Константинополь не имел дипломатических отношений с Хорватией в течение этих лет, иначе Константин Багрянородный определенно упомянул бы о Томиславе (я не придаю значения словам современных хорватских историков, которые говорят, что Константин знал о нем все, но ошибаются относительно его имени, так как в этом случае Константин должен был также знать будущее за год или дальше (см. мою книгу «*Emperor Romanus Lecapenus*», р. 208. Мания величия Симеона имеет вполне удовлетворительное объяснение. Это хорошо известный феномен среди самодержцев, особенно у народов, недавно поднявшихся из варварства, отравленных своей властью и поэтому бывших полусумасшедшими. Об имени Алоботур см. ниже.

¹¹⁸ Sišić. Priručnik, p. 222; Farlati. Illyricum Sacrum, III, p. 103.

¹¹⁹ Греческое слово, используемое для этого двойника, было «στοιχεῖον» («тень», «элемент»).

¹²⁰ Продолжатель Феофана (р. 412) сообщает, что Симеон вел свою армию к поражению в Хорватии лично, спас свою жизнь и умер вскоре после своего возвращения. К сожалению, ни один из более старших хронистов, например Георгий Монах (р. 904) или Логофет (славянская версия) (р. 136), не упоминают историю «στοιχεῖον», которое должно поэтому быть отклонено как более позднее изобретение.

¹²¹ Theophanes Continuatus, p. 412. Все хронисты сообщают нам, что Иоанн и Вениамин «уже носили болгарские одежды». Значение этой фразы очень туманно. Возможно, определение «болгарская» используется в противоположность к «римской» или императорской одежде, которую носил царь, и двое князей носили ее как жест несогласия с политикой Петра.

¹²² В «Жизни святой Марии молодой» (р. 300) упоминается набег, который был особенно жестоким.

¹²³ Theophanes Continuatus, p. 412–415; Georgius Monachus, p. 904–906; Logothete (славянская версия), p. 136–137.

¹²⁴ Константин Багрянородный (*De Administrando Imperio*, р. 87–88) сожалеет о браке и говорит, что это произошло из-за отсутствия у Романа образования, раз он допустил его; это не должно повториться. Однако это создало прецедент; две внучки Константина оказались в сходной ситуации: одна вышла замуж за Оттона II с Запада, другая — за Владимира, киевского князя.

¹²⁵ Theophanes Continuatus, p. 413.

¹²⁶ Константин Багрянородный (*De Administrando Imperio*, р. 79) сообщает о русах, плавающих вдоль побережья Черного моря в Константинополь, говоря, что из Дуная они «καταλαμβάνουσιν εἰς τὸν Κωνοπᾶν, καὶ ἀπὸ τοῦ Κωνοπᾶ εἰς Κωνσταντίαν, εἰς τὸν ποταμὸν Βάρνας, καὶ ἀπὸ Βάρνας ἔρχονται εἰς τὸν ποταμὸν τὴν Διτζίναν, ἅπερ πάντα εἰσὶ γῆς τῆς Βουλγαρίας. Ἀπὸ δὲ τῆς Διτζίνας εἰς τὰ τῆς Μεσημβρίας μέρη καταλαμβάνουσιν...» («прибывают в Конопу (ныне румынское с. Летя), а от Конопы — в Констанцу, к реке Варна, и от Варны приходят к реке Дичина. Все это относится к земле Булгарии. А от Дичины они достигают области Месемврии»). Это описание ясно предполагает, что вся береговая линия из Дичины, к северу от Месемврии, была императорской, кроме, возможно, Девельта, который лежал вне маршрута русичей. Златарский (Указ. соч., с. 525) говорит, что граница осталась такой же, какой была в 896 и 904 гг., кроме того, что Империя уступила Агатополь, Созополь и Девельт. Он не дает ссылок, и я не могу найти какую-то причину для подобного утверждения.

¹²⁷ Leo Diaconus, p. 61, 80.

¹²⁸ Cedrenus, II, p. 346. Я возвращаюсь к этому вопросу ниже.

¹²⁹ Constantine Porphyrogenetus. *De Administrando Imperio*, p. 88.

¹³⁰ Это, как предполагает Златарский (Български архиепископи-патриарси, вездe), является единственным объяснением того, что в списке архиепископов Болгарии Дамиан из Дристры назван первым автономным патриархом, поэтому признанным Романом Лакапином и жившем до времени завоевания Иоанна Цимисхия, и что в «Синодике на царя Бориса» Леонтий,

Димитрий, Сергей и Григорий фигурируют как патриархи Преслава. Невероятно, чтобы Дамиан мог править в течение 45 лет. Возможно, по его смерти, в какое-то раннее время, царь восстановил патриаршество в Преславе, но Константинополь не признал патриархов Преслава.

¹³¹ То, что Роман признал этот титул, подтверждается словами, почти идентичными во всех хрониках, которыми передавалась радость Марии, собиравшейся замуж за «βασιλεὺς». Я рассматриваю более сложный вопрос, поднятый в трактате «De Ceremoniis», был ли этот титул снят, в Приложении 11.

¹³² Liudgrand. Legatio, p. 186.

¹³³ Демонстрация сил, проведенная Георгием Сурсувулом во Фракии в 927 г., была довольно неэффективной, и болгары не сделали попытки помешать сербскому восстанию в 931 г.

¹³⁴ Например, забота Симеона о торговле в начале его правления — начало военных действий ради торговых интересов.

Глава 2. Мужь Бога и мужь крови

¹ Константин Багрянородный (De Administrando Imperio, p. 71) сообщает о том, как непреклонно болгары сохраняли хорошие отношения с печенегами.

² Константин Багрянородный (De Administrando Imperio, p. 158 sq.) датирует ее семью годами после болгарского завоевания.

³ Я (см. Emperor Romanus Lecapenus, p. 107 ff.) рассматриваю вопрос об этом набеге, неясно упомянутом венгерскими авторами (de Thwrocz, p. 147; Ranzanus. Index IV, p. 581), специально — Продолжателем Феофана (p. 422) и другими греческими хрониками (датировано апрелем 934 г.), и Масуди — с деталями, которыми нельзя пренебречь, хотя некоторые из них невероятны (Пер. Барбье де Мейнара, II, p. 58).

⁴ Theophanes Continuatus, p. 430.

⁵ La Chronique dite de Nestor, p. 35.

⁶ Theophanes Continuatus, p. 462–463, 480. Сообщение не датировано, но его расположение в хронике предполагает эти даты, хотя первая представляется почти несомненной, так как в 943 г. был заключен договор на пять лет, по истечении кото-

рых мадьярский князь приехал в Константинополь, чтобы продлить договор, который должен был быть, естественно, на десять лет. Оба набега были остановлены императорскими силами во Фракии.

⁷ Ибрахим-ибн-Якуб. Цит. по Златарский. Известие о нападении Ибрахим-ибн-Якуб за Българите, с. 67–75.

⁸ Согласно Льву Диакону, он умер от эпилептического приступа (р. 78).

⁹ Theophanes Continuatus, p. 422. Свидетельством влияния царицы является то, что только после ее смерти Петр попал под влияние партии войны.

¹⁰ Theophanes Continuatus, p. 419. Этот инцидент произошел после великой зимы 928/29 г.

¹¹ Theophanes Continuatus, p. 420.

¹² В 926 г., до того как был подписан мир, итальянский посол, путешествовавший в Константинополь, встретился со славянскими разбойниками на границе Фессалоники (Liudprand. Antapodosis, p. 83). Заключение мира, вероятно, едва ли повлияло на обстановку там.

¹³ Живот Йована Рилског, *passim*; особенно с. 277 слл. (описание беседы Петра); Иванов. Святой Иван Рильски, с. 1–20, *passim*.

¹⁴ Liudprand. Antapodosis, p. 88.

¹⁵ Косьма яростно нападает на распространенное пристрастие к гаданию и др.

¹⁶ Слово Козмы, с. 4. В «Синодике на царя Бориса» (с. 32) содержится одно короткое похожее изречение.

¹⁷ То есть до времени смерти константинопольского патриарха Феофилакта. См.: Иванов. Богомилски книги, с. 22 слл.

¹⁸ См.: Иванов. Богомилски книги, с. 22 слл. (приведены наиболее важные с теологической точки зрения сочинения); Léger. L'Hérésie des Bogomiles, *passim*; Idem. La Littérature Slave en Bulgarie au Moyen Age: Les Bogomiles (приведены наиболее популярные легенды богомилов).

¹⁹ Это письмо, рукопись которого находится в Амброзианской библиотеке Милана, опубликовано в «Известиях отделения русского языка и словесности» (Т. 18, Кн. 3, с. 356 слл.). Его аутентичность является бесспорной.

²⁰ Слово святого Козмы Пресвитера на Еретики. Косьма упоминает о царствовании Петра, так как, хотя оно и закончилось, но он был знаком с представителями духовенства времени Симеона.

²¹ В течении средних веков на Западе, так же как на Востоке, понятие «манихей» использовалось просто как синоним слова «дуалист».

²² Theophylactus. Ep., p. 364; окончательная победа Бога была предсказана в «Тайной книге», манускрипт из Каркассона (опубликован см.: Bepoest. Histoire des Albigeios, p. 295; Иванов. Указ. соч., с. 86).

²³ Догматы павликианства см.: Conybeare. The Key of Truth; диатрибы Петра Сицилийского.

²⁴ Например, их республика в Тефрисе, с захватом которой в 871 г. Василий I испытал трудности. Собственная семья Василия была перевезена из Армении в Адрианополь и, возможно, первоначально принадлежала к павликианам.

²⁵ Nicolaus Papa. Responso, p. 1015

²⁶ «Μανιχαϊσμός γάρ ἐστὶ Παυλιανισμῶ συμμῖγής» (Theophylactus. Ep., p. 363) («Манихейство же смешано с павликианством»). Обычай принятия второго имени, например Богомил принял имя Иеремия, был скопирован из павликианства.

²⁷ В Константинополе богомилы представляли как последователи опять павликианской школы, которая, вероятно, находилась в так называемой Драговицанской церкви за селом Драговица, вблизи Филиппополя, в павликианском районе. Такое же расхождение проявляется для разделения катаров и патеренов на западе.

²⁸ Theophylactus. Ep., p. 364 sqq.; Слово Козмы, везде; Синодик на царя Бориса, с. 4 слл.; Euthymius Zigabenus. Contra Bogomilos, passim; Euthymius Acmoniensis // Ficker. Die Phundagiagiten, passim.; Тайная книга (Иванов. Указ. соч.). Краткое изложение см.: Иванов. Указ. соч., с. 24 слл.; Léger. La Littérature Slav...

²⁹ Léger. La Littérature Slav...

³⁰ Слово Козмы, с. 36 слл.

³¹ Иванов. Указ. соч., с. 123, прим.; Léger. La Littérature Slav...

³² Иванов. Указ. соч., с. 29–30. Имена ересиархов указаны в «Синодике на царя Бориса» (Loc. cit.).

³³ Он указан в письме легата Конрада, написанном в 1223 г. (Gervasius Praemonstratensis, Ep. 120, p. 116). Однако его действительное существование неопределенно — на Западе, как правило, неправильно понимают, что каждый восточный сельский священник называется попом.

³⁴ Слово Козмы, с. 40–41.

³⁵ Иногда происхождение альбигойских еретиков от богомилов отрицается: например Х. Ли (History of the Inquisition in the Middle Age, Vol. I, p. 90) в сноске характеризует богомилство как боковую ветвь ереси. Однако средневековые писатели (например, Рейнерий Саккони и Монета) выводят альбигойство от него, и, несомненно, еретики Лангедока смотрели на Болгарию как источник своей веры. Некоторым историкам нравится рассматривать любое традиционное представление как неверное, но какое-то сомнение в этом вопросе должно быть удалено прежде сравнения славянских богомильских произведений с латинско-лангедокскими сочинениями катаров и патеренов, как указал Иванов (Указ. соч.).

³⁶ Козма, вероятно, писал после смерти Петра (см. выше), но я трактую его здесь, как он рассматривал себя учеником школы в Преславе во времена Симеона.

³⁷ Liudprand. Legatio, p. 185–186. Ибрахим-ибн-Якуб описывает болгарского посла при дворе Оттона I в 965 г. как одетого в похожий наряд. См. выше.

³⁸ Я привожу мой довод по вопросу о путанице с хронологией войн Никифора с Болгарией в Приложении 12.

³⁹ Leo Diaconus, p. 62.

⁴⁰ Предположение Златарского, что Никифор призвал русов в Болгарию, чтобы удержать их от нападения на Херсон, я считаю ненужным. Херсон можно было легко защитить, призвав печенегов.

⁴¹ Зонара (III, p. 512–513) сообщает, что Никифор побужден к действиям мадьярским вторжением. Кедрин (Скилица), однако (II, p. 372), на сочинении которого опирался Зонара, подразумевает, что это было общим предлогом. Вторжение

в сочинении Зонары явно обусловлено его неправильной интерпретацией соответствующего параграфа у Скилицы.

⁴² Несомненно, как означает утверждение Нестора, что «тогда греки платили ему дань».

⁴³ *Chronique dite de Nestor*, p. 53–54.

⁴⁴ *Chronique dite de Nestor*, p. 53–54.

⁴⁵ Этот факт позволяет мне полагать, что вначале объектом Калокира был Херсонес.

⁴⁶ Неизвестно, кто были эти княжны. Едва ли они могли быть детьми Петра и Марии, как обычно считается, ибо они поженились сорок один год назад, тогда как княжны были явно слишком юными. Они, вероятно, были детьми или Бориса II (однако первое заключает, что едва ли Борис был довольно стар), или более старшего, но умершего сына царя Петра.

⁴⁷ *Leo Diaconus*, p. 86.

⁴⁸ Такой же была судьба княжон из семьи Самуила (см. ниже).

⁴⁹ Дата (30 января) выведена на основании службы по царю Петру (см. Иванов. Български старини, с. 83) в течение года, см.: Златарский. История, Т. 1, 2, с. 589. Как он показал, гипотеза о 969 г. должна быть правильной, хотя я не согласен с некоторыми другими его датировками.

⁵⁰ Живот Йована Рилског, с. 279.

⁵¹ *Leo Diaconus*, p. 136.

⁵² О датировке см. Приложение 10.

⁵³ Нестор сообщил, что армия русов насчитывала только 10 000 человек (p. 56); позднейшие греческие авторы, однако, увеличивают ее численность в тридцать раз (300 000 — Zonaras, III, p. 524; 30 8000 — Cedrenus, II, p. 384). Цифра, приведенная Нестором, по-видимому, представляет число воинов-русов, но в войске присутствовали вспомогательные части печенегов, мадьяр и, позже, болгар. Вероятно, оценка ее численности в 30 000, указанная Львом Диаконом (p. 109), является довольно корректной.

⁵⁴ Cedrenus, II, p. 383; *Chronique dite de Nestor*, p. 55. Я думаю, что здесь Переяславец обозначает Великий Преслав, а не как прежде — Преслав-на-Дунае.

⁵⁵ *Leo Diaconus*, p. 105.

⁵⁶ Cedrenus, II, p. 383.

⁵⁷ Leo Diaconus, p. 84sq.

⁵⁸ Лев Диакон (p. 105 sqq.) затем дает необработанное и неточное описание ранней истории болгар; Хроника Нестора (p. 55 sqq.) дает ее в свете, льстивом для гордости русов; Cedrenus, II, p. 383 sqq.

⁵⁹ Leo Diaconus, p. 108 sqq.; Cedrenus, II, p. 384 sqq.. Попытки русских историков (например, Дринов. Южные славяне и Византия, с. 101) показать, что это была действительная победа русов, являются скандальной частью вводящего в заблуждение патриотизма, как показал Шлюмберже (L'Ерорée Byzantine, T.I, p. 57–59), хотя, конечно, данные о раненых, приведенные греческими хронистами, были преувеличены из подобного же патриотизма.

⁶⁰ Leo Diaconus, p. 126. Этот Иоанн был, вероятно, внуком военачальника Романа I, Иоанна Куркуаса, прадеда Иоанна Цимисхия: его отец был назван Романом.

⁶¹ «Σφεύκελος». Дринов (Указ. соч, с. 104) идентифицирует его со Свенельдом Нестора, командиром варягов, который служил при Игоре и имя которого упоминается в мире 972 г., но, согласно Льву Диакону, он погиб у Дристры.

⁶² «Κοίρανον» (князя), а не «βασιλέα» (царя) у Льва Диакона (p. 136). Однако Лев говорит о нем как о «βασιλεύς», Кедрин сообщает, что Иоанн назвал его «βασιλέα» (II, p. 396).

⁶³ Цифра дана Скилицей (Cedrenus, II, p. 400), который, однако, разделял неизменную привычку к преувеличению. Он также сообщает, что число болгарских пленных в Дристре составляло 20 000 человек.

⁶⁴ Лев Диакон (p. 152) датирует его 24 июлем; но в 972 г. 24 июля выпадало на среду. У Кедрина (II, p. 405) день перед военным советом Святослава датирован 20 июля, поэтому нападение должно приходиться на 22 июля. Я придерживаюсь датировки Льва, так как он обычно является более надежным автором, но, учитывая, что его текст внутренне противоречив, то его общее понимание остается неудовлетворительным.

⁶⁵ Лев Диакон (p. 156) сообщает, что осталось 22 000 русов, погибло в войне 38 000. Эти данные могут быть верными.

⁶⁶ Главным источников по истории этого похода является Лев Диакон (р. 105–159). Его описание очень полное, и сам он был современником тех событий. Описание Скилицы (Cedrenus, II, р. 392–413) менее детально, но содержит один или два дополнительных факта. Зонара просто вторит ему (III, р. 523–532). Хроника Нестора (р. 53–59) груба и свержпатриотична, но выявляет факты такие, как сдерживающее влияние Ольги. Отличное современное критическое описание войны — Schlumberger. *L'Épopée Byzantine*, T.I, ch. 1–3.

⁶⁷ Хроника Нестора (р. 59–60) сообщает, что греки спровоцировали нападение. Кедрин (II, р. 412) показывает, что противоположность является случаем. Филофей из Евхаиты назван здесь Феофилом из Евхаиты.

⁶⁸ Leo Diaconus, р. 158–159; Cedrenus, II, р. 412–413.

⁶⁹ Leo Diaconus, р. 158–159; Cedrenus, II, р. 412–413. Неизвестно, когда Роман был схвачен и кастрирован. Он появляется в качестве евнуха спустя несколько лет (Cedrenus, II, р. 435), будучи кастрирован паракимоменом Иосифом. Двое детей Бориса были, по-видимому, дочерьми, так как мы не слышим о них более.

⁷⁰ См. выше.

Глава 3. Конец империи

¹ В работах Дринова (Южные славяне и Византия, с. 88), Иричека (*Geschichte*, S. 173, 186, 189) и других историков мы слышим о некоем Шишмане, который был отцом Комитопулов. Факт его существования выводится исключительно из данных «Списка царей Болгарии», вставленного, вероятно, в XVIII в. в «Список Зографа» (см. Златарский. История, Т. 1, 2, с. 638–639). Сведения из главы Пинция (см. Farlati. *Illyricum Sacrum*, T.III, р. 111–112), упоминающие о царе Стефане в 974 г., являются равно подозрительными (Златарский. *Loc. cit.*). Имена Николая и Рипсимэ указаны в документе Самуила (Златарский. История, Т. 1, 2, с. 637) и в девольской рукописи Скилицы епископа Михаила (Prokič. *Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes*, S. 28).

² Cedrenus, II, р. 382.

³ Кедрин (II, р. 434) сообщает, что Комитопулы подняли мятеж после смерти Иоанна Цимисхия. Однако мы знаем, что они были независимыми в 973 г. (см. ниже). Вероятно, вопрос о Западной Болгарии не поднимался, до времени смерти Иоанна болгары стали активной нападающей стороной. Предположение Дринова (Указ. соч., с. 88), что Западная Болгария добилась независимости в 963 г., зависит от признания существования мифического Шишмана и основано на данных Кедрина (II, р. 347), которые явно вырваны из контекста. Тем не менее взгляды Дринова были повторены Иричеком, Шлюмберже и «Cambridge Mediaeval History».

⁴ *Annales Hildesheimenses*, р. 62. Посольство из Константинополя прибыло в тоже самое время.

⁵ Златарский (Указ. соч., с. 640) точно поделил страну между ними. Я полагаю, что это довольно самонадеянно.

⁶ Cedrenus, II, р. 435. Он упоминает смерть Аарона одновременно со смертью Давида и Моисея, хотя в действительности он погиб позже. Легенда об уходе Давида, фигурирующего как святой царь Давид, в монастырь приводится Паисием (История славено-болгарская, с. 33, 63, 66, 70) и в «Stemmatigraphion» Зефаровича (обе книги написаны в XVIII в., но составлены из данных более ранних источников), и она, очевидно, не имеет исторической ценности. См.: Златарский. Указ. соч., с. 646–647.

⁷ О карьере Аарона см. ниже. Что касается Самуила, то, я думаю, он называл себя царем уже во времена бегства Бориса и Романа (см. ниже), но Константинополь никогда не признавал этот титул.

⁸ В списке Болгарских архиепископов, составленном Дюканжем (Op. cit., р. 175), Гавриил-Герман, впервые после 972 г., пребывал в Водене, а затем в Преспе. В указах Василия II о болгарской церкви, цитируемых Гельцером (BZ, Bd. II, S. 44–45), София (Сардика, Триадица или Средица), Воден, Моглен и Преспа фигурируют как места расположения кафедры патриарха. Преемник Гавриила, Филипп, находился согласно списку Дюканжа (Loc. cit.) в Охриде.

⁹ Златарский (Указ. соч., с. 640) называет Софию столицей владений Аарона, но я не думаю, что земля была столь

четко поделена. Я думаю, что столица перемещалась вместе с кафедрой патриарха. К 986 г. (захват Лариссы) столицей Самуила была Преспа (см. ниже; см. также *Diocleae Presbyter*, p. 294). К 1002 г. ею был Охрид (Златарский. История, Т. 1, 2, с. 702–703).

¹⁰ Кедрин (II, p. 435), который сообщает о бегстве братьев и смерти Бориса и объявляет, что о Романе он расскажет ниже (см. p. 455). Яхья Антиохийский (см. Розен. Император Василий Болгаробойца, с. 20–21) вдаётся в подробности истории, говоря, что Роман был провозглашен царем, и продолжает, как если бы Роман вел войну против Василия. Но Яхья, по-видимому, не представлял, что Роман был евнухом, и это обстоятельство должно было помешать ему занять трон. Златарский (Указ. соч., с. 650–660) выводит из данных Яхьи, что Роман был царем, а Комитопулы действовали за него. Однако неизвестно, чтобы мог править евнух; более того, Яхья, писавший по прошествии времени, явно принял Романа за Самуила, особенно относительно его смерти (с. 58), история о которой является крайне запутанной. Я думаю, что Успенский прав в своей рецензии на книгу Розена, что нельзя относиться к сведениям Яхьи слишком серьезно.

¹¹ Кекавмен. Стратегикон, с. 65–66. Это сочинение написано внуком Стратега. Дата определена свидетельством анонимного автора в той же рукописи, чей дед, Никулица, вероятно, отец перебежчика из Лариссы (Там же, с. 96), был стратегом Эллады в 980 г. См. предисловие (с. 4, 7) и отличное описание Шлюмберже (Op. cit., p. 622 ff.).

¹² Cedrenus, II, p. 436.

¹³ Joannes Geometrus. Carmina, p. 960.

¹⁴ Этот эпизод отлично передан Шлюмберже (Op. cit., p. 573 ff.).

¹⁵ О портрете и характере Василия II см.: Psellus. Chronographia, p. 16–19.

¹⁶ Кекавмен в своей переписке с центральным правительством говорит о «восставшем Самуиле» (Стратегикон, с. 65). Согласно Матфею Эдесскому (p. 34), Василий приказал болгарским повстанцам подчиниться в 986 г. Асохик (p. 124–125) выводит причину войны из просьбы болгарского царя о жене

из императорской семьи и замене, которую ему дали. Эта история должна быть полностью легендарной.

¹⁷ Joannes Geometrus. *Carmina*, p. 934. Лев Диакон лично принимал участие в походе, о котором дает живое описание (p. 171–173), хотя он не упоминает о предательстве Контостефана. Историю об этом сообщает Скилица (*Cedrenus*, II, p. 436–438). Отсутствие упоминания же в книге Льва, я думаю, не делает саму историю подозрительной. Василий, определенно, должен был пытаться, чтобы удержать его некогда от своих солдат. Более того, Лев упоминает, что ходил слух, что перевалы находятся в руках болгар. Асохик упоминает о походе, но подробных данных не сообщает.

¹⁸ Василий отбил их в своем походе 1001 г. (см. ниже). Они были, видимо, заняты теперь. Действительно, нападение Василия на Софию, кажется, подразумевает, что Самуил, как известно, обдумывал восточный поход.

¹⁹ Яхья (с. 27) и Иоанн Геометр (*Carmina*, p. 955) оба упоминают об наступательных действиях Самуила на западе примерно в 988–989 гг. Возможно, они особенно относятся к захвату Диррахия, который оставался в руках Самуила до 1005 г. (см. ниже).

²⁰ Иннокентий III (Ер., p. 1112) обращается к Самуилу как к получившему признание папы императору.

²¹ Leo Diaconus, p. 175.

²² Кекавмен. Стратегикон, с. 28–29. Без даты, но, кажется, это должно было быть очень вероятным случаем. Деметрий перебил императорских командиров, купавшихся за крепостными стенами.

²³ Яхья, с. 27.

²⁴ Энкомиум святого Фотия Фессалоникского // Васильевский. Один из византийских сборников, с. 100–101.

²⁵ Яхья, с. 27–28. Скилица (*Cedrenus*, II, p. 447) просто сообщает, что Василий посетил Фессалоники, чтобы осмотреть ее укрепления и помолиться святому Деметрию. Асохик (II, p. 145) относит ко времени, когда была отбита Веррия, и говорит об армянских солдатах.

²⁶ Ибн-ал-Асир (Розен. Указ. соч., с. 246) сообщает, что Василий достиг центральной части Болгарии. Это, по-видимому,

относится к его предыдущему походу против Софии, потом известному как Средец (центр).

²⁷ Cedrenus, II, p. 447.

²⁸ Cedrenus, II, p. 449.

²⁹ Cedrenus, II, p. 449. Веррия была отбита Василием в 991 г. и вновь в 1003 г. Поэтому Самуил должен был захватить ее теперь.

³⁰ Cedrenus, II, p. 449; Nicon Metanoite/ Ed. Lampros, p. 74–75. Этот инцидент должен был случиться в то время, а не в 986 г., как считает Шлюмберже, — единственный случай, когда мы знаем, что Самуил дошел до Коринфского полуострова.

³¹ Кедрин (II, p. 449), Сафа (*Chronique de Galaxidi*) и Шлюмберже (*Op. cit.*, II, p. 139 ff.) помещают здесь историю о болгарском нападении на селение Галаксиди в заливе Лепанто. См. выше.

³² Яхья, с. 34; Cedrenus, II, p. 437. Я не думаю, что сведения Яхьи в отношении болгарских дел заслуживают доверия. Описание Скилицы, вероятно, является более правдоподобным. Мы знаем, что Аарон жил в 986 г. (из рукописи Скилицы епископа Михаила: Prokič, p. 29). Это было наиболее вероятной причиной угрозы для его грекофильской политики, также его смерть могла послужить хорошим источником для истории Яхьи.

³³ Cedrenus, II, p. 530. Василий сохранил эту систему налогообложения.

³⁴ Cedrenus, II, p. 451; Prokič, p. 29.

³⁵ Diocleae Presbyter, p. 294–295. Не датировано, но оно, вероятно, было причиной формальной уступки Василием Адриатики Венеции (Dandolo, p. 227).

³⁶ Diocleae Presbyter, p. 294–295.

³⁷ Cedrenus, II, p. 529; Prokič, p. 31, 36.

³⁸ Cedrenus, II, p. 451–452.

³⁹ У Кедрина (II, p. 452) первый поход датирован 999 г. Однако мы знаем из данных Яхьи (с. 42), который является очень ценным источником по восточным делам, что Василий оставался на Востоке до 1001 г. Поэтому Кедрин отсутствовал дома в течение двух лет из этих четырех.

⁴⁰ Cedrenus, II, p. 452.

⁴¹ Возможно, в январе, так как Видин пал после восьмимесячной осады, вскоре после набега на Адрианополь. Василий, как сообщает нам Пселл, не думал о проведении кампании в разгаре зимы.

⁴² Мы слышим теперь, что он также носил имя Симеона, после своего деда. Однако нет причин подозревать, что он был каким-то другим из детей Петра, нежели евнух Роман.

⁴³ В целом о походе см.: Cedrenus, II, p. 452–456.

⁴⁴ В целом внутренняя история страны в правление Самуила неизвестна в такой мере, что даже такие обобщения можно признать правомочными. Однако кажется, что Самуил никогда не был ни в прошлом, ни в настоящем популярным народным героем, как Симеон, хотя Симеон принес намного больший вред своей стране.

⁴⁵ Cedrenus, II, p. 451. Он сообщает об этом вне этого места, после рассказа о пленении Ашота и браке. О датировке, однако, говорит Луп Протоспафарий, писавший в Бари за морем ((ad ann. 1005) p. 41). Феодор, которого он упоминает как человека, достигшего компромисса, был, несомненно, сыном престарелого Иоанна Хрисилия. Неясно, кто в действительности руководил Диррахием. Кажется невероятным, что Иоанн был подчинен своему иностранному внучатому племяннику, хотя описание Кедрина подразумевает это, просто называя Хрисилия одним из главных магистров, даже в рукописи Скилицы епископа Михаила он является «*πρωτεύων*». Вероятно, он ушел в отставку, так как должен был быть старым.

⁴⁶ Кедрин (II, p. 457) сообщает, что Василий вторглся в страну ежегодно. Матфей Эдесский (p. 37) говорит о торжественном начале Василием долгой войны с болгарами в 1006 г.

⁴⁷ Сообщается в «Жизнеописании святого Никона Метаностского» (Васильевский. Один из византийских сборников, с. 100–101). См.: Златарский. Указ. соч., с. 849–850.

⁴⁸ Cedrenus, II, p. 457, 459. Он насчитал 15 000 пленных; Кекавмен (Стратегикон, с. 18) — 14 000. Михаил Атталиат (p. 229) также упоминает о сражении.

⁴⁹ Cedrenus, II, p. 460.

⁵⁰ Cedrenus, II, p. 458. Дата смерти указана в рукописи епископа Михаила (Prokič, p. 30); Луп Протоспафарий также ссылается на нее ((ad ann. 1015) p. 41).

⁵¹ Cedrenus, II, p. 458–459. Он сообщает, что Гавриил-Радомир был провозглашен 15 сентября, 13 индикта, то есть 15 сентября 1015 г. Однако это должно быть ошибкой для 15 октября, 13 индикта, то есть 15 октября 1014 г. Эта дата соответствует сведениям, что 6 октября умер Самуил, а 24 Василий услышал новости об этих событиях. Данные Кедрина о девушке-рабыне из Лариссы являются неправильными, поскольку, как показывает рукопись Михаила, она была женой Гавриила-Радомира, а не Самуила.

⁵² Cedrenus, II, p. 461–462.

⁵³ Cedrenus, II, p. 459, 462. Петrisk не является Петричем в долине Струмы. Рукопись XV в. из Рила, в «Похвале святого Деметрия», которая дает полное описание смерти, предполагает, что это произошло в Соске (Златарский. Указ. соч., с. 850–852). Без сомнения царь находился в Соске, но охотился в окрестностях селения Петrisk на озере Остров, где произошло убийство. Яхья (с. 58–59) смешивает описание, в котором дает главным действующим лицам имена их отцов. Дата должна приходиться примерно на август 1015 г., так как Гавриил-Радомир правил меньше года.

⁵⁴ Cedrenus, II, p. 469.

⁵⁵ Cedrenus, II, p. 462. Пресвитер Диоклей (p. 295), ссылаясь на убийство, сообщает, что оно было обусловлено интригами Василия. Описание Скилицы, кажется, четко противоречит данным предыдущего автора. Священник, по-видимому, слышал о факте последующих переговоров, тем не менее при болгарском дворе определенно существовала хорошая возможность для предательства.

⁵⁶ Патриарх Давид, который несколько раз фигурирует в сочинении Кедрина (см. ниже), не упомянут в списке Дюканжа, но, почти несомненно, он был тем самым Иоанном, который сменил Филиппа (см. выше). В девольской рукописи епископа Михаила он два раза упомянут под именем Иоанн (Prokič. Op. cit., p. 32, 33; Idem. Jovan Skilitza, p. 146).

⁵⁷ Cedrenus, II, p. 463. Пресвитер Диоклей (р. 295–296) указывает на 22 мая, а год должен быть 1016-й.

⁵⁸ Его положение неизвестно, вероятно, он находился не далеко на север от Кастории.

⁵⁹ Вероятно, они располагались не далеко на север от Кастории.

⁶⁰ Предположительно, вблизи Острова.

⁶¹ «Βεῤῥεῖτε, ὁ Τσαῖσαρ» (досл. «Бежите! Цайсар!»).

⁶² Cedrenus, II, p. 462–468. Мы не знаем, кто был племянником царя.

⁶³ Cedrenus, II, p. 466–467. Пресвитер Диоклей (р. 266) указывает на чудесное вмешательство Владимира.

⁶⁴ Битола названа здесь Пелагонией после названия района, в котором она была главным городом. Другие города, Морвизд и Липлян, были тесно связаны с Битолой.

⁶⁵ Cedrenus, II, p. 470–476.

⁶⁶ Cedrenus, II, p. 477. О монетах Сермона см.: Schlumberger. Op. cit., p. 417.

⁶⁷ Cedrenus, II, p. 476; Lucius, p. 297.

⁶⁸ Cedrenus, II, p. 476.

Эпилог

¹ Урегулированию церковных дел посвящены указы Василия, опубликованные Гельцером (BZ, Bd.1, S. 245 ff.; Bd. 2, S. 2 ff.). Лучшее полное описание реорганизации управления Болгарии при Василии дано Шлюмберже (Егорее Byzantine, T. 2, p. 418–432), где полностью собрана и рассмотрена скудная информация, какой мы располагаем.

² О судьбе потомков Иоанна-Владислава можно узнать из книги Кедрина — о Прусиане (II, p. 469, 483, 487, 497), Алусиане (р. 469, 470, 531), Аароне (р. 469, 573 sq.), Траяне и Радомире (р. 469; Prokič, p. 34), Самуиле-Алусиане (р. 678), жене Романа Куркуаса (р. 483), императрице Катерине (р. 628, 650). Пселл (р. 63–64) считает Алусиана братом, а не сыном Иоанна-Владислава, но мы знаем, что у Владислава не было живых братьев. Вриенний (р. 19) считает Катерину дочерью Самуила, но датировки делают это невероятным, а сочинение Кедрина предоставляет дополнительное доказательство.

См. также: Prokič, p. 36. Вриенний также (p. 106–107) сообщает о браке дочери Траяна Марии, называя Траяна сыном Самуила. Однако Прокич (p. 34) показал, что это неверно. Вриенний, по-видимому, слышал только о Самуиле и ничего о Иоанне-Владиславе. Феодор, сын Аарона, идентифицируется согласно доказательствам, приведенным Скабалоновичем (Византинское государство, с. 198). Атталиат (p. 123) упоминает о Самуиле-Алусиане.

Приложения

¹ Пример необходимости в подтверждающих свидетельствах данных Неизвестного автора приводится в Приложении 7.

² Для двух периодов, для большей части VII в. и вновь для середины VIII в., его датировки не совпадают.

³ Для истории «синоптического» периода я обращаюсь к сочинению Продолжателя Феофана более, чем к другим, так как его описание является более полным. Однако у него присутствуют моменты, где его история приукрашена легендами, и должны использоваться с осторожностью, например о смерти Симеона, где он противоречит описанию Логофета. В таких случаях я ссылаюсь на более старую версию.

⁴ Эти очень важные добавления сведены в таблицу в работе Прокича (*Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes*) и рассмотрены в другой его книге (*Jovan Skilitza*).

⁵ О сочинениях Константина Багрянородного см. комментарии Бури к трактатам «*De Administrando Imperio*» и «*De ceremoniis*».

⁶ Там приводится также неудовлетворительное, но явно значимое упоминание о булгарах в описании разграбления Фессалоники Камениатом.

⁷ Например, его интерес к брачным планам Симеона. См. Приложение 10.

⁸ Розеном, который практически обнаружил его, и Златарским. Успенский и Шлюмберже выражают более умеренный взгляд.

⁹ Сведения о богомилах отрывочно приводятся поздними латинскими авторами, которые писали об альбигойцах; но они не выходят за рамки их кругозора.

¹⁰ Эти славянские агиографические сочинения тщательно отредактированы различными славянскими святыми и рассматривают проблемы, которые в них представлены.

¹¹ О источниках Нестора см. предисловие к работе Леже-ра (*La Chronique dite de Nestor*).

¹² Раскопки в Плиске и большинство из этих надписей в полном виде представлены в томе «Aboba-Pliska», собранные Успенским и Шкорпилом.

¹³ С фотографий обоих манускриптов. Я читаю здесь «ει'», которое должно подразумевать цифру 15, но Бури, Маркварт и Миккола считают, что это цифра «ε'» (5).

¹⁴ Это прочтение является мало сомнительным; после «Dulo» в тексте стоит «Vrekshevi Khtun».

¹⁵ Jireček. *Geschichte*, p. 127 f.; Бури (*Op. cit.*), однако считает изменение ненужным.

¹⁶ Например, Куун (*Relationum Hungarorum*) и Радлоф (*Die Alttürkischen Inschriften*).

¹⁷ BZ, Bd. XIX, p 127 ff.

¹⁸ Marquart. *Die Altbulgarische Ausdrücke*, p. 1 ff.

¹⁹ Миккола. Тюркско-болгарское летосчисление, с. 243 слл.

²⁰ Mikkola. *Die Chronologie der Türkischen Donaubulgaren*, p. 11.

²¹ Златарский. Имали ли са Българити свое литоброени.

²² Златарский. История, Т. 1, 1, с. 353–382, полное обсуждение его точки зрения и аргументов.

²³ Theophanes, p. 667–668.

²⁴ Продолжительность правления Испериха после вторжения.

²⁵ Месяцы вычислены приблизительно, так как месяцы лунного года не совпадают с месяцами солнечного года.

²⁶ Фехер (Годишник национального музея Софии, 1922–1925) провел глубокое изучение греческих свидетельств относительно датировки «Именинника». Но результаты, я думаю, не нуждаются в серьезном изменении датировки, предложенной выше.

²⁷ Златарский. История, Т. 1, 1, с. 40–42.

²⁸ Priscus. *Fragmenta*, p. 587.

²⁹ См. выше.

³⁰ См. выше. Атила, возможно, является уменьшительным от Авита; Охол определенно равен слову «oghul», то есть сын.

³¹ Например, де Твроц.

³² Dvornik. Les Slaves, Byzance et Rome, p. 60–99.

³³ Jireček. Geschichte der Serben, Bd. I, S. 104.

³⁴ Marquart. Die Chronologie, S. 40.

³⁵ Constantine Porphyrogennetus. De Ceremoniis, I, p. 681.

На приеме болгарских послов было правильным спрашивать об их благосостоянии.

³⁶ Constantine Porphyrogennetus. De Administrando Imperio, p. 154. Они были захвачены сербами вместе с наследным князем Владимиром.

³⁷ Я поддерживаю мнение Златарского (см. Кви са били Вътришини и външни боляри, везде).

³⁸ Например, см. Aboba-Pliska, p. 201–202, 190–192. Энравот, брат Маламира, который также звался Воин, мог быть багаином (Theophylact. Historia XV Martyrum, p. 193).

³⁹ См. Aboba-Pliska, 204 ff. Это предположение было выдвинуто Успенским.

⁴⁰ Aboba-Pliska, p. 190–192; Constantine Porphyrogennetus. De Administrando Imperio, p. 158.

⁴¹ Marquart. Die Chronologie, S. 40.

⁴² Marquart. Die Chronologie, S. 41.

⁴³ Aboba-Pliska, p. 199; Bury. Eastern Roman Empire, p. 334.

⁴⁴ Vita S. Clementis, p. 1224; Anastasius Bibliothecarius. Praefatio in Synodum VIII, p. 148; Theophanes Continuatus, p. 413.

⁴⁵ Menander. Fragmenta, p. 53.

⁴⁶ Aboba-Pliska, p. 190, 191.

⁴⁷ Vita S. Clementis, p. 1221.

⁴⁸ «Ταριδῆνα κόμητα», Theophylact. Op. cit., p. 201; болгарский чиновник, противившийся возвращению пленных адрианопольцев, был «κόμης» («комес») округа (Georgius Monachus Continuatus, p. 818); отец Самуила и его братья были «comites» (Cedrenus, II, p. 434), «ἐνός τῶν παρὰ Βουλγάροις μέγα δυνηθέντων κόμητος» («одного из очень влиятельных у болгар комеса»); Болгария была разделена «intra decem

comitatus» («на десять комитий, графств») (Annales Bertiniani, (ad ann. 866) p. 85).

⁴⁹ Theophanes Continuatus, p. 413; Constantine Porphyrogenetus. De Ceremoniis, I, p. 681.

⁵⁰ Aboba-Pliska, p. 230–231, 233.

⁵¹ Theophanes Continuatus, p. 401.

⁵² Cedrenus, II, p. 462.

⁵³ Marquart. Die Chronologie, S. 41.

⁵⁴ Theophanes Continuatus, p. 401, 413; Constantine Porphyrogenetus. De Administrando Imperio, p. 158.

⁵⁵ Златарский. История, Т. 1, 2, с. 421 сл., 475 сл., 523 сл.

⁵⁶ Anastasius Bibliothecarius. Praefatio in Synodum VIII, p. 148.

⁵⁷ См. Златарский. Loc. cit., с. 794–800 (этот вопрос рассматривается в Приложении).

⁵⁸ По-гречески звучит как «ἡ μεγάλη σοῦδα» («великое заграждение») (Cedrenus, II, p. 372), в наше время известно как Эркесия (от тюркского «jerkesen» = ров, борозда).

⁵⁹ Феофан (p. 775) сообщает об одном договоре между Феодосием и Кормисошем (Кормезий). Вероятно, были заключены два договора (см. выше).

⁶⁰ Златарский. История, Т. 1, 1, с. 179 сл., 300.

⁶¹ Aboba-Pliska, p. 568.

⁶² Bury. The Bulgarian Treaty of 814, passim.

⁶³ Существуют два прочтения данного места (начиная с середины четвертой строки):

Бури: ...μέσον τῶν β' [Απολείψειν τὰ πολ]λά γε φρ[ούρια με]σον βαλζηνᾶς κτλ («...Во-вторых: Оставить все сторожевые посты между...» и т. д.).

Златарский: ...μέσον τῶν β' [ποταμῶν ἐπι... μ?]λα γέφ[υρα καὶ με]σον βαλζηνᾶς κτλ («между двух рек у... моста между...» и т. д.).

Но «β'» (2) должно относиться ко второй клаузуле, так как первая, несомненно, вводилась «α'» (1). Златарский вставляет «β'» намного ниже, но отвергать постановку «β'» в прежнем месте было бы слишком глупым. Я также не убежден прочтением «мост» Златарского.

⁶⁴ Hirsch. Byzantinische Studien, S. 125 f.

⁶⁵ Bury. *Eastern Roman Empire*, p. 356 f.

⁶⁶ Златарский. История, Т. 1, 1, с. 425–432, особенно с. 429.

⁶⁷ Определенно, город принадлежал империи, когда о нем упоминают источники в следующий раз, в правление Василия II (Theophanes Continuatus, p. 308).

⁶⁸ См. выше.

⁶⁹ См. выше.

⁷⁰ Bury. *Op. cit.*, p. 481–484; Златарский. Известия, с. 49 сл.; Он же. История, Т. 1, 1, с. 447–457 (ответ на возражения Бури по поводу предположений, высказанных в «Известиях»).

⁷¹ Theophylact. *Historia XV Martyrum*, p. 193, 197.

⁷² Leo Grammaticus, p. 231–232 (Βαλδῖμep); Logothete (славянская версия), p. 101–102 (Владимир).

⁷³ Надпись из Вилезона, см. выше.

⁷⁴ Constantine Porphyrogenetus. *De Administrando Imperio*, p. 154.

⁷⁵ Златарский (*Loc. cit.*) легко показал, что Пресий, более вероятно, читается как Пресиан.

⁷⁶ В настоящее время найдены только три надписи — из Шумлы, посвящения с акведука и в честь Цепы.

⁷⁷ Aboba-Pliska, p. 230 ff..

⁷⁸ Minns. *Saint Cyril really knew Hebrew*, *passim*.

⁷⁹ Snoj. *Staroslovenski Matejev Evangelij*, *passim*.

⁸⁰ Тайлор и Ягич выводят его из греческого курсивного письма; Вессли (*Glagolitisch — Lateinische Studien*) — из латинского курсива. См. ссылки в работах Ягича, «Графика у славян» и «Entstehungsgeschichte». Весия о латинском курсивном письме является неубедительной, а версия о греческом происхождении, как показал Ральфс (*Zur Frage nach der Herkunft*), исторически невероятна.

⁸¹ Обнаружен Грегоровицем в Атосе в 1825 г. В настоящее время считается ничего не стоящим.

⁸² Я поддерживаю объяснение Миннса (*Op. cit.*) — единственное, как кажется, чтобы использовать общий смысл.

⁸³ Брюкнер (*Thesen zur Cyrillo — Methodianischen Frage*, S. 219) выдвинул эту теорию, в определенной мере отрица

миссию Ростислава. Бури (Op. cit., p. 396–399) выражает более умеренные взгляды.

⁸⁴ Сохранилось несколько надписей, написанных глаголицей, но они слишком испорчены, чтобы было возможно их прочесть. Они были вырыты из земли на месте Преслава и Патлеины рядом с кириллическими надписями, но последние намного более многочисленны.

⁸⁵ Eutychius Alexandreus, p. 1151.

⁸⁶ Nicholas Mysticus, Ep. XVI, p. 112.

⁸⁷ Liudprand. Legatio, p. 186.

⁸⁸ Theophanes Continuatus, p. 415.

⁸⁹ Constantine Porphyrogenetus. De Ceremoniis, I, p. 681, 682, 690. Там также указан обряд приема, в котором архонт Болгарии назван духовным сыном императора.

⁹⁰ Bury. The Ceremonial book, p. 226.

⁹¹ Rambaud. L'Empire Grec, p. 340 ff.

⁹² Leo Diaconus, p. 61–63.

⁹³ Leo Diaconus, p. 77–81.

⁹⁴ Cedrenus, II, p. 346.

⁹⁵ Cedrenus, II, p. 372.

БИБЛИОГРАФИЯ

Я не старался указать все современные работы, относящиеся к истории Первого Болгарского царства, но ограничился теми книгами, которые принимал во внимание и считаю интересными и ценными. Дальнейшая библиография дана Златарским (История, Т. 1, 1 и 2) и Дворником (Ор. cit. ниже). Я не мог учитывать работы, изданные начиная с конца 1929 г.

В отношении греческих первоисточников я обращался к изданиям, вышедшим в Бонне в рамках соответствующего корпуса источников как к наиболее легкодоступным. Текст сочинения Феофана дан в редакции де Боора (Лейпциг, 1883), чье издание учитывалось при исследовании всех эпизодов, вызывающих сомнение.

Я использую следующие сокращения:

- БП — Български Приеглед. София, 1894 ff.
ВВ — Византийский временник. Санкт-Петербург, 1894 ff.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург, 1885 ff.
ИАДС — Известия на Археологическо дружество в Софии. София, 1911 ff.
ИБАИ — Известия на Българското археологическое института. София, 1924 ff.
ИИДС — Известия на Историческо дружество в Софии. София, 1907 ff.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Санкт-Петербург, 1897 ff.

- ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе. Константинополь, 1895 ff.
- СБАН — Списания на Българската Академия на науките. София, 1911 ff.
- СВЗ — Сборник в честь на Василия Златарски. София, 1925.
- СНУК — Сборник за народни умотворения и книжнина. София, 1885 ff.
- СЮД — Списания на юридическото Дружество. София, 1901.
- ASP — Archiv für Slavische Philologie. Leipzig, 1879 ff.
- BZ — Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1892 ff.
- CSHB — Corpus Scriptorum Historiae Byzantinorum. Bonn, 1828–1897.
- MGH — Monumenta Germaniae Historica (Ss. = scriptores; a.a.: = auctores antiquissimi), Hanover, 1826 ff.
- MPG — Migne J. P. Patrologia Graeco-Latina, Paris, 1857–1866.
- MPL — Idem. Patrologia Latina, Paris, 1844–1855
- MSHSM — Monumenta Spectantia Historiam Slavorum Meridionalium, Zagreb, 1868 ff.
- RES — Revue des Études Slaves, Paris, 1921 ff.
- SRH — Scriptores Rerum Hungaricarum. Vienna, 1746.

Первоисточники

А. Греческие

- Agathias. Historiae//CSHB.
- Anna Comnena. Alexias//CSHB.
- Attaliates Michael. Historia//CSHB.
- Basil II Emperor. Sigillia ad Archiepiscopum Ochridensem/ Ed. Gelzer//BZ, Bd. II, S. 42–46.
- Cameniatis Joannes. De Excidio Thessalorricae//CSHB.
- Cesaumenus. Strategicon/ Ред. В. Васниевско, В. Ернштедта. СПб., 1896.
- Cedrenus Georgius. Compendium Historiarum//CSHB.
- Chronicon Paschale//CSHB.

- Codinus Georgius. De Officiis//CSHB.
Constantine VII Porphyrogennetus Imperator. De ceremoniis//CSHB.
Idem. De Thematibus et De Administrando Imperio//CSHB.
Ecloga Leonis et Constantini//Ed. Monfereatus. Athens, 1889.
Encomium ad sanctum patrem nostrum Photium Thessalum//Ред. Васильевского//ЖМНП, Т. 248, с. 100–101.
Epistola Synodica Orientalium ad Theophilum Imperatorem//MPG, T. XCV.
Euthymius Zigabenus Patriarcha. Opera//MPG, T. CXXX.
Evagrius. Historia Ecclesiastica//MPG, T. LXXXVI.
Genesius. Historia//CSHB.
Georgius Acropolita. Historia/ Ed. Heisenberg. Leipzig, 1903.
Georgius (Hamartolus) Monachus. Chronicon/ Ed. de Boor. Leipzig, 1904.
Georgius Monachus Continuatus. Chronicon//CSHB.
Ignatius Diaconus. Vita Nicephori// Nicephorus. Opuscula Historica, Приложение.
Joannes Antiochenus. Fragmenta/ Ed. Muller// Fragmenta Historicorum Graecorum, T. IV, Paris, 1885, P. 535–622.
Joannes Geometrus. Carmina//MPG, T. CVI.
Leo Diaconus. Historia//CSHB.
Leo Grammaticus. Historia//CSHB.
Leo VI Sapiens Imperator. Opera//MPG, T. CVII.
Leo Magister, Anthypatus Patricius. Epistolae/ Ed. Sakkelion//Deltion, Vol.I, Athens, 1883, p. 377–410.
Liber de Re Militari//Incerti Scriptoris Byzantini Saeculi X/ Ed. Vari. Leipzig, 1901.
Malalas Joannes. Chronographia//MPG, T. XCVII.
Menander Protector. Fragmenta/ Ed. Dindorf//Historici Graeci Minores, T. II, Leipzig, 1871, P. 1–131.
Menologion Imperatoris Basilii//MPG, T. CXVII.
Miracula Sancti Demetrii Martyris//MPG, T. CXVI.
Nicephorus Patriarcha. Opuscula Historica/ Ed. de Boor. Leipzig, 1870.
Nicetas Acominatus. Chronica//CSHB.
Nicolaus Mysticus Patriarcha. Epistolae//MPG, T. CXI.
Petrus Siculus. Historia Manichaeorum//MPG, T. CIV.

- Photius Patriarcha. Opera // MPG, T. CI — IV.
- Priscus. Fragmenta / Ed. Dindorf // Historici Graeci Minores, T. II, Leipzig, 1870, pp. 275–352.
- Procopius. Opera // CSHB.
- Psellus Michael. Chronographia / Ed. Sathas. London, 1899.
- Romanus I Lecapenus Imperator. Epistolae / Ed. Sakkellion // Deltion, Vol. I, Athens, 1884, pt. 4.
- Scriptor Incertus. De Leone Armenio // CSHB.
- Scylitzes Joannes. Historia, copied in Cedrenus // CSHB.
- Suidas. Lexicon / Ed. Gaisford. Oxford, 1834.
- Symeon Magister (pseudo-Symeon). Chronicon // CSHB.
- Theodorus Studites. Parva Catechesis / Ed. Auvray. Paris, 1891.
- Theodosius Melitenus. Chronographia / Ed. Tafel. München, 1859.
- Theophanes. Chronographia // CSHB. (revised text, ed. de Boor. Leipzig, 1883).
- Theophanes Continuatus. Chronographia // CSHB.
- Theophylactus Archiepiscopus Bulgarus. Historia Martyrii XV Martyrum // MPG, T. CXXVI.
- Theophylactus Patriarcha. Epistola ad Petrum Regem Bulgariae / Ред. Петровского // ИОРЯС, Т. 18, 6 К. 3, с. 361–372.
- Vita S. Euthymii / Ed. de Boor. Berlin, 1888.
- Vita S. Lucae Junioris // MPG, T. III.
- Vita S. Lucae Stylitis / Ed. Vanderstuyf // Patrologia Orientalis, T. XI.
- Vita S. Mariae Novae / Ed. Gedeon // Byzanticon Heortologion. Constantinople, 1899.
- Vita S. Niconis Metanoieite / Ed. Lampros // Neos Hellenomnemon, Vol. III, Athens, 1906, p. 131–223.
- Vita S. Petri Argivi / Ed. Costa. — Luzzi // Novae Patrum Bibliothecae ab Card. Maii, pt. iii, ix.
- Vita Theodoraе Augustae / Ред. Ререля // Analecta Byzantino-Russica. СПб, 1891.
- Zonaras Joannes. Epitome Historiarum // CSHB.
- Zosimus Historia // CSHB.

Б. Латинские

Adrianus II Papa. Epistolae // MPL, T. CXXII.

- Anastasius Bibliothecarius. *Historia de Vitis Romanorum Pontificorum*//MPL, T. CXXVIII.
- Idem. *Praefatio in Synodum VIII*//MPL, T. CXXIX.
- Annales Bertiniani* (pars 2. Prudentii; pars 3. Hincmari)//MGH, Ss., T. I.
- Annales Fuldenses*//MGH, Ss., T. I.
- Annales Hildesheimenses*//MGH, Ss., T. III.
- Annales Laurissenses*//MGH, Ss., T. I.
- Annales Quedlinburgenses*//MGH, Ss., T. III.
- Annales Weissenburgenses*//MGH, Ss., T. III.
- Annalista Saxo. Annales*//MGH, Ss., T. VIII.
- Astronomus. *Vita Hludowici*//MGH, Ss., T. II.
- Cassiodorus. *Variae*//MGH, a.a., T. XII.
- Dandolo. *Chronicum Venetum*//Muratori. *Scriptores Rerum Italicarum*, T. XII.
- Diocleae Presbyter. *De Regno Slavorum*//Lucius. *De Regno Dalmatiae*.
- Einhardus. *Annales*//MGH, Ss., T. I.
- Idem. *Vita Caroli Imperatoris*//MGH, Ss., T. II.
- Ekkehardus. *Chronicon Universale*//MGH, Ss., T. IV.
- Ennodius. *Panegyricus Regi Theodorica*//MGH, a.a., T. VII.
- Fredegarius Scholasticus. *Chronica*//MGH, *Scriptores Rerum Merovingicarum*, T. II.
- Gesta Dagoberti I*//M.G.H., *Scriptores Rerum Merovingicarum*, T. II.
- Herimannus Augiensis. *Chronica*//MGH, Ss., T. IV.
- Innocentius III Papa. *Epistolae*//MPL, T. CCXIV-CCXV.
- Johannes VIII Papa. *Epistolae*//MGH, Ep., T. VII.
- Jordanes. *Romana et Getica*//MGH, a.a., T. V.
- Liudprandus Cremonensis. *Opera*/ Ed. Bekker. Hanover, 1915.
- Lupus Protospatharius. *Chronicon*//Muratori. *Op. cit.*, T. V.
- Manegoldus. *Ad Gebehardum Liber*//MGH, Ss., T. I.
- Marcellinus Comes. *Chronicon*//MGH, a.a., T. XI.
- Monachus Sangallensis. *De Gestis Karoli Imperatoris*//MGH, Ss., T. II.
- Nicolaus I Papa. *Epistolae*//MGH, Ep., T. VI.
- Idem. *Responsa*//Ibid.
- Paulus Diaconus. *Historia Langobardarum*//MPH, *Scriptores Rerum Langobardarum*.

Ranzanus Petrus. Indices//SRH.

Reginonis Chronicon//MGH, Ss., T. I.

Restius Georgius. Chronica Ragusina// MSHSM, Ss., T. II, Zagreb, 1893.

Sigebertus. Chronographia//MPH, Ss., T. VIII.

Stephanus V Papa. Epistolae//MPL, T. CXXIX.

Thwroc Joannes de. Historia//SRH.

В. Восточные

Вартан Великий. Всеобщая история/ Пер. Эмина. СПб., 1864.

Ибн-Фозлан. О булгарах/ Пер. Френа. СПб., 1822.

Яхья Антиохийский. История (до 976 г.)/ Пер. Крачковского и Васильева// Patrologia Orientalis, T.XVIII, Paris, 1924. См. также: Розен. Император Василий Болгаробойца.

Asoghic Stephen. Histoire Universelle/ Trans. Dulauriet et Macler. Paris, 1883.

Al-Makin. Histoire Mahometane/ Trans. Vattier. Paris, 1657.

Eutychius Alexandreus. Annales/ Trans. Pocock//MPG, T. III.

John of Ephesus. Historia Ecclesiastica/ Trans. Schönfelder// Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus, T. II, Munich, 1862. Unedited extracts/ Trans. Nau// Revue de l'Orient Chrétien, T. II, Paris, 1897.

John of Nikiou. Chronique/ Ed. et trans. Zotenberg. Paris, 1883.

Maçoudi. Les Prairies d'Or/ Trans. Barbier de Meynard. Paris, 1861.

Matthew of Edessa. Chronique/ Trans. Dulauriet// Recueil des Historiens des Croisades, Documents Arméniens, T. I, Paris, 1869.

Michael the Syrian. Chronique/ Ttrans. Chabot. Paris, 1899–1910.

Г. Славянские

Григорий Пресвитер. Предисловие к Хронике Малалы// Калайдович. Иоанн Экзарх.

Жития святого Наума Охридского/ Ред. Лаврова// ИОРЯС, Т. 12, 4, 1908.

- Живот Йована Рильског/ Ред. Новакович//Глазник Српског ученог друштва, Кн. XXII, Београд, 1867.
- Именинник болгарских князей. Факсимиле//Златарский. История, Т. 1, 1, с. 379–382.
- Иоанн Экзарх. Шестоднев// Miklosich. Chrestomathia Palaeoslovenica. Vienna, 1861.
- Косьма. Слово Косьмы/ Ред. Попруженко. СПб., 1907.
- Константин болгарский епископ. Проглас// Иванов. Български старини, с. 72–74.
- Нестор. La Chronique dite de Nestor/ Ed. et trans. Leger. Paris, 1884.
- Симеон Логофет. Хроника/ Ред. Срезневского. СПб., 1905.
- Синодик царя Бориса/ Ред. Попруженко. Одесса, 1899.
- Тудор Доксов. Приписка/ Ред. Горского и Неустроева. Москва, 1859.
- Храбр. О писмених//Калайдович. Указ. соч.
- Чудо святого Георгия/ Ред. Лопарева. СПб., 1894.
- Vita Constantini//Pastrnek. Dejiny Slovanskych Apostolu.
- Vita Methodii//Pastrnek. Op.cit.

Современные работы

- Абоба-Плиски: Материалы для болгарских древностей// ИРАИК, Т. 10.
- Анастасьевич Д. Н. Гипотеза о Западной Българской//Глазник Скопског научног друштва, Кн. III, Скопье, 1928.
- Антоний архиепископ. Из истории христианской проповеди. СПб., 1895.
- Баласчев Г. Българите през последните десетгодишнини на десетия век. София, 1929.
- Он же. Клемент Словеньски. София, 1898.
- Он же. Новия данния для истории греко — болгарских бойн при Симеоне//ИРАИК, Т. 4.
- Он же. Отговор на Мутафчиева. София, 1929.
- Благоев Н. Беседата на пресвитер Козма против богомилите// Годишник на Софийския Университет, Кн. XVIII, София, 1905.
- Он же. Крумови закони//СЮД, Кн. IV.

- Он же. Правни и социални възгледи на богомилите. София, 1912.
- Бобчев С. Значението за България на св. Иван Рильски // Годишник на свободния Университет, Кн. I, София, 1922.
- Васильев А. А. Арабски Синаксар о болгарском походе императора Никифора // Новой сборник в чест В. И. Ламанского. СПб., 1905.
- Он же. История Византии. Пг., 1917.
- Он же. Происхождение императора Василия Македонянина // ВВ, Т. 12.
- Он же. Славяне в Греции // ВВ, Т. 5.
- Он же. Византия и арабы. СПб., 1900, 1902.
- Васильевский В. Г. К истории 976–986 гг. // ЖМНП, Т. 184.
- Он же. Хроника Логотета на славянском и греческом // ВВ, Т. 2.
- Он же. О Мнемон славянстве гуннов // ЖМНП, с. 222, 226.
- Он же. Один из греческих сборников Московской Синодальной библиотеки // ЖМНП, Т. 228.
- Он же. Советы и рассказы византийского боярина XI в. // ЖМНП, Т. 112.
- Гилфердинг А. История сербов и болгар. СПб., 1868.
- Голубинский Е. Краткий очерк истории православных церквей. М., 1871.
- Господинов Ю. С. Разкопки в Патлеина. София, 1915.
- Грот К. Я. Константин Багрянородный о сербах и хорватах. СПб., 1882.
- Дринов М. С. Исторически преглед на българската църква. София, 1911.
- Он же. Новый церковнославянский памятник // ЖМНП, Т. 238.
- Он же. Южные славяне и Византия в X в. М., 1875.
- Златарский В. Н. Български архиепископи — патриарси при-ез Первото Царство // ИИДС, Кн. VI.
- Он же. Два известни български надписа // СНУК, Кн. XV.
- Он же. Де се намирал град Девола // ИИДС, Кн. V.
- Он же. История на Българската държава. София, 1918, 1929.
- Он же. Известията за Българите в Хрониката на Симеона Метастапраста // СНУК, Кн. XXIV.

- Он же. Известие на Михаила Сирийски за приеселението на Българите // ИИДС, Кн. IV.
- Он же. Известие на Ибрахим-ибн-Якуба // СБАН, Кн. XXII.
- Он же. Кой е бил Тудор Черноризец Доксов // БП, Кн. III.
- Он же. Кой за били Вътрешни и Външни боляри // Унив. Сборник в чест Бобчев. София, 1921.
- Он же. Към историята на открития в мисленостата Патлеина манастир // ИБАИ, Кн. I.
- Он же. Нови известия за Наи Древния период на Българска история // СНУК, Кн. II.
- Он же. Первый поход Симеона на Константинопол // *Recueil d'Études dédiées a M. Kondakov*. Prague, 1926.
- Он же. Писмата на Николая Мистика до Симеона // СНУК, Кн. X–XII.
- Он же. Писмата на Рамана Лакапина до Симеона // СНУК, Кн. XIII.
- Он же. Послание на Фотия до Бориса в Славяненски превод // БС, Кн V.
- Ильинский Г. А. Грамоты болгарских царей. М., 1911.
- Он же. Кто был черноризец Храбр? // Византийское Обозрение. Т. 3, Юрьев, 1917.
- Иванов И. Аксиос — Велика — Вардар // Македонски Преглед, Кн. I, София, 1925.
- Он же. Богомилски книги и легенди. София, 1925.
- Он же. Български старини из Македония. София, 1908.
- Он же. Произход на цар Самуиловия род // СВЗ.
- Он же. Св. Иван Рилски. София, 1917.
- Калайдович К. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824.
- Хвольсон Д. Известия о хазарах и др. ибн-Дафта. СПб., 1869.
- Кузнецов И. Писмата на Лва Магистра и Романа Лакапина // СБУ, Кн. XVI–XVII.
- Лавров П. А. Нова служба царю бугарском Петру // Южно-словенски филолог, Кн. I, Београд, 1913.
- Лопарев К. М. Две заметки по древней Болгарской истории // ЗРАО, Т. 3.
- Малышевский И. Святые Кирилл и Мефодий. Киев, 1886.
- Миккола Ю. Тюркско-болгарское летосчисление // ИРЯС, Т. 18.

- Милетич Л. Км Самуилотия надпис от 993 год//ИРАИК, Т. 4.
- Милев Н. Куврат от историята и Кувер в чудесита на св. Дмитрия// Българското книжно дружество, Списание, Кн. LXXI.
- Мутафчиев П. Рец. на Баласчев. Българите през последните и др.//Македонски Приеглед, Т. V., Кн. II, София, 1929
- Новакович С. Легенда о Владимиру и Козари. Београд, 1893.
- Полозов С. Н. Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852.
- Панарет архимандрит. Животът на Ивана Ексарха. Станимака, 1914.
- Платонов Н. В. Патриарх Фотия. М., 1891.
- Попов Н. А. Император Лев Мудрый. М., 1892.
- Прокич Б. Йован Скилица. Београд.
- Розен В. П. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883.
- Шкорпил К. Бележки за страта Българска солица Преслав// ИАДС, Кн. IV.
- Он же. Паметници из Българско, I Тракия. София, 1888.
- Он же. Първата българска столица до Абобы. Варна, 1901.
- Он же. Старобългарски паметници//Добруджа. София, 1918.
- Шопов А. Един документ за българската история// СНУК, Кн. II.
- Соболевски А. И. Черковно славянските стихотворения V, IX–X вв.//СНУК, Кн. XVI–XVII.
- Он же. Епископ Константин//СНУК, Кн. XVIII.
- Соколов М. Из древней истории болгар. СПб., 1879.
- Трифонов И. Бесиеда на Козма Пресвитера//СБАН, Кн. XXX.
- Туницкий Н. Л. Святой Климент епископ Словенский. Сергиев Посад, 1913.
- Успенский Ф. И. Надпись царя Симеона//ИРАИК, Т. 4.
- Он же. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне//ИРАИК, Т. 3.
- Он же. Русы — Византия в X в. Одесса, 1888.
- Он же. Староболгарская надпись Омуртага//ИРАИК, Т. 3.
- Фехер Б. Влияние на българската църква в маджарско//СВ, Т. II.
- Ягич В. Графика у славян//Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1911.

- Abicht R. Der Angriff der Bulgaren auf Konstantinopel im J. 896 // ASP, Bd. XVII.
- d'Avril A. Saint-Cyrille et Saint-Méthode. Paris, 1885.
- Banescu N. Bulgarie et Paristrion // Bulletin de la Section Historique de l'Académie Roumaine. Bucarest, 1923.
- Bees N. A. Epidromai Boulgaron epi Tsaron Symeon Hellenikon, Vol. I, Athens, 1928.
- Bobchev S. S. Bulgaria under Tsar Simeon // SR, Vols. VII–VIII, Nos. 21–22.
- Idem. Nachträge zu den Notitiae Episcopatum // Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. XII, XIV, Gotha, 1891.
- De Boor C. Vita Euthymii. Berlin, 1888.
- Idem. Zu Johannes Skylitzes: Weiteres zur Chronik der Skylitzes // BZ, Bd. XIII–XIV.
- Brehier L. Les Missions Chrésiennes chez les Slaves au IX Siècle // Monde Slave, T. IV, Paris, 1927.
- Brooks E. V. The Age of Basil I // BZ, Bd. XXI.
- Idem. The Chronology of Theophanes // BZ, Bd. VIII.
- Brückner A. Thesen zur Cyrillo-Methodianischen Frage // ASP, Bd. XXVIII.
- Bury J. B. History of the Eastern Roman Empire from Arcadius to Irene. London, 1889.
- Idem. History of the Eastern Roman Empire, 802–867. London, 1912.
- Idem. History of the Later Roman Empire. London, 1923.
- Idem. The Bulgarian Treaty of A. D. 814 // English Historical Review, Vol. XXV, 1910.
- Idem. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenetus // English Historical Review, Vol. XXII, 1907.
- Idem. The Chronological Cycle of the Bulgarians // BZ, Bd. XIX.
- Idem. The Treatise De Administrando Imperio // BZ, Bd. XV.
- Cambridge Mediaeval History, Vols. I, II and IV, Cambridge, 1911, 1913, 1923.
- Conybeare F. C. The Key of Truth. Oxford, 1898.
- Diehl C. Choses et Gens de Byzance. Paris, 1926.
- Idem. Figures Byzantines. Paris, 1906.
- Ducange C. du F. Familiae Augustae Byzantinae. Paris, 1680.

- Duchesne L. Les Premiers Temps de l'État Pontifical. Paris, 1911.
- Dümmler L. Über die Aelteste Geschichte der Slawen in Dalmatien. Vienna, 1856.
- Dvornik F. Les Slaves, Byzance et Rome au IX. Siècle. Paris, 1926.
- Farlati D. Illyricum Sacrum. Venice, 1751.
- Feher B. Bulgarisch — Ungarische Beziehungen in dem V—XI Jahrhunderten. Budapest, 1921.
- Ficker G. Die Phundagiagiten. Leipzig, 1908.
- Finlay G. History of Greece. Oxford, 1877
- Gay J. L'Italie Méridionale et l'Empire Byzantin. Paris, 1904.
- Gelzer H. Der Patriarchat von Achrida. Leipzig, 1902.
- Idem. Ungedruckte und Ungenügend Veröffentlichte Texte der Notitiae Episcopatum // BZ, Bd. I—II.
- Gibbon E. Decline and Fall of the Roman Empire / Ed. Bury (with appendices). London, 1909—1914.
- Hergenröther J. Photius, Patriarch von Konstantinopel. Ratisbon, 1867—1869.
- Hirsch F. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876.
- Idem. Kaiser Konstantin VII Porphyrogenetos. Berlin, 1873.
- Howorth H. The Spread of the Slavs. Pt. 4: The Bulgarians // Journal of the Anthropological Institute, Vol. II. London, 1882.
- Hubert H. Observations sur la Chronologie de Théophane // BZ, Bd. VI.
- Jagič V. Cyrillo — Methodiana // ASY, Bd. XXVIII.
- Idem. Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache, 2 Auf., Berlin, 1913.
- Jireček C. Archäologische Fragmente aus Bulgarien // Archäolog. Epigraph., Bd. X, Vienna, Mitteilungen aus Oesten Ungarn, 1888.
- Idem. Das Fürstentum Bulgarien. Prague, 1891.
- Idem. Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel. Prague, 1877.
- Idem. Geschichte der Bulgaren. Prague, 1876.
- Idem. Geschichte der Serben. Gotha, 1911.
- Jorga N. Formes Byzantines et Realites Balkaniques. Paris, 1922.

- Idem. *Le Danube d'Empire*// *Mélanges offerts a G. Schlumberger*. Paris, 1925.
- Idem. *Les Plus Anciens Etats Slavo — Roumains*// *RES*, T. V.
- Krumbacher K. *Geschichte der Byzantinischen Litteratur*. München, 1897.
- Katsarov G. *Die Gesetzgebung des Bulgarischen Fürsten Krum*// *BZ*, Bd. XVI.
- Kuun G. *Relationum Hungarorum cum Oriente Historia Antiquissima*. Claudiopolis, 1897.
- Lampros S. *Historia tes Hellados*. Athens, 1898.
- Laurent J. *Sul Libro II dei Miracula S. Demetrii Martyris*// *Bessarione*, Vol. IV.
- Lavrin J. *The Bogomil Heresy*// *SR*, Vol. VIII, No. 23.
- Léger L. *Cyrille et Methode*. Paris, 1868.
- Idem. *La Bulgarie*. Paris, 1885.
- Idem. *La Littérature Bulgare au Moyen Âge*// *Revue des Cours Littéraires*, T. VI, Paris, 1869.
- Idem. *L'Hérésie des Bogomiles*// *Revue des Questions Historiques*, T. VIII, Paris, 1870.
- von Lingenthal Zachariae K. E. *Beiträge zur Geschichte der Bulgarischen Kirche*. St. Petersburg, 1864.
- L'Quien M. *Oriens Christianus*. Paris, 1740.
- Lombard A. *Constantin V, Empereur des Romains*. Paris, 1902.
- Lucius J. *Re Regno Dalmatiae et Croatiae*. Amsterdam, 1666.
- Lüttich R. *Ungarnzüge in Europa im X Jahrhundert*. Berlin, 1910.
- Marquart J. *Die Altbulgarische Ausdrücke in der Inschrift von Catalar*// *ИРАИК*, T. XV.
- Idem. *Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften*. Leipzig, 1893.
- Idem. *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903.
- Mazon A. *Le Moine Chrabe et Cyrille*// *SVZ*.
- Mikkola J. J. *Die Chronologie der Türkischen Donaubulgaren*// *Journal de la Société Finno — Ongrienne*, T. XXX, Helsingfors, 1914.
- Miklosich F. *Chrestomathia Palaeoslovenica*. Vienna, 1861.

- Miller W. The First Bulgarian Empire// Cambridge Mediaeval History, Vol. IV.
- Minns E. H. Saint Cyril really knew Hebrew// *Mélanges publiés en l' honneur de M. Paul Boyer*. Paris, 1925.
- De Muralt E. *Essai de Chronographie Byzantine*. St. Petersburg, 1855.
- Muratori L. A. *Rerum Italicarum Scriptores*. Milano, 1723–1751.
- Niederle L. *Slovanské Starozitnosti*. Prague, 1906.
- Pastrnek F. *Dejiny Slovanskych Apostolu Cyrilla a Methoda*. Prague, 1902.
- Prokič B. *Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes*. München, 1906.
- Rački F. *Bogomili i Patereni*. Zagreb, 1869–1870.
- Idem. *Documenta Historiae Croaticae Periodum Antiquam Illustrantia*// MSHSM, T. VII, Zagreb, 1877.
- Rambaud A. *L'Empire Grec au Xme Siècle*. Paris, 1870.
- Rapoport S. On the Early Slavs. The Narrative of Ibrahim Ibn Jakub// SR, Vol. VIII, No. 23.
- Rösler R. *Rumänische Studien*. Leipzig, 1871.
- Runciman S. *The Emperor Romanus Lecapenus*. Cambridge, 1929.
- Safarik F. *Slovanské Starozitnosti*. Prague, 1837.
- Schlumberger G. *L'Epopée Byzantine a la Fin du Xme Siècle*. Paris, 1896–1905.
- Idem. *Sigillographie de l'Empire Byzantin*. Paris, 1884.
- Idem. *Un Empereur Byzantin au Xme Siècle*. Paris, 1890.
- Sišić F. *Geschichte der Kroaten*. Zagreb, 1917.
- Idem. *Prirucnik Izvora Hevatske Historije*. Zagreb, 1916.
- Snoj. *Staroslovenski Matejev Evangelij*. Ljubljana, 1922.
- Snopek F. *Die Slavenapostel*. Kremsier, 1918.
- Tafel T. *De Thessalonica ejusque agro*. Berlin, 1839.
- Tougard S. *De l'Histoire Profane dans l'Actes Grecs des Bollandistes*. Paris, 1874.
- Vasiliev A. A. *History of the Byzantine Empire*. Madison, 1928.
- Vogt A. *Basile I, Empereur de Byzance*. Paris, 1908.
- Vondrak V. Zur Frage nach der Herkunft des Glagolitischen Alphabets// ASP, Bd. XVIII–XIX.
- Wessely C. *Glagolitisch-Lateinische Sprache*. Leipzig, 1913.

- Westberg F. Ibrâhîm's Ibn Ja'kûb's Reisebericht über die Slawenlande. St. Petersburg, 1898.
- Zlatarski V. N. Die Bulgarische Zeitrechnung//Journal de la Société Finno-Ongrienne, T. XL, Helsingfors, 1924.
- The Making of Bulgaria//SR, Vol. IV.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть I. Дети гуннов	12
Глава 1. Пять сыновей царя Куврата	12
Глава 2. Варвары на Балканах.	31
Часть II. Великие государства Европы	55
Глава 1. Череп императора	55
Глава 2. Поездка на Запад	79
Глава 3. Торговля душами	105
Часть III. Два орла	139
Глава 1. Император булгар и ромеев	139
Глава 2. Мужи Бога и мужи крови	186
Глава 3. Конец империи	217
Эпилог.	253
Приложения	261
Приложение 1. Первоисточники по ранней истории Болгарии	261
Приложение 2. Именинник болгарских князей	269
Приложение 3. Эрпах и Ирник	277
Приложение 4. Христианство среди славян до IX в.	280

Приложение 5. Булгарские титулы	282
Приложение 6. Великое Заграждение Фракии	287
Приложение 7. Успешный поход императора Льва Армянина	289
Приложение 8. Маламир и Пресий	291
Приложение 9. Кириллица и глаголица.	297
Приложение 10. Императорский план женитьбы Симеона.	299
Приложение 11. Мир 927 г. и титул Петра.	301
Приложение 12. Хронология булгарских войн императора Никифора Фоки	303
Примечания	306
Библиография	364

Стивен Рансимен

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

Научное издание

Главный редактор *Чубарь В. В.*

Ответственный редактор *Трофимов В. Ю.*

Верстка *Харитонов Л. А.*

Корректор *Чебыкина М. В.*

Подписано в печать 30.01.2009. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.

Усл. печ. л. 20,5. Гарнитура «Antiqua». Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 11.

ООО «Издательство „Евразия“»

197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии ООО «ИПК „Бионт“»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86

тел. (812) 322-68-43.

На Балканском полуострове история о минувших днях долго живет в памяти людей. Века турецкого господства прошли как одна ночь, а предшествующие столетия сохранили свои былые страсти, словно они произошли только вчера. На этой земле, где постоянно смешивались племена, где границы редко оставались естественно очерченными, и при это никогда не были постоянными, дух соперничества и горечь поражений неизбежно пропитывали память народа о прошлом. Тем не менее, много событий в балканской истории интересных и достаточно важных, заслуживающих изучения. Такова история Первого Болгарского царства вызывающая неизменный интерес, не только по причине той роли, которую она сыграла в истории Европы, но также из-за собственных характерных особенностей и тех великих мужей, которые являлись ее правителями. Мы представляем вниманию читателей книгу выдающегося исследователя Средиземноморья и Балкан Стивена Рансимена, посвященную этому загадочному периоду болгарской истории.

ISBN 5-80710332-1

9 785807 103321